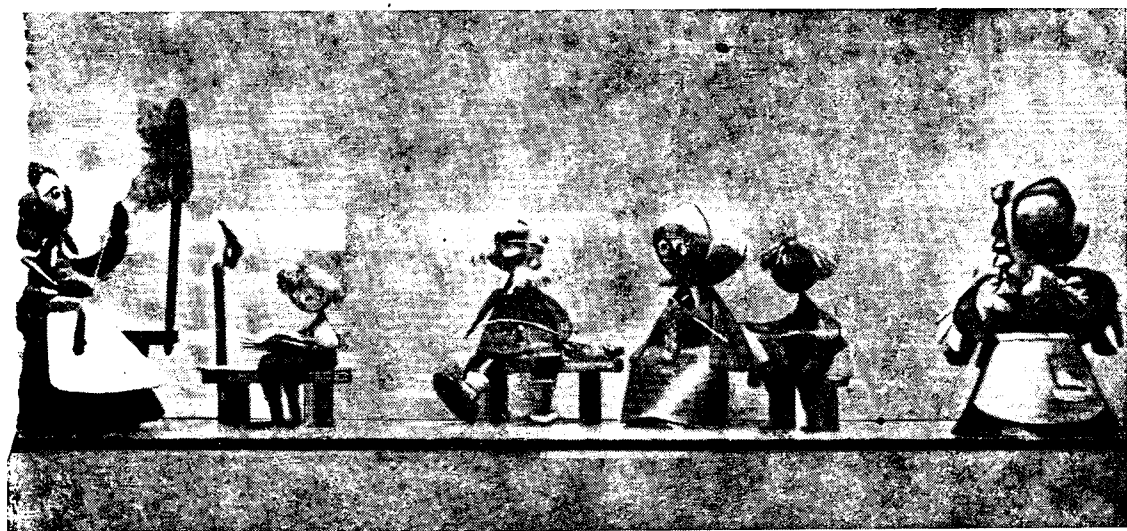

Ольга

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

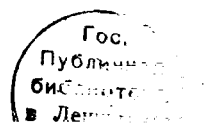
4

Июль — Август

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Ю. Б. Стракач

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОБСЛЕДОВАНИЯ НАРОДОВ ОБЪ-ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА)

Разработка комплексной проблемы развития национальных отношений в СССР включает последовательное изучение конкретных этнических процессов в различных регионах и на всей территории страны. Особого внимания заслуживает аспект, имеющий, на первый взгляд, чисто лингвистическое значение, — современный уровень развития и характер функционального взаимодействия языков народов СССР.

Советский опыт осуществления целенаправленной национальной политики, включающей создание и совершенствование письменностей, содействие развитию литературных языков, разнообразную издательскую деятельность и распространение массовых средств информации, систематические мероприятия по улучшению системы народного образования и подготовки кадров, справедливо заслужил широкое признание во всем мире. Среди важнейших результатов этой политики, разработанной В. И. Лениным и предусматривающей равенство всех языков, необходимо отметить, с одной стороны, обогащение национальных языков и рост их престижа, с другой — значительное по масштабам распространение русского языка как межнационального средства общения советских людей, повышения уровня образования и культуры любого народа СССР.

До недавнего времени изучению этого сложного процесса развития и взаимодействия языков советских народов не уделялось необходимого внимания. Единственным универсальным средством примерного установления соотношения национальных языков в жизни народов СССР были данные Всесоюзных переписей. Эти материалы показывали, что в стране в целом растет численность нерусского населения, считающего родным русский язык. Фактическое же распространение русского языка этим не исчерпывалось, и оно оставалось невыявленным. Между тем точные сведения по этому вопросу крайне важны прежде всего для оптимального использования в общественной сфере родных и русского языков, особенно имея в виду конкретные поло-возрастные, профессиональные и иные группы нерусского населения.

Сведения такого рода, представляя значительный интерес в научно-практическом (прикладном) отношении, важны также для разработки ряда фундаментальных научных проблем, в частности проблемы развития и взаимодействия наций, народностей и этнических групп, составляющих новую межнациональную историческую общность — советский народ. С этой целью в Институте истории, филологии, философии Сибирского отделения АН СССР были задуманы и начаты с 1965 г. социолого-лингвистические обследования¹, освещаемые в нашем дальнейшем изло-

¹ Информацию о данных исследованиях, включая бланк-анкету и инструкцию к ее заполнению, см.: «Известия СО АН СССР», серия обществ. наук, 1967, № 6, стр. 147—148; сб. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967, стр. 29—46, 114—138; «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 156—158.

жении на материалах Обь-Енисейского Севера, или Северо-Запада Сибири².

Опрос нерусского населения Обь-Енисейского Севера проводился в основном в 1966—1968 гг. Во время пробных обследований проверялась методика и сама анкета³. Группа народов обследуемой территории, помимо русских, насчитывала по переписи 1959 г. 71,5 тыс. чел., в том числе около 63 тыс. сельского населения (88,1%)⁴. На территории Обь-Енисейского Севера живут: ханты 19,3 тыс. (17,6 тыс. сельского населения), ненцы — 1,67 (16,2), коми — 7,7 (5,8), манси — 6,3 (5,7), эвенки — 5,3 (5,0), долганы — 3,5 тыс. сельского населения (примерная численность), селькупы — 3,7 (3,4), татары — 6,9 (3,1), якуты — 1,1 тыс. сельского населения (точных данных об их численности нет), кеты — 1,0 (1,0), нганасаны — 0,7 (0,7), энцы — переписью 1959 г. не выделены, по данным обследования — около 0,2 тыс. сельского населения.

Судя по поступившим анкетам, на январь 1969 г. было обследовано в общей сложности свыше 10 тыс. чел. в сельской местности. Из них включено в предварительную разработку: 2160 хантов, 1400 манси, 930 коми, 800 ненцев, 600 долган, 570 селькупов, 550 эвенков, 217 кетов, 152 якута, 122 нганасана, 61 энец, всего 7462 человека.

По нормам, установленным для данного обследования ЦСУ РСФСР⁵, можно считать законченным анкетирование сельского населения у хантов, манси, долган, селькупов. Кроме того, ожидается поступление анкет от ненцев, коми, эвенков, кетов, нганасан, энцев. Единственная компактная группа якутов на оз. Ессей (700 чел.) опрошена, но выполнить установленную норму в данном случае не представилось возможным⁶.

Остается открытым вопрос о городском населении. Хотя его численность и незначительна, такое обследование, бесспорно, интересно для анализа языковых процессов. Весьма важно, что вопрос о включении в обследование городского населения ставили на местах.

Остановимся на некоторых проблемах отбора сельского населения для решения задач, поставленных обследованием. В целях обеспечения надежности выборки и репрезентативности анкетных материалов на предварительной стадии и в ходе самого обследования были собраны и проанализированы статистические данные о численности, национальном составе, поло-возрастной структуре и размещении населения по административным районам и сельским советам рассматриваемой территории Обь-Енисейского Севера.

На этой основе и с учетом данных, полученных нами в ходе полевых исследований, были определены существующие ныне территориальные группы каждого народа. Критериями для выделения таких этно-территориальных групп служили: природные условия и хозяйственные занятия населения, этническое окружение и контакты с культурными центрами, данные истории о формировании каждого народа. В результате для анкетирования отобран 21 административный район (из 27), а в этих райо-

² Это понятие включает территории Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Эвенкийского, Таймырского нац. округов, севера Томской области, Красноярского края, Иркутской области. Подробнее см.: Ю. Б. Стракач, К проблеме локализации культуры (опыт анализа историко-этнографической области), «Известия СО АН СССР, серия обществ. наук», 1968, № 1.

³ На данной территории, помимо автора, осуществлявшего также общее руководство работами, в анкетировании принимали участие Л. М. Бродская, Е. И. Дергачева-Скоп, А. И. Кузьмина, Я. Н. Попова, А. И. Сайнахова, студенты Новосибирского университета — историки и филологи, а также группа анкетеров из местного населения.

⁴ Здесь и далее, если это специально не оговорено, данные приводятся по книге: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», М., 1963, стр. 300, 302, 308, 310, 312, 314, 326, 328, 332, 364, 366, 376, 378, 382. В подсчеты, произведенные автором, включены данные местных статистических управлений.

⁵ См. «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 156.

⁶ Отметим, что анкетирование якутов проходило в основном на территории Якутской АССР, откуда поступает необходимый материал, нами не рассматриваемый.

нах — 50 сельских советов (из 200, имеющихся на территории Обь-Енисейского Севера). В намеченных сельских советах анкетеры стремились, согласно инструкции, опросить все население.

При этом встретился ряд трудностей, которые должны быть учтены и при оценке представительности собранных анкетных материалов, и при проведении дальнейших подобных обследований массового характера на данной территории.

Некоторые объективные трудности связаны с характером расселения и особенностями хозяйственной деятельности населения. Так как значительная часть работающих занята в отраслях промыслово-сельскохозяйственного производства и лишь время от времени находится в населенных пунктах, сроки обследования были растянуты. Наименее удобное летнее время, когда отмечается высокая подвижность населения. В зимнее же время из состава семей выбывает значительное число учащейся молодежи, ответы которой весьма существенны в данном обследовании. И все же самым удачным временем для рассматриваемой территории в целом следует признать период со второй половины декабря до начала февраля⁷.

К трудностям объективного характера следует отнести и некоторые недоработки анкеты. Так, уже во время работы с окончательным вариантом, принятым в 1967 г. (ему предшествовало две редакции), пришлось снять вопрос о причинах, по которым опрашиваемый отдает предпочтение в своих оценках тому или иному языку обучения⁸. Но и оставшиеся 19 вопросов еще могут быть доработаны с учетом проведенного обследования (см. табл. 1).

Первая группа вопросов (1—8) выясняет сведения общедемографического характера. Возможные ответы на вопросы однозначны и не вызывают особых затруднений ни в процессе опроса, ни при кодировке. Лишь в нескольких случаях опрашиваемые неправильно поняли формулировку первого вопроса об отношении к главе семьи (вместо характера родственных отношений — качественная их оценка). По-видимому, более точной была бы такая формулировка: «Ваше положение в семье (глава или родственное отношение к главе)». При этом в бланк-анкете, в ее вертикальных строках, рассчитанных на каждого члена семьи, следовало бы указать не только главу, как это сделано сейчас, но и некоторых других родственников: его супруг(а), их дети, прочие члены семьи⁹.

Только для первой группы вопросов следует сохранить возможность замещенных ответов, причем во всех случаях одинаково — за отсутствующих членов семьи, детей до семи лет включительно и лиц, страдающих дефектами речи, слуха, психики. Это устранил разнвариантность числа опрошенных по тем или иным вопросам. Особо следует подчеркнуть необходимость исключения замещенных ответов на вопрос 9 (о родном языке опрашиваемого), ибо этот вопрос в известной мере определяет все последующие и, на наш взгляд, должен быть строго персонифицирован.

Во второй группе вопросов (9—16) предусмотрена информация, которая раскрывает конкретные языковые ситуации опрашиваемого в данной семье, в данной местности под действием совокупности объективных факторов. Ценность этих сведений, несмотря на субъективность ответов, состоит как раз в том, что индивидуальные оценки, сами по себе также

⁷ На наш взгляд, перенесение переписей на более ранние сроки ошибочно для данных районов. Лучше было бы переносить их на январь — начало февраля. Для задач подобных исследований необходим дополнительный опрос учащихся, живущих в интернатах, по индивидуальным анкетам.

⁸ Правильнее было бы сохранить вопрос такого рода в свободной части анкеты.

⁹ Для глав семей целесообразно предусмотреть возрастной минимум, например 18 лет, когда юридически разрешено заключение брака. При отсутствии в данной семье одного или нескольких членов, предусмотренных для опроса, целесообразно отметки: нет.

Вопросы анкеты, по которым проводилось обследование

Предлагаемые варианты вопросов анкеты

1. Отношение к главе семьи
2. Национальность
3. Пол
4. Возраст (сколько исполнилось лет)
5. Образование
6. Место работы или учебы
7. Занятие (кем работаете)
8. Сколько лет живете в этой местности

- I. Положение в семье (глава или родственное отношение к главе)
- II. Национальность
- III. Пол
- IV. Сколько полных лет исполнилось (исполняется) в данном календарном году
- V. Сколько полных лет живете в данной местности (включая временные выезды)
- VI. Место рождения (указывается населенный пункт или название местности и принадлежность к области, краю по современному административно-территориальному делению)
- VII. На каком языке начали говорить в детские годы (до 8 лет)
- VIII. Образование (специальное — высшее или среднее, указать также профиль; общеобразовательное; не учился; если образование не закончено, указать число оконченных классов, курсов)
- IX. На каком языке начали обучение (включая краткосрочные занятия, самообучение и пр.)
- X. Основная профессия
- XI. Кем работаете в настоящее время (не считая отпуск, временную нетрудоспособность, перемену работы и пр.)

Замещенные ответы на последующие вопросы исключаются; в оставшейся части вертикальной строки соответственно указать: отсутствует, моложе 8 лет, болен

9. Родной язык
10. На каких еще языках народов СССР можете:
 - а) понимать, что говорят другие
 - б) разговаривать
 - в) читать и писать
11. На каком языке (языках):
 - а) говорили до поступления в школу
 - б) начали обучаться в школе
12. На каком языке (языках) обычно говорите:
 - а) в семье с детьми-дошкольниками
 - б) в семье с детьми-школьниками
 - в) в семье со взрослыми
 - г) на работе, в школе, в детском саду
 - д) в прочих случаях с людьми своей национальности
 - е) в прочих случаях с людьми других национальностей
13. На каком языке (языках) понятнее:
 - а) читать книги, газеты, объявления
 - б) слушать лекции, доклады, беседы, радио, телепередачи
 - в) слушать концерты, спектакли
14. Нужны ли пояснения на родном языке к кинофильмам

- XII. Считаете ли родным язык своей национальности (да, нет)
- XIII. На каких языках народов СССР можете объясняться (понимать и говорить)
- XIV. На каком языке преимущественно говорят (говорили) родители:
 - а) отец
 - б) мать
- XV. На каком языке преимущественно говорите в семье с детьми
 - а) дошкольниками
 - б) школьниками
- XVI. На каких языках обычно говорите:
 - а) в семье
 - б) на производстве
 - в) в прочих случаях

Вопросы анкеты, по которым проводилось обследование

Предлагаемые варианты вопросов анкеты

15. На каком языке легче, удобнее выступать на собраниях, в кружках, на пионерских сборах и т. п.
16. На каком языке (языках) обычно пишете или диктуете письма:
- людям своей национальности
 - людям других национальностей
17. На каком языке (языках) следует говорить с детьми в детских садах и яслях
18. На каком языке лучше обучать детей:
- на первом году обучения
 - в начальной школе
 - в остальных классах средней школы
19. Считаете ли нужным, чтобы учащиеся изучали родной язык как предмет:
- в школе
 - в средних специальных учебных заведениях

- XVII. На каком языке предпочитаете:
- слушать устную речь
 - публично выступать
 - читать
 - писать
- XVIII. Считаете ли нужным начинать обучение (в одном случае указать да, в других — нет):
- только на языке своей национальности
 - на языке своей национальности в сочетании с русским
 - только на русском языке
- XIX. До какого класса включительно (указать число классов) считаете желательным:
- учить (учиться) в школе на языке своей национальности
 - преподавать (изучать) в школе язык своей национальности как предмет

Что Вы хотите добавить к своим ответам? Может быть, у Вас есть какие-нибудь пожелания в отношении издания книг и газет на родном языке, культурно-просветительной работы, обучения в школе?

Если на языке Вашей национальности издается литература, хотелось бы знать, понятна ли она для Вас? Почему Вы отдаете предпочтение тому или иному языку при обучении. По личному желанию главы семьи можно указать его фамилию, имя и отчество.

представляющие интерес, могут быть сопоставлены с другими данными и приобрести объективный характер уже в откорректированном виде.

Общее замечание, которое можно сделать по данной группе, состоит в том, что большинство вопросов содержит подвопросы (фактически вместо 8—19). Это усложняет восприятие и утомляет опрашиваемого. К тому же, за исключением вопроса 14 о доступности языка кино, в этой группе предполагаются не однозначные ответы, т. е. могут быть названы два и более языков. Формулировки вопросов не всегда точны и удобны для опроса.

Вопросы 9 и 10 о родном языке и других языках, которыми владеет опрашиваемый, рассчитаны на получение исходной информации. Поэтому они должны быть сформулированы особенно четко. Между тем принятое инструкцией объяснение, что считать родным языком, не исчерпывает всех вариантов. В ходе обследования были выявлены по крайней мере, три варианта понимания родного языка: а) язык родителей, б) язык окружения, в) язык, которым лучше (свободнее) владеет опрашиваемый. При этом опрашиваемые далеко не всегда принимали третий вариант, предусмотренный инструкцией. Другими словами, мы не исключаем возможности неадекватности содержащейся информации в ответах на вопрос 9.

Вместо вопроса о родном языке было бы правильнее спрашивать: «Считаете ли родным язык своей национальности (да, нет). На каких

языках народов СССР можете объясняться (понимать и говорить)». В этом случае ответы содержали бы информацию о фактическом знании всех языков, включая и родной, тогда как принятая формулировка не дает нам исходной информации о фактическом знании языка, названного в качестве родного¹⁰.

Вопросы 11 а, б о первоначальном языке опрашиваемого и языке, на котором он начинал обучение, также требуют уточнения, поскольку определенная часть населения не училась совсем или училась не в школе (самоучки и пр.). По характеру информации эти вопросы могут рассматриваться вместе с двумя предыдущими, хотя скорее они относятся к категории тех объективных данных, которые определяют языковую ситуацию в каждом конкретном случае. Поэтому было бы целесообразнее перенести их в первую группу. Опыт проведенных обследований показывает, что в целях получения более полной картины полезно восстановить вопрос одного из первых вариантов анкеты о языке, на котором говорят (говорили) родители опрашиваемого.

Не останавливаясь подробно на остальных вопросах второй группы (12—16), непосредственно направленных на выяснение различных языковых ситуаций (в которых и проявляется истинное соотношение функций родных и русского языков у народов Обь-Енисейского Севера), подчеркнем лишь необходимость более строгого отбора самих ситуаций и предпочтительность однозначных ответов (да, нет).

Повышение точности информации во второй группе особенно важно для анализа вопросов третьей группы (17—19), направленных на выяснение общественного мнения о желательности и формах использования того или иного языка при воспитании и обучении подрастающего поколения (дошкольное учреждение, школа, среднее специальное учебное заведение)¹¹. Здесь фактор субъективности усиливается, но при надежности всей остальной информации может быть соответствующим образом скорректирован. Прямое обращение к общественному мнению по этим вопросам, предпринятое впервые, имеет тем большее значение, что в ближайшие годы предстоит переход ко всеобщему среднему образованию. В частности, приобретает особую актуальность отношение населения к проблеме использования родных и русского языков при обучении молодежи.

По существу вопросов третьей группы у нас есть следующие замечания:

В вопросах 17 и 18 а следовало бы более четко зафиксировать три ситуации, когда опрашиваемый отдает предпочтение: а) только языку своей национальности, б) языку национальности в сочетании с русским, в) только русскому языку. Для вопросов 18 б, в и 19 а предпочтительна, на наш взгляд, такая формулировка: «До какого класса включительно считаете желательным: а) учить (учиться) в школе на языке своей национальности, б) преподавать (изучать) в школе язык своей национальности как предмет»¹². Это позволит распространить вопрос на учащихся.

Таковы основные объективные трудности, с которыми пришлось встретиться во время обследования, и возможные пути их устранения в будущем. Если говорить о субъективных трудностях, то такой опасности при самооценках опрашиваемого мы уже уделили внимание. Следует, кроме того, иметь в виду конформирующее влияние на ответы опра-

¹⁰ В нашем варианте снят вопрос 10 в о грамотности на том или ином языке. Информация такого рода содержится в ответах на вопросы 5, 11, б, 13 а, 16 а, б.

¹¹ Ввиду малочисленности любого из сибирских народов вопрос об использовании того или иного языка в высшем учебном заведении был исключен на стадии разработки анкеты.

¹² Вопрос 19 б о преподавании родного языка как предмета в среднем специальном учебном заведении при наличии остальной информации представляется нам излишним.

шиваемого мнения других членов семьи и позиций самого анкетера¹³. Полагаем, что не следует стремиться, как того требует инструкция, собирать одновременно всю семью для опроса. Кроме того, не лишними были бы специальные тестовые отборы анкетеров, хотя вряд ли возможно полное преодоление влияния их личных оценок на ответы опрашиваемых.

В целом же можно говорить о достаточной достоверности и репрезентативности материалов социолого-лингвистического обследования, выводы которого отражают разнообразие местных условий на обширной территории Обь-Енисейского Севера и могут быть распространены на каждую этническую группу, представленную этими материалами.

Переходя к характеристике некоторых результатов предварительной ручной обработки поступивших материалов, следует подчеркнуть, что эти результаты отражают лишь самые общие, усредненные языковые ситуации каждого народа в отдельности. Основная проблема, как это будет показано, состоит в том, чтобы, используя преимущества обработки массовой информации на ЭВМ, получить не только исчерпывающую картину современной языковой жизни и тенденций ее развития на ближайшие десятилетия, но также максимально использовать полученные данные для анализа этнических процессов.

Как уже отмечалось, большой интерес для задач собственно лингвистических представляет исходная информация, содержащаяся в ответах на вопросы 9 и 10. В табл. 2 разработка вопроса о родном языке приведена в сопоставлении с аналогичными данными переписи 1959 г. У четырех народов (хантов, коми, манси, кетов) данные переписи 1959 г. ниже данных 1967—1968 гг.; по четырем народам таких сопоставимых данных просто нет; у ненцев не вошли в разработку материалы, представляющие наиболее изолированные этно-территориальные группы; и только в отношении селькупов и нганасан можно сделать вывод о снижении доли лиц, считающих родным язык своей национальности.

Данные табл. 2 интересны и тем, что свидетельствуют о различиях, порой существенных, в ответах представителей однонациональных семей и семей, смешанных в национальном отношении. Так, максимум считающих родным язык своей национальности в семьях однонациональных — у долган (99,9%), в семьях смешанных — у кетов (89,0%); соответственно минимум — у селькупов (55,0%) и ненцев (33,0%), что находит аналогии и в соотношении семей двух типов. На этом мы остановимся подробнее.

Показательны также данные табл. 3 о двуязычии и знании русского языка народами Обь-Енисейского Севера. Как видно, минимум двуязычия характерен для селькупов и составляет в однонациональных семьях 62,0%, в смешанных семьях — 49,0%; максимум достигает соответственно 97,0% (коми) и 100% (эвенки, якуты). Ведущее место при двуязычии принадлежит русскому языку: минимум по группам семей равен 80,0% у нганасан (в однонациональных семьях) и 69,0% у селькупов (в смешанных семьях), а максимум — 99—100% у ненцев, эвенков, кетов, энцев (в однонациональных семьях) и 100% у кетов, нганасан и энцев (в смешанных семьях).

Эти данные позволяют установить обратную зависимость между удельным весом двуязычия и долей лиц, признающих родным русский язык, что наиболее четко прослеживается у селькупов. У них даже при высоком уровне двуязычия с русским языком не обязателен отказ от признания родным языка своей национальности.

У ряда народов и их этно-территориальных групп обследование зафиксировало довольно значительное признание родными иных, кроме

¹³ В одном из предварительных вариантов обследования рассматривался вопрос о заполнении анкет самими опрашиваемыми. Однако от этого пришлось отказаться, имея в виду недостаточный уровень образованности и грамотности части сельского населения.

Таблица 2

Считают родным язык своей национальности (% ко всему сельскому населению и включенному в разработку)

Народ	Данные переписи 1959 г.	Данные результатов предварительной разработки материалов 1967—1968 гг.		
		в целом	семьи однонациональные	семьи смешанные
Ханты	80,1	86,5	93,5	52,0
Ненцы сибирские	94,7	76,6	85,0	33,0
Коми северо-западные	86,2	95,3	97,5	88,5
Манси	61,4	82,2	93,5	46,0
Эвенки северо-западные	Данных нет	91,6	93,0	83,5
Долганы	Данных нет	98,2	99,9	88,0
Селькупы	55,9	46,1	55,0	34,0
Якуты северо-западные	Данных нет	92,6	95,0	77,5
Кеты	80,0	93,7	95,0	89,0
Нганасаны	100,0	96,1	97,5	50,0
Энцы	Данных нет	55,7	60,0	56,5

Таблица 3

• Двужычие и знание русского языка (% к опрошенному населению) по результатам предварительной разработки материалов 1967—1968 гг.

Народ	Знают два и более языка		Из них			
			Знают русский язык		Считают родным русский язык	
	однациональные семьи	смешанные семьи	однациональные семьи	смешанные семьи	однациональные семьи	смешанные семьи
Ханты	89,0	60,0	97,0	82,0	5,0	45,0
Ненцы сибирские	89,0	89,0	99,5	92,0	1,0	13,0
Коми северо-западные	97,0	88,0	97,0	97,0	2,0	10,0
Манси	78,0	51,0	96,5	77,0	6,0	53,0
Эвенки северо-западные	80,0	100,0	99,0	98,5	5,0	15,0
Долганы	72,0	92,0	93,5	87,0	0,0	8,0
Селькупы	62,0	49,0	84,0	69,0	44,0	63,0
Якуты северо-западные	86,0	100,0	86,0	77,0	0,0	0,0
Кеты	95,0	93,0	99,5	100,0	3,0	0,0
Нганасаны	75,0	100,0	80,0	100,0	0,0	0,0
Энцы	96,0	95,0	100,0	100,0	0,0	0,0

Таблица 4

Общественное мнение в отношении использования родных языков при воспитании и обучении подрастающего поколения (% к опрошенному сельскому населению) по результатам предварительной разработки материалов 1967—1968 гг.

Народ	За использование родного языка до школы		За обучение на родном языке на первом году		За преподавание родного языка как предмета	
	однациональные семьи	смешанные семьи	однациональные семьи	смешанные семьи	однациональные семьи	смешанные семьи
Ханты	21,5	13,5	28,0	13,5	50,5	37,5
Ненцы сибирские	16,0	6,0	16,6	10,5	32,5	42,0
Коми северо-западные	5,0	5,5	22,0	5,5	30,0	25,0
Манси	21,5	14,5	22,0	12,0	34,5	31,0
Эвенки северо-западные	53,0	33,0	46,0	30,0	77,0	63,0
Долганы	49,5	52,0	49,0	42,0	87,5	86,0
Селькупы	12,0	10,0	18,5	12,0	33,0	35,0
Якуты северо-западные	78,0	46,0	76,0	41,0	84,5	86,5
Кеты	50,5	44,5	39,5	41,0	55,0	48,0
Нганасаны	13,0	0,00	12,5	50,0	59,0	100,0
Энцы	37,0	10,5	0,00	10,0	37,0	23,0

русского, языков. Это особенно заметно в семьях, смешанных в национальном отношении. Так, у энцев 43,5% опрошенных признали родным язык ненцев; у энцев 36,5% — язык коми, 8,0% — язык хантов, 6,5% — язык манси, 1,0% — язык эвенков; у якутов 13,5% — язык долган, 9,0% — язык эвенков; у кетов 7,5% — язык эвенков; у эвенков 1,5% — язык якутов; у селькупов 1,5% — язык кетов; у коми 1,5% — язык манси и т. д. В семьях однонациональных это также имеет место, хотя выражено слабее: у энцев 40,0% опрошенных признали родным язык ненцев; у ненцев 13,5% — язык коми; у эвенков 1,0% — язык якутов; у кетов 1,0% — язык эвенков и т. д.

В плане анализа этнических процессов наиболее интересен факт совпадения в каждой группе семей энцев максимума признавших родным ненецкий язык. Это служит важным аргументом в выдвинутом нами тезисе о завершающемся процессе ассимиляции энцев ненцами¹⁴.

Как мы видели, по данным исходной информации, содержащейся в ответах на вопросы 9 и 10, в целом у народов Обь-Енисейского Севера фиксируется ведущая роль родных языков, хотя они и сочетаются в том или ином варианте с русским и другими языками. Об этом же свидетельствуют данные предварительной разработки ответов на последующие вопросы (12—16), причем в семейно-бытовой сфере родным языкам отдали предпочтение до двух третей опрошенных, в общественной сфере — до половины.

В свете этого заслуживают внимания и данные табл. 4 об отношении опрошенных к использованию родных языков при воспитании и обучении подрастающего поколения (вопросы 17—19). Как видно, каждый из трех рассмотренных случаев оценивается весьма различно. Можно лишь констатировать некоторое преобладание положительных ответов на вопрос о целесообразности преподавания родного языка как предмета (максимум достигает 87,5% у долган — в однонациональных семьях и 86,5% у якутов — в смешанных; минимум — соответственно 30,0 у коми и 23,0% у энцев)¹⁵. Несколько ниже положительные оценки использования родного языка в дошкольных учреждениях (от 78,0 у якутов — в однонациональных семьях и 52,0% у долган в смешанных семьях и на первом году обучения (от 76,0 у якутов — в однонациональных семьях и 42,0% у долган — в смешанных семьях до соответственно 0,00 у энцев и 5,5% у коми).

При анализе информации, содержащейся в ответах на эти вопросы, необходимо принять во внимание значительную у отдельных народов и их этно-территориальных групп долю воздержавшихся от ответа (до 37,0% в смешанных семьях у кетов). Как это нередко объясняли сами опрашиваемые, они не хотели дать определенный ответ только потому, что, сознавая сложность поставленного вопроса, не были уверены в обоснованности своей оценки. Чаще всего это был бы ответ в пользу родного языка. Однако за редким исключением, все опрашиваемые, в том числе и те, кто высказался за родной язык, осознавали необходимость освоения русского языка. Об этом, в частности, свидетельствуют ответы на свободные вопросы анкеты (сверх 19 вопросов).

Показательно, что в вопросе о перспективах использования в общественной сфере родных языков и целесообразности данного обследования зафиксировано только одно отрицательное суждение в смешанной селькупско-эвенкийской семье (анкета № 568). Во всех остальных свободных ответах высказывается мнение о необходимости более широкого, чем в настоящее время, использования, наряду с русским, родных языков. Нередко назывались и объективные трудности на этом пути: отсут-

¹⁴ Ю. Б. Стракач, Некоторые проблемы этнической истории Обь-Енисейского Севера на современном этапе. Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969, стр. 160.

¹⁵ Данные о смешанных семьях у нганасан не принимаются в расчет, так как получены при разработке ответов только двух человек.

ствие письменности или существенность различий в диалектах, недостаток учебных пособий по родным языкам или их несовершенство.

Опыт предварительной обработки материалов вручную свидетельствует о необходимости особенно тщательно, с учетом всей совокупности факторов, оказывающих влияние на языковую жизнь, подготовить полученную информацию для разработки на ЭВМ.

Выше уже отмечалось, что ответы на вопросы анкеты зависят от того, к какой семье относится опрашиваемый — однонациональной или смешанной. По разработанным материалам, на долю последних приходится в целом 22% семей, в том числе у энцев — 59%, селькупов — 48%, коми и манси — по 26%, хантов — около 22%; а меньше всего у нганасан — три с лишним процента. При последующей группировке семей по этому признаку необходимо углубить анализ, выделив случаи, когда один из членов семьи относится к какой-то другой родственной (по языку) национальности, русской или (неродственной) сибирской и, наконец, несибирской национальности.

В этой связи остановимся и на группировках по национальности и языку (вопросы 2 и 9), которые следует расположить по признаку территориальному (сибирские, включая русских, и несибирские), а также по принадлежности к языковым группам (тюркские, монгольские, тунгусские, финно-угорские, самодийские, палеоазиатские и изолированные, славянские, все прочие). Для остальных вопросов, в которых предусмотрены ответы о языке, в том числе неоднозначные (10—13, 15—18), необходима разбивка на следующие группы: один язык, совпадающий с национальностью; один язык, не совпадающий с национальностью (родственный, русский или иной неродственный, несибирский); два и более языка, из которых один совпадает с национальностью; два и более языка, из которых ни один не совпадает с национальностью (родственный, русский или иной неродственный, несибирский). Столь детализированная группировка нужна для того, чтобы выяснить зависимость языковых контактов от принадлежности к той или иной языковой группе¹⁶.

Рассмотренные группировки важны, в первую очередь, для задач собственно лингвистических, но это позволит решать на тех же материалах и другие исследовательские проблемы. Так, указанное выше подразделение семей позволит выявить направления семейно-родственного смешения, что существенно для анализа современных этнических процессов. В этой же связи следует рассматривать и группировки семей по структуре (одиночки; брачные пары; семьи, включающие разные категории родственников и представителей нескольких поколений).

Для решения общедемографических и этнографических задач целесообразны более подробные, чем это потребовалось бы для задач собственно лингвистических, группировки по возрасту, времени проживания, образованию, профессии. Так, поскольку предполагалось обследовать сельское население и народы Сибири (что заведомо связано с отсутствием ряда специальностей), был сокращен общепринятый в статистике список профессий, но при этом было предусмотрено получение информации, необходимой для задач общедемографического и этнографического характера.

Возможности более широкого анализа материалов социолого-лингвистического обследования, обусловленные самим характером информации, способами ее кодирования и группировки, содержатся и в постановке задач для ЭВМ. Если выяснение языковой ситуации, сложившейся в той или иной поло-возрастной группе в зависимости от каких-то причин, составляет задачу собственно лингвистическую, то установление обратных

¹⁶ Предварительно можно заметить, что принадлежность к далеким и совсем неродственным языковым общностям не служит препятствием при установлении разного рода этнических контактов, в том числе и взаимобрачных, но при этом резко возрастает роль русского языка как универсального средства общения.

связей (например, зависимость уровня образования от той или иной языковой ситуации) имеет прямое отношение к проблематике этнографической и социологической, т. е. этносоциологической.

Все это требует особенно строгой фиксации тех объективных условий, в которых складывается конкретная языковая ситуация, выявленная ответами на основные вопросы анкеты. В первую очередь, необходимы группировки населенных пунктов, где проходило обследование, по их расположению и характеру контактов с другими населенными пунктами (пункты магистральные и периферийные; регулярные и нерегулярные), по численности населения (до 100, 101—500, 501—1000, более 1000 человек), по соотношению этнических групп (обследуемый народ преобладает, примерно равен по численности с другими группами, составляет меньшинство), по фактическому использованию родных и русского языков в общественной сфере (дошкольные учреждения и школы, клубы, местная печать, радио и пр.). К ним примыкают группировки сельских советов по числу населенных пунктов (один, два-три, более трех), по принадлежности обследуемых этнических групп к языковым общностям (одна, две и более, в том числе родственные и неродственные).

Группировку административных районов и более крупных образований (округ, область, край, республика) целесообразно проводить по этно-территориальному и историческому признакам. Так, для Обь-Енисейского Севера, рассматриваемого в качестве историко-этнографической области, могут быть выделены следующие этнические районы: Ямало-Гыданский, Таймырский, Восточноприуральско-Нижнетазовский, Нижне-енисейско-Хатангский, Среднеобский, Кондинский, Надымо-Тазовский, Среднеенисейский, Нижне-Подкаменнотунгусский, Приленский.

* * *

Данное исследование было задумано как комплексное мероприятие, ставящее ряд первоочередных задач, а именно: выяснение характера распределения функций родных и русского языков у народов Сибири с построением статической и динамической (на момент исследования) моделей; изучение соотношения факторов, оказывающих влияние на изменение роли и функционального взаимодействия родных и русского языков у народов Сибири; формулирование научно обоснованных выводов о целесообразных направлениях в области языковой политики на ближайшие годы. Разработка этих задач, впервые предпринятая в столь широких масштабах, позволяет решать одновременно и другие проблемы общедемографического, этнографического и социологического характера. Нам особенно хотелось подчеркнуть необходимость привлечения чисто этнографических данных при проведении социолого-лингвистических исследований и возможности использования всех материалов при разработке такой комплексной проблемы, как содержание и тенденции современных этнических (национальных) процессов.

SUMMARY

Research on the composite problem of modern ethnic (national) processes calls for the utilization of various methods including the collection of mass information and its processing on electronic computers. The method of sociological-linguistic sample surveys is also important. Such surveys have been started by the Siberia Department of the USSR Academy of Sciences on a wide territory from the Urals to the Pacific, from the Arctic coast to the mountainous regions of Central Asia. The practice of such surveys, as shown by data from the northern Ob'-Yenisei region, permits the conclusion that this method is effective not only for solving linguistic problems as such but also demographic and ethno-sociological ones. This is determined both by the nature of the preliminary work (the collection of initial data) and by the information contained in the answers to the main questions of the form, by the methods of coding and grouping, by the suitability of the problems for electronic computers.

Н. А. Баскаков

РУССКИЕ ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ¹

Посвящается памяти профессора
Московского университета
В. К. Трутовского

Среди русских фамилий имеется довольно значительный слой фамилий с тюркскими лексическими основами. Некоторые из этих фамилий отражают тюркское происхождение их носителей, другие же образованы от прозвищ, данных исконно русским людям в период интенсивного проникновения в русский язык тюркской лексики.

В статье классифицируется ряд прозвищ и детально анализируется несколько тюркских по корню русских фамилий.

Для подбора прозвищ мы использовали три самые старые родословные книги, или списки: «Синодальный список» начала XVII в. (составлен при Василии Шуйском) и два списка («А» и «Б») конца XVI в. (первый составлен при Федоре Ивановиче, второй — при Иване IV)².

Выбор именно этих трех списков объясняется тем, что в них в отличие от «Свода родословных книг» (1787 г.) сохранились в полной мере все прозвища, в том числе и прозвища предков старинных боярских и княжеских родов, отсутствующие в своде.

Рассмотренные в статье тюркские по корню русские фамилии взяты из «Общего гербовника дворянских родов»³.

Все русские прозвища, встречающиеся в старых родословных списках, в семантическом аспекте могут быть разделены на восемь основных групп.

К первой группе относятся разнообразные прозвища, отражающие:

1. Родственные отношения, сословие, место рождения и пр.

а) Русские прозвища различного происхождения: *Внук* (110)⁴ *Одинец* (101) (ср. В. Даль⁵ *одинец* 'одинокый, бобыль'); *Сирота* (188); *Мещанин* (181); *Тверетин* (113).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Болдырь (261) (ср. В. Даль: *болдырь* 'помесь русской и калмыцкой овцы, помесь татар, калмыков с русскими, метис'); из калмыцк. *baldyr*

¹ Ср. наши статьи «Русские фамилии тюркского происхождения», опубликованные: 1) в сб. «Ономастика», М., 1969; 2) «Изв. Отделения литературы и языка АН СССР», 1969, № 4; 3) сб. «Первая поволжская конференция по ономастике», Ульяновск, 1969.

² См. «Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских», кн. X, М., 1851¹ (далее — «Временник»).

³ «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» (далее — ОГДР), т. I—X, СПб., 1797—1836.

⁴ Цифры в скобках указывают на страницу родословных во «Временнике». Везде здесь даются только прозвища без имен, хотя в родословных при каждом прозвище дано имя, например, Иван Внук, Семен Сирота, Петр Мещанин и т. д.

⁵ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, М., 1960. (далее — В. Даль).

в том же значении, ср. также другое слово *baldyr*, заимствованное в калмыцком из тюркских языков < *balduz* 'свояченица, свояк'.

Кончей (190) (ср. В. Даль: *конжей* 'тюлений подросток, щенок, оставший от матери') из тюркск., казахск., каракалпакск. *kenže* — 'последыш, младший сын; ягненок, родившийся позже других'.

Харамша (116) из тюркск. *haram* < арабск. *ḥaram* 'священный, запретный, священное место в храме, гарем' + *zada* < персидск. *zāda* > *haram za(da)* — 'незаконнорожденный'⁶.

Адаш (243) из тюркск. *adaš* < *atdaš* 'тезка'.

Китай (117) из тюркск. *qytaǵ* название рода, происходящий из рода *Qytaǵ*; название рода *Qytaǵ* отражает древний монгольский этноним *qu-dan* ~ *qytaǵ* — по названию китайской династии, основателем которой было монгольское племя *qudan* > *qytaǵ*; сохранилось в русском языке в названии государства Китай.

Шамахая || *Шемахая* (56, 148) из тюркск., азербайджанск. *Şemaha* 'название населенного пункта' (?).

Шах (53) из тюркск. *şah* < персидск. *šāh* 'государь, царь'.

Мелик (114), ср. русск. област. *мелик* 'закавказский горский князек' (В. Даль) из тюркск. *melik* 'король'⁷ < арабск. *malik* 'король', 'монарх'; ср. возможное от той же основы происхождение фамилий: *Мелехов*, *Милюков* (168).

Скрыпей (69) из тюркск. *soqur bej* 'подслеповатый, слепой, кривой бей' или из арабск. *sekkir + bej* 'пьяный бей'.

Керенбей (113) из тюркск. *kereñ bej* < персидск. *kerēñ* 'глухой' + турецк. *bej* 'господин'. Ср. *Скрыпей* из тюркск. *Soqur bej* 'слепой бей'.

Ташлык (170) из тюркск. *taşlyq*, кирг. *taştuu* 1. 'каменистый'; 2. 'китайский или калмыцкий чиновник'⁸ ('название по круглой пуговице шарикообразной формы, которую носили китайские или калмыцкие чиновники').

II. Профессию.

а) Русские прозвища различного происхождения: *Кузнец* (45), *Желда* (99) (ср. В. Даль: *желда* 'солдат'); *Кологрив* (105) (ср. В. Даль: *кологрив* 'служитель, ходивший у гривы при коне во время царских выездов'); сюда же условно следует отнести прозвища, связанные с религией, профессией служителей культа, а также с религиозными и суеверными представлениями: *Митрополит* (87), *Дух* (53), *Обедня* (173), *Чудо* (181), *Черт* (95), *Верига* (256), *Русалка* (183).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Гараш (69) (ср. В. Даль: *бараш* 'придворный шатерничий, обойщик') из тюркск. *baraš* < арабск. *farrāš* 'слуга, служитель, уборщик'⁹.

Баскак (17) (ср. В. Даль: *баскак* 'татарский пристав для сбора податей и надзора за исполнением ханских повелений'; на Вятке: 1. 'смелый, бойкий' 2. 'наглый, дерзкий человек') из тюркск. *basqaq* < половецк. *baskac* 'Bürgermeister, rector' 46, 16 (Codex Cumanicus)¹⁰; ср. *baskak* 'чиновник для сбора податей с подчиненных народов' (В. Радлов); от глагола *bas-* 'давить, угнетать; печатать, прикладывать печать' + аффикс *-qaq*, образующий имя действующего лица > *basqaq* 'прикладывающий печать' > фамилия *Баскаков*.

Батрак (91) (ср. В. Даль: *батрак* 'наемный работник' и *батырь* 'По Волге батырями называют особое сословие подрядчиков, занимающихся погрузкой, выгрузкой и перегрузкой судов') из тюркск. *batyr*, казахск.,

⁶ Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 1—2, СПб., 1868—1871 (далее — Л. Будагов).

⁷ В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1888—1911 (далее — В. Радлов).

⁸ К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965 (далее — К. Юдахин).

⁹ Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь, М., 1950.

¹⁰ K. Grønbech, Komanisches Wörterbuch, København, 1942.

киргизск., туркменск. и проч. 1. 'храбрый, геройский, герой'; 2. 'сильный' + русское окончание *-ак*, по аналогии с *маклак, мастак*¹¹.

Тать (66) (ср. В. Даль: *тать* 'вор, хищник, похититель, кто украл что-либо, кто крадет за обычай, склонный к воровству') из тюркск. *tat* 1. 'класс народа, подданных, не живущих в городе; живущие, служащие у вельможи, исключая рабов'; 2. 'праздношатающийся сброд, из которого собирают волонтеров' (В. Радлов, Л. Будагов); ср. *татище* (~ *ворище*) > фамилия *Татищева*.

Беклемиш (73) из тюркск., турецк. *bekle* 'сторожить' (В. Радлов) + аффикс причастия *-miš* > *beklemiš* 'охраняющий, стороживший', либо из турецк. *bekleme* 'ночной сторожевой пост' + аффикс профессии *-ši* < *-či* > *beklemeši* 'начальник ночного сторожевого поста' > фамилия *Беклемишев*.

Басман (99) (ср. В. Даль: *басман* 'дворцовый хлеб', *бассманник* 'дворцовый пекарь, хлебник') из тюркск. 'давленный, печатный' (В. Радлов), т. е. по названию хлеба, имеющего давленный рисунок герба, клейма > фамилия *Басманов*.

III. Имена собственные:

а) Русские прозвища, соответствующие фамилиям по именам.

б) Тюркокие по происхождению прозвища:

Ахмет (56) из тюркск. *Ahmet* < арабск. *aḥmad* букв. 'похвальный' > фамилия *Ахметов*.

Аминь (84) из тюркск. *Amin* < арабск. *amīn* 'находящийся в безопасности' > фамилия *Аминов*.

Байымат (38) из тюркск. *baj* 'богатый' + *umat* < арабск. *aḥmad* букв. 'похвальный' > фамилия *Байыматов*.

Бахмет (73) то же, что *Байымат* из тюркск. *baj* 'богатый' + (а) *hmet* < *Ahmat* арабск. *aḥmad* букв. 'похвальный' > фамилии *Бахметов*, *Бахметьев*; возможно также из арабск. *maḥmet* < *muḥammad* 'прославленный'.

Бахтеяр (38) из тюркск. *baxt* < персидск. *baht* 'счастье' + *jar* < персидск. *jār* 'друг, сотоварищ' > *baht-i-jār* букв. 'сопутствующий счастью', фамилии *Бахтеяров*, *Бахтияров*.

Муса (93, 105) из тюркск. *Musa* < арабск. *mūsa* 'Моисей' > фамилии *Мусин*, *Мусаев*.

Сабур (162) из тюркск. *sabur* < арабск. *ṣabūr* 'терпеливый' > фамилия *Сабуров*.

IV. Пристрастие к какому-либо занятию или состоянию.

а) Русские прозвища различного происхождения: *Куроед* (113), *Сахарник* (258), *Пьяница* (91), *Бражник* (97), *Лодыга* (86), (ср. В. Даль: лодыга 'охотник до игры в козны, в бабки'); *Брызгало* (173), *Спячей* (113) || *Спячий* (244), *Неблагословенный свистун* (236) и др.

б) Тюркские по происхождению прозвища и фамилии:

Аракчеев из тюркск. *araq* < арабск. 'araq' 'водка, алкогольный напиток, полученный в результате перегонки' + аффикс профессии или страсти *-čy/-či* ~ *-šy/-šy*: *araq* + *čy* 'пьяница, любитель выпить' > фамилии *Аракчеев*, *Аракин*.

Ко второй группе относятся прозвища, характеризующие человека по его внутренним свойствам.

1) Прозвища, отражающие положительные свойства человека.

а) Русские прозвища различного происхождения: *Взметен* (46), *Кра-са* (48), *Смелой* (58) || *Смелый* (235), *Путята* (85), *Образец* (86), *Тишак* (86), *Умной* (87), *Сильной* (98), *Свибло* (117) (ср. В. Даль: *свибло* 'бойкий человек'), *Благой* (253), *Чудотворец* (260).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Бокей (174) из тюркск. *Bökej* собств. имя (В. Радлов) < тюркск. *böke* 1. 'силач, борец, сильный' + звательная частица *-ej*.

¹¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка. Перевод О. Н. Трубачева, с дополнениями, М., 1964 (далее — М. Фасмер).

Кияс (73) из тюркск. *qyjas* < арабск. *qujās*: 1. 'сравнение, уподобление'; 2. 'цена, достоинство', ср. караимск. *bilmedi kiši qyjasyn* 'человек не знает цены его' (В. Радлов).

Мамон (110) из тюркск. *totun* 1. 'смирный, спокойный, тихий, кроткий, покорный, скромный, воздержанный'; 2. 'щедрый, добрый, гостеприимный' > фамилия *Мамонов, Дмитриев-Мамонов*.

Поливанов (168) из тюркск. *paṭwan*, персидск *pāhlawān* 'атлет, герой, воин, борец' (Л. Будагов) + русское окончание -ов.

Соймон из тюркск. *sojmor* 'ловкий, увертливый, изворотливый, бойкий, подвижный' > фамилия *Соймонов*.

Турик (95), ср. русск областн. *туркий* 'скорый, проворный, быстрый', из тюркск., монгольск. *türgen* 'быстрый, скорый' > фамилии *Туриков, Тургенев*.

Шалим (249) из тюркского *šatym* 'горсть'; ср. каракалпакск. *šalyt-ty kisi* 'работоспособный, сильный, крепкий' > фамилия *Шалимов*.

Ширинский (73) из тюркск. *širin* < персидск. *širin* 'сладкий, прелестный' + русск. окончание фамилии -ский фамилия *Ширинский*.

Шеремет (88, 161) из чувашского *шеремет* 'бедняга, бедняжка, горе-мыка, жалкий, бедный, бедненький, достойный сожаления'¹². Чувашск. *шеремет* возможно из персидск. *šārmānde* 1. 'пристыженный, сконфуженный' 2. 'скромный, застенчивый'. В современных тюркских языках персидск. *šārmānde* заимствовано в несколько иных значениях, например в киргизском: 'пристыженный, опозоренный, посрамленный, подлец, негодяй, бессовестный'; в туркменском: 'шалун, крикун, незастенчивый'. Последние значения позволяют предположить связь этого слова с турецк. *şeremet* 'живость, горячность (о лошади)'; *şeremetlü at* 'горячая лошадь' (Л. Будагов). Прозвище *Шеремет* могло быть связано с эпитетом лошади, так как прозвище предков Шереметевых было *Кобыла*. Менее вероятно происхождение прозвища *Шеремет* от собственного имени *Шеримбет* ~ *Шериммет*, встречающегося у тюрков-кыпчаков (казахов, ногайцев, каракалпаков и проч.). Имя *Шеримбет* ~ *Шериммет* ~ *Шермахамбет* происходит из сочетания персидск. *šir* 'лев' и арабск. *tiḥammad* 'Мухаммед', буквально 'достойный хвалы' > *Шеримбет* ~ *Шериммет* — *Шир Мухаммед* по аналогии: *Пиримбет* ~ *Пирмахамбет* из персидск. *pīr* 'патрон, покровитель' и арабск. *tiḥammad* 'Мухаммед'. Впоследствии из данного прозвища произошли фамилии *Шереметев, Шереметьев*.

II. Прозвища, отражающие отрицательные свойства человека:

а) Русские прозвища различного происхождения: *Холуй* (43), *Глухой* (48), *Жила* (49), *Кислой* (52), *Глазатой мухорт* (=невзрачный) (59), *Неучка* (65), *Гордой* (67), *Нелюба* (71), *Рюма* (69) (ср. В. Даль: *рюма* 'плакса'), *Шутиха* (72, 243) (ср. В. Даль: 'человек, промысляющий шутовством'); *Жох* (92) (ср. В. Даль: *жох* 'бывалый, тертый человек'), *Баба* (85), *Хитрой* (86), *Дурной* (88), *Обляза* (91) (ср. В. Даль: *облёза* 'лыстец'), *Злоба* (92), *Невежа* (92), *Зажига* (114) (ср. В. Даль: *зажига* 'зачинщик, подстрекатель'); *Безобраз* (114), *Ярой* (96), *Колома* (91) (ср. В. Даль: *коломутить* 'баламутить'); *Кутиха* (96) (ср. В. Даль: 'пьяница, буян'). *Юрло* (98) (ср. В. Даль: *Юрила* 'беспокойный человек'); *Истома* (109), *Безум* (117), *Голодной* (143), *Обумал* (190) (ср. В. Даль: *обумок* 'полудурье'); *Дурак* (235), *Ляпун* (237), *Долба* (241) (ср. В. Даль: *долба* 'дурень, тупой человек'), *Черток* (254), *Розлада* (259), *Шукол* (254) // *Шукал* (96) (ср. В. Даль: *шукол* 'скряга'); *Ходырь* (237) (ср. В. Даль: 'ходить ходырем, козырем').

¹² Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. 1—17, Казань — Чебоксары, 1928—1950.

Из них *Мухорт* (59), *Ярой* (96), *Колома* (91), *Юрло* (98), *Дурак* (235), *Ходырь* (237) могли бы быть также отнесены к тюркизмам, но для этого все же нет достаточных доказательств.

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Балымат (38)// *Белеутов* (171), ср. также русск. областн. *Баламут* 'сплетник, поселяющий раздор, ссоры' и *баламутить* 'поселять раздоры, ссорить, интриговать' (В. Даль) из тюркск. *buŋa*- 1. 'махать руками'; 2. 'мешать, размешивать'; 3. 'грязнить, пачкать'; 4. 'вселять раздоры, баламутить', ср. каракалпакск. *aŋaŋ zaman tōrdi buŋajdy, özi zaman eldi buŋ ı aŋdy* 'если (у человека) ноги грязные, то он пачкает почетное место в юрте, а если сам плохой, то баламутит народ'; прозвище *Балымат* <*Баламут* дано по свойству человеку 'сплетник, интриган'> фамилии *Баламатов, Белеутов*.

Болван (94) <тюркск. *patwan* персидск. *pāhlawān* 'атлет, герой, воин, борец' (Л. Будагов)> русск. иронич. 'велик, но глуп' *болван*> фамилия *Полванов*.

Булыга//*Булыха* (104)// *Булага* (171), ср. русск. областн. *Булдыга* 1. 'дубина, суковатая палка'; 2. 'валун, булыжный камень'; 3. 'болван, дубина, грубый, нетесанный, невежа, неуч' (В. Даль) — от тюркск. *but-qıj*- 'быть громоздким, толстым', ср. монгольск. *обли* 'нерасторопный, неповоротливый, неуклюжий, грубый, дерзкий, невежественный, тупой'> фамилия *Булыгин*.

Булгак (81) из тюркск. *buŋaq* 1. 'гордый, важный'; 2. 'бездельник, праздношатающийся'; 3. 'непостоянный, ветреный, легкомысленный'> фамилия *Булгаков*.

Годун (93) из тюркск. *gōdün* 'глупый, безрассудный'> фамилия *Годунов*.

Дашык (66) из тюркск. *daşyq ~ taşyq* 1. 'заносчивый, чванливый, возмнивший'> фамилия *Дашков, Дашков*.

Кокор//*кокор* (69)// *кокорь* (159) встречается в русских областных говорах, ср. *кокор*, *кокорь*, *кокорыга* 'бревно или брус с корневищем, дерево с корнем' и прилагательное *кокористый* 'упрямый, своенравный', 'скупой, зажимистый' (В. Даль). В тюркских языках этим словам соответствует турецк. слово *kök* 'корень, основа', но прозвище *кокор*//*кокор* ~ *Даль: кокор*, *кокорь*, *кокорыга*, безусловно, связано с турецк. = татарск. глаголом *kegürmek* со значениями: 1. 'рыгать, отрыгаться' и 2. 'упрямиться, злиться, браниться, выражать грубость' (Л. Будагов), или с глаголом турецк. *kükrä-//kökrä-* 1. 'быть ярым, разъяриться'; 2. 'возбудиться в половом отношении' (В. Радлов)> фамилия *Кокорев*.

Колокута (189), ср. русск. областн. 'склока, хлопоты, суета, беспокойство' (В. Даль), из тюркск. *qataq* 'ах! восклицание горя' (В. Радлов); алтайск. *qataq!* 'восклицание испуга, беспокойства', *qataqta*-алтайск., 'восклицать, выражая испуг; кудахтать; *qataqtan*-алтайск. 'беспокоиться', киргизск. 'нервничать; прозвище по свойству человека 'беспокойный, суетливый человек, человек, восклицающий постоянно' *qataq-qataq*,> фамилия *Калакутский, Калакуцкий*.

Колыба (146) из тюркск., киргизск. *qataba* 'скандал', *qatabatıyq* 'шум, толкотня, смятение'; ср. киргизск. *qatabala-* 'затевать скандал, ссору'; возможно также от русск. областн. *колыбала* 'человек шаткий, слабый, нерешительный' ср. тюркск. *qatbanda-* 'колебаться' (В. Радлов), или от русск. областн. *колыбашишь* 'молоть вздор, пустословить', ср. тюркск. *qatmaş* 'болтун'.

Копыря (49) (ср. В. Даль: *копыря* 'гордец, чванливый, ломливый человек') из тюркск.-киргизск. *kör-* 'стать напыщенным, заносчивым, зазнаваться' (В. Радлов, К. Юдахин); причастие на *-yr/-ir, -ur/-ür*> *kör + ir* 'тот, кто заносчив, напыщен, зазнающийся'.

Курака (81) из тюркск. *quraq* 1. 'пустой, бессодержательный (о человеке)', 2. 'скупой, жадный' и др. > фамилия *Куракин*.

Куруз (186) из тюркск. *qutuz* 'бешеный, вспыльчивый' > фамилия *Курузов*.

Саблуков из тюркск. *sabluq ~ satbuq* 1. 'вялый, слабый', 2. 'небрежный, неряха, растрепан, размазня, растяпа, никудышный, неуклюжий, развязный' > фамилия *Саблуков*.

Телеляш (65), ср. русск. областн. *телелякать* 'болтать, беседовать' (В. Даль), из тюркск. *tillä + š-* 'ругаться друг с другом, браниться' (В. Радлов).

Сувор (179) шведск. *svår* 'тяжелый, сильный', но вероятнее из русск. *суровый* > метатезная форма < *суворый* тюркск. *sur*, киргизск., казахск. *sur* 'серый'; *sur butut* 'серые тучи', переносн. 'мрачный', *körünüşü sur* 'у него мрачный вид'; В. Даль: *суворый* 'суровый, брюзгливый, сердитый, нелюдим, брюзгач' и проч. Менее вероятна этимология из турецк. *savâr* 'всадник' < персидск. *sevâr ~ sevor ~ sivor* 'верховой всадник, конник, кавалерист, наездник'¹³ > фамилия *Суворов*.

Ушак (152) из тюркск. *ışaq* 1. 'малорослый; мелочной, мелкого ума'; 2. 'клеветник, ябедник' > фамилия *Ушаков*.

Чеглок // *Чиглик* (108) из тюркск. *çöçölöq* 'вспыльчивый, сердитый, забияка, драчун' > фамилия *Чеглоков*.

Шарап (91), ср. русск. областн. *шарап* 'условный грабеж'; *взять на шарап* 'расхватать по рукам, что кому попадет' (В. Даль); из арабск.: *šarāb* 'вино' — тот, кто участвует в действии 'взять на шарап', расхватав третий на вино > фамилия *Шарапов*.

Третью группу составляют прозвища по внешнему признаку, характеризующему человека. К ним относятся:

I. Прозвища, имеющие своей основой слова со значением цвета или цветового оттенка:

а) Русские прозвища: *Бледной* (44), *Белой* (48), *Пеструха* (67), *Синей* (86), *Рудак* (87) (ср. В. Даль: *рудак* 'рыжий'), *Черленный* (96) (ср. В. Даль: *черленный* 'багряный'), *Красной* (100), *Вороной* (100), *Зеленой* (106), *Сивко* (106), *Темной* (109), *Голубой* (142), *Темносиний* (235), *Пестрой* (250).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Гогель // *Гоголь* из тюркск. *gögül ~ kögül* 'синеватый, зеленоватый, сизый' > название птицы > фамилии *Гогель*, *Гоголь*.

II. Прозвища, обозначающие возраст, величину, счет:

а) Русские прозвища: *Большой* (53), *Меньшик* (56), *Долгой* (64), *Молодой* (67), *Старой* (86), *Великой* (91), *Прямой* (101), *Дитя* (115), *Малец* (92) (ср. В. Даль: *малец* 'малый'), *Молодка* (99), *Хруль* (250) (ср. В. Даль: *хруль* 1. 'бабка, костыга', 2. 'малыш').

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Кочубей из тюркск. *küçibej* 'малый бей, младший бей'.

III. Прозвища, которые обозначают признак, характеризующий все тело человека, либо ту или иную его часть.

а) Русские прозвища: *Брюхатой* (39), *Одноок* (46), *Криворот* (48), *Кривоног* (48), *Сухорукой* (49), *Белоглазый* (49), *Кривой* (56), *Хрипун* (66), *Сисей* (56) (ср. В. Даль: *сисей* 'неуклюжий человек'), *Хромой* (61), *Зубатой* (62), *Слепой* (72), *Висковатый* (73) (ср. В. Даль: *висковатый* 'с угловатой головой или с длинными волосами на висках'), *Долгая борода* (73), *Шевляга* (89) (ср. В. Даль: *шевлюга* 'уродина'), *Лобан* (85), *Горбатой* (86), *Дюдка* (87) (ср. В. Даль: *дюдка* 'толстяк'), *Беззубец* (88), *Шадра* (91) (ср. В. Даль: *шадра* 'рябой, шадровитый'), *Сухой* (91), *Вислоух* (93), *Губастой* (94), *Шитой* (93) (ср. В. Даль: *шитой* 'рябой'), *Трясоголов* (95), *Трегуб* (96), *Кудреватой* (99), *Кривочелюстной* (100),

¹³ Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, М., 1953.

Леваш (109), Трясова (115), Мясной (116), Нагой (117), Ощера (122), Долгорукий (143), Кропотка (146) (ср. В. Даль: *кропкий* 'хрупкий'), Щербатой (143), Охлябина (153) (ср. В. Даль: *охлябина* 'долговязый'), Худяк (153), Хилок (154) (ср. В. Даль: *хилок* 'хилыак, хилый'), Дыгайло (104) (ср. В. Даль: *дыгать* 'гнуться, шататься, одавать'), Мизун (164), Толстой (172), Косой (178), Глухой (176), Кила (181), Ноздрун (188), Ушатой (225), Немой (226), Жировой (235), Бородатый (237), Гузей (241) (ср. В. Даль: *гуза* 'морщина'), Тонкой. (254), Плещей (259), Голтый (87) (ср. В. Даль: *голчистый* 'обладающий зычным голосом');

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Бутурля/Бутурлин (168) из тюркск. *buturly* 'шершавый, корявый, рябой, прыщеватый'.

Керту (56) из тюркск. *kertüw*//*kertik* 'зарубка, насечка, надрез', >'имеющий зарубку, надрез, с зарубкой, с надрезом'.

Салтык (174) — в русских говорах 'лад, образец, склад' (В. Даль); ср. 'переделывать одежду на свой салтык'. Однако прозвище *салтык* скорее всего связано с тюркским словом *saltaq* ~ *söltüq* ~ *syłtyq* 'прихрамывающий, немного хромой, похрамывающий', встречающимся в кыпчакских языках: татарском, казахском и др. (В. Радлов) > фамилия *Салтыков*.

Туша (92), ср. русск. областн. 1. 'освежеванное и выпотрошенное тело животного'; 2. 'огромный, тучный человек' (В. Даль); из тюркск. *töş* 'грудь; грудинка (часть туши животного)'; прозвище — по переносному русскому значению 'тучный человек'.

Шишка (86) из тюркск. чагатайск. *şyşyq* 'опухлость, опухоль' > фамилии *Шишков*, *Шишкин*.

Шульга (124) (ср. В. Даль: *шульга* 'левша') из чувашск. *şulxaj*, ср. казахск. *soŭa* 'налево' > фамилия *Шульгин*.

Четвертую группу составляют прозвища, в основе которых лежат слова, обозначающие названия частей тела человека или животного.

I. Прозвища по частям тела человека.

а) Русские прозвища: Ноготок (47), Голова (59), Слезка (70), Херок (88), Шея (94), Глаз (94), Зубко (99), Ресница (99), Зуб (100), Ус (104), Слеза (113), Щепоть (113), Губа (183), Жест (183), Жилка (200), Борода (202), Голеня (229), Ноготь (228), Нос (236), Головка (237), Брюхо (256).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Бурун (122), ср. русск. областн. *бурун* 1. 'прибой'; 2. 'буран, метель'; 3. 'годовалый бычок'; 4. 'нос' (В. Даль), в которых произошла конвергенция двух различных основ; в данном случае из тюркск. *birün* ~ *ti-gün* 'нос' (В. Радлов) — прозвище, данное, видимо, по величине носа.

II. Прозвища по частям тела животных.

а) Русские прозвища: Грива (63), Лапа (97), Клык (100), Копыто (104), Хвост (185).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Курдюк (116), ср. русск. областн. *курдюк* 'хвост барана, в котором вмещается сало' (В. Даль) из тюркск. *qudıruq* ~ *quziyuq* ~ *qujruq* 'хвост животного' (В. Радлов), в метатезной форме *qudıruq* > *quırdıq* > 'курдюк' > фамилия *Курдюков*.

Пятую группу составляют прозвища, обозначающие названия животных, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых и прочих представителей фауны.

I. Прозвища по названиям домашних животных.

а) Русские прозвища: Собака (47), Козлина (50), Овца (64), Кошка (86), Жеребец (86), Лошак (87), Козля (96), Кобылка (107), Козел (108), Кобыла (159), Корова (169), Ховра (89) (ср. В. Даль: *ховра* 'свинья').

Из них *Козлина* (50), *Козля* (96), *Козел* (108), а также *Лошак* (87) и *Ховра* (89) относятся к спорным тюркизмам.

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Бык (64), *Бычок* (142) из тюркск. *biqa* 'бугай, бык-производитель'.

Кашкар (122) — в областных говорах — *кочкарь*, *кочкар* 'некладе-ный, племенной баран' (В. Даль), ср. тюркск. узб. *qoʻqar* 'баран', в кыпчакских языках, например, в казахском *qoʻqar* в том же значении > фамилия *Кашкаров*, *Кочкарев*.

Телица (65, 87), *Телец* (91), *Телчак* (122), ср. русск. областн. *тели-ца* 'молодой бык, бычок' (В. Даль); из тюркск. *tel* 'молодое животное, отнятое от матери'.

II. Прозвища по названиям диких животных.

а) Русские прозвища: *Медведь* (64), *Заяц* (98), *Бобрище* (105), *Вепрь* (106), *Слепой волчонок* (106), *Бобр* (118), *Ласка* (142), *Лев* (181), *Босоволков* (146), *Матюшка* (115) (ср. В. Даль: *матюха* 'медведица с детьми').

Тюркские по происхождению прозвища:

Буйнос (39) из тюркск. *bojn(y)as* букв. 'с шеей горностая'.

III. Прозвища по названиям птиц:

а) Русские прозвища: *Королек* (48), *Чапля* (49), *Белая гузица* (64), *Гогара* (65), *Селезень* (70), *Сова* (88), *Соловец* (91), *Рябчик* (101), *Курица* (106), *Касатка* (142), *Птица* (143), *Гусь* (171), *Лебедь* (185), *Гага* (233), *Сорока* (235), *Чечетка* (86) (ср. В. Даль: чечетка 1. 'пташка'; 2. 'болтливый'); *Вороба* (89); *Гузица* (249) (ср. В. Даль: *гузица* 'трясогузка'); *Хорхора* (242) (ср. В. Даль: *хорхора* 'растрепанная курица').

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Гогель//*Гоголь* из тюркск. *gögöl*, киргизск. *kögöl* 'селезень'; якутск. *köyülläx* 'хохлатая утка, нырок' < *kögöl* 'синеватый, сизый, голубоватый, зеленоватый' — название птицы по цвету оперения > фамилии *Гогель*, *Гоголь*.

IV. Прозвища по названиям рыб.

а) Русские прозвища различного происхождения: *Мень* (95) (ср. В. Даль: *мень* 'рыба' *Gadus lota*), *Щука* (111), *Судак* (115)//*Судок* (100), *Сом* (236), *Ерш* (263), *Бабарыка* (87) (ср. В. Даль: *бабарыка* 'головастая рыбка'); *Ласкар* (176) (ср. В. Даль: *ласкир* 'название рыбы').

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Олбуга (199) из тюркск. *alabuqa* 'окунь' (Л. Будагов).

V. По названиям пресмыкающихся, насекомых и проч.

а) Русские прозвища: *Бучень* (45) (ср. В. Даль: *бучень* 'шмель'); *Площица* (49), *Сверчок* (93), *Улита* (104), *Муха* (107), *Змей* (258), *Слизень* (102).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Ширшик (96) из тюркск. *şyırşyq* 'улитка'.

К шестой группе относятся прозвища, образованные от названий растений, плодов, злаков, а также названий частей растений.

а) Русские прозвища: *Осина* (74), *Береза* (74), *Ива* (74), *Елка* (86), *Кислица* (45), *Репня* (48), *Трава* (107), *Крапива* (245), *Хрен* (44), *Зерно* (93), *Костица* (96) (ср. В. Даль: *костица* 'жесткая кора льна'); *Лыка* (247) (ср. В. Даль: *лыка* 'молодой луб'); *Смола* (47), *Копоть* (170).

б) Тюркские по происхождению прозвища:

Киндырь (116) из тюркск. *kendir* 'конопля'.

Сунбул (190) из тюркск. *süntül* < персидск. *sünbül* 'гиацинт, ко-ароматический' (Л. Будагов).

Седьмую группу составляют прозвища, в основе которых лежат слова, обозначающие предметы материальной культуры: жилища, ору-

дия труда, оружие, утварь, предметы домашнего обихода, одежду, пищу и проч.

1. Прозвища по названиям, связанным с постройкой жилых и хозяйственных помещений, а также изготовлением домашнего инвентаря: утвари и проч.

а) Русские прозвища: *Колышка* (81), *Хворостина* (63), *Щепя* (81), *Храница* (234), *Рожон* (104), *Чурка* (93) (ср. В. Даль: *чурка* 'чурбан, неповоротливый человек'); *Шест* (109), *Плетень* (44), *Виселица* (110), *Гнездо* (118); названия видов транспорта и упряжи: *Плот* (110), *Дровни* (94), *Болх* (243) (ср. В. Даль: *болх*, *волох* 'зимняя повозка'); *Обода* (60) (ср. В. Даль: *обода* 'круговой широкий ремень конской шлеи по бокам лошади'), *Узда* (251), *Кнут* (233); домашний инвентарь: *Векошка* (62) (ср. В. Даль: *векошка* 'блок на ткацком стане'), *Звеница* (69), *Мотовило* (89) (ср. В. Даль: *мотовило* 'снаряд для размотки пряжи'); *Перина* (237), *Ковер* (249), *Мешок* (99), *Сума* (116), *Квашня* (92), *Короб* (189), *Кувшин* (97), *Ложка* (174), *Баклажка* (237), *Дуда* (49), *Губка* (39), *Скряба* (180) (ср. В. Даль: *скрябка* 'скоба для очистки обуви'), *Тяпка* (191), *Лопата* (47), *Скопа* (44), *Болт* (94), *Шило* (42), *Гвоздь* (38), *Крюк* (251), *Щетина* (241), *Верига* (256); названия оружия: *Тугой лук* (46), *Дуло* (61), *Секира* (85), *Пищаль* (92), *Пушка* (104); названия монет: *Четвертак* (89), *Полтина* (116); названия одежды, материй, обуви, меха и проч.: *Овчина* (47); *Чулак* (59), *Чеботок* (168) (ср. В. Даль: *чебот* 'сапоги'), *Рогожка* (90), *Башмак* (91), *Самара* (92) (ср. В. Даль: *самара* 'долгополая одежда'), *Шапка* (96), *Кожа* (172), *Кожан* (235), *Голица* (249) (ср. В. Даль: *голица* 'кожаная рукавица'), *Дурной кивер* (253), *Мисюр* (118) (ср. В. Даль: *мисюрка* 'воинская шапка'); названия продуктов питания и пищи: *Сусло* (45), *Каша* (49), *Пенка* (73), *Бибика* (38) (ср. В. Даль: *бибика* 'выжимки при выделке растительного масла, жмыхи', 'вязкая плохая пища'), *Ошурок* (115) (ср. В. Даль: *ошурок* 'вытопки сала, остатки, подонки').

Из них *Чурка* (93), *Узда* (251), *Ковер* (249), *Чулак* (59), *Чоботов* (168), *Башмак* (91), *Самара* (92), *Кожа* (172), *Кожан* (235), *Мисюр* (118) относятся к спорным тюркизмам.

б) Тюркские по происхождению названия:

Чыбык (113) из тюркск. *čybyq* 'прут, прутик, тонкая палочка' (В. Радлов); киргизск. *čybyq* 'прутик, хворостинка' (К. Юдахин).

Кормыш (148), ср. русск. областн. *курмыш*: 1. 'ряд изб, поселок, одна сторона улицы'; 2. 'пашенка особняком' (В. Даль) — из тюркск. 1. *qorı-* 'защищать' + *-myš* аффикс причастия *qorımyš* 'защитивший, защищенный'; 2. '*qormışı* 'старые войлочные лоскуты, вообще лоскут' (В. Радлов); прозвище, вероятно, по второму значению > фамилия *Кармышев*, *Кормушев*.

Козак (88) из тюркск. *qozaq* 'кустарный ткацкий стан', ср. русск. прозвище *Векошка* (62) — 'бок на ткацком стане' > фамилия *Козаков*.

Бордюк (238) // *Бердюк* (167), ср. русск. областн. *бурдук* // *бурдюк* 'козий мех, снятый и выделанный дудкой, в нем держали чихирь и другие жидкости' (В. Даль) — из тюркск. *burduq* 'вывороченная кожа быка или козла' (Л. Будагов) > фамилия *Бурдюков*, *Бурдюков*.

Калита (202) из тюркск. *qalta* 'карман, мешочек, сумочка', ср. киргизск. *qalta* из иранск. языков: 1. 'мешочек, сумочка, карман'; 2. 'мошонка', ср. русск. прозвища: *Мешок* (99), *Сума* (116).

Токмак (156) — ср. русск. областн., *токмач* 'колотушка, трамбовка' (В. Даль) из тюркск. *toqmaq* 'деревянный молоток, колотушка, цеп' (В. Радлов); ср. русские прозвища *Тяпка* (191) > фамилия *Токмаков*.

Колыч (87, 160) из тюркского *qolč ~ qolčaq* 'кольчужные поручни' или из собственного имени *Qylyč* < тюркск. *qylyč* 'меч, сабля'; ср. русск. прозвище *Секира* (85) > фамилия *Колычев*.

Шушпан//Шишлан (42) из тюркск. турецк. *şuşman* 'толстяк, тучный человек' (В. Радлов) или из мордовск. *шушпан* 'балахон, холщовый кафтан' (В. Радлов).

Тулун (67) из тюркск. *tutur*, ср. киргизск. *tutur* 'шкура теленка, снятая чулком' (К. Юдахин); *tutur//tutum* 'мешок без швов из целой выделанной звериной кожи', 'кисет'; турецк. *tutum* 'дубленая целая кожа, кожаный мешок без швов' (ср. В. Даль: *тулун* 'полная шуба без перебива, а халатом, обнимающая все тело').

Епанча//Япанча (88); ср. русск. областн. *епанча//япанча* 'широкий плащ без рукавов, бурка' (В. Даль); ср. тюркск. *jarundža//jarundžu* 'покрывало'; *jaruq* 'попона, плащ из войлока от дождя' (В. Радлов).

Моншок (225) из тюркск. *monša//moınša//mončoq* 'бусы, жемчуг' (В. Радлов).

Пирог (118), ср. каракалпакск. *börek* 'пирог с мясом', крымско-татарск. *çij börek* 'чебурек, пирог с сырым мясом', связан с глаголом *bür-//bör-* чувашск. *nёр-* 'завертывать, сворачивать, затягивать, делать сборки, закладывать складки' + аффикс *-aq/-ek*: *bürek//börek* 'результаты сворачивания' > 'пирог'; ср. монгольск.-калмыцк. *börg* 'пирог'.

Восьмую группу составляют прозвища, в основе которых лежат слова, обозначающие глагольные формы и отглагольные имена.

а) Русские прозвища: *Скок* (49), *Засека* (58), *Сосун* (58), *Шастун* (56), *Впрягай* (117), *Бодай* (165), *Рубец* (92), (ср. В. Даль: *рубец* 'знак от рубки'); *Скряба* (56), *Стрига* (66) (ср. В. Даль: *стрига* 'коротко подстриженный').

б) Тюркские прозвища:

Кошур (253), ср. тюркск. *qoşur* 'запрягай, впрягай' — прозвище, аналогичное по значению русскому *впрягай*, ср. *Ольгерд Впрягай* (117).

Тукун (154) из тюркск. татарск. *tuqın* букв. 'наткнись, ударься, сшибь с ног' (Л. Будагов).

Шубур (96) из тюркск. *şuburmaq* 'проходить один за другим (о бранах)' (Л. Будагов); *şubur!* 'проходи один за другим, проходи гуськом'.

Итак, обзор русских прозвищ, содержащихся в наиболее древних родословных русских фамилий, указывает на чрезвычайное разнообразие как значений прозвищ, так и их грамматической формы и структуры — от имен существительных и прилагательных до числительных и повелительных форм глагола.

Следует, однако, отметить, что приведенный перечень прозвищ не является полным; многие русские исторические фамилии имеют своей основой прозвища, не вошедшие в данные родословные.

Ниже мы детально анализируем пять фамилий из первого тома «Общего гербовника»: 18. *Корсаков*, 19. *Карташев*, 20. *Турчанинов*, 21. *Санбуров* и 22. *Гогель*.¹⁴

18. *Корсаков*.

«Фамилия Корсаковых, — как указывается в родословной, — начало свое восприняла от выехавшего из Литвы в Москву Венцеслава Жегмунтовича Корсака. Потомки его Корсаковы в 7187/1679 (т. е. при Федоре Алексеевиче. — Н. Б.) и других годах за разные службы жалованы были поместьями»¹⁵.

Ответвлением рода Корсаковых был род Римских-Корсаковых, имеющий более позднее происхождение. Как значится в их родословной, род Римских-Корсаковых выделился только в XVII в. «В родословной, находящейся в розрядном Архиве, представленной от потомков Венцеслава Жигмунтовича Григорья, Федора и Воина Семеновых детей Корсаковых, показано, что часть рода их начало свое восприняла из пределов Рим-

¹⁴ Анализ первых семнадцати фамилий «Общего гербовника» дан в наших статьях «Русские фамилии тюркского происхождения» (см. примеч. 1 настоящей статьи).

¹⁵ ОГДР, т. I, стр. 83.

ских. Сего рода Венцеслав и Фридрих Корсаки, оставя города и землю свою, от Римских пределов переселились в Польшу, откуда Венцеслав Жигмунтович Корсак выехал в Россию. В 7185/1677-м году по указу блаженные и вечнодостойныя памяти Государя Царя и Великого Князя Федора Алексеевича повелено помянутым потомкам Венцеслава Корсака Григорью, Федору и Воину Корсаковым с братьями и потомством по прошению их писаться Римскими-Корсаковыми»¹⁶.

Вторым ответвлением рода Корсаковых была фамилия Дондукова-Корсакова, образовавшаяся вследствие брака Никиты Корсакова и дочери князя Ионы Дондукова. По ходатайству последней и была утверждена указом Александра I от 15 июля 1802 г. двойная фамилия — Дондукова-Корсакова.

«Фамилии князей Дондуковых,— как значится в их родословной,— первый под Российскою державою в калмыцком народе владелец был хан Аюка, в 1737 г. внук Аюка Дондук-Омбо пожалован Действительным ханом и в 1741 г. скончался, поруча по себе правление десятилетнему сыну и жене. Ханша с детьми, прибыв из Кабарды (Sic! вместо Калмыкии? — Н. Б.) в Санктпетербург в 1744 г. (т. е. при Елизавете Петровне.— Н. Б.), по желанию их восприняли Святое крещение и высочайше повелено именоваться: ханше княгиней, а детям князьями».

Идентичность этих трех фамилий *Корсаковых* подтверждается также одинаковыми гербами с общими геральдическими признаками и в том числе характерными для тюркских и монгольских по происхождению фамилий знаками стрел, полумесяца и двух скрещенных ятаганов. Различия между гербами фамилий заключаются в дополнительных двух полях в верхней части герба Корсакова-Дондукова — правом с изображением булавы и левом с изображением всадника с обнаженной саблей¹⁷.

Фамилия *Корсаков* имеет своей основой тюркское слово *qarsaq* ~ *qorsaq* со значением: *qarsaq* ~ *qorsaq* 'род лисицы степной' (Л. Будагов); киргизск. *qarsaq* ~ *qarsaŋ* 1. 'общее название рыскающих зверей: волка, лисицы' и т. п.; 2. *qarsaq tülkü* 'корсак, лиса степная'; 3. 'общее название мух и гнуса' (К. Юдахин). Слово *qarsaq* ~ *qorsaq* семантически связано, возможно, с образоподавательными глаголами: киргизск. *qorsoj* 'вести себя надменно' и *qorsondo* 'грубо кричать, сопровождая крик угрожающими движениями'. Основа последнего *qorson* ~ *qorsaq* 'надменный, грубый, угрожающий' является общей с *qorsaq* ~ *qarsaŋ* // *qorsaq* ~ *qarsaŋ* ~ *qorson*. Таким образом, фамилия Корсаков образовалась от прозвища *qorsaq* ~ *qarsaq* 'рыскающий зверь, степная лиса' — 'грубый, угрожающий, надменный'.

Что касается первой части фамилии Дондуков-Корсаков, то основой ее (Дондуков ~ Дундуков) является скорее всего монгольское слово, встречающееся как в собственно монгольском языке *dundaxu* 'средний, срединный', так и в бурятском *dundaxaj* 'обращение ко второму после старшего брата — братец'. Это значение в бурятском языке связано с откосительным прилагательным *dundaxu* 'находящийся посередине, средний', т. е. с тем же значением, что и в собственно монгольском языке. Менее вероятно сближение фамилии *Дондуков* ~ *Дундуков* с киргизск. *dündüy* < *dündük* 'внушающий страх, грозный' (о человеке); *ijninde mut-tyq žürsö dündüy körünöt* 'когда у него на плече ружье, он выглядит грозным, внушительным' (К. К. Юдахин).

Таким образом, фамилия *Дондуков* ~ *Дундуков* произошла либо от клички 'грозный, внушающий страх', либо, скорее всего, по названию 'средний брат в семье, второй брат после старшего брата'.

Наконец, имя *Омбы* — одного из основателей рода Дондуковых — имеет своей основой тюркское слово: ср. казахск. *omby* 'куча, сугроб',

¹⁶ ОГДР, т. II, стр. 52.

¹⁷ ОГДР, т. IX, стр. 133.

ombu qar 'сугроб снега'; каракалпакск. *omba* 'сугроб'; киргизск. *ombu: ombu-dombu* 1. 'с буграми, с неровностями'; 2. 'бесшабашный' (о человеке). Таким образом, имя Омбу произошло от прозвища со значением «бесшабашный».

19. Карташевы.

Фамилии *Карташевых*¹⁸ и *Карташевских*¹⁹ сравнительно поздно получили дворянство — первая при Елизавете Петровне (1741—1761), вторая при Екатерине II (1762—1796). Основой этих фамилий служит тюркское слово *qardaş ~ qardaš ~ qardeš ~ qardas < qaryndaš ~ qaryndas* 1. 'брат, братец'; 2. 'единоутробный брат или сестра', встречающееся в большинстве тюркских языков: в туркменском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском, башкирском, турецком и др. Слово *qaryndaš (> qardaš)* с вариантами является производным и состоит из основы *qaryn* 'живот, утроба' + аффикс *-daš*, указывающий на соучастие, на отношение к одному месту; *qaryn-daš* буквально обозначает 'единоутробник, соутробник', т. е. 'единоутробный брат или сестра'.

Слово *qaryndaš ~ qardaš* в различных фонетических вариантах в разных тюркских языках служит также обращением — 'братец, друг, приятель', что, видимо, и послужило причиной превращения этого слова сначала в прозвище, а затем в фамилию. Последняя позже получила соответствующую адаптацию в русском произношении и соответствующие суффиксы *-ов > Карташов* и *-ев + ский — Карташевский*.

20. Турчанинов.

Фамилия Турчаниновых относится к новым русским фамилиям. «Александр Турчанинов, — как значится в родословной, — по именному блаженным и вечнорадостным памяти Государя Императора Петра III 1762 года генваря 22 дня указу, Всемилостивейше пожалован рангом полковника и его Величества обер-камердинером и возведен в дворянское Всероссийской Империи достоинство»²⁰.

В структурном отношении фамилия *Турчанинов* является аналогом старых сословных названий *крестьянин, мецчанин, дворянин*, которые служили также моделью для образования имен. Эти имена, означавшие либо происхождение из той или иной местности (рословчанин — житель г. Рославля или происходящий из Рославля, родом из Рославля; горьковчанин — родом из Горького, орловчанин — родом из Орла, минчанин — из Минска, бийчанин — из Бийска), либо национальность (*датчанин, англичанин, турчанин, гречанин*), легли в основу соответствующих фамилий, ср., например: *Волчанинов* (от *волчанин* — житель или родом из Вольска); *Брянчанинов* (от *брянчанин* — родом из Брянска).

По этой же модели образовались фамилии типа Гречанинов (из *гречанин < грек*) и Турчанинов (из *турчанин < тюрк // турок*).

К тюркским по происхождению фамилиям *Турчанинов* относится лишь потому, что в основе ее лежит этноним *turčanin ~ turok ~ türk*, т. е. название, общее для всех тюркских народов, и самоназвание турок, азербайджанцев и некоторых других тюркских народов.

Этимология самого слова *türk* также пока достоверно не решена, но гипотез о происхождении этого этнонима имеется довольно много²¹. Наиболее вероятной из них нам представляется новая этимология этого этнонима от монгольск. *törxöt* 'родители, родня (замужней женщины)', т. е. свойственники. Ср. бурятск. *türxet*, мн. ч. *türxetüüd* 'родные (или родственники) жены', т. е. свойственники — название народа, данное монголами близкому, но не кровнородственному племени, из которого они брали себе жен; ср. тюркск. *törkün ~ türgün* 'дом отца жены, в кото-

¹⁸ ОГДР, т. I, стр. 99.

¹⁹ ОГДР, т. X, стр. 147.

²⁰ ОГДР, т. I, стр. 105.

²¹ А. Н. Кононов, Опыт анализа термина *türk*, «Сов. этнография», 1949, № 1.

рый возвращается замужняя женщина; все родственники жены'; *törkölä* 'отправляться к родственникам жены с вином или другими подарками с целью выпросить себе что-нибудь — деньги, скот, пчел и т. п.' (В. Радлов). Корень этих слов *törk* ~ *türk* и послужил основой для наименования тюркских племен тюрками *türk*.

Итак, фамилия Турчанинов — русское оформление слова *турчанин*, обозначающего название тюрков *türk* (по аналогии с *гречанин* для грека, *датчанин* для жителя Дании и т. д.).

Отношение же предков Турчанинова к тюркам, возможно, отражено в геральдических знаках, так как герб *Турчаниновых* изображает серебряное стропило с крестом над ним (знак перехода в христианство) и пятью полумесяцами: три расположены по бокам и снизу под крестом, и два — на крыльях шлема, находящегося над щитом герба. Наличие пяти изображений полумесяца указывает на принадлежность предков Турчаниновых к мусульманам.

21. Санбуров.

Фамилия *Санбуров* приводится родословной как новая, ее начало относится к 1789 г.²², т. е. ко времени правления Екатерины II. Основой фамилии служит тюркское слово *satbyr* ~ *solbur*, обозначающее: *satbyr* 'отвислый, болтающийся', *solbur* 'вялый, безжизненный человек' (В. Радлов); *satbyr* 'отвисающий, болтающийся' (К. Юдахин). Это слово связано также с глагольной основой *satbyra* — 'опуститься, распусться' (В. Радлов).

Диссимиляция *sanbur* ~ *salbur* // *solbur* могла быть вызвана искажением данного слова в русском произношении. Не исключена также возможность объяснить происхождение фамилии Санбуров из Сабуров, т. е. от собственного имени *Sabyr* ~ *Sabur* арабск. *ṣabūr* 'терпеливый, выносливый'.

Таким образом, фамилия Санбуров произошла либо от искаженного *sanbur* < *salbur* — клички со значением 'вялый, безжизненный человек, растрепан, растяпа', либо от собственного имени Сабур < арабского *ṣabūr* 'терпеливый'.

22. Гогель

Фамилия *Гогель* принадлежит выходцу из Польши и является относительно новой русской фамилией. В общем гербовнике указывается, что «Генрих Гогель в службу вступил в 1775 году...»²³.

Этимология слова *gögel* ~ *gogol* до сих пор не выяснена, но это слово со значением птица *Anas clangula* — 'селезень, нырок' и пр., встречается во многих славянских языках: русском, украинском, чешском, польском, древнепольском, а в некоторых фонетических вариантах также в древнепрусском и других балтийских языках — латышском, литовском (М. Фасмер). Ср. значения, которые приводятся В. Далем для русского слова гоголь: «*гоголь* — как название семейное толстоголовых плоских и круглых уток, включает в себе ряды: *гоголь*, *гачк*, *дзынч* и *чернеть*; как вид это близкий к крохалю, красивый нырок или утка *Foligula* круглоклювая // утка *Anas clangula* // (переносные значения. — Н. Б.) 'гоголь, гоголек, щеголь, франт, волокита'. Он гоголем ходит, хватом, франтом, самодовольно подняв голову' (В. Даль).

Предположение о тюркском происхождении слова *gogel* ~ *gogol* основывается на довольно широком распространении этого слова со значением 'селезень, утка, нырок' а также близких к этому слову фонетических вариантов со значением *кулик*, *соловей*, *голубь* и проч. в различных тюркских языках. Ср. киргизск. *kögöl* 'селезень' (В. Радлов); якутск. *köyüllä:x* 'хохлатая утка, нырок, хохлушка, малая гагара, чубатка' *Colymbus cristatus* (Э. К. Пекарский), а также *köyön* 'утка,

²² ОГДР, т. I, стр. 128.

²³ ОГДР, т. I, стр. 141.

кряква'²⁴; *kögüläs* 'соловей'; барабинск. *kügüldij* 'кулик' (В. Радлов); но особенно часто слово с данной основой встречается в значении 'голубь'; тобольск. татарск. *kügälčün* дикий голубь; каракалпакск., ногайск. *köger-šin* 'голубь'; карачаево-балкарск. *kögürčün* 'голубь'; башкирск. *kügärsin* 'голубь'; тувинск. *köge:žin* 'дикий голубь'; *kögebuça* 'голубь'; *hekkülü* 'голубь' и проч.

Все перечисленные значения названий птиц связаны этимологически с корнем *kök ~ gök ~ gö : k ~ kävak//kögäl ~ gögäl < kävakal* 'синий, синеватый, зеленый, зеленоватый, серый, сероватый, голубой, голубоватый' и т. д., что объясняется присутствием различного рода оттенков синего, зеленого, серого цвета в оперении селезня, утки, кулика, соловья, голубя.

Возможное предположение о том, что слово *gögel ~ gogol* могло быть заимствовано тюрками из русского языка, опровергается наличием в чувашском языке слова *kävakat* со значением утка//утиный; *kävakat am* 'утка', *kävakat aši* 'селезень', что по существующим фонетическим закономерностям в других тюркских языках соответствует *kävakal ~ kö : gel ~ gö : gel > kögel ~ gögel*. Если бы слово *gogol ~ gogel* было заимствовано из русского или из других славянских языков, то и в чувашском оно должно фонетически соответствовать оформлению *kögöl ~ gögöl*. Однако в чувашском языке для названий этой птицы мы имеем древнее чувашское оформление *kävakat* при *kävak* 'синий, голубой, зеленый, серый'.

Это обстоятельство убеждает нас в том, что русское наименование птицы 'гоголь' связано этимологически не с подражательным криком, как некоторые предполагают, а с тюркским корнем *gök ~ kök < gö : k ~ kö : k < kävakat* 'синий, зеленый, серый, голубой' и с его производными *gögül ~ kögül < gö : gul ~ kö : gül < kävakat* 'синеватый, зеленоватый, сероватый, голубоватый'.

Связь названия фамилии Гогель с названием птицы подтверждается наличием изображения птицы на фамильном гербе Гогелей, о чем в общем гербовнике сказано так: «В гербе в правой нижней части в голубом же поле поставлена на подножие щита с распростертыми крылами птица Гогель, обратившаяся в левую сторону, держащая во рту липовую ветвь и с сидящею на оной пчелою»²⁵.

Нет сомнения в том, что и польско-украинская фамилия великого русского писателя Н. В. Гоголя является общей по корню с фамилией Гогель, происходящей из тюркского *gögül ~ kögül* 'синеватый, голубоватый, зеленоватый, сероватый, сизый и проч.' > птица *гоголь ~ гогель*. Ср. также русскую фамилию Горталов, происходящую из турецкого наименования птицы *qartat ~ gartat* 'орел' (Л. Будагов).

SUMMARY

A considerable stratum of names of Turkic origin is to be found among Russian surnames. Some of these stem from a Turkic origin of the family, some — from Turkic nicknames received by people of pure Russian origin in the period when Russian was being permeated with Turkic vocabulary.

All nicknames to be met with in old-time family registers are classified both by semantic groups and by their Turkic or non-Turkic origin. Turkic nicknames are briefly characterized and their etymology is given (each one is correlated with the corresponding Turkic word).

In conclusion a more detailed etymological analysis is given for certain Russian family names of Turkic origin: Kõrsakov, Kartashov, Turchaninov, Sanburov, and Gogel.

²⁴ Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, вып. 1—13, СПб.—Л., 1907—1930.

²⁵ ОГДР, т. I, стр. 141.

С. И. Дмитриева

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКИХ БЫЛИН

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.)

Географическое распространение русских былин — вопрос очень сложный и почти не исследованный фольклористами. Разработка этого вопроса поможет решению одной из центральных проблем фольклористики — проблемы происхождения былин и их последующей истории.

Литература, посвященная былинам, огромна, однако их географическое распространение почти не нашло в ней отражения¹. В настоящей статье сделана попытка исследовать, используя метод картографирования², географическое распространение былин на территории России в конце XIX — начале XX в., т. е. в период, известный как классический в истории собирания былин.

В работе использованы следующие сборники былин: «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. I—5, М., 1860—1863; «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», под ред. А. Е. Грузинского, т. I—II, М., 1909—1910; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I—III, М.—Л., 1949—1951; «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примечания А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан», Петрозаводск, 1948; А. В. Марков, Беломорские былины, М., 1901; «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I—М., 1904; т. II — Прага, 1939; т. III — СПб., 1910; Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904; «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», «Труды музыкально-этнографической комиссии», М., ч. I, 1905; ч. II, 1911.

Помимо этих основных сборников, использованы два сводных собрания былин³. В одно из них — «Русские былины старой и новой записи» — включены опубликованные в 1880—1890 гг. былины, собранные С. И. Гуляевым в южной Сибири, И. А. Худяковым в Якутской области, Е. В. Барсовым в Олонецкой губернии, П. С. Ефименко в Архангельской губернии, Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем в Архангельской и Олонецкой губерниях, И. И. Железновым, Н. Г. Мякушиным у уральских казаков. В другой сборник — «Былины новой и недавней записи» — кроме отдельных текстов, перепечатанных из периодических собраний, вошли былины, записанные А. В. Марковым и Б. А. Богословским на побережье Белого моря, Н. С. Шайжиным в Петрозаводском и Пудожском уездах Олонецкой губернии, В. Г. Богоразом в Якутской области, М. Карпинским в терских казачьих станицах, А. И. Мякутиным у оренбургских

¹ Обзор работ, в которых уделяется внимание этому вопросу, содержится в книге А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения», М.—Л., 1966, стр. 215—232.

² Мысль о применении картографирования при изучении былин была подсказана мне М. В. Вятковым.

³ «Русские былины старой и новой записи», под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894; «Былины новой и недавней записи из разных местностей России», под ред. Вс. Миллера, М., 1908.

казаков, А. А. Догадиным у астраханских казаков, С. Я. Арефиным у донских казаков и др.

В работе учтены также записи былин, производившиеся после 1908 г. братьями Б. и Ю. Соколовыми⁴ в Белозерском крае, В. М. Зензиновым⁵ в с. Русское Устье Якутской области, А. А. Савельевым⁶ в Приангарском крае, А. В. Пруссак в Иркутской губернии⁷, И. Чеканинским⁸ в Енисейской и О. Э. Озаровской⁹ в Архангельской губерниях.

Большинство использованных сборников относятся примерно к одному периоду, охватывающему 35 лет (от 1867 г., когда начал собирать былины П. Н. Рыбников, до 1902 г., когда собирал былины Н. Е. Ончуков)¹⁰. Это дает возможность говорить об единовременности эпических традиций сравниваемых районов. Следует подчеркнуть, что собирание былин в этот период носило стихийный характер. Картина распространения эпической поэзии была неясна собирателям, и каждый из них, в каком бы районе России он ни работал, стремился найти там былины. В последующее же время (1920—1930-е годы), когда выявились основные очаги былин, поездки предпринимались в основном по маршрутам прежних собирателей. Это соответствовало и задачам советских исследователей — изучить судьбы былинной традиции и сказительских школ, раскрыть идейное содержание эпических произведений. Поэтому в рассматриваемый период (конец XIX — начало XX в.) можно с большим правом сопоставлять распространение былин в различных районах. Ограничиться этим периодом позволяет и то обстоятельство, что собирательская работа последующего времени не выявила таких очагов былинной традиции, которые бы существенно меняли картину распространения эпоса¹¹.

Материал, содержащийся в использованных сборниках, довольно разнороден. Стремясь зафиксировать все, что хоть в какой-то мере свидетельствует о былинной традиции, собиратели записывали и включали в сборники не только собственно былины, но и прозаические пересказы их и сказки на былинные сюжеты. В сборниках П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова имеются баллады, скоморошины, исторические песни, которые в районах, где работали эти собиратели, по форме не всегда отличались от былин и часто исполнялись в эпической манере.

Неравноценны сборники и по качеству помещенных в них былинных текстов и по количеству сведений, характеризующих эпические традиции изучаемых районов. Это объясняется разными методами собирания и записи былин у разных исследователей. Как известно, в рассматриваемый период только Гильфердинг и его последователи — Марков, Григорьев,

⁴ Б. И. Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

⁵ В. М. Зензинов, Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда, «Этнографическое обозрение», 1913, № 1—2.

⁶ А. А. Савельев, Былинный эпос в Приангарском крае, «Известия Среднесибирского отдела Русского географического общества», Красноярск, 1928.

⁷ А. Пруссак, Былины, бывальщина и три песни, «Живая старина», 1907, вып. 1.

⁸ И. Чеканинский, Енисейские старины и исторические песни, «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2.

⁹ О. Э. Озаровская, Бабушкины старины, М., 1922.

¹⁰ Несколько выходят за эти рамки сборники П. В. Киреевского, Б. и Ю. Соколовых и О. Э. Озаровской. Сборник П. В. Киреевского, хотя и начал издаваться одновременно со сборником П. Н. Рыбникова, включает материалы 1840-х и 1850-х годов. Тем не менее большинство помещенных в нем былин относится к 1860-м годам. Былины для сборника Б. и Ю. Соколовых собирались в 1908 г., и, таким образом, их отделяет от былин сборника Н. Е. Ончукова всего шесть лет. Вряд ли можно говорить о существенных изменениях былинной традиции за это время. Что касается былин из собраний О. Э. Озаровской, то они были записаны от М. Д. Криволеновой, от которой в свое время записывал А. Д. Григорьев. Таким образом, хотя эти былины фиксировались в разное время, они фактически представляют былинную традицию одного поколения.

¹¹ «Онежские былины», «Летописи Гос. литературного музея», кн. XIII, М., 1948; А. М. Астахова, Былины Севера, М.—Л., т. I, 1938, т. II, 1951, и др.

Ончуков — применяли научный метод собирания былин. Их сборники выделяются не только более совершенной техникой записи текстов, но и обилием сведений. В этих сборниках всегда названы место записи былины и место рождения исполнителя. Обычно в них сообщается, где и у кого выучил былинку тот или иной певец. Однако во многих сборниках, и прежде всего в большом собрании Киреевского, нередко не указаны ни место записи, ни имя сказителя. Зачастую неопределенны сведения о месте происхождения той или иной былины: «Архангельская губерния», «Олонекская губерния», «Онега» (в последнем случае неясно, что имеется в виду — город или река Онега). Еще более общие сведения о месте записи былин («у уральских казаков»), встречаются в сборниках Мякушина и Железнова. Не всегда точные данные и в сборниках Шайжина, Барсова и Шахматова.

Отдельные былины повторяются в ряде сборников (в собраниях Рыбникова, Гильфердинга, Барсова, Шайжина и Шахматова). Это связано часто с тем, что собиратели записывали былины от одних и тех же сказителей. Гильфердинг, например, совершал свою поездку по маршруту Рыбникова. Кроме того, повторы объясняются тем, что в сборники включались былины, опубликованные в других изданиях. Так, в собрании Киреевского немало былин из сборников Гильфердинга и Рыбникова, а в сборниках под редакцией Тихонравова и Миллера — былин из периодических изданий.

При отборе и систематизации материала, содержащегося в сборниках, я руководствовалась общепринятым определением былин как «особого вида русских эпических песен, начавших складываться в ранний период эпохи феодализма и посвященных теме защиты родины, общественной жизни и быта нашего народа». Отличительным признаком былин считается стихотворный размер и речитативное исполнение¹². Исходя из этого определения, в работе учтены только собственно былины, т. е. героические былины и былины-новеллы. Былины-баллады, скоморошьи былины и былины на сказочные сюжеты, исполнявшиеся в эпической манере лишь на Севере, во внимание не приняты, так как по своему содержанию они не связаны с эпическими героями. Исключены также прозаические пересказы былин, ибо в них отсутствует стихотворный размер, являющийся одним из основных жанровых признаков былины. Подобные пересказы, как и сказки о богатырях, можно встретить в районах, где эпической традиции никогда не было. Особо нужно сказать о былинах, записанных у казаков. Еще В. Ф. Миллер подчеркивал их коренное отличие от северных былин, обусловленное многоголосным исполнением¹³. Особенность музыкального исполнения казачьих былин в сочетании с фрагментарностью и краткостью текстов побудили известного собирателя и исследователя казачьего фольклора А. М. Листопадова назвать их былинными песнями¹⁴. К этому определению присоединяется и А. М. Астахова¹⁵. Таким образом, казачьи песни на былинные сюжеты лишь условно можно отнести к былинам.

При картографировании былин важно, чтобы каждая былина учитывалась только один раз; поэтому я сопоставила все использованные в статье сборники и исключила дублирующий материал¹⁶. Если место

¹² «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов», под общей ред. П. Г. Богатырева, М., 1956, стр. 324—325.

¹³ В. Ф. Миллер, Казачьи эпические песни XVI и XVII вв., «Очерки русской народной словесности», т. III, М.—Л., 1924.

¹⁴ А. М. Листопадов, Песни донских казаков, т. I, ч. 1, стр. 31.

¹⁵ А. М. Астахова, Вопросы изучения донской былины, сб. «Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.», Ростов, 1963.

¹⁶ Например, былина о Ставре Годиновиче, записанная от одного сказителя, встречается в сборниках П. Н. Рыбникова (№ 75), Е. В. Барсова (стр. 67—71) и «Былины старой и новой записи» (№ 58). При сличении различных сборников, содер-

записи той или иной былины в сборнике не указано и установить его невозможно, эта былина в расчет не принималась.

Если о сказителях имеются подробные сведения, то учитывалось не место записи той или иной былины, а место, где сказитель выучил ее, или место, откуда сказитель родом. Например, былины, выученные Аграфеной Крюковой в ее родном селе Чаванге, были отнесены к Александровскому уезду, где расположено это село, а не к Архангельскому уезду, в котором (в с. Зимняя Золстица) записал эти былины А. В. Марков¹⁷. Другой пример: о сказителе родом из д. Гагарки Пудожского уезда¹⁸ сообщается, что он выучил былины от деда, который, в свою очередь, перенял их от уроженца Андомского погоста Вытегорского уезда; я отношу эти былины к Вытегорскому уезду. Такой способ дает возможность выявить более древние очаги былинной традиции.

В тех случаях, когда нужно было установить уезд, к которому относится селение, я пользовалась «Списком населенных мест Российской империи» (СПб., 1861—1885).

На основе отобранного и систематизированного таким образом материала мною составлены таблица, показывающая число записей былин, приходящихся на уезд, и карта распространения былин в Европейской части России¹⁹.

Былины, как видно из карты, сосредоточены в основном на Европейском Севере, в Архангельской и Олонецкой губерниях. На большинство уездов этих губерний приходилось по несколько десятков записей былин, а в Мезенском уезде число их достигает 170.

Ничего подобного нет в других губерниях России. Там былины либо вовсе отсутствуют, либо их очень мало. Совсем нет былин в Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Казанской и Астраханской губерниях. По одной былине записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской и Рязанской губерниях. Единичны записи и в приуральских губерниях: Пермской и Уфимской. Семь былин зафиксировано в Московской губернии, в том числе четыре в самой Москве, в мещанской среде. Немного больше записей сделано в поволжских губерниях: Нижегородской, Симбирской, Саратовской. Около 40 записей былин, вернее песен на былинные сюжеты, произведено среди донских, терских и уральских казаков.

Таким образом, в рассматриваемый период на всем огромном пространстве Европейской России эпическая традиция сохранялась только в Архангельской и Олонецкой губерниях, где число записей былин достигает 676. Во всех же остальных губерниях сделано всего 105 записей, включая 43 записи казачьих песен на былинные сюжеты, которые, как уже говорилось, лишь условно можно считать былинами. Напомним, что плотность населения в Архангельской и Олонецкой губерниях значительно меньше, чем во многих других.

жащих дублирующий материал, за основной сборник брался тот, в котором даются более подробные сведения о сказителях и местах записи. Так, сопоставляя сборники Гильфердинга и Рыбникова, я использовала в качестве основного сборник Гильфердинга; у Рыбникова же взяты только те былины, которых нет в сборнике Гильфердинга. Записи этих собирателей, встречающиеся в дополнениях к выпускам «Песен П. В. Киреевского», в расчет не принимались. В том случае, когда одни и те же записи былин представлены в отдельных изданиях, и в сводных сборниках, используются, как правило, отдельные издания, так как в них легче найти указание на место записи тех или иных былин.

¹⁷ А. В. Марков, Беломорские былины, СПб., 1901, № 1—39.

¹⁸ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, М., 1909 (далее А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб.), № 63—68.

¹⁹ В статье не приводится карта распространения былин в Сибири, так как для разработки проблемы происхождения богатырского эпоса это не имеет принципиального значения. Известно, что былины в Сибирь были занесены значительно позднее.

Число героических былин, приходящихся на уезд

Губернии	Уезды	Число былин	Губернии, области	Уезды, округа	Число былин
Петербургская	Новоладожский	1	Симбирская	Симбирский	6
Олонецкая	Лодейнопольский	2		Сызранский	6
	Петрозаводский	76		Корсунский	9
	Повенецкий	24	Воронежская	Землянский	1
	Пудожский	90	Самарская	Самарский	1
	Вытегорский	9	Саратовская	Петровский	4
Архангельская	Каргопольский	25		Хвалынский	1
	Шенкурский	5		Саратовский	1
	Архангельский	80	Донская обл.	I Донской округ	6
	Онежский	8		II Донской округ	4
	Кемский	22		Усть-Медведицкий округ	2
	Александровский	36	Терская обл.	Кизлярский округ	12
	Пинежский	71		Грозненский округ	3
	Мезенский	170	Пермская	Соликамский	1
	Печорский	61		Кунгурский	2
Вологодская	Тотемский	1	Уфимская	Мензелинский	2
Новгородская	Кирилловский	2		Уфимский	1
	Белозерский	1	Уральская*		8
	Валдайский	1	Оренбургская	Оренбургский	8
	Новгородский	1	Енисейская	Енисейский округ	9
Владимирская	Юрьевский	1		Минусинский округ	1
Московская	Московский	5		Ачинский округ	1
	Коломенский	2		Бийский округ	6
Нижегородская	Горбатовский	7	Томская	Барнаульский округ	23
	Сергачский	1			
Калужская	Боровский	1	Иркутская	Иркутский	2
Тульская	Алексинский	1	Якутская обл.	Верхоянский	4
Рязанская*		1		Нижеколымский	11
Орловская	Малоархангельский	1			

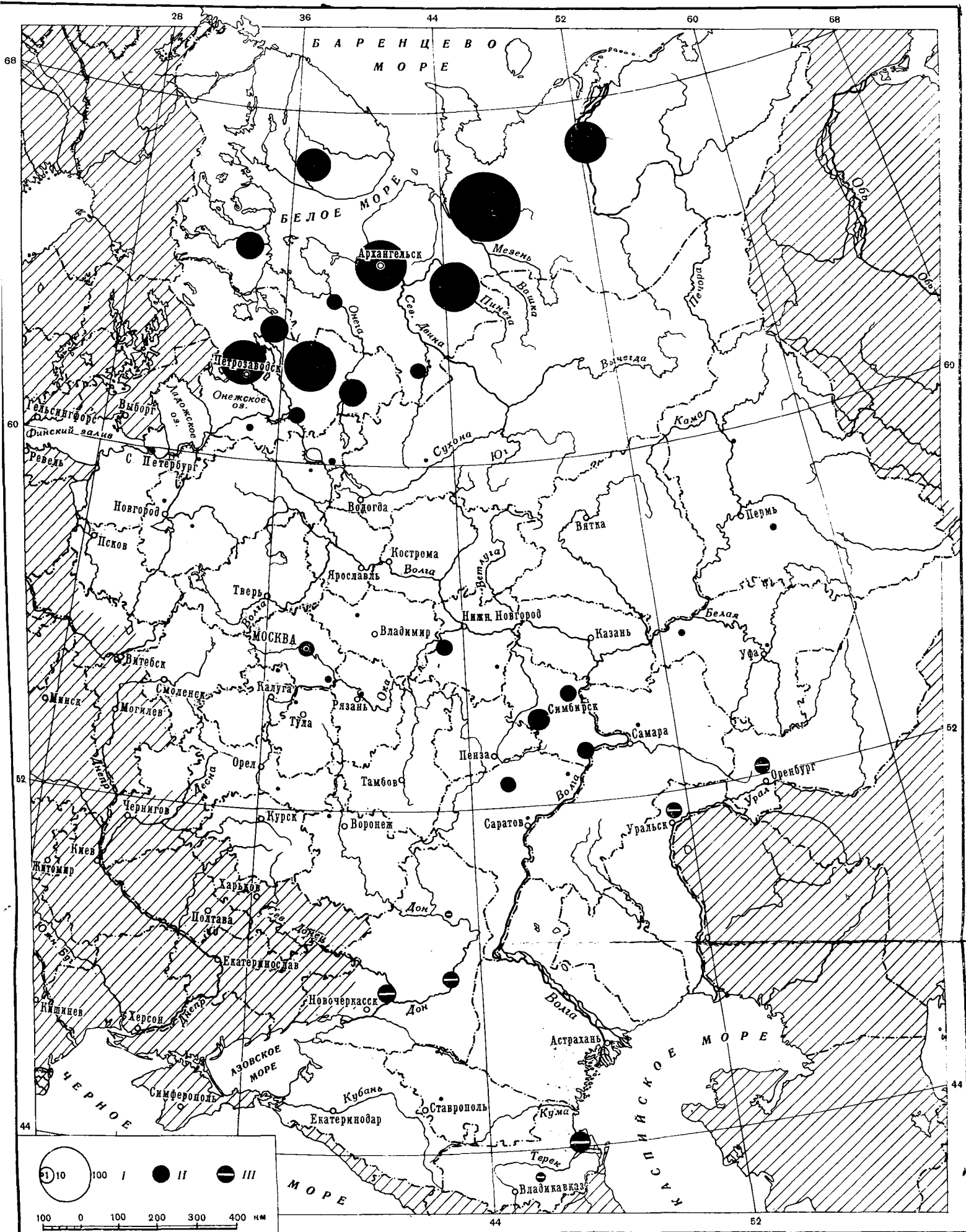
* Уезд, в котором произведена запись, не указан, и установить его невозможно.

Поразительны различия и в качестве былинных текстов. Если в большинстве губерний, где произведены записи, тексты сохранились в сокращенном, скомканном виде, зачастую в отрывках, то на Севере, напротив, записаны превосходные художественные тексты, многие из которых содержат до 500 стихов. Именно в северных губерниях собиратели в конце XIX в. обнаружили живую творческую традицию и услышали перво-классных мастеров былинного сказительства. В целом ряде мест этих губерний (южная часть Заонежья, Пудожский край, Кенозеро, Мезень, Зимний берег, Печора) былины тогда широко бытовали. Местные сказители настолько владели техникой былинного сказительства, что могли переложить в былинную любую песню и даже сказку. А. В. Марков, исследовавший Зимний берег Белого моря, приводит любопытный в этом отношении пример: «После того, как репертуар двух сказителей, певших мне старины вместе, Бурой и Лыткиной, уже истощился, они, желая получить еще гонорара, своим обычным былинным напевом запели следующее: „Из-за гор, за гор, да крутых, да высоких“» и т. д., т. е. обычную лирическую песню, обладавшую другим размером. То же самое они хотели проделать и с другой лирической, рекрутской песней²⁰. А. Ф. Гильфердинг, характеризуя эпическую традицию Выгозера, Кенозера и Водлозера, отмечал, что «эпическая поэзия и теперь там бьет ключом»²¹. В Кенозере, по его словам, «воздух... пропитан духом эпической поэзии»²².

²⁰ А. В. Марков, Указ. раб., стр. 17—18.

²¹ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., т. I, стр. 37.

²² Там же, стр. 48.

I — Количество записей, приходящихся на уезд (площадь кружков прямо пропорциональна числу записей былин); II — былины; III — песни на былинные сюжеты.

В других губерниях картина совершенно иная. Скучные, случайные записи былин, произведенные там, свидетельствуют об отсутствии эпической традиции, во всяком случае в рассматриваемый период²³.

Тот факт, что былинная традиция отсутствует в большинстве средних и южнорусских губерний, а также на Украине и в Белоруссии, давно привлекал внимание исследователей. В попытках объяснить его они исходили из казавшегося им несомненным положения, что когда-то былины бытовали в России повсеместно. Больше или меньшее число записанных былин они считали результатом случайности: просто в одной местности оказались этнографы-собиратели, в другой их не было. «Не объясняется ли,— пишет, например, А. М. Лобода,— преобладание былин в Симбирской и Нижегородской губерниях деятельностью Языковых, Шейна, священника Фаворского, которые поспешили вовремя спасти угасающие остатки былин?»²⁴. Однако известно, что Шейн не менее энергично собирал песни в Тульской, Калужской, Смоленской, Минской и Витебской губерниях, но ни одной былины здесь он не записал; Рыбников, прежде чем попасть в Олонецкую губернию, собирал фольклор в Черниговской губернии, но былин не нашел.

Известно, что на долю белорусских, украинских и русских северных губерний приходилось не меньше (если не больше) собирателей, чем на Архангельскую и Олонецкую губернии²⁵. К тому же работать в северных губерниях собирателям народного творчества было гораздо труднее, чем во многих других губерниях России. Достаточно вспомнить, в каких тяжелых условиях собирали былины Н. Е. Ончуков и А. Д. Григорьев, вынужденные в морозную погоду преодолевать в поисках былин огромные расстояния между населенными пунктами. Начиная с 1860-х годов, после того как П. Н. Рыбников открыл былинные очаги в Олонецкой губернии, былины становятся центром внимания каждого собирателя. С этого времени и до начала XX в. появляются многочисленные сборники песен, «...архив этнографического отделения Географического общества, можно сказать, ломится от обилия присылаемых этнографических материалов, однако среди множества записей бытовых песен былин не оказывается»²⁶.

Открытие в конце XIX — начале XX в. новых центров былинной традиции на Севере А. Д. Григорьевым, А. В. Марковым и Н. Е. Ончуковым, записавшими там сотни былин, показало, что первые находки былин в северных районах не были случайностью; малое же число былин в северных районах свидетельствует об отсутствии там былинной традиции, по крайней мере в XIX в.

Многие исследователи стали искать причины более раннего, чем на Севере, исчезновения былинной традиции в северных районах (опять-таки исходя из положения, что былины были когда-то распространены по всей России). Главную причину они видели в том, что бурные политические события, пришедшие на смену воспеваемым в былинах, способствовали распространению исторических песен (исторических дум на Украине), вытеснивших из народной памяти богатырские песни. Консервации же былинной традиции на Севере способствовала будто бы обособленность русского Севера. Однако, во-первых, вплоть до XVIII в. русский Север не был захолустным краем, через него проходили торговые

²³ Исключение составляют Барнаульский округ Томской губернии и Верхоянский округ Якутской области, где обнаружена былинная традиция, хотя и гораздо более слабая, чем на Севере.

²⁴ А. М. Лобода, Русский богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 90.

²⁵ Подробно об этом см.: В. Ф. Миллер, Наблюдения над географическим распространением былин, «Очерки русской народной словесности», т. I, М., 1897, стр. 66—67.

²⁶ Там же, стр. 67. Против «случайности» записи былин на Севере свидетельствует тот факт, что и в дальнейшем собирательская работа, как уже говорилось, не выявила новых очагов былинной традиции, существенно менявших карту распространения былин.

пути, связывавшие Россию со странами Западной Европы²⁷. Во-вторых, жители Севера были в курсе позднейших политических событий, о чем свидетельствуют записанные у них исторические песни, которые здесь не только не вытеснили былинный эпос, но и сами подверглись его влиянию. Многие фольклористы (А. Ф. Гильфердинг, П. Н. Рыбников, А. В. Марков, Н. Е. Ончуков) считали, что былины сохранились на Севере потому, что там были наиболее благоприятные для этого условия: «свобода и глушь»²⁸, «отсутствие просвещения» и безграмотность, «вынужденный досуг во время работы на промыслах»²⁹ и др.

Все это, конечно, способствовало сохранению эпоса, но можно ли считать, что только для северных губерний были характерны «свобода и глушь», «отсутствие просвещения», «вынужденный досуг»?

Под свободой понималось отсутствие крепостного права. «Ощущая себя свободным человеком,— писал А. Ф. Гильфердинг,— русский крестьянин не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях»³⁰. Однако еще А. М. Лобода отметил, что на Дону была большая свобода, чем на Севере, а эпос в такой сохранности, как на Севере, там не обнаружен³¹. Известно также, что и в тех областях России, где было развито крепостное право, записано немало свободолюбивых исторических и других песен. Как объяснить к тому же, что в Вологодской области, где не было крепостного права, не зафиксирована эпическая традиция?

Что касается глуши, то вряд ли славившиеся былинами Архангельская и Олонецкая губернии представляли собой в рассматриваемый период большую глушь, чем, скажем, Вологодская губерния. Кроме того, близость к культурным центрам сама по себе не разрушала традиционного фольклора. Например, Заонежье, известное богатством эпической традиции, было тесно связано с Петрозаводском, и немалое число сказителей не только бывало, но и работало в Петрозаводске и даже Петербурге.

Не следует переоценивать как причину сохранения былин и «отсутствие просвещения», «неграмотность». Известно, что по грамотности населения Олонецкая и Архангельская губернии не уступали многим другим русским губерниям. Исследования А. М. Астаховой показали, что грамотность не уничтожает былинной традиции и что среди лучших сказителей процент грамотных был достаточно высок³².

Из перечисленных причин, якобы обусловивших сохранение былинной традиции, наибольшего внимания заслуживает «вынужденный досуг» во время работы на различных промыслах. И А. В. Марков, и А. Д. Григорьев, и Н. Е. Ончуков не раз подчеркивали, что крестьяне охотнее всего поют былины в осенние вечера на промыслах рыбы или морского зверя, когда из-за наступления темноты им приходится прекратить работу и долгий досуг нечем заполнить. Но как объяснить тогда живучесть былинной традиции в Онежском крае, где земледелие, по крайней мере уже с XV в., занимало основное место в хозяйстве крестьян, а промыслы были развиты намного слабее? Кроме того, как замечает Миллер, крестьяне других русских областей часто сопровождают одно-

²⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 131—135.

²⁸ О причинах, способствовавших консервации былинной традиции на Севере, А. Ф. Гильфердинг писал: «Этих причин две — „свобода и глушь“, причем необходимо было их совместное действие». См. А. Ф. Гильфердинг. Указ. раб., т. I, стр. 34.

²⁹ Об этом см.: А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 30, сл.; В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 494—495.

³⁰ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., т. I, стр. 35.

³¹ А. М. Лобода, Указ. раб., стр. 102.

³² А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, стр. 31.

образную и скучную работу заунывным и протяжным пением, и эти песни могли бы быть и эпическими³³.

А. Ф. Гильфердинг, а за ним и другие исследователи считали, что былинную традицию на Севере поддерживали также поэтическая одаренность северных крестьян и вера в чудесное. Н. Е. Ончуков так писал об этом: «Чудесное в былинах для печорца совсем, впрочем, не представляется чем-то особенным. Этим чудесным полна его действительная жизнь, мир его окружающий полон чудес и необъяснимостей: в реках и особенно озерах обитают водяные, в лесу — лешие, в собственном доме за печкой хозяйничает домовая, вокруг — оборотни, ведьмы, шипики, колдуны, которые — рассерди их — и ныне обратят в гнедого тура»³⁴. Но ведь в колдунов, леших и домовых верили в прошлом и крестьяне тех русских губерний, в которых былины не были распространены.

То же следует сказать и о «поэтической одаренности русских крестьян». Можно не сомневаться, что она была присуща крестьянам не только северных губерний России, но и многих других, где былины не записаны.

Таким образом, все перечисленные причины могли лишь способствовать консервации былинной традиции, но отнюдь не обуславливать ее.

Выявить основную причину распространения и сохранения былины на русском Севере помогает изучение размещения здесь былинных очагов. Рассмотрим внимательно карту. Бросается в глаза тот факт, что очаги былинной традиции сосредоточены в северо-западной части русского Севера, в районах Лодейного поля, Вытегры, Кижей, Пудожя, Толвуя, Водлозера, Кенозера, Моши, Выгозера, на Терском, Поморском и Зимнем берегах Белого моря, на реках Пинеге и Кулде, Мезени и Печоре. В юго-восточной части рассматриваемой области (бассейны Сухоны, Юга, Вычегды, Камы и Вятки) былинных очагов нет³⁵, хотя условия, способствовавшие сохранению былины, действовали здесь в той же степени, что и в Архангельской и Олонецкой губерниях. Не было недостатка и в собирателях, посещавших этот край, достаточно вспомнить П. Саввантова, Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина, Н. Иваницкого, Ф. Студитского³⁶.

Неравномерность распространения былины на русском Севере связана, по-видимому, с историей колонизации края. Как установлено историческими, этнографическими и лингвистическими исследованиями, эта область была заселена русскими сравнительно поздно (главным образом в XII—XVII вв.), причем северо-западная часть русского Севера подвергалась новгородской, а юго-восточная часть — ростовской, или так называемой низовской колонизации.

Сопоставляя районы размещения былинных очагов и районы, по которым двигалось население из Новгородской губернии, обнаруживаем почти полное их совпадение³⁷. Упомянутые в древнейших письменных документах погосты, расположенные на путях, по которым шло население (Свирь, Онежское озеро, Водла, Онега, оттуда по Емце на Нижнюю Двину, затем на Терский и Карельский берега Белого моря, Мезень и

³³ В. Ф. Миллер, Наблюдения над географическим распространением былины, стр. 72.

³⁴ Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904, стр. XXII.

³⁵ Случайная запись былины, вернее былинного отрывка (Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш, Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Костромской летом 1893 г., СПб., 1899, стр. 39—40), не может свидетельствовать даже о слабой эпической традиции в этом районе.

³⁶ П. И. Саввантов, Вологодские песни, «Москвитянин», 1841, ч. II; Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш, Указ. раб.; «Песни, сказки, пословицы и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии», Вологда, 1960; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским», СПб., 1841.

³⁷ Конечно, полного совпадения быть не может. Так, былины почти нет на исконной Новгородской территории, где, кстати, и не действовали в той мере, как на Севере, причины, способствовавшие сохранению эпоса.

Печору),³⁸ размещены в районах былинной традиции. Показательны в этом отношении этнографические и антропологические исследования, проведенные в недавнее время М. В. Витовым³⁹. Ареал выделенного им ильменско-беломорского типа, который он связывает с миграцией населения из бассейнов Ильменя и Волхова, в основном совпадает с ареалом былинных очагов. Сравнение же карты размещения былин с диалектологическими картами показывает, что былинному ареалу соответствует область распространения двух северо-великорусских диалектов: северного (поморского) и частично олонечного⁴⁰. Юго-восточная часть русского Севера, как выявляется при изучении древних письменных документов, антропологических и лингвистических данных, была заселена выходцами из Ростово-Суздальской земли⁴¹. В этой части былинная традиция отсутствует. Нет ее и в тех районах, где низовская колонизация перекрыла более раннюю, новгородскую — водораздел Сухоны и Ваги, среднее и верхнее течение рек Онеги и Северной Двины.

Все сказанное свидетельствует о том, что распространение былин на русском Севере можно связать только с новгородской колонизацией⁴². То обстоятельство, что низовская колонизация не принесла былин на Север, дает основание утверждать, что в Ростово-Суздальской земле былин не было во всяком случае в XIV—XV вв. (в период усиленной колонизации).

Можно предположить, что в XIV—XV вв. былин не было и во всех остальных областях, в которых также, как и в бывших землях Ростово-Суздальского княжества, не была зафиксирована былинная традиция в конце XIX — начале XX в. Это касается центральных и южных губерний России, а также Украины и Белоруссии. Такое предположение возможно еще и потому, что у нас нет убедительных доказательств в пользу противоположного мнения о широком распространении в прошлом былин повсюду в России, Белоруссии и на Украине.

Обычно для доказательства наличия в прошлом былинной традиции исследователи ищут следы былевого эпоса в других фольклорных жанрах. Особое место в этой связи было уделено украинским и белорусским сказкам и легендам, в которых содержатся былинные эпизоды или упоминаются имена некоторых былинных героев⁴³. Однако сходство эпизодов и даже имен былинных героев во многих случаях не доказано и вызывает споры среди фольклористов. Достаточно вспомнить полемику между Н. П. Дашкевичем и А. Н. Веселовским, с одной стороны, и Н. Ф. Сумцовым, с другой, относительно правомерности сближения

³⁸ А. Н. Насонов, *Русская земля и образование территории древнерусского государства*, М., 1951, стр. 93, сл.

³⁹ М. В. Витов, *Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера*, «История СССР», 1964, № 6; его же, *Этнические компоненты русского населения Севера* (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.), М., 1964.

⁴⁰ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*, М., 1915; Р. И. Аванесов, *Очерки русской диалектологии*, М., 1949; П. С. Кузнецов, *Русская диалектология*, М., 1951.

⁴¹ А. Н. Насонов, *Указ. раб.*, стр. 189, сл.; М. В. Витов, *Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера*; Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, *Указ. раб.*; Р. И. Аванесов, *Указ. раб.*; П. С. Кузнецов, *Указ. раб.*

⁴² Гипотезу о том, что северные былины связаны с колонизацией из Новгорода, выдвинул впервые В. Ф. Миллер. Однако он основывался главным образом на сборниках былин из Олонечкой губернии. Сборники из Архангельской области были составлены позднее. Это, вероятно, не позволило Миллеру более четко выразить мысль, что только новгородская колонизация принесла былины на Север, и он надеялся, что их можно будет найти и в Вологодской губернии, заселенной из Ростово-Суздальской земли. (В. Ф. Миллер, *Наблюдения над географическим распространением былин*, стр. 77). К тому же история колонизации во времена Миллера была изучена слабо.

⁴³ Подробная сводка такого материала содержится в книге А. М. Лободы (*Указ. раб.*, стр. 90—100).

Алеши Пирятинского из «Думы о буре на Черном море» с былинным Алешей Поповичем⁴⁴. Кроме того, возможно позднейшее книжное или лубочное происхождение этих легенд и сказок. И наконец, эти сказки так же мало говорят о существовании былин в соответствующих областях, как и сказки на былинные сюжеты, записанные у финнов, латышей, якутов, удмуртов и др.⁴⁵. Собирателям удалось даже записать русские былины среди нерусского населения⁴⁶, однако никто не станет искать у него следов древней былинной традиции.

В качестве доказательства наличия былинной традиции на Украине и в Белоруссии исследователи ссылаются на известную отписку 1574 г. оршанского старосты Кмиты Чернобыльского к кастеляну Троицкому Остафию Воловичу, а также на записки Эриха Лассоты — посла римского императора — который побывал в 1594 г. в Киеве. В отписке упоминаются Илья Муромец и Соловей Будимирович, а в записках — гробница Ильи Муромца⁴⁷. Но ведь это в лучшем случае свидетельствует лишь о распространении на Украине и в Белоруссии сказаний об Илье Муромце!

Нельзя согласиться, на мой взгляд, и с М. М. Плисецким, который на основании собранного им материала о связях произведений украинского фольклора и русского эпоса (былинные мотивы и упоминания былинных богатырей в украинских думах, обрядовых песнях, народных преданиях) пишет о прочной былинной традиции на Украине⁴⁸.

Сравнительное изучение эпосов различных народов показало, что существуют международные сюжеты (а это больше, чем общие мотивы, сходные ситуации и т. п.), на основании которых, однако, нельзя устанавливать генетические связи между эпосами.

Свидетельством былинной традиции могло бы служить наличие в произведениях других жанров поэтических приемов, характерных для былин. А. М. Лобода исследовал с этой точки зрения поэтику белорусских песен и пришел к выводу, что специфически былинных приемов в ней нет⁴⁹. М. М. Плисецкий, проводивший аналогичные исследования поэтики украинских дум и русского эпоса, обнаружил мало общих приемов да и те, по его словам, характерны для всего песенного фольклора⁵⁰.

Б. П. Кирдан пишет о полном отсутствии общих приемов в поэтике украинских дум и русских былин⁵¹. В районах же былинной традиции по художественным особенностям былинам близки многие песенные жанры: причитания, заговоры, свадебные песни.

Об отсутствии былин (или раннем их исчезновении) в северных областях свидетельствуют исторические песни, время создания которых, в отличие от других фольклорных жанров, можно точно датировать. Как показало исследование этих песен, только исторические песни Севера

⁴⁴ Н. Ф. Сумцов, К думам об Алексее Поповиче, «Киевская старина», 1894, № 1.

⁴⁵ А. Н. Веселовский, Мелкие заметки к былинам, «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, март; А. М. Астахова в исследовании «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.—Л., 1962) приходит к выводу: «На основе одних только сказок в определенном районе нельзя утверждать, что здесь существовала былинная традиция и сказки являются переоформленными остатками ее, так как эти сказки могли быть занесены и устным и письменным путем» (стр. 66).

⁴⁶ П. Н. Рыбников записал несколько былин от карелок Дмитриевой (Указ. раб., т. I, стр. 86—89) и Лазаревой (Указ. раб., т. II, № 103—109). Н. Е. Ончуков слышал несколько былин от коми-ижемцев, «распевавших их на ломаном русском языке» (Указ. раб., стр. VIII).

⁴⁷ А. Н. Веселовский, Южнорусские былины, СПб., 1881, стр. 61—64; А. М. Лобода, Указ. раб., стр. 15.

⁴⁸ М. М. Плисецкий, Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса, М., 1963, стр. 385.

⁴⁹ А. М. Лобода, Белорусская поэзия и былевой эпос, «Этнографическое обозрение», 1895, № 2.

⁵⁰ М. М. Плисецкий, Указ. раб., стр. 307.

⁵¹ Б. П. Кирдан, Украинский народный эпос, М., 1965, стр. 324.

по своим художественным особенностям сходны с былинами. Об этом писали многие исследователи. «Иной раз даже затруднительно провести какую-либо твердую грань между тем и другим видом устных произведений. Так, например, песня об историческом лице — Мастрюке — с полным правом может называться былиною. „Наезд литовцев“ по всей вероятности, является песней, превратившейся, благодаря утрате точных фактических данных, в былинну; песня о Петре Великом, который вознаграждает молодца за правдивый ответ, скорее былина-баллада»⁵². Близость исторических песен к былинам отмечает и В. Ф. Миллер. «В области былинной традиции, в Олонецкой и Архангельской губерниях, — писал он, — историческая песня значительно изменила свой первоначальный характер под влиянием эпических шаблонов»⁵³. Ту же тенденцию можно увидеть в исторических песнях Западной Сибири, былинная традиция которой связана с Севером. Напротив, исторические песни центральных и южнорусских губерний по своим художественным особенностям значительно отличаются от северных. В центральных губерниях они сближаются с лирическими песнями и романсами и стилистически, и по характеру исполнения. Исторические песни, записанные в южнорусских губерниях, близки к песням центральных губерний⁵⁴.

Все это дает основание заключить, что ко времени появления исторических песен в центральных и южнорусских губерниях и исторических дум на Украине, т. е. к XV—XVI вв., былинная традиция там или уже не существовала или была настолько слабой, что не нашла отражения в исторических песнях.

Доказательством отсутствия былинной традиции в несеверных областях в прошлом служит и тот факт, что в Сибири, заселявшейся с XVI в. из разных областей России, Украины, Белоруссии, эпическая традиция зафиксирована только в районах, колонизованных с русского Севера. Сравнительное изучение состава былинного эпоса показало также, что известные нам былины, в том числе и из сборника Кириши Данилова, восходят к одному источнику, и, следовательно, связаны с новгородской колонизацией⁵⁵.

Все это позволяет предположить, что дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием только Новгородской земли, откуда они позднее распространились с колонизационным потоком⁵⁶.

* * *

Таким образом, метод картографирования былин дает возможность наглядно представить размещение былинных очагов. В России в конце XIX — начале XX в. былинные очаги были сосредоточены главным образом в районах Европейского Севера, причем только в местах новгородской колонизации. В областях же, где преобладала низовская колонизация, былин нет. Это, в свою очередь, дает основание утверждать, что к XIV—XV вв., времени усиленной колонизации из Ростово-Суздальской земли, былин там не было.

⁵² А. Н. Лозанова, Русские исторические песни, Сб. «Фольклор Карело-финской ССР», вып. 1, Петрозаводск, 1941, стр. 60.

⁵³ В. Ф. Миллер, Русские исторические песни из Сибири, «Известия Отделения русского языка и словесности», СПб., 1904, т. 9, кн. 1, стр. 22.

⁵⁴ В. К. Соколова, Распространение русских песен о событиях XVI — начала XIX в., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1957, вып., XXVII, стр. 8.

⁵⁵ В. Ф. Миллер, Наблюдения над географическим распространением былин; Б. Соколов, О былинах, записанных в Саратовской губернии, «Культура» (научное приложение), 1922, № 1, январь.

⁵⁶ Это разумеется не исключает существования в прошлом в других русских землях произведений об эпических героях (в форме преданий, сказок или даже недошедших до нас эпических песен), однако былинная традиция, с ее строго определенными сказительскими приемами, скорее всего не была достоянием этих областей.

Можно предположить, что в XIV—XV вв. былины отсутствовали в центральных и южных областях России, а также на Украине и в Белоруссии. Это подтверждается и анализом традиционного фольклора, прежде всего, исторических песен и дум.

Следовательно, известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса.

SUMMARY

Russian epos is studied by the aid of mapping. The map is based on data from *bylina* anthologies of late XIX—early XX centuries. The map shows that the *bylina* tradition is limited to the north of European Russia. But even within this region a clear-cut area is formed embracing its north-western part. A comparison of this *bylina* area with evidence from a number of historical sources shows that centres of heroic epos (the *bogatyr* epics) are located only in areas colonized by Novgorod. There are no *bylinas* in regions predominantly colonized from Rostov-Suzdal territory. This leads to the conclusion that at the time of intensive colonization of the North from Rostov-Suzdal territory (XIV—XV centuries) there was no *bylina* tradition there. The absence of *bylinas* in this territory, as also their absence in the XIX century in most of Russia, the Ukraine and Byelorussia suggests that at that time they existed nowhere except in Novgorod territory. This, together with the fact that the *bylina* epos as a whole originates from one source, permits the assumption that the known epical tradition has a Novgorod origin.

И. И. С а л и в о н

**КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ XVIII—XIX вв.
В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ВОПРОСАМИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ БЕЛОРУСОВ**

В последние годы значительно возрос интерес антропологов к краниологическим материалам XVII—XIX вв. Это связано с возможностью проследить преемственность антропологического типа вплоть до наших дней путем прямого сопоставления этих материалов, с одной стороны, с краниологическими данными по древнему населению, с другой — с результатами соматологического исследования.

До настоящего времени краниологический материал по населению Белоруссии XIX в. был представлен лишь коллекцией, собранной под руководством Н. А. Батуева кафедрой нормальной анатомии медицинского факультета Одесского университета в конце прошлого столетия. Материал изучен В. П. Алексеевым¹, но из-за крайней малочисленности (15 мужских черепов) не может быть использован для окончательных выводов.

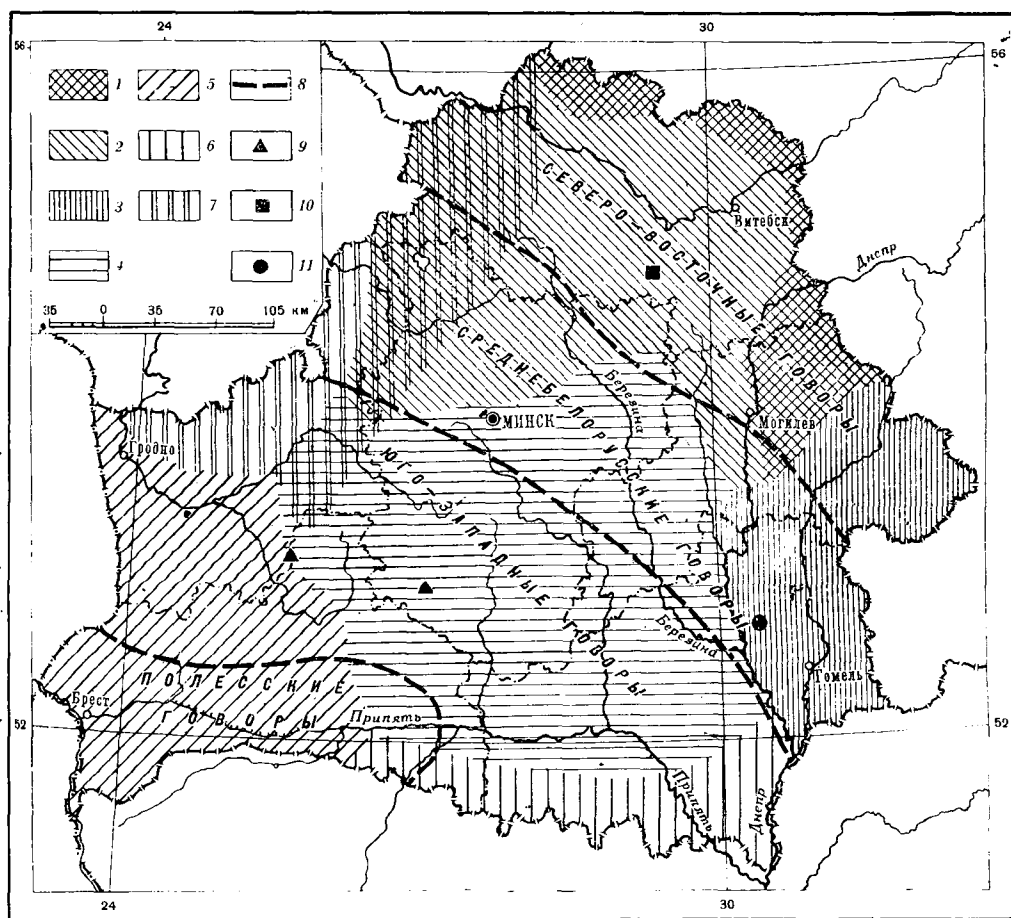
Во время летних экспедиций 1966—1967 гг., организованных Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, под руководством автора данной статьи проводились раскопки сельских кладбищ XVIII—XIX вв. (кладбища датированы на основании опроса местных жителей, надписей на надгробных камнях, и монет, найденных при раскопках).

Могильники выбраны в соответствии с диалектологической картой и сведениями о расселении средневековых восточнославянских племенных групп на территории Белоруссии. Краниологический материал представлен тремя группами черепов: з а п а д н о й — из могильников д. Гловсевичи Слонимского района Гродненской области (8 мужских и 8 женских черепов) и д. Прусы Копыльского района Минской области (29 мужских и 31 женских черепов); с е в е р о - в о с т о ч н о й — из могильника д. Лукомль Чашинского района Витебской области (25 мужских и 23 женских черепа) и ю г о - в о с т о ч н о й из могильника д. Губичи Будо-Кожелевского района Гомельской области (24 мужских и 33 женских черепа).

Вся серия состоит из 181 черепа (86 мужских и 95 женских).

При сопоставлении исследуемых групп по краниологическим признакам (табл. 1 и 2) отмечаются некоторые различия между ними. Юго-восточная группа характеризуется меньшими абсолютными размерами черепной коробки и лицевого отдела, сглаженностью рельефа, большей брахикранностью и более прямым лбом, несколько меньшим углом выступления носа при незначительном снижении дакриальной высоты и дакриального указателя, уменьшением глубины клыковой ямки. Северо-

¹ V. Alekseev, *Kraniologische Daten zur Entstehung der Völker der östlichen Baltiums*, «Anthropologischer Anzeiger», Jahrgang 28, 1966, № 4.

Расселение восточнославянских племенных групп (середина IX — середина XI вв.) на территории Белоруссии, распространение диалектов белорусского языка и локализация белорусских краниологических групп XVIII—XIX вв.
 1 — кривичи, 2 — полоцкая ветвь кривичей, 3 — радимичи, 4 — дреговичи, 5 — воляняне, 6 — древляне, 7 — литовские и прибалтийские племена, 8 — границы говоров белорусского языка, 9 — западная краниологическая группа, 10 — северо-восточная краниологическая группа, 11 — юго-восточная краниологическая группа.

восточная группа имеет меньшие черепной указатель и скуловой диаметр и большую высоту лица, особенно по верхнелицевому указателю, а западная — немного большую высоту черепа от базиса. Но различия между группами очень незначительны и статистически недостоверны, что позволило объединить все группы в одну белорусскую серию, для которой были вычислены средневзвешенные величины по отдельным признакам (табл. 3 и 4).

По краниологическим данным белорусское население XVIII—XIX вв. мезобрахикранно, имеет малые продольный и высотный, средний поперечный размеры черепа, среднеширокий и средненаклонный лоб.

Лицевой скелет характеризуется средними величинами ширины и высоты как по абсолютным размерам, так и по указателю. Орбиты низкие. Грушевидное отверстие, среднеширокое в женской и мужской сериях, но мужчины благодаря меньшей высоте носа более широконосы.

Вертикальная профилировка лицевого скелета ортогнатная и по общему углу лицевого профиля и по указателю выступания лица.

Своеобразие белорусской серии — в сочетании значительной горизонтальной профилировки лица со снижением переносья, особенно отчет-

Таблица 1

Средние размеры и указатели мужских черепов с территории Белоруссии (XVIII — XIX вв.)

Параметры	За адная группа			Северо-восточная группа			Юго-восточная группа		
	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	177,7(36)	7,1	1,18	178,6(24)	6,4	1,30	169,3(24)	7,2	1,56
8. Поперечный диаметр	145,5(36)	3,9	0,65	142,5(24)	4,2	0,86	142,0(24)	5,0	1,20
17. Высотный диаметр (basion-bregma)	134,2(30)	7,1	1,29	130,0(23)	4,5	0,93	130,5(24)	6,7	1,36
5. Длина основания черепа	99,6(30)	3,9	0,14	98,7(22)	4,2	0,89	95,4(24)	4,0	0,81
9. Наименьшая ширина лба	97,8(36)	4,8	0,80	97,9(24)	3,3	0,67	95,1(22)	4,5	0,95
32. Угол лба ($n-m$)	81,9(36)	4,9	0,81	81,8(23)	3,8	0,79	85,0(24)	4,6	0,93
Общий вид погма verticalis, %	Ellipsoides	16,7(6)	—	25,0(6)	—	—	—	—	—
	Ovoides	25,0(9)	—	16,7(4)	—	—	29,2(7)	—	—
	Rhomboides	—	—	—	—	—	4,2(1)	—	—
	Pentagonoides	27,7(10)	—	16,7(4)	—	—	20,8(5)	—	—
	Sphaenoides	25,0(9)	—	41,6(10)	—	—	37,5(9)	—	—
	Sphaeroides	5,5(2)	—	—	—	—	8,3(2)	—	—
Надбровье (1 — 6 по Мартину)	2,5(36)	—	—	2,6(24)	—	—	2,3(23)	—	—
Сосцевидный отросток (1 — 3)	2,5(35)	—	—	1,8(23)	—	—	1,9(24)	—	—
8:1. Черепной указатель	81,5(36)	3,6	0,16	80,5(24)	3,1	0,63	84,3(24)	3,8	0,77
40. Длина основания лица	95,8(27)	5,3	1,01	97,4(19)	3,6	0,82	93,7(18)	3,5	0,83
45. Скуловая ширина	132,6(34)	4,9	0,84	130,5(23)	3,8	0,79	131,2(18)	5,6	1,19
48. Верхняя высота лица	68,9(30)	4,5	0,81	69,7(20)	4,1	0,91	67,0(19)	3,9	0,88
51. Ширина орбиты от mf. (лев.)	40,5(36)	5,9	0,98	41,2(23)	2,6	0,54	39,6(24)	2,2	0,46
51a. Ширина орбиты от dacr. (лев.)	38,3(35)	1,8	0,30	38,9(23)	2,3	0,48	37,2(24)	1,9	0,38
52. Высота орбиты (лев.)	31,2(36)	2,1	0,35	31,9(23)	0,4	0,09	32,0(24)	3,4	0,69
54. Ширина носа	25,3(36)	1,8	0,3	25,7(22)	2,2	0,46	25,6(23)	1,9	0,39
55. Высота носа	50,1(36)	3,1	0,51	50,7(22)	3,1	0,65	48,4(22)	3,1	0,66
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	54,3(19)	—	54,5(12)	—	—	52,4(11)	—	—
	Infantiles	5,7(2)	—	4,6(1)	—	—	4,8(1)	—	—
	Fossae praeasales	0,0(8)	—	40,9(9)	—	—	42,8(9)	—	—
	Sulcus praeasalis	—	—	—	—	—	—	—	—
Глубина клыковой ямки (лев.), мм	5,4(34)	—	—	5,1(22)	—	—	4,9(22)	—	—
DC. Дакриальная хорда	22,4(34)	2,5	0,43	22,2(21)	2,7	0,58	22,2(24)	2,5	0,51
DS. Дакриальная высота	13,0(33)	1,9	0,24	13,2(21)	1,6	0,35	12,6(21)	1,5	0,32
SC. Симотическая хорда	9,2(35)	1,8	0,30	9,5(21)	1,7	0,36	10,0(24)	3,3	0,67
SS. Симотическая высота	4,4(34)	1,4	0,24	4,5(21)	1,2	0,26	4,8(21)	1,2	0,26
72. Угол профиля лица общий	85,7(34)	2,5	0,43	85,8(19)	2,0	0,45	84,8(18)	2,7	0,64
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	27,8(31)	5,5	0,98	27,9(18)	5,5	1,30	26,4(13)	4,2	1,16

Параметры	Западная группа				Северо-восточная группа				Юго-восточная группа			
	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$
77. Назомаларный угол (по n-fmo)	137,8(36)	6,9	1,15	138,9(24)	4,4	0,90	139,1(23)	4,1	0,85			
Зигмаксиллярный угол (2m'-ss-zm')	127,9(32)	5,5	0,96	126,9(20)	5,1	1,10	126,1(17)	7,8	1,90			
48:45. Верхний лицевой указатель	52,2(30)	3,6	0,65	53,5(18)	3,3	0,76	51,5(17)	3,3	0,80			
48:17. Вертикальный краниофациальный указатель	51,1(26)	3,7	0,72	53,6(20)	2,2	0,49	50,9(19)	2,8	0,64			
52:54. Орбитный указатель от inf. (лев.)	76,7(36)	4,9	0,81	77,9(23)	5,8	1,20	76,3(24)	6,1	1,24			
52:54a. Орбитный указатель от dact. (лев.)	82,1(36)	5,7	0,86	81,7(23)	5,9	1,22	82,0(24)	5,8	1,19			
54:55. Носовой указатель	59,1(36)	5,1	0,85	50,7(22)	4,5	0,95	53,6(22)	4,9	1,1			
DS:DC. Дакриальный указатель	58,9(33)	9,6	1,65	60,4(21)	13,2	2,8	54,8(21)	8,3	1,80			
SS:SC. Симотический указатель	49,1(34)	14,5	2,45	46,2(21)	15,3	3,3	53,6(21)	10,1	2,19			
40:5. Указатель выступления лица	95,2(27)	4,1	0,79	97,4(17)	2,6	0,62	96,5(17)	2,6	0,63			

ливо выраженным по углу выступления носовых костей по отношению к линии профиля лица и слабее — по величинам дакриальной и симотической высот и одноименных указателей. Но по этим признакам, как и по остальным, изучаемая серия находится в пределах большой европеоидной расы, представляя один из ее вариантов.

Для сопоставления белорусской серии с краниологическими материалами XVII—XIX вв. с соседних территорий использованы данные по восточным славянам, латышам, литовцам, прибалтийским и поволжским финнам (материалы М. С. Акимовой, В. П. Алексеева, И. Жилинскаса и А. Юргутиса, К. Ю. Марк)².

Все сравниваемые серии относятся к большой европеоидной расе, но в антропологическом типе финноязычных народов есть признаки незначительной монголоидной примеси. У финнов и эстонцев следы этой примеси ничтожны и проявляются в своеобразном сочетании умеренного выступления носа с хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Финским народам Поволжья (мордвы и особенно удмуртам) больше свойственна некоторая монголоидность. Они не только более плосконосы, но и более плоскосолицы, чем прибалтийско-финские народы.

Комплексом признаков слабо выраженной монголоидности, характерным для

² М. С. Акимова, Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, М., 1958; ее же, Краниологический очерк удмуртов, «Вопросы антропологии», вып. 10, 1962; В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей, «Сов. этнография», 1961, № 6; его же, Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР, «Известия АН ЛатвССР», вып. 10 (195), 1963; его же, Краниологические материалы к происхождению западных латышей, «Сов. этнография», 1966, № 2; его же, Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения, Автореф. докт. дисс., М., 1967; его же, Некоторые итоги изучения восточнославянских народов, «Acta des Antropologischen Kongresses», Brno, 1967; J. Jilinskias, A. Jurgutis, Crania lituanica, «Acta medicinae facultatis Vytauti Magni universitatis», vol. V, fasc. 3, Kaunas, 1939; К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXII, М., 1956; ее же, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

Таблица 2

Средние размеры и указатели женских черепов с территории Белоруссии (XVIII — XIX вв.)

Параметры	Западная группа			Северо-восточная группа			Юго-восточная группа		
	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$	$\bar{x}$	s	$s_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	170,8(34)	7,2	1,22	170,3(21)	5,2	1,10	164,4(33)	6,6	1,13
8. Поперечный диаметр	138,3(35)	5,4	0,93	136,1(21)	3,6	0,78	136,2(34)	4,6	0,78
17. Высотный диаметр (basion-bregma)	127,7(27)	5,9	1,11	122,9(22)	3,3	0,71	124,6(32)	5,1	0,89
5. Длина основания черепа	95,9(29)	3,8	0,70	93,8(21)	4,5	0,97	91,8(32)	3,4	0,59
9. Наименьшая ширина лба	95,2(36)	5,1	0,85	91,4(22)	2,9	0,62	91,2(32)	3,4	0,59
32. Угол лба ($n - m$)	83,9(36)	4,8	0,80	82,5(22)	4,1	0,87	84,5(32)	4,3	0,74
Общий вид погла verticalls, %	Ellipsoidea	21,6(8)	—	—	—	—	—	—	—
	Ovoides	13,5(5)	—	50,0(11)	—	—	42,4(14)	—	—
	Rhomboides	2,8(1)	—	—	—	—	—	—	—
	Pentagonoides	35,1(13)	—	22,7(5)	—	—	36,4(12)	—	—
	Sphaenoides	21,6(8)	—	22,7(5)	—	—	21,2(7)	—	—
	Sphaeroides	5,4(2)	—	4,6(1)	—	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	1,5(39)	—	—	1,7(23)	—	—	1,2(32)	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	1,5(37)	—	—	1,4(22)	—	—	1,1(33)	—	—
8:1. Черепной указатель	81,4(33)	4,7	0,81	79,9(21)	3,3	0,71	82,9(33)	4,3	0,74
40. Длина основания лица	93,9(27)	3,6	0,69	93,2(21)	5,9	1,28	88,8(20)	3,9	0,86
45. Скуловая ширина	126,5(32)	5,1	0,91	120,7(22)	5,1	1,08	121,5(27)	4,9	0,94
48. Верхняя высота лица	66,7(38)	4,2	0,67	66,0(22)	3,5	0,74	64,9(26)	5,1	0,98
51. Ширина орбиты от mf. (лев.)	39,4(38)	2,6	0,41	39,2(23)	1,4	0,29	38,6(33)	2,8	0,48
51a. Ширина орбиты от dacr. (лев.)	37,1(38)	1,7	0,27	36,5(23)	1,7	0,35	36,7(33)	1,3	0,32
52. Высота орбиты (лев.)	31,8(38)	1,9	0,30	31,2(23)	1,1	0,23	31,2(33)	1,6	0,27
54. Ширина носа	24,9(39)	1,5	0,24	24,2(23)	1,8	0,37	23,8(32)	1,5	0,24
55. Высота носа	48,8(38)	3,3	0,51	47,7(23)	2,5	0,52	47,4(32)	2,2	0,38
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	71,7(27)	—	43,5(10)	—	—	66,7(18)	—	—
	Infantiles	5,2(2)	—	34,4(7)	—	—	14,8(4)	—	—
	Fossae praenasales	21,1(8)	—	21,7(5)	—	—	14,8(4)	—	—
	Sulcus praenasalis	2,6(2)	—	4,4(1)	—	—	3,7(1)	—	—
Глубина клыковой ямки (лев.), мм	4,7(38)	—	—	4,8(23)	—	—	3,8(28)	—	—
DG. Дакриальная хорда	22,1(37)	2,4	0,39	20,2(22)	1,5	0,32	20,7(30)	2,1	0,38
DS. Дакриальная высота	12,2(36)	2,3	0,38	11,8(22)	1,1	0,23	10,5(28)	1,0	0,19
SC. Симотиическая хорда	9,0(38)	2,2	0,35	9,1(22)	1,7	0,36	9,0(33)	2,0	0,34
SS. Симотиическая высота	3,8(37)	1,0	0,16	3,9(22)	0,6	0,12	4,2(30)	0,9	0,16
72. Угол профиля лица общий	82,9(34)	3,9	0,67	83,9(21)	3,1	0,67	84,8(24)	3,2	0,65

Параметры	Западная группа				Северо-восточная группа				Юго-восточная группа			
	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$	$\bar{x}$	s	s^2	$\bar{x}$
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	24,7(33)	6,5	1,12	23,9(19)	4,6	1,04	23,0(19)	4,5	1,02			
77. Назомаллярный угол (mpo-n-fmo)	139,7(38)	4,7	0,75	137,1(23)	5,1	1,04	138,7(30)	4,7	0,83			
Зигомаксиллярный угол (zm-ss-zm)	125,7(38)	5,6	0,90	127,3(23)	5,3	1,10	127,7(21)	6,9	1,5			
48:45. Верхний лицевой указатель	52,6(32)	3,4	0,54	54,4(21)	3,1	0,61	52,5(21)	3,3	0,72			
48:17. Вертикальный краниофациальный указатель	52,4(28)	3,4	0,64	53,6(2)	3,2	0,69	51,2(26)	4,4	0,86			
52:51. Орбитный указатель от mf. (лев.)	80,8(38)	4,1	0,66	79,7(23)	3,3	0,69	81,1(33)	3,7	0,64			
52:51a. Орбитный указатель от dacr. (лев.)	86,3(38)	5,2	0,84	85,5(23)	4,1	0,85	89,5(33)	4,1	0,70			
54:55. Носовой указатель	51,1(38)	3,9	0,63	50,8(23)	3,3	0,68	50,7(32)	4,5	0,79			
DS:DC. Дакриальный указатель	55,5(36)	8,7	1,45	58,5(22)	6,9	1,46	55,2(28)	8,1	1,52			
SS:SC. Симотический указатель	42,6(37)	8,9	1,29	44,3(22)	8,3	1,70	47,9(30)	9,8	1,77			
40:5. Указатель выступления лица	98,1(24)	4,2	0,81	99,7(21)	3,7	0,80	95,9(20)	4,1	0,91			

прибалтийско-финских народов, отличаются восточные латыши от западных. У западных латышей и литовцев никаких следов монголоидной примеси не обнаруживается.

Краниологические серии русских северо-западных и западных областей страны также характеризуются некоторым уплощением переносья, не сопровождающимся уплощением лица. Европеоидные особенности в строении лицевого скелета у современных русских выражены отчетливее, чем у средневекового населения.

По абсолютным размерам черепной коробки и углу выступления носовых костей белорусы сходны с удмуртами и мордвой. Однако последние отличаются от белорусов большей высотой черепа и длиной его основания, более прямым лбом. Заметны и существенные различия в строении лицевого скелета. Удмурты и мордва более широколопцы и высоколопцы, имеют более широкие и высокие глазницы, более узкий и высокий нос при почти одинаковых с нашей серией величинах углов выступления носовых костей. Они характеризуются меньшими величинами дакриальной и симотической высот и одноименных указателей, более плоским лицом по обоим углам горизонтальной профилировки. Это свидетельствует об иной, чем у белорусов, морфологической структуре черепов поволжских финнов.

Прибалтийско-финские народы по антропологическому типу гораздо массивнее белорусов. У них большие абсолютные размеры мозгового и лицевого отделов черепа. Некоторое сходство между прибалтийско-финскими народами и белорусами прослеживается по орбитным и носовому указателям, а также по сочетанию показателей выступления носа и горизонтальной профилировки лица.

Литовцы и латыши по антропологическому типу также более массивны, чем белорусы, но обнаруживают с ними сходство по соотношению высоты лица и скулового диаметра, строению орбит.

По общей краниологической характеристике белорусы, как и следовало ожидать, особенно близки к русским и украинцам, что обусловлено формированием этих народов на основе единой

Средние размеры и показатели суммарной белорусской серии

Признак	♂	♀
1. Продольный диаметр	175,6(84)	168,2(88)
8. Поперечный диаметр	143,5(84)	135,9(90)
17. Высотный диаметр basion-bregma	131,5(77)	125,2(81)
5. Длина основания черепа	97,9(76)	93,8(82)
9. Наименьшая ширина лба	97,1(82)	92,8(90)
32. Угол лба ($n-m$)	82,9(83)	83,8(91)
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,44(83)	1,45(94)
8:1. Черепной указатель	82,0(84)	81,6(87)
40. Длина основания лица	95,7(64)	92,2(68)
45. Скуловая ширина	131,6(79)	123,3(81)
48. Верхняя высота лица	68,6(69)	66,0(87)
51. Ширина орбиты от mf. (лев.)	40,4(83)	39,1(94)
51a. Ширина орбиты от дасг. (лев.)	38,2(82)	36,7(94)
52. Высота орбиты (лев.)	31,6(83)	31,5(94)
54. Ширина носа	25,5(81)	24,4(94)
55. Высота носа	49,8(80)	48,1(93)
Нижний край грушевидного отверстия (% антропических форм)	61,9(55)	51,2
Глубина клыковой ямки (лев.), мм	5,2(78)	4,4(89)
DC. Дакриальная хорда	22,2(79)	21,2(89)
DS. Дакриальная высота	12,8(75)	11,5(86)
SC. Симотическая хорда	9,5(80)	9,0(93)
SS. Симотическая высота	4,6(76)	3,9(89)
72. Угол профиля лица общий	85,5(71)	83,3(79)
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	27,5(62)	24,0(71)
77. Нозомаллярный угол	138,5(83)	138,7(91)
Зигомаксиллярный угол	127,2(69)	126,7(82)
48:45. Верхнелицевой указатель	52,4(65)	53,1(74)
48:17. Вертикальный краниофациальный указатель	51,8(65)	52,6(75)
52:51. Орбитный указатель от mf. (лев.)	76,9(83)	80,6(94)
52:51a. Орбитный указатель от дасг. (лев.)	82,0(82)	87,2(94)
54:55. Носовой указатель	51,6(80)	50,8(93)
DS:DC. Дакриальный указатель	58,2(75)	56,2(86)
SS:SC. Симотический указатель	50,4(76)	44,8(89)
40:5. Указатель выступа лица	96,2(61)	97,9(68)

древнерусской народности. Однако выявляются определенные различия между современными русскими, украинцами и белорусами. Украинцы имеют широкое лицо. От белорусов они отличаются сильно выступающим узким носом, большими дакриальной и симотической высотами, дакриальным и симотическим указателями. У витебских и смоленских русских более узкое, по сравнению с белорусами, и относительно высокое лицо, более выступающий и узкий нос. Для русских из Себежа характерны большие, чем у белорусов, абсолютные размеры лица и черепной коробки, резко выступающий среднеширокий нос.

Сопоставление показывает, что белорусская серия при сходстве с восточнославянскими народами по ряду краниологических признаков, близка литовцам и латышам по соотношению лицевых размеров.

Большое сходство физического типа современных белорусов с народами Прибалтики подтверждается и соматологическими исследованиями, которые проводились в тех же районах Белоруссии, откуда происходит наш краниологический материал³. Это сходство Р. Я. Денисова объясняет следствием очень древнего (со времен неолита) и тесного контакта,

³ Р. Я. Денисова, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Известия АН ЛатвССР», 1958, № 2; ее же, Антропологический тип восточных литовцев, «Известия АН ЛатвССР», 1963, № 9; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, М., 1959.

в результате которого как в среде белорусов, так и в среде восточных литовцев и латышей вошло много общих элементов.

Данные соматологических исследований подтверждают, что современное белорусское население в целом довольно однородно по своему антропологическому составу, различия между северными и южными белорусами невелики.

История формирования антропологического типа современных белорусов наилучшим образом была бы раскрыта при сопоставлении их с населением Белоруссии и соседних областей в различные эпохи начиная от древнейших времен. К сожалению, мы не можем в хронологической последовательности проследить изменение физического типа белорусов, так как древнее население представлено лишь остеологическим материалом из славянских курганов XI—XIII вв. Этот материал впервые был исследован Г. Ф. Дебецом. Его вывод об отсутствии реальных различий в антропологическом типе средневековых славян Белоруссии⁴ был на том же материале подтвержден Т. А. Трофимовой, которая установила также значительную близость всех восточнославянских племенных групп по антропологической характеристике. Но, взяв за основу скуловой диаметр, она выделила в их составе длинноголовый широколицый и длинноголовый узколиций антропологические типы⁵, что свидетельствует о неоднородности антропологического состава восточных славян в начале II тысячелетия. Среди дреговичей и радимичей тоже присутствуют эти два типа: длинноголовый широколицый и низкоголицый и длинноголовый узко-

⁴ Г. Ф. Деб е ц, Чарапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеоантропалёгіі Усходняй Эўропы, «Працы секцыі археалёгіі Інстытута гісторыі Беларускай АН», т. III, Менск, 1932.

⁵ Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1.

Узколищные и широколицые варианты среди белорусских краниологических групп (XVIII—XIX вв.)

Таблица 4

Параметры	♂						♀					
	Западная группа			Северо-восточная группа			Юго-восточная группа			Западная группа		
	узко-лицые	широко-лицые		узко-лицые	широко-лицые		узко-лицые	широко-лицые		узко-лицые	широко-лицые	
N	13	17	42	8	9	8	5	27	11	10	9	12
45. Скуловая ширина	122—131 128,2	132—140 135,6	122—130 128,0	131—138 133,4	121—127 125,1	131—139 134,9	115—122 119,4	123—135 127,4	113—121 118,8	122—130 124,7	112—120 117,2	122—129 124,9
48. Верхняя высота лица	60—74 67,9	59—80 69,8	63—75 69,4	63—79 71,5	61—74 66,3	61—73 67,2	64—68 67,0	53—74 66,6	62—70 66,0	58—73 66,2	58—67 63,6	59—72 64,1
48:45. Верхнелицевой указатель	46,1—58,3 53,0	44,7—60,0 51,5	48,5—58,2 54,2	48,1—55,7 52,0	48,0—58,3 51,8	47,4—51,9 49,8	54,9—59,1 56,1	41,2—59,7 51,9	47,1—59,3 56,5	47,1—59,3 53,1	50,0—58,5 53,9	47,6—55,8 51,4
8:1. Черепной указатель	75,0—90,0 30,8	77,6—86,8 81,1	75,0—89,2 79,7	75,4—84,6 70,7	74,9—83,9 79,4	77,5—80,8 78,5	77,4—85,2 81,3	72,0—81,6 76,8	79,9—84,0 79,5	74,4—86,3 80,8	76,8—88,8 81,2	79,8—89,9 83,4

лицый и високолицый. Состав полоцких кривичей более однороден — преобладает широколицый тип, следы узколицего ничтожны. Т. А. Трофимова отметила распространение длинноголового широколицего типа не только в Среднем и Верхнем Поднепровье, где он известен уже в эпоху бронзы (узколицый появился здесь значительно позже), но и на территории Прибалтики. Обширность ареала широколицего типа свидетельствует, как считает Т. А. Трофимова, о его древности.

Ареал длинноголового узколицего типа в период средневековья находился восточнее и южнее, между Днепром и Волгой и в области расселения полян. Длинноголовый узколицый тип обнаруживает генетическую преемственность с еще более длинноголовым узколицым типом с полей погребальных урн, оставленных, по мнению археологов, раннеславянскими племенами.

Результаты исследования Т. А. Трофимовой обобщил Г. Ф. Дебеч в сводной работе по палеоантропологии СССР. Он пришел к выводу, что племена славянской, балтийской и финской языковых систем образовались в Восточной Европе на однородной расовой основе, формирование которой относится к гораздо более древнему времени, чем выделение этих языковых систем⁶.

Позднее краниологический материал, значительно увеличенный в послевоенные годы, был изучен Т. И. Алексеевой, которая дополнила его характеристику показателями уплощенности лица и выступа носа⁷. Она тоже приходит к заключению о большой близости антропологического типа восточнославянских племенных групп и неоднородности их антропологического состава. По ее мнению, средневековое население Белоруссии обнаруживает северо-западное и юго-западное направление генетических связей. Эти связи проявляются в отчетливом сходстве антропологического типа полоцких кривичей и древлян⁸ с латгальскими краниологическими сериями из могильников Кристапене-Мердзене, Кална-Паукши и Яун-Пиебалга⁹, а также дреговичей, радимичей, смоленских и тверских кривичей, северян — с латгальскими сериями из Нукшинского¹⁰ и Люцинского¹¹ могильников.

В. В. Седов исследовал археологические и лингвистические данные, относящиеся к области распространения выделенных Т. А. Трофимовой антропологических типов. Он пришел к выводу, что ареал широколицего антропологического типа совпадает с областью городищ штриховой керамики, занимавших в начале II тысячелетия обширную территорию верхнего Поднепровья и простиравшихся далеко на север и северо-запад в Прибалтику¹². Носителями культуры штриховой керамики большинство археологов считает древние летто-литовские или недифференцированные балто-славянские племена. В славянских курганах Белоруссии балтийские элементы наиболее часто встречаются в вещевых инвентарях погребальной обрядности. В Белоруссии отмечена

⁶ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М., 1948.

⁷ Т. И. Алексеева, Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; ее же, Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра, «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961; ее же, Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963.

⁸ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР.

⁹ I. Līcis, Krianiologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme, Riga, 1939.

¹⁰ И. Дайга, Антропологический материал с Нукшинского могильника, «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. 1, Рига, 1957.

¹¹ Г. Ф. Дебеч, Чарапы Люцынскага магілёнку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеоантропалогіі Усходняй Эўропы.

¹² В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3.

наибольшая концентрация напластований древних балтийских гидронимов³.

Распространение же длинноголового узколицевого типа приурочено к городищам с гладкостенной керамикой, проникшей в южные районы Белоруссии с юга и принадлежащей раннеславянскому населению.

В. В. Седовым приведены веские аргументы, свидетельствующие о значительной роли древних балтов в формировании физического типа и культуры белорусов¹⁴.

С целью выявления на краниологическом материале степени преемственности антропологического типа средневекового и современного населения Белоруссии построены графики отклонений, выраженных по отдельным признакам в долях квадратического отклонения (рис. 1 и 2).

Разумеется, полного соответствия антропологического типа хронологически разновременных серий не может быть из-за повсеместно протекающих эпохальных изменений и перемещений населения в различные исторические периоды. На графике видно, что на протяжении последнего тысячелетия в Белоруссии процессы брахикефализации протекали особенно интенсивно, в то время как размеры лицевого скелета почти не менялись, лишь скуловая ширина у современного населения немного меньше, чем у дреговичей, радимичей и смоленских кривичей. Полоцкие кривичи, более массивные по антропологическому типу даже по сравнению с хронологически одновременным населением Белоруссии, по скуловому диаметру, отличаются от современного населения в той же мере, что и от средневекового. Изменения черепной коробки современного населения выражаются в уменьшении продольного и высотного диаметров, длины основания черепа и увеличении поперечного диаметра, черепного указателя и наименьшей ширине лба. Эпохальные изменения в Белоруссии примерно те же, что и в Латвии¹⁵, где при интенсивной брахикефализации на протяжении последних 1500 лет не происходило грацилизации. Известно, что на остальной территории Восточной Европы эти процессы протекали параллельно¹⁶.

Несмотря на изменения антропологического типа во времени, следует отметить значительную близость по основным краниологическим признакам белорусского современного и средневекового населения. Поскольку средневековые племенные группы не обнаруживали четко выраженных антропологических различий и были, по-видимому, смешанными по происхождению, проследить преобладание какой-либо из них в современном населении на краниологическом материале невозможно. По-видимому, в формировании физического типа современных белорусов приняли примерно одинаковое участие дреговичи, радимичи, смоленские и полоцкие кривичи.

Оказали ли влияние широколицый и узколицый типы, выделенные в составе средневековых славян, на формирование современного среднешироколицего белорусского населения?

Исследуемый краниологический материал мы разделили по скуловому диаметру так же, как это сделала Т. А. Трофимова, на среднешироколицую и узколицую группы (табл. 4). Оказалось, что на краниологическом материале XVIII—XIX вв. невозможно так отчетливо, как на средневековом, выделить широколицый низколицый (как по высоте лица, так и по верхнелицевому указателю) и узколицый высоколицый типы.

¹³ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

¹⁴ В. В. Седов, К происхождению белорусов, «Сов. этнография», 1967, № 2.

¹⁵ В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

¹⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

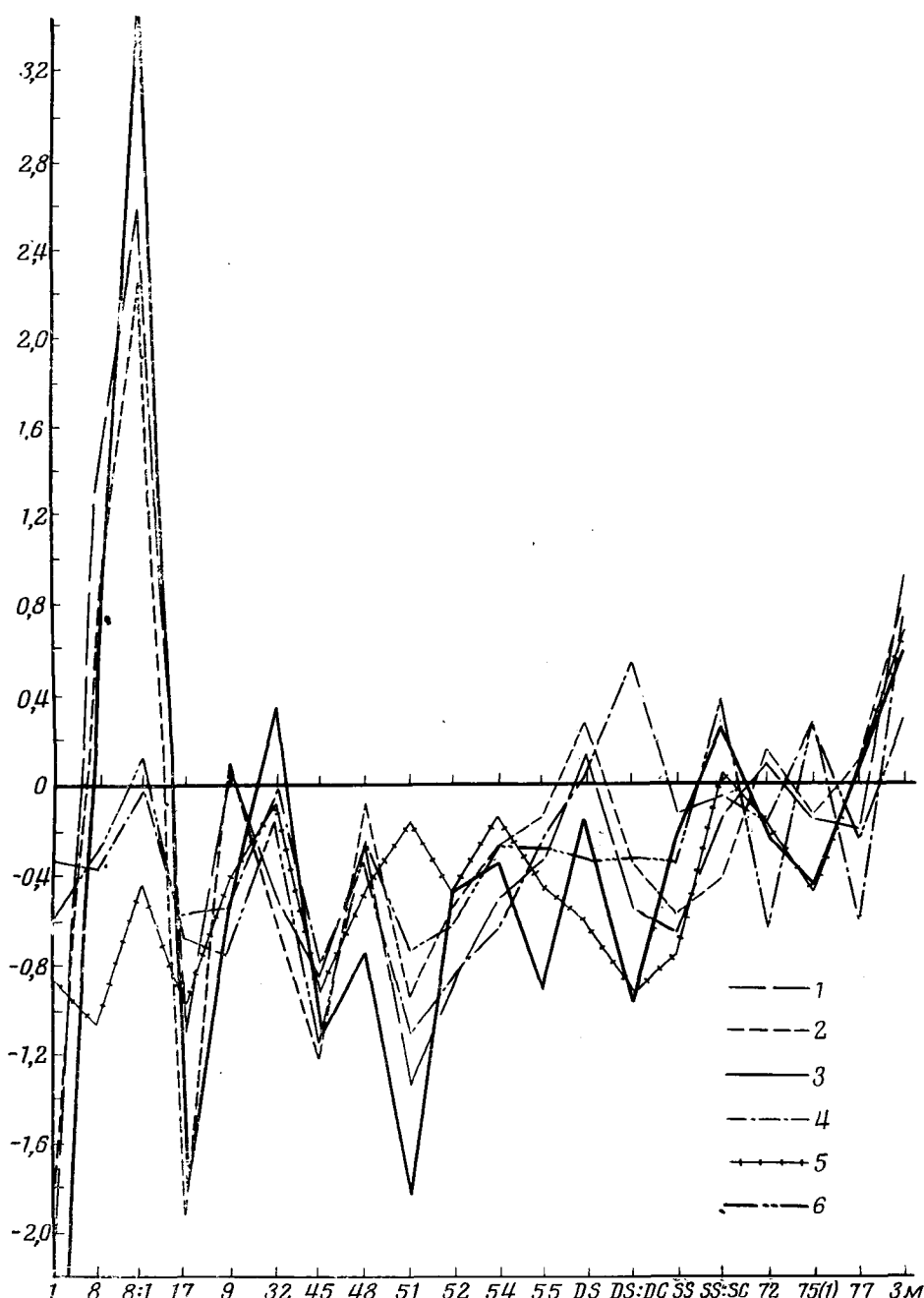

Рис. 1. График отклонений для белорусских мужских краниологических групп XVIII—XIX вв. (за основу взяты средние данные по мужским черепам из Нукшинского могильника): 1 — западная группа; 2 — северо-восточная группа; 3 — юго-восточная группа; 4 — дреговичи; 5 — смоленские кривичи; 6 — радимичи.

В формировании антропологического типа белорусов приняли участие как узколицие, так и среднешироколицие элементы, причем последние, по-видимому, преобладали, о чем свидетельствует почти полная неизменность скулового диаметра и высоты лица белорусов на протяжении последнего тысячелетия.

Современное белорусское население по сравнению со средневековым имеет несколько меньшие угол выступания носовых костей по отноше-

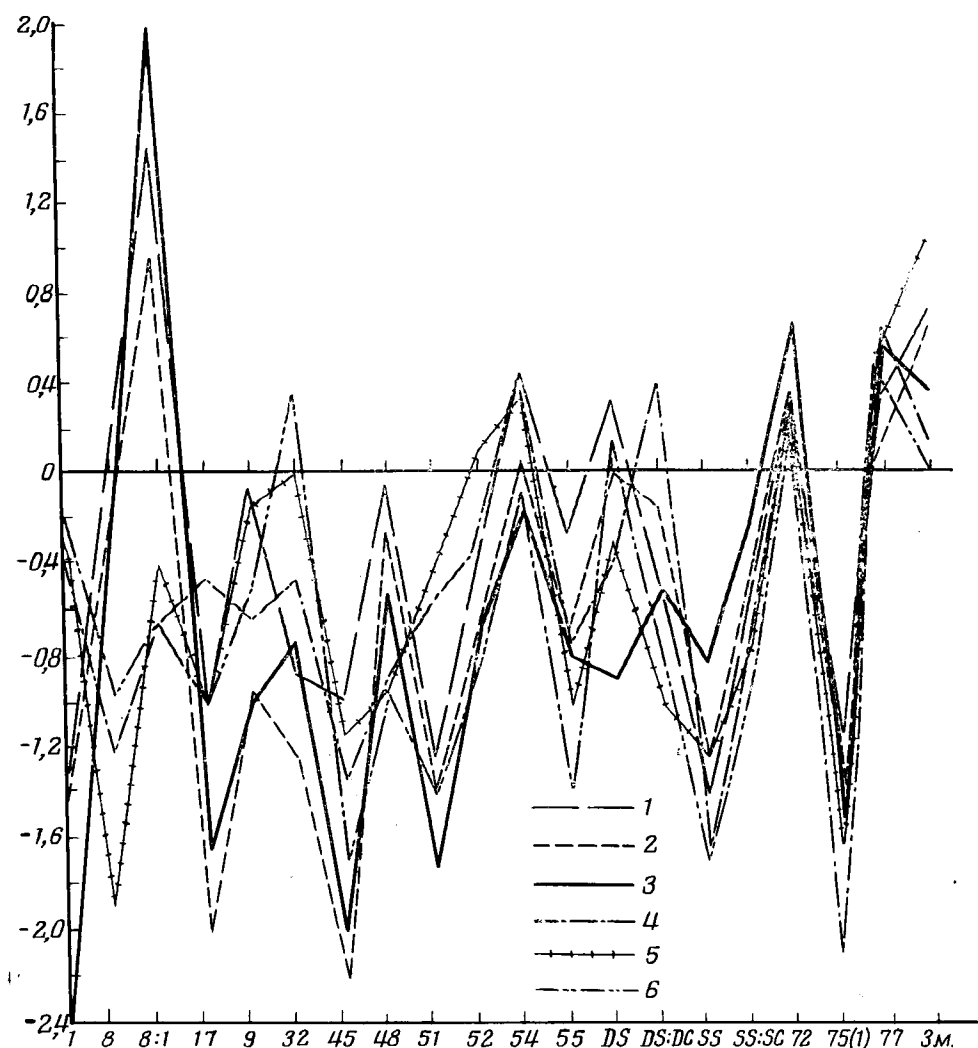

Рис. 2. График отклонений для белорусских женских краниологических групп XVIII—XIX вв. (за основу взяты средние данные по женским черепам из Нукшинского могильника). Условные обозначения те же, что и на рис. 1.

нию к линии лицевого профиля и дакриальный указатель, большую дакриальную ширину при почти равных дакриальной и симотической высотах, симотическом указателе и углах горизонтальной профилировки лица.

Некоторое снижение переносья отмечается у восточных латышей в отличие от западных латышей того же периода и средневекового населения Восточной Латвии (Люцинский и Нукшинский могильники). Однако очень небольшое снижение переносья у восточных латышей сопровождается и небольшим уплощением лица, т. е. весь комплекс признаков отклоняется в сторону небольшой монголоидности.

Проанализировав морфологические особенности с учетом данных археологии, В. П. Алексеев заключает, что некоторую монголоидность восточных латышей можно объяснить участием в их этногенезе финского компонента. Этот компонент, характеризующийся небольшим уплощением переносья и лицевого скелета, ближе, очевидно, группам

прибалтийско-финских народов, а возможно, и восточным финнам в целом¹⁷.

Уменьшение выступления носовых костей у современных белорусов по сравнению со средневековым населением нельзя объяснить на основании исторических и археологических данных какой-либо «монголоидной» примесью в более поздний период; да и морфологически не наблюдается согласованного изменения в сторону большей монголоидности всего комплекса признаков уплощения переноса и лица, служащего основным и общепризнанным расоводиагностическим критерием различия больших европеоидной и монголоидной рас. Возможно, эта особенность нашей серии как-то связана с эпохальными изменениями на территории Белоруссии и объясняется сдвигами в скорости роста мозгового и лицевого отделов черепа, а также ускорением за последние столетия полового созревания. Однако предположение это нуждается в обосновании значительно большим материалом.

Среднее выступание носа при несколько ослабленной профилировке лица у средневекового населения Белоруссии В. П. Алексеев, изучивший обширный краниологический материал с территории Восточной Европы, считает возможным объяснить влиянием балтоязычных этнических групп, имевших на востоке балтийского ареала монголоидную примесь. Однако не исключена, по его мнению, возможность, что в Восточной Европе «какие-то группы восточнославянского населения испытали влияние не балтийских, а финских племен, хотя антропологически выбор между ними пока осуществить трудно»¹⁸. Тенденцию к относительной широколищести, низколищести и широконосоности средневекового восточнославянского населения он тоже рассматривает как следствие генетических связей с древними финскими племенами.

Т. И. Алексеева, сопоставившая средневековые краниологические серии восточных, западных и южных славян, отметила значительную общность их антропологического состава, их отличие от германцев и сходство с финноязычными народами, которое наиболее отчетливо проявляется в крайних восточных пунктах расселения славян¹⁹.

На основании локализации широколищести в междуречье Западная Двина — Висла — Дунай — Днепр (предполагаемой прародины славян), выявляющейся и в балтийском населении, Т. И. Алексеева поддерживает гипотезу о формировании антропологического состава славян и балтов на единой основе.

Мы сопоставили мужские краниологические серии современного населения Белоруссии и некоторых средневековых племенных групп славян Западной Европы, летто-литовцев и финно-угров Восточно-Европейской равнины по опубликованным материалам Т. И. Алексеевой. Современные белорусы по большинству абсолютных размеров черепа и лицевого скелета оказываются ближе к полянам и слензанам, обитавшим в эпоху средневековья на территории Польши, чем к восточным славянам. Однако поляне и слензаны более высокоорбитны и узконосы по указателям, имеют большую высоту черепа.

Летто-литовские племена гораздо более массивны, как уже указывалось, по абсолютным величинам, чем белорусы. Но по верхнелицевому и орбитному указателям наша серия ближе к латгальской серии и серии селов, а по носовому указателю и высоте черепа — к финно-угорским сериям Восточно-Европейской равнины.

Большое сходство современных русских, белорусов и украинцев с западными и южными славянами В. П. Алексеев объясняет как след-

¹⁷ В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей.

¹⁸ В. П. Алексеев, Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения, стр. 41.

¹⁹ Т. И. Алексеева, Славяне и их соседи (по данным антропологии), «Anthropologie», В. IV, Praha, 1966, № 2.

ствие западного и юго-западного путей проникновения основного антропологического типа в составе восточнославянских племен на территорию Украины, Белоруссии и Русской равнины.

Наша серия занимает промежуточное положение между сравниваемыми сериями. Это, по-видимому, можно объяснить не только смешением западных и южных элементов, проникших в составе восточного славянства на Восточно-Европейскую равнину, с древним дославянским населением, но, возможно, и формированием славяно-, балто- и финноязычных народов на единой очень древней антропологической основе, возникшей еще до образования этих языковых систем. Однако для окончательных выводов материала явно недостаточно, и решение этого вопроса — проблема будущего.

Выводы

1. Краниологическая серия XVIII—XIX вв., полученная при раскопках поздних могильников на западе, северо-востоке и юго-востоке Белоруссии, довольно однородна по антропологическому составу и относится к большой европеоидной расе.

2. Результаты сопоставления белорусской краниологической серии с хронологически одновременными сериями со смежных территорий показали большую общность восточнославянских народов по краниологическим признакам. По соотношению лицевых размеров исследованная белорусская серия обнаруживает определенное сходство с литовцами и латышами, что подтверждается и результатами соматологических исследований.

3. Своеобразное сочетание умеренного выступания носа с резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, характерное для краниологической серии XVIII—XIX вв. с территории Белоруссии, находит аналогии у прибалтийско-финского населения и восточных латышей. Эта особенность проявляется и у средневековых племенных групп Белоруссии и, по-видимому, восходит к очень древнему антропологическому пласту Восточной Европы.

Может быть, влиянием этого древнего общего антропологического пласта и можно объяснить общие черты в строении лица и, в частности, умеренное выступание носа у современных финноязычных народов Прибалтики и Поволжья, восточных латышей и литовцев, а также русских и белорусов. Однако предположение это гипотетично. Для достоверного решения вопроса необходим более обширный материал как хронологически, так и территориально.

4. Средневековые племенные группы дреговичей, радимичей, смоленских и полоцких кривичей, неоднородные по своему антропологическому составу и включавшие как широколицый, так и узколицый элементы, примерно в одинаковой мере приняли участие в формировании физического типа современных белорусов.

5. Эпохальные изменения выражаются в интенсивных процессах брахикефализации, которые протекали в течение последнего тысячелетия на территории Белоруссии. Незначительное изменение лицевого скелета, по-видимому, можно объяснить преобладанием широколицего элемента в формировании антропологического типа белорусов.

SUMMARY

Craniological material from XVIII—XIX century graveyards unearthed by the author in Byelorussia is described. The tendency to facial flatness and flatness of the nasal bones in the Byelorussian series is interpreted as evidence that an anthropological type characteristic of the ancient Balts took part in forming the anthropological features of the Byelorussian people. The morphological type of the Byelorussians shows their relationship to the mediaeval population of Byelorussia.

С. Н. Раковский

**ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И СДВИГИ
В ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЗАРУБЕЖНЫХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ**

Миграции населения представляют собой очень сложное явление, одновременно социальное, экономическое, экономико-географическое и демографическое. Они являются прямым отражением социально-экономических (нередко и политических) процессов, происходящих внутри каждой страны, а также последствием изменений в динамике естественного прироста (воспроизводства) населения, в его демографической структуре, социальном, профессиональном и национальном составе по отдельным районам страны. Внешние миграции определяются также (часто в решающей степени) различными внешними факторами — политическими, военными, экономическими, социальными, этническими, религиозными и другими. В ряде случаев внутренние перемещения населения вызываются внешними миграциями.

Внутренние миграции населения, в свою очередь, весьма заметно влияют на формирование населения отдельных районов — его общую численность, демографическую структуру, распределение населения между городами и сельской местностью, на темпы урбанизации, а также на географию населения (изменение его средней плотности на определенной территории, рост численности населения в городах и других населенных пунктах, возникновение новых населенных пунктов в одних районах, уменьшение населения — в других). С народнохозяйственной точки зрения чрезвычайно важное значение имеет территориальное перераспределение трудовых ресурсов, постоянно происходящее в процессе внутренних миграций населения. Без него невозможны были бы освоение и развитие новых районов, разработка природных богатств, создание новых населенных пунктов, во многих случаях — крупное капитальное строительство и рост хозяйства в старых районах. Обеспеченность трудовыми ресурсами внутри района служит, как правило, одним из главных условий развития его экономики.

Изучение миграций населения со всеми их благоприятными и неблагоприятными последствиями для экономической и социальной жизни страны имеет и теоретическое, и большое практическое значение. Оно особенно актуально в условиях планового хозяйства социалистических государств. Фактические данные о миграциях помогают планово-экономическим органам точнее составить балансы межотраслевого и межрайонного распределения трудовых ресурсов, т. е. решить важную народнохозяйственную задачу, которая поставлена в СССР и ряде зарубежных социалистических государств Европы.

Материалы о конкретных причинах, условиях и тенденциях миграций населения, географических направлениях основных переселенческих потоков, прежде всего межрайонных, необходимы для выявления разницы условий жизни населения по отдельным районам, между городами и сельской местностью и для решения многих конкретных воп-

росов экономического и культурного строительства. Систематический научный объективный анализ миграционных процессов позволит разработать экономические, организационные, административные и другие мероприятия, которые уменьшили бы все еще значительные самостоятельные переселения и способствовали бы регулированию, рационализации передвижений населения.

Исследование миграционных процессов представляет общий интерес для социалистических государств, поскольку многие особенности этих процессов сходны в большинстве этих стран и в значительной степени аналогичны миграциям в Советском Союзе.

Внутренние миграции населения зарубежных социалистических стран Европы в первые годы после второй мировой войны вплоть до начала 1950-х годов были связаны преимущественно с внешними миграциями и отличались в большинстве этих стран крупными масштабами.

Важнейшие внешние миграции населения в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, ныне социалистических государств, имели непосредственную связь с политическими итогами второй мировой войны и изменениями государственных границ ряда стран. Наиболее многочисленным был уход из этих стран немецкого населения, а затем переселение его большей части в Германию, осуществленное в соответствии с соглашениями, достигнутыми на Потсдамской конференции. С запада на восток и юго-восток, в страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы возвращалось население, насильственно угнанное фашистами или покинувшее родину в период фашистской оккупации, а также бывшие военнопленные.

В первые послевоенные годы в Восточную Германию (в границах ГДР) прибыло 4,3 млн. чел. из числа 11,5 млн. немцев, эвакуировавшихся или переселенных в обе части страны (Восточную и Западную Германию) после второй мировой войны. Органы народной власти Восточной Германии (с 1949 г. — ГДР) предоставили им жилье, работу, землю главным образом в северных округах, где было ликвидировано крупное помещичье (юнкерское) землевладение. В дальнейшем значительная часть переселенцев обосновалась в восточных и центральных округах ГДР: там экономическое строительство велось более высокими темпами, чем в северной части республики. В ряде других зарубежных социалистических стран Европы внутренние миграции в течение нескольких лет после войны также были прямо связаны с ее последствиями: население, возвращавшееся из-за рубежа, нередко переселялось внутри страны в новые районы, прежде всего в те, которые менее пострадали от войны, или в те, где наиболее успешно шло восстановление разрушенных войной хозяйства и городов.

В конце 1940-х и в 1950-х годах по взаимной договоренности между Советским Союзом и рядом социалистических государств Европы, а также между некоторыми из этих государств состоялся обмен населением, особенно из приграничных районов. Этот обмен достиг значительных размеров. Кроме того, из некоторых зарубежных социалистических стран Европы было несколько массовых потоков эмиграции еврейского населения (главным образом в Израиль) и происходила эмиграция отдельных национальных меньшинств.

В 1960-х годах масштабы внешних миграций населения зарубежных социалистических стран Европы были невелики. Наибольшие размеры они приняли в Польше, Югославии и Чехословакии. В 1964—1967 гг., например, эмиграция в Польшу составляла 27,0 тыс. чел. в год¹, иммиграция — 1,1 тыс. чел., в Югославии — соответственно 12,0 тыс.

¹ Главным образом — переезд к родственникам. Следует учесть, что за рубежом ПНР живет 10 330 тыс. поляков (1967 г.).

чел. и 1,1 тыс. чел., в Чехословакии — 8,2 тыс. чел. и 3,3 тыс. чел. в год². Наряду с постоянными внешними миграциями, связанными с переменой постоянного местожительства и большей частью — с переменой гражданства, для Югославии, в отличие от всех других зарубежных социалистических стран Европы, в последнее время характерна весьма значительная временная эмиграция: примерно 400—500 тыс. югославов были вынуждены выехать на заработки в капиталистические страны Европы (ФРГ, Франция, Швеция и др.)³. В целом всеми видами внешних миграций (эмиграция, иммиграция, реэмиграция, репатриация) в зарубежных социалистических странах Европы было охвачено, по нашим подсчетам⁴, в 1945—1966 гг. примерно 27,5—28,0 млн. чел.⁵.

С середины 1950-х годов внешние миграции почти не оказывают влияния на внутренние передвижения населения в зарубежных социалистических странах Европы. Размеры и географическое направление этих передвижений определяются факторами внутреннего развития, прежде всего индустриализацией, крупным капитальным строительством во многих районах, политикой подъема экономики и культуры наиболее отсталых в прошлом районов, особенно областей, заселенных национальными меньшинствами.

За последние 10—12 лет наблюдается весьма заметное, хотя и постепенное, уменьшение общего числа мигрантов. Так, в Польше их численность сократилась с 1444 тыс. чел. в 1956 г. до 840 тыс. чел. в 1966 г., в ГДР соответственно с 1049 тыс. до 541 тыс. чел., в Чехословакии — с 466 тыс. до 379 тыс. чел., в Венгрии — с 350 тыс. до 317 тыс. чел.⁶, в Румынии — с 367 тыс. в 1956 г. до 275 тыс. чел. в 1964 г.⁷ и т. д. Это сокращение произошло главным образом за счет уменьшения межрайонных переселений.

Оно объясняется важными сдвигами в социально-экономической жизни зарубежных социалистических стран Европы. К середине 1950-х годов было в основном завершено сооружение крупнейших народнохозяйственных объектов, нередко требовавшее усилий всей страны и мобилизации рабочей силы одновременно из ряда районов. Плановые органы стали более равномерно распределять объекты нового промышленного и транспортного строительства, капиталовложения по отдельным районам. В государственных планах развития народного хозяйства (пятилетних и других), принятых в середине 1950-х годов, был сделан упор на лучшее использование местных, внутрирайонных возможностей и ресурсов, в том числе трудовых. В большинстве стран завершилось кооперирование в сельском хозяйстве. Уровень его развития и доходы крестьян по сравнению с концом 1940-х — началом 1950-х годов, как правило, выросли. Уменьшилась разница в степени материального благосостояния населения между городом и деревней и

² «Rocznik statystyczny», 1968, Warszawa, s. 63; «Statistički godišnjak SFRJ», 1968, Beograd, s. 80; «Statistička ročenka ČSSR», 1967, Praha, s. 103; «Cisla pro každého. 1968/69», Praha, 1968, s. 122.

³ Ю. Георгиев, Югославия: Новый вариант социализма?, «Коммунист», 1968, № 15, стр. 92.

⁴ Подсчеты сделаны по статистическим ежегодникам, справочникам и другим официальным публикациям этих стран.

⁵ В это число пришлось включить также миграции, происходившие в последние месяцы 1944 г., главным образом, немецкого населения из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти миграции трудно исчислить отдельно от миграций в первой половине 1945 г. С середины 1945 г. внешние миграции в большинстве стран стали учитываться статистикой более точно.

⁶ «Rocznik statystyczny», 1968, s. 62; «Statistisches Jahrbuch der DDR», 1968, Berlin, S. 522; «Statistička ročenka ČSSR», 1967, s. 103; «Demografiai evkönyv», 1966, Budapest, 1967, ol. 25.

⁷ C. Grigorescu, Rolul utilizării forței de muncă în repartizarea teritorială a industriei, «Problemi economice», 1966, No. 10, p. 50.

между отдельными районами. Наконец, стали постепенно сглаживать-ся резкие различия демографической (поло-возрастной) структуры населения по районам — одно из последствий второй мировой войны, также в известной степени определявшее межрайонные переселения.

В Югославии, в отличие от других стран, внутренние миграции населения возрастают. Так, в период 1946—1952 гг. ежегодно меняло свое постоянное местожительство в среднем по 204 тыс. чел., в 1953—1957 гг. — по 287 тыс. чел., в 1958—1961 гг. — по 486 тыс. чел.⁸, в 1962—1967 гг. — примерно по 500 тыс. чел.

Население зарубежных социалистических стран Европы отличается сравнительно высокой миграционной подвижностью. В последнее время там ежегодно мигрирует с переменой постоянного местожительства, по нашим подсчетам⁹, примерно 3 млн. чел., в том числе в Польше 0,84—0,85 млн., в ГДР — 0,54—0,55, в Югославии — около 0,5, в Чехословакии — 0,38—0,40, в Венгрии — 0,31—0,32, в Румынии — 0,25—0,27, в Болгарии — 0,15—0,16 млн. чел. Это составляет приблизительно 3,1—3,2% населения ГДР и Венгрии, 2,6—2,7% — Польши и Чехословакии, 2,5% — Югославии, около 2% — Болгарии, 1,3—1,5% населения Румынии¹⁰.

Причины и непосредственные мотивы внутренних миграций населения в зарубежных социалистических странах Европы весьма разнообразны. Как и в большинстве стран земного шара, они теснее всего связаны с урбанизацией. Индустриализация постоянно притягивает в города, прежде всего в большие, значительные массы сельского населения. В кооперированном сельском хозяйстве растущая интенсификация производства, особенно механизация большинства наиболее трудоемких видов работ, высвобождает много рабочих рук. Не во всех случаях эти трудовые ресурсы используются в деревне полно и рационально. Нередко сказывается несовершенная организация труда в сельскохозяйственных кооперативах, диспропорции в отраслевой структуре хозяйства, пробелы в его специализации. В единоличном секторе (например, в Югославии) образуется избыток рабочей силы из-за отсталости и ограниченных возможностей хозяйства. Так, в 1966 г. в Воеводине, Македонии и Хорватии использовалось лишь 63—65% трудоспособной рабочей силы единоличного сектора, в Боснии и Герцеговине и Черногории — менее чем 60%, в Косово — примерно 50%¹¹.

Города привлекают сельских жителей не только возможностью получить или выбрать наиболее подходящую для себя работу, но и, как правило, более высокими доходами работающего населения. В последнее время очень важной причиной миграций в города, прежде всего молодежи, становится желание иметь регламентированный рабочий день (что трудно сделать в сельском хозяйстве с его сезонным характером труда) и свободно распоряжаться остальным временем. У сельского населения растет, — что является серьезным достижением социализма, — стремление учиться в высших или средних специальных учебных заведениях, повысить производственную квалификацию, приобрести новую специальность, пользоваться лучшими бытовыми условиями, более широким кругом достижений культуры. Всех этих возможностей пока, разумеется, гораздо больше в городах, особенно крупных, чем в селах.

В большинстве случаев механизм миграции определяется сложным комплексом взаимодействующих условий и причин. Решающим

⁸ «Карманный статистический справочник Югославии», Белград, 1966, стр. 24—25.

⁹ Подсчитано по статистическим ежегодникам и справочникам зарубежных социалистических стран Европы за 1965—1967 гг.

¹⁰ Статистических данных о миграциях населения в Албании у автора не было. Ориентировочно они составляют от 1 до 1,5% населения страны.

¹¹ «Migracijma na izvoru», «Ekonomska politika», Beograd, 1966, № 766, 3/XII, s. 1574; «Na putu migracija», «Ekonomska politika», Beograd, 1966, № 767, 10/XII, s. 1580.

Фактором при этом остаются различия жизненного уровня населения между городом и деревней в целом по стране и по ее отдельным районам, между различными районами и местностями. Это относится ко всем типам и видам миграций населения. Переселения из сельской местности в города, рабочие поселки и в обратном направлении, из сел в села, из городов в города, из горных районов на низменности и наоборот, миграции в пределах низовых административных районов, округов (областей), между крупными административными (округа, области), политико-административными (Чешская и Словацкая республики в ЧССР, республики в СФРЮ) единицами и экономическими районами — все они в той или иной мере представляют собой экономическое и социальное явление.

Вместе с тем внутренние (как и внешние) миграции населения происходят в конкретной географической среде, на территории, имеющей своеобразные социальные и экономические черты; они осуществляются в определенных политических и административных границах. При этом, как правило, заметно проявляются порайонные особенности миграционных процессов. Поэтому изучение миграций населения имеет вполне определенный географический аспект.

Внешние миграции, особенно в первом пятилетии после второй мировой войны, весьма заметно изменили национальный состав населения ряда зарубежных социалистических стран Европы. В некоторых из них они обусловили крупные внутренние перемещения населения. Внутренние миграции — как следствие внешних миграций и особенно как результат экономического строительства — привели к сдвигам в размещении населения в целом, к изменениям в этнической географии. Эти перемены заслуживают особого внимания прежде всего в тех случаях, когда речь идет о перемещениях большого числа людей — представителей разных этнических групп между отдельными районами. Они ставят перед органами народной власти конкретные вопросы национального строительства. Их приходится учитывать при проведении национальной политики в государствах со сложным национальным составом населения.

Польша претерпела наибольшие из всех зарубежных социалистических стран Европы изменения национального состава населения по сравнению с периодом до второй мировой войны. Как известно, границы этого государства сильно изменились. В новых государственных границах население ПНР складывалось из нескольких крупных частей, имевших свои социологические, бытовые и другие особенности: поляков, живших на довоенной территории страны, коренного населения Воссоединенных (Западных и Северных) земель, поляков-репатриантов из Советского Союза (около 2,5 млн. человек), поляков-резмигрантов и иммигрантов (около 3 млн. человек), прибывших в основном из европейских стран — ФРГ и ГДР, Франции и Великобритании¹². Современная Польша — одно из самых монолитных в национальном отношении государств мира: поляки составляют около 99% населения, тогда как до войны, в прежних границах — лишь около 69% (по официальным данным о родном языке, фактически же еще меньше). Поляки составляют ныне единую социалистическую нацию, имеющую общие цели строительства социалистической экономики и культуры.

Одной из главных экономических проблем народной Польши и одной из важнейших забот Польской объединенной рабочей партии и правительства ПНР в послевоенный период было заселение и хозяйственное освоение исконных польских земель на западе и севере страны.

¹² «Rocznik statystyczny», 1948, s. 27—29; A. Maryański, Wielkie migracje wojenne w liczbach, «Geografia w szkole», 1958, № 1, s. 39; Ю. В. Илинич, Польша, М., 1968, стр. 39—40.

Эти районы, называемые в Польше Новыми, Воссоединенными или Западными и Северными землями, занимают 103 тыс. км² — 1/3 территории государства.

В результате эвакуации немецко-фашистскими властями, а затем бегства вместе с отступавшей германской армией в конце второй мировой войны из Западных и Северных земель Польши более 2/3 проживавшего там немецкого населения (около 5 млн. человек), выселения в Германию по Потсдамским соглашениям почти всей его остальной части (в 1946—1948 гг. — свыше 2,2 млн. человек)¹³ очень многие районы этих земель обезлюдели. Экономика Воссоединенных земель после войны оказалась в крайне тяжелом положении. Из 9255 промышленных предприятий уцелело лишь 2528, да и из тех в большинстве случаев были вывезены машины и оборудование. В некоторых отраслях промышленности не осталось ни одного действовавшего предприятия. Около 150 тыс. зданий в городах (почти половина жилого фонда) и 124 тыс. сельских дворов были разрушены полностью или частично. Во Вроцлаве, крупнейшем городе Воссоединенных земель, в горах развалин лежало 68% всех зданий, в других городах — от 50 до 95%. Немецко-фашистские войска вывели из строя более 70% длины железных дорог, морские порты, взорвали мосты, угнали подвижной состав железных дорог, морские суда и речной флот на Одре. Пустовали, превращались в залежи пахотные земли; в деревне осталось лишь 10% лошадей, около 8% поголовья крупного рогатого скота, 4% — свиней и 3% — овец¹⁴.

Польский народ вложил громадные усилия и средства в возрождение Западных и Северных земель. Большую помощь в этом Польше оказали другие социалистические государства, прежде всего Советский Союз. Экономика Воссоединенных земель развивается весьма успешно. За годы народной власти восстановлено и построено вновь 16 тыс. промышленных предприятий, среди которых немало самых современных, занимающих ведущее место в стране. На долю Воссоединенных земель ныне приходится треть промышленного производства Польши. Здесь работает почти половина тракторов страны, вносится гораздо больше минеральных удобрений в расчете на каждый гектар и с гектара собирают лучший урожай, чем в других воеводствах; получают около половины товарного хлеба и картофеля Польши.

Воссоединенные земли имеют ныне 22 вуза с 70 тыс. студентов (в 12 раз больше, чем на этой территории в 1939 г.). Из 350 тыс. специалистов, подготовленных вузами ПНР (до 1967 г.), 97 тыс. человек окончили вузы на Воссоединенных землях.

Быстрое экономическое и культурное развитие Воссоединенных земель стало возможным благодаря притоку сюда миллионов поляков. Добровольное (при большой и всесторонней помощи правительственных органов) переселение поляков с востока на запад — из центральных, южных и восточных воеводств (старых земель) на Западные и Северные земли было главным направлением межрайонных миграций населения в Польше за годы народной власти. В течение 1946—1966 гг. число этих переселенцев составило более 2,6 млн. человек. На новые земли в основном направлялся и потск репатриантов, реэмигрантов и иммигрантов (за тот же период 2 млн. человек, в том числе более 1,7 млн. человек, прибывших из Советского Союза).

Заселение и освоение Воссоединенных земель позволило Польше успешно разрешить также ряд других важных социальных и народнохозяйственных проблем. Оно облегчило, например, проведение аграрной реформы, обеспечило работой в первые годы народной власти многие

¹³ Там же.

¹⁴ «Польские Западные и Северные земли. Факты и проблемы», Познань — Варшава, 1959, стр. 41.

сотни тысяч жителей, дало возможность развернуть крупное капитальное строительство с использованием природных ресурсов края, что способствовало индустриализации всей страны. В результате миграций населения в Западные и Северные земли резко повысился уровень материального благосостояния переселенцев, а также улучшилось положение населения тех районов, откуда шла миграция: в центральных и особенно в южных и восточных воеводствах в первые послевоенные годы была безработица в разрушенных городах и относительная перенаселенность в сельской местности.

К 1959 г., когда в основном закончились организованные миграции в Западные и Северные земли, их население состояло из 12% коренных жителей, 28% переселенцев из других районов Польши, 22,7% репатриантов из СССР, 2,7% реэмигрантов и 34,6% лиц, родившихся на этих землях после второй мировой войны. К настоящему времени уже стерлись основные различия между этими группами польского населения¹⁵. На Воссоединенных землях Польши ныне (в 1969 г.) живет свыше 9 млн. человек (28% населения страны) — больше, чем на той же территории в 1939 г.¹⁶. Теперь уже более половины здешних жителей родились после второй мировой войны, появилось второе поколение поляков на новых землях. Вместе с поляками, проживавшими на Западных и Северных землях до войны, они составляют примерно 3/5 всего населения (остальную часть населения составляют переселенцы). Политическое значение этого факта, как и вообще всего процесса освоения и быстрого развития экономики Воссоединенных земель трудом поляков, очень велико, особенно в свете реваншистских притязаний правящих кругов ФРГ на территорию Народной Польши.

В Чехословакии, как и в Польше, важнейшим результатом внешних миграций после второй мировой войны было уменьшение общей численности населения и резкое изменение его национального состава. Эмиграция и выселение немцев из западных районов страны (около 2,5 млн. человек в 1945—1947 гг.), а затем обмен населением с СССР и Венгрией (относительно не крупный по своим масштабам) привели к тому, что население ЧССР стало более однородным. Современная Чехословакия — федеративное государство двух славянских народов — чехов и словаков. Из общей численности населения страны в 1966 г. на долю чехов приходилось 65,1% (против 53,0% по данным последней предвоенной переписи населения 1930 г.), словаков — 28,9% (против 16,4%). Кроме того, в ЧССР проживают венгры — 3,9% всего населения страны (против 4,3% в 1930 г.), немцы — 0,9% (против 23,6%), поляки — 0,5% (0,7%), украинцы и русские — 0,4 (0,8%) и другие — 0,3% (1,2%)¹⁷.

Как и Польша, Чехословакия успешно решила проблему заселения своих западных районов. В пограничные области Чехии и Моравии (Пограничье), где прежде жили немцы, из глубинных чешских районов и Словакии (она дала 10% переселенцев) прибыло на постоянное местожительство в 1945—1948 гг. более 1700 тыс. чел. Вместе с 600 тыс. чехов и лиц других национальностей (кроме немцев), оставшихся в Пограничье после войны, они составили ядро населения этого края. В последующие 20 лет приток переселенцев сюда был в общем небольшим. Население увеличивалось в основном за счет естественного прироста. В 1967 г. оно достигло 3,1 млн. человек — более 93% численности всех жителей (включая немцев) Пограничья после окончания второй миро-

¹⁵ «Польские Западные и Северные земли. Население», Познань — Варшава, 1960, стр. 99; З. Ясевич, Исследования общественной и культурной интеграции на западных и северных польских землях», «Сов. этнография», 1967, № 6.

¹⁶ Тогда, по немецким данным (перепись 17 мая 1939 г.), здесь насчитывалось 7,1 млн. немцев и 1,3 млн. поляков, всего 8,4 млн. чел. Кроме того, в Гданьске (тогда — вольном городе Данциге) жило около 0,4 млн. чел. В 1945 г. из-за потерь во время войны коренного польского населения на этой территории осталось менее 1 млн. чел.

¹⁷ «Statistická ročenka CSSR», 1967, Praha, s. 77.

вой войны. Эти области ЧССР заселены преимущественно чехами, бурно развиваются в экономическом отношении и своим обликом и многогранной жизнью убедительно опровергают измышления пропагандистов и политиканов из ФРГ о якобы «пустующих землях на западе Чехословакии».

Межрайонные миграции населения в Чехословакии в основном охватывают лишь чехов и словаков, которые составляют вместе 94% всех жителей страны. Национальные меньшинства, как правило, расселены компактно и отличаются малой миграционной подвижностью. Почти 9/10 всего польского населения живет в округах Карвина и Фридек-Мистек (Северо-Моравская область), венгры — преимущественно в округах Дунайска-Стреда и Комарно (Западно-Словацкая область), украинцы — главным образом в округах Гуменне и Бардеев (Восточно-Словацкая область).

На этническую географию ЧССР в наибольшей степени влияет постоянный миграционный обмен населением между Чешской и Словацкой социалистическими республиками. В 1945—1949 гг., когда интенсивно происходило заселение Пограничья, в чешские области переселилось около 160 тыс. словаков. В то же время из западных пограничных районов на восток, в том числе в Словакию, было переведено много промышленных предприятий, в значительной мере вместе с кадрами чешских рабочих, служащих, техников и инженеров. С начала 1950-х годов, когда в процессе социалистической индустриализации во многих районах чешских областей и в Словакии развернулось крупное капитальное строительство, и до настоящего времени внутренние миграции характеризуются в основном приливом сельского населения и частично жителей малых городов в крупные и средние города промышленных районов. При этом в миграциях между Чешской и Словацкой республиками последняя постоянно имеет в целом отрицательное сальдо. За 1950—1967 гг. оно превысило 151 тыс. человек¹⁸. Миграции между Чешской и Словацкой Республиками в 1960-х годах вдвое уменьшились по сравнению с 1950-ми годами; в 1965—1967 гг., например, из Словакии в чешские области переезжало в среднем за год примерно 18 тыс. чел., в обратном направлении — около 11 тыс. чел.¹⁹.

Мигранты из Словакии направляются прежде всего в соседние чешские Северо-Моравскую и Южно-Моравскую области. Северо-Моравская область — важнейший угольно-металлургический район страны, имеющий и другую развитую тяжелую промышленность, притягивает ежегодно 1/5 всех мигрантов из Словакии.

Перевес миграции из Словакии в чешские области над переселением в обратном направлении сохранится и в ближайшем будущем. На долю Словакии приходится около 20% объема промышленного производства ЧССР. В то же время там проживает более 30% трудоспособного населения страны²⁰. Естественный прирост населения (в расчете на тысячу жителей) в Словацкой Республике втрое выше, чем в Чешской Республике. В составе словацкого населения, особенно в селах, много молодежи. Несмотря на быстрые темпы экономического и культурного развития Словакии в годы народной власти, уровень занятости и доходы ее населения в среднем пока еще заметно ниже, чем в чешских областях.

В результате миграций словаков в чешские области их общая численность и удельный вес в составе населения этих областей значительно выросли. До второй мировой войны (по переписи населения 1930 г.) в чешских областях жило 44 тыс. словаков, а их доля в общем населении

¹⁸ «Statistická ročenka ČSSR», s. 103; «Čísla pro každoho», 1968/69, Praha, s. 122.

¹⁹ Там же.

²⁰ L. Kozar. Vyhlady pracovnej aktivity a kvalifikacie obyvateľstva na Slovensku, «Planová hospodárka», 1968, № 12, s. 48.

едва достигала 0,4%. В 1950 г. там проживало уже 285 тыс. словаков (2,9% всего населения), а в 1966 г. — 342 тыс. (3,5%). Большая часть словаков поселилась в Северо-Моравской и Южно-Моравской областях, кроме того, они живут в Западно-Чешской, Северо-Чешской и Восточно-Чешской областях. В Словакии, напротив, удельный вес словаков понизился с 86,6% в 1950 г. до 85,6% в 1966 г. Доля чехов там невелика (всего 1,1%) и существенно не меняется за последние 10—12 лет.

Переселенцы из чешских областей, прибывающие в Словакию — это, как правило, квалифицированные специалисты: инженеры, техники, научные работники и др. В последние годы, в частности, много технических специалистов из чешских областей прибыло для постоянной работы на Восточнословацком металлургическом комбинате у г. Кошице. Таких примеров немало. Своими знаниями и опытом чешские специалисты способствуют развитию экономики и культуры Словакии. В Чешскую республику из Словакии мигрируют преимущественно сельские жители или горожане из малых городов, большей частью работники физического труда. За счет их притока восполняется нехватка рабочей силы в ряде промышленных районов чешских областей.

Миграция словаков в Чешскую республику, которая, вероятно, будет интенсивно продолжаться вследствие экономических и демографических причин, приведет к дальнейшему увеличению словацкого населения в чешских областях вообще и, как показывают данные о миграции, в Северо-Моравской и Южно-Моравской областях особенно. Такая тенденция требует внимательного подхода к решению актуальных вопросов экономического, культурного и национального строительства в этих областях.

В Югославии после второй мировой войны произошли некоторые изменения в этнической географии. В этой стране самый сложный национальный состав населения среди всех европейских государств. Послевоенные массовые внешние миграции охватили в основном неславянские народы. Эмиграция ряда национальных меньшинств сократила их численность в стране в целом и особенно в некоторых районах. За счет этого несколько повысился удельный вес славян — до 90,3% от общего числа жителей страны (по данным последней переписи населения 1961 г.).

Наиболее значительным было уменьшение численности немецкого населения: накануне второй мировой войны немцев было свыше 500 тыс. чел., в 1948 г. (по данным переписи) — 55 тыс., в 1961 г. — лишь 20 тыс. чел. В первые послевоенные годы весьма поредело население ряда районов в Воеводине, где жило наибольшее число немцев, а также в Славонии и на востоке Словении. В конце 1940-х — начале 1950-х годов наблюдалась эмиграция и других национальных меньшинств: итальянцев из Истрии, перешедшей к Югославии, турок из Македонии, отчасти цыган, валахов (куцовлахов) и др. В то же время имела место иммиграция македонцев из северной части Греции (Эгейской Македонии)²¹ и т. д. Эти миграции сказались на численности ряда национальных меньшинств в отдельных частях страны (например, турок в Македонии), но не повлияли существенно на этническую карту Югославии.

В 1945—1947 гг. правительство Югославии организовало переселение 40 тыс. семей (около 200 тыс. чел.) бывших партизан и других активных участников народно-освободительной войны из горных районов Боснии и Герцеговины, Далмации и Лики (область на западе Хорватии), экономически отсталых и опустошенных во время войны, в наиболее развитые северные равнинные области с плодородными почвами — Воеводину и Славонию, прежде всего в те местности, откуда ушло не-

²¹ Т. Кондев, Развој на населението на територијата на СР Македонија во текот на последните шест децении, «Географски разглед», Скопје, 1965, № 2—3, с. 41—62.

мецкое население²². Это же географическое направление миграций населения — с юга на север — доминирует над всеми другими направлениями в течение всего периода после второй мировой войны. Из южных горных, в настоящее время менее развитых в экономическом отношении районов Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии, южной части Сербии (в том числе автономного края Косово) переселенцы направляются в северные, равнинные и низкогорные, наиболее развитые районы Сербии (прежде всего в Белград и его окружение, а также в другие города, автономный край Воеводину), Хорватии и Словении.

Движущей силой этих межреспубликанских или межрайонных миграций населения служат, разумеется, социальные и экономические факторы, о чем говорилось выше. Вместе с тем проявляется и этнический аспект переселений: постепенно меняется национальный состав населения северных районов Югославии, особенно больших городов и промышленных центров, принимающих много мигрантов.

Из сравнения материалов переписей населения Югославии и других статистических данных видно, например, что в республике Сербия численность черногорцев выросла с 28,6 тыс. чел. (менее 0,5% всего населения Сербии) в 1948 г. до 105 тыс. чел. (1,4%) в 1961 г.; македонцев в Сербии стало 36 тыс. чел. (в 7 раз больше, чем в 1948 г.), словенцев — 20 тыс. чел. (в 3 раза больше, чем в 1948 г.); значительно — до 93 тыс. чел. — выросло число выходцев из Боснии и Герцеговины. Доля этих последних вместе с черногорцами, македонцами и словенцами в 1961 г. составила 3,4% всех жителей Сербии. Она была заметно выше в ряде городов северной части республики. Наряду с притоком мигрантов из других республик в самой Сербии наблюдаются интенсивные переселения жителей южных районов (особенно из Сурдулицы, Владичина Хана, Пирота и некоторых других), прежде всего горцев, на север — в города и отчасти сельские местности в долинах Моравы, Дуная, а также в Воеводину²³. Из автономного края Косово мигрируют албанцы и сербы.

В Хорватии наибольший приток переселенцев приходится на Славонию — плодородную равнинную область в междуречье Савы и Дравы. Сюда едут жители горных карстовых районов республики, а также мигранты из соседней Боснии и Герцеговины. Многие из них вначале (иногда в течение ряда лет) приезжают в Хорватию, северную часть Сербии на сезонные работы, а затем устраиваются на постоянную работу. Сезонные миграции очень распространены в Югославии. Ежегодно в северные районы страны приезжает только из Боснии и Герцеговины около 100 тыс. сезонных рабочих и не меньше — из южной части Сербии, Косово, Македонии²⁴.

Словения, самая монолитная из республик Югославии по национальному составу, стоит впереди их по уровню экономического и культурного развития, производственной квалификации и доходам населения. Словенский язык заметно отличается от сербскохорватского, на котором говорит большинство населения, самобытны словенцы и во многих других отношениях. Миграционные связи Словении с другими республиками ограничены. Отчасти это происходит потому, что Словения лежит в стороне от основных потоков миграций, сравнительно далеко от перенаселенных аграрных районов. Кроме того, переселенцам из других республик, например из Боснии и Герцеговины, как правило, трудно прижиться в Словении: слишком иные здесь условия жизни и труда, и лицам малограмотным, с невысокой квалификацией нелегко найти работу.

²² В. Тришич, Миграция населения, Бюллетень «Югославские новости», Белград, 1966, № 3, стр. 7.

²³ «Na putu migracija», «Ekonomska politika», № 767, 10/XII, 1966, Beograd, s. 1580.

²⁴ Там же; см. также Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии, «Сов. этнография», 1969, № 1.

По переписи населения 1961 г. в Словении было лишь 1,8% неграмотного населения старше 10 лет, тогда как в Боснии и Герцеговине — 32,5%.

Наиболее тесные миграционные связи у Словении с соседней Хорватией, которая ближе всего подходит к ней по многим показателям развития экономики и культуры. В период между переписями населения 1948 и 1961 гг. число хорватов в Словении возросло с 11 до 31 тыс. человек (0,8 и 2% населения Словении), а словенцев в Хорватии — с 20 тыс. до 39 тыс. чел. (0,3 и 1% населения Хорватии). В последние годы в связи с нехваткой рабочей силы в Словении туда приезжает ежегодно более 20 тыс. рабочих из Боснии и Герцеговины²⁵. Несмотря на определенные трудности, часть из них устраивается на постоянную работу, особенно в южных районах республики. Все это снижает однородность этнического состава населения Словении: в 1948 г. словенцы составляли 98,2% ее жителей, в 1961 г. — 95,6%.

В Румынии внешние миграции после второй мировой войны (как и изменения государственных границ в 1940 г.) привели к изменению национального состава населения страны в целом. Румыны составляют теперь 88% всех ее жителей вместо 72% накануне войны. Однако размещение этнических групп по территории страны при этом почти не изменилось.

Внутренние миграции населения в Румынии за годы народной власти представляют собой довольно сложную картину²⁶. Все же заметно, что в межобластных миграциях постоянный приток переселенцев направлялся в наиболее развитые промышленные области, особенно в Банат, Брашов, Хунедоара и Клуж, а также в отдельные крупные индустриальные центры, прежде всего Бухарест, Плоешти, Петрошени и Галац. Напротив, отток населения наблюдался в Муреш-Венгерской автономной области и в областях Арджеш, Олтения, Добруджа, Сучава, Бакэу, Яссы, Марамуреш²⁷. В них, несмотря на развитие промышленности и рост рядов рабочего класса, имеются излишки трудовых ресурсов в сельской местности.

По данным румынской статистики (например, по опубликованным результатам переписи населения 1966 г.) и другим официальным публикациям за последние 12—13 лет невозможно четко проследить изменения этнического состава населения по отдельным областям или хотя бы крупным районам страны. Однако, несомненно, что такие сдвиги произошли. В межобластных миграциях наиболее активно участвовало население тех областей, чей этнический состав не отличается однородностью. В Муреш-Венгерской автономной области, например, более 3/5 населения, а в Марамуреше более 1/4 составляли венгры, кроме того, там живут немцы. В областях Банат, Клуж и Брашов доля венгров и немцев достигает 1/5—1/4 всего населения; в Клуже и Банате живут также цыгане, в Банате — еще и сербы, болгары, чехи, словаки, украинцы. Среди жителей Добруджи — турки, греки, армяне, болгары, украинцы. Хунедоары — немцы, венгры, поляки, чехи, греки.

Изменения этнического состава населения, как правило, гораздо более заметны в тех областях, где наблюдается наибольший приток мигрантов из разных районов. В Румынии это относится особенно к областям Брашов, Банат, Клуж, Хунедоара, имеющим и без того сложный состав населения.

В других зарубежных социалистических странах Европы этнический аспект внутренних миграций населения не представляет в настоящее время, как нам кажется, существенного интереса. ГДР и Албания — фактически однопациональные государства. В Венгрии и Болгарии, на-

²⁵ «Na putu migracija», s. 1580.

²⁶ По данным и административному делению на 1946—1967 гг.

²⁷ С. Grigorescu. Указ. раб., р. 35—53.

сколько об этом можно судить по имеющимся материалам, национальные меньшинства отличаются очень малой миграционной подвижностью.

Изучение сдвигов в этнической географии показывает, что они происходят быстрее всего в результате массовых переселений лиц отдельных национальностей. Такие случаи в общем редки и бывают вызваны чрезвычайными обстоятельствами. В обычных условиях в государствах с неоднородным национальным составом населения внутренние миграции, обусловленные преимущественно социально-экономическими факторами, как правило, лишь постепенно изменяют абсолютную численность, соотношение и размещение (расселение) отдельных этнических групп в тех или иных районах. Все эти явления протекают интенсивнее в урбанизированных районах, крупнейших городах и промышленных центрах, куда идет наибольший приток мигрантов.

В многонациональных зарубежных социалистических странах Европы процесс «перемешивания» отдельных этнических групп населения объективно ведет к уменьшению их национальной замкнутости, большому сплочению народов на основе общегосударственных интересов. Взаимно обогащаются культура, быт, национальные традиции, трудовые и производственные навыки отдельных народов. Этому способствует, как правило, усвоение языка, на котором говорит большинство населения страны.

В то же время усложнение этнического состава населения в ряде районов ставит перед органами народной власти новые (иногда нелегкие) конкретные задачи в области просвещения, культурного, бытового и другого обслуживания населения.

Все эти актуальные вопросы заслуживают внимания этнографов, социологов, экономистов и экономико-географов, занимающихся изучением зарубежных социалистических стран Европы.

SUMMARY

Human migrations are a very complex phenomenon, bearing a social, economic, economic-geographical and demographic character at the same time. They directly reflect social-economic processes going on within each country. International migrations reflect also political, military, economic, social, national and other factors. In a number of cases internal migrations are caused by international migrations. In their turn internal migrations exert a considerable influence over population distribution and its ethnic composition in various regions.

In European socialist countries (outside the USSR) internal migrations have gained great importance. In the first postwar years they were due to the war; later, up to the present time, to economic construction work, primarily to industrialisation.

Changes in the ethnic geography of these countries due to population migrations are of interest. International migrations have led to sharp changes in the ethnic composition of the population of Poland and Czechoslovakia, and to appreciable changes in that of Yugoslavia and Rumania. They have caused considerable internal migrations in Poland and Czechoslovakia and smaller ones in other countries. Migrations of persons belonging to different ethnic groups lead to gradual changes in the ethnic composition of the population in various regions as shown in the instances of the Czechoslovak Socialist Republic, the Socialist Federal Republic of Yugoslavia and other countries. This poses specific problems of national and cultural development before the people's government bodies.

А. Пранда

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

После второй мировой войны в быту и культуре всех социалистических стран Европы произошли коренные изменения. При изучении процесса культурно-бытовых изменений этнографы широко пользуются термином «современность»¹.

Понятие «современность» включает в себя целый комплекс различных факторов экономического, социально-бытового и культурного характера, вызвавших изменения в области быта и культуры и проявлявшихся в различных странах в разных сочетаниях и в разном качестве.

Процесс изменений в развитии народной культуры естествен, хотя он кажется необычайно сложным и многогранным. В конкретных условиях отдельных стран и различных областей внутри них для этого процесса характерно многообразие форм и вариантов.

Трудность изучения этого процесса объясняется рядом причин. Необходимо учитывать в первую очередь тот уровень, на котором находилась в своем естественном прогрессивном развитии народная культура перед началом радикальных изменений. Известно, что традиционная культура в отдельных странах отличалась различной степенью компактности, непрерывности, сохранности, целесообразности общественных функций, которые определяли ее историко-культурную и этническую специфику.

Естественно, что уровень народной культуры в конкретных условиях страны или ее отдельных областей неизбежно отражался на самой основе рассматриваемого нами процесса, прежде всего на его динамичности, широте и глубине, масштабах и интенсивности. Внешне создается впечатление, что там, где народная культура была более архаична, процесс современных изменений под действием одних и тех же факторов протекает быстрее.

С другой стороны, нужно отметить, что основными причинами, решающим образом влияющими на качественные и количественные показатели процесса изменений в различных странах, могут оказаться вовсе не одни и те же комплексы факторов. Это объясняется не только тем, что до сих пор существуют значительные различия в конкретных условиях отдельных стран и областей внутри них, но и экономической политикой отдель-

¹ Из многочисленной литературы, посвященной проблематике изучения современности, укажем лишь на некоторые основные работы: А. И. Першин, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967, № 5; К. В. Чистов. Фольклористика и современность, «Сов. этнография», 1962, № 3; К. Фойтик. Основные проблемы чехословацкой этнографии и фольклористики, «Сов. этнография», 1967, № 4; «La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques. Essais tirés des recherches contemporaines d'Ethnographie Polonaise», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; J. Michálek, Niektoré problémy štúdia ľudovej kultúry v súčasnosti, «Slovenský národopis», XV, 1967, s. 489—498; L. Droppová, K problematike národopisného výskumu súčasnosti, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 594—600; B. Gałęski, Typy uprzemysłowienia, «Studia sociologiczne», 1967, No 4, s. 40.

ных социалистических стран, определяющей качественную и количественную сторону процесса². Благодаря этому процесс изменений культуры отдельных локальных групп и социальных слоев оказывается необычайно многообразным и сложным.

Однако, несмотря на указанные трудности, представляется возможным тем или иным способом уловить специфику процесса и дать ему общее определение.

Преобразования, происходящие в развитии народной культуры в социалистических странах после второй мировой войны, обусловлены в первую очередь общественным строем этих стран, осуществляемой в них индустриализацией и коллективизацией, повышением жизненного и культурного уровня населения, а также тесно связанными с этим миграцией, урбанизацией, влиянием средств массовой информации и т. д.

Этнографическая наука пытается дать оценку не только конкретным формам этих изменений, но и причинам их возникновения. Думается, что выяснение этих причин поможет правильному освещению новой формы, содержания и функции отдельных явлений народной культуры и поискам соответствующих методов их исследования. Раскрытие этих причин дает ту основу, без которой невозможна качественная и количественная оценка новых явлений в этнографическом или ином аспекте изучения.

Понятно, что этнографическое исследование рассматриваемого нами процесса наталкивается на целый ряд специфических трудностей, вызванных не только новизной проблематики, но и различием в толковании некоторых основных этнографических терминов. Встает необходимость определения предмета и границ этнографического изучения, уточнения терминологии, так как содержание многих терминов изменялось не только с течением времени, но и в рамках отдельных наук³.

Сказанное можно проследить как на терминах «быт», «народ», «народная культура», «общество», «общность» и т. д., так и на терминах «структура», «система», «явление», «элемент» и т. п. Каждый из этих терминов понимается по крайней мере в двух разных значениях, т. е. в широком и узком смысле. Например, под термином «быт» в широком смысле подразумевается повседневная жизнь народа с ее унаследованными от прошлого традициями, установившимися отношениями между людьми и отношениями людей к материальным и духовным явлениям; быт формировался в рамках повседневной жизни людей с привычным распорядком общественной, в том числе и производственной, жизни⁴. В узком же смысле под этим термином подразумевается прежде всего потребление конкретных материальных и духовных ценностей⁵, которые ежедневно и определенным образом реализуются людьми в их семейной и общественной жизни. Это потребление обусловлено не только прошлым (традиции и навыки определенной среды), но и настоящим (побуждения экономического и культурного характера и т. д.). Подобные или даже более существенные различия можно было бы проследить в значении терминов «народ», «народная культура», «общество»⁶, «этническая общность»⁷ и т. д.

Мы считаем, что в определении предмета своего исследования этнографическая наука уже вышла из тех рубежей, которые ограничивали

² Имеется в виду разный уровень индустриализации и разная степень коллективизации сельского хозяйства в отдельных социалистических странах.

³ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5; В. И. Гусев, Фольклор. История термина и его современные значения, «Сов. этнография», 1966, № 2.

⁴ Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Быт и его преобразования в период построения социализма, «Сов. этнография», 1965, № 4, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 141.

⁷ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2.

ее в середине XIX в.⁸ Но несмотря на то, что в теоретическом смысле вопрос необходимости изучения процесса изменений в принципе ясен, круг проблем и методов исследования современности остается очерченным недостаточно четко⁹.

В этнографической науке последних лет выявилось два различных направления. Первое из них до сих пор продолжает подчеркивать непрерывность в развитии народной культуры и признавать лишь те новообразования, которые непосредственно связаны с традицией и не выходят за пределы классического определения народной культуры.

Сторонники другого направления в гораздо большей степени учитывают то новое, что проникает в структуру народной культуры. Тем самым само содержание понятия народной культуры обогащается ценностями культуры тех социальных и профессиональных групп населения, которые вплоть до конца второй мировой войны изучались недостаточно (например, культуры рабочего класса¹⁰, городского населения¹¹ и т. д.). Обогащается также и методика исследования культуры этих групп и слоев.

В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть некоторые основные теоретические аспекты изучения современного состояния народной культуры. Обсуждение этих проблем, вероятно, вызовет дискуссию, которую мы считаем лучшим средством дальнейшей разработки теоретических вопросов этнографического изучения современности.

* * *

К изучению народной культуры этнической общности можно подойти с разных сторон.

1. С точки зрения ее истории выявляется непрерывность процесса изменения и усложнения форм, содержания и функций отдельных явлений народной культуры, процесса перехода от архаичного к современному, процесса изменения структуры народной культуры, проходящего в конкретной общности на конкретной территории в конкретный период. Первоначальная и современная форма структуры народной культуры — это две крайние точки одного и того же процесса развития¹².

2. Изучая закономерности развития структуры народной культуры, можно установить, что одной из них является непрерывная борьба двух противоположных тенденций. С одной стороны, это тенденция к сохранению структуры народной культуры, ее ценностей и взаимосвязи форм, содержания и функций ее отдельных явлений; с другой стороны, это тенденция к изменению этой структуры и приспособлению ее к новым условиям быта и мировоззрения народа, к появлению новых ценностей формы, содержания, функции явлений и т. д.¹³.

3. Что касается факторов развития народной культуры, то речь идет о совокупности таких внешних и внутренних (с точки зрения культуры)

⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 134.

⁹ J. Michálek, Niektoré problémy štúdia..., s. 490.

¹⁰ В. Ю. Крупянская, Skúsenosti z etnografického výskumu ruských robotníkov, «Slovenský národopis», V, 1957, s. 364—376; И. П. Труфанов, О формировании и современном составе рабочих кадров ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова, «Сов. этнография», 1965, № 1.

¹¹ Ш. А. Богина, В. Ю. Крупянская, К вопросу об этнографическом изучении города и промышленного поселка. По материалам симпозиума VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1965, № 3; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения. Опыт изучения городов средней полосы РСФСР, «Сов. этнография», 1966, № 6.

¹² С. А. Токарев, Die Grenzen der ethnologischen Erforschung der Völker industrieller Länder, «Ethnologia Europea», 1, 1967, S. 30.

¹³ A. Melicherčík, Tradičné a netradičné v ľudovej kultúre, «Slovenský národopis», XIV, 1966, S. 564; В. В. Пименов, О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 6.

стимулов, которые проникают в структуру народной культуры и воздействуют на быт и мировоззрение народа.

Влияние этих факторов нередко бывает настолько сильным, что оно тормозит естественное развитие народной культуры и в известной мере разрушает структуру традиционной культуры.

Появление новой формы, содержания и функции, и даже новых явлений первоначально вызывается внешними факторами, стоящими вне рамок народной культуры, а позднее — факторами внутренними, которые уже вошли в быт и мировоззрение широких слоев населения.

Попытаемся проследить процесс развития народной культуры в свете изучения современности.

Если смотреть на народную культуру с точки зрения ее истории, можно заметить, что ее развитие переживало периоды, которые можно считать периодами спокойного и постепенного развития ценностей и связей отдельных элементов структуры. Но были и периоды, которые отличались особо быстрыми и коренными изменениями. В первом случае преобладающей можно назвать тенденцию к сохранению основной структуры культуры (новые поколения перенимали ее, сохраняя ее старые ценности и связи); во втором случае преобладает тенденция к изменению этой структуры (новые поколения приспосабливали к изменявшимся условиям жизни культурные ценности и связи между формой, содержанием и функцией отдельных явлений).

В каждом конкретном случае обе тенденции действуют одновременно, хотя и не в одинаковой мере. В спокойные периоды развития, во время которых социально-экономические условия и быт народа в целом сохраняются на определенном уровне, отдельные явления, проникающие в структуру, меняют ее форму, содержание, функции и связи медленно и постепенно. В переломные периоды, наоборот, процесс изменений резко ускоряется.

В первом случае накопление мелких, иногда мало заметных изменений идет постепенно и медленно. Исследовать их в структуре культуры бывает возможно только через определенное время, так как чаще всего в поле зрения оказываются вначале лишь локальные или индивидуальные варианты. Новые ценности формы, содержания, функции и новые связи, которыми обогатились отдельные явления и составные части народной культуры, обычно не выходят за рамки прежней ее структуры. Чаще всего эти элементы не кажутся новыми, находящимися вне системы и структуры, их ценность состоит прежде всего в индивидуальном (или локальном) характере их усвоения.

Развитие народной культуры в этом случае идет путем перенимания и использования всех культурных ценностей, накопленных предшествующими поколениями, критического их пересмотра и творческой переработки¹⁴. В этом процессе происходит дифференциация формы, содержания и функций явлений народной культуры. Старые, отмирающие элементы уступают свое место новым, способным к дальнейшему развитию.

Взаимоотношения между этими элементами и явлениями, однако, не являются антагонистическими. Это только количественные, но не качественные отношения¹⁵. В эти периоды речь идет о естественном, постепенном и медленном процессе, в котором старые и новые элементы структуры сосуществуют и нередко взаимодействуют. В структуре культуры данного периода более старые формы содержания и функции

¹⁴ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 4; И. А. Баллер, Проблема преемственности в развитии культуры, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5.

¹⁵ Например: R. Agon, Dix-huit leçons sur la société industrielle, Paris, 1962, p. 77; См. подробнее: С. Ф. Черненко, Проблема общественного прогресса в социологии Раймона Арона, в сб. «Современный капитализм и буржуазная социология», М., 1965, стр. 159—160.

сохраняются чаще всего как исторические предшественники более новых и современных элементов или явлений, иногда в качестве их локальных вариантов.

Качественно отлично развитие народной культуры в те периоды, которые мы называем периодами быстрых и коренных изменений. Их характерной чертой является то, что именно тогда в традиционную структуру народной культуры проникают явления, коренным образом отличающиеся от предыдущих и несовместимые со старой структурой. От предшествующих явлений они отличаются не только количественно, но и качественно. Их проникновение в структуру народной культуры обусловлено целым комплексом факторов, которые выступают в качестве внешних или внутренних импульсов изменений. Внешние факторы находятся вне рамок народной культуры и проявляются в структуре ее через посредство внутренних факторов, в связи с чем их можно назвать первичными. Внутренними факторами мы считаем те, которые под влиянием внешних обстоятельств внедрились в быт (прежде всего в систему занятий и производства), а затем через посредство этих занятий, производства и связанного с ними нового быта нашли отражение в других явлениях, составных частях народной культуры. Поэтому внутренние факторы можно назвать вторичными.

Внешними причинами радикальных изменений народной культуры являются многочисленные факторы экономического, социально-бытового, культурного и просветительного характера. Их влияние на развитие народной культуры может проявляться в двух видах. Часть их влияет непосредственно (в той мере, в какой это возможно) на некоторые составные части народной культуры. Это факторы культурного и просветительного характера, которые влияют прежде всего на область духовной культуры.

С другой стороны, существуют факторы экономического и социально-бытового характера, которые непосредственно не влияют на структуру народной культуры. Они действуют прежде всего на систему занятий народа, меняют основное занятие определенных слоев народа, а лишь позднее проявляются и в изменении тех форм, содержания и функций явлений народной культуры, которые более всего зависят от измененных условий жизни или находятся под их влиянием.

В этой связи нужно отметить, что под влиянием указанных факторов осуществляется не только количественное развитие народной культуры (путем увеличения числа, объема и многообразия отдельных форм, содержания и функций ее явлений), но также и развитие качественное¹⁶, при котором меняется в своей основе большинство ценностей народной культуры и их взаимосвязи.

Внешние и внутренние факторы стимулируют возникновение качественно новых форм народной культуры. Новые элементы в процессе изменений сказываются сразу же, хотя более яркое их проявление начинается тогда, когда влияние указанных факторов на быт и культуру народа становится при долговременном воздействии комплексным. В этом случае не только число, но и прежде всего качество новых элементов обуславливается размером и силой их влияния на социальное и культурное положение носителей исследуемой культуры, а также мерой той активности, которую проявляют данные факторы в развитии ее структуры.

На первый взгляд кажется, что влияние внешних факторов должно было бы быстрее всего сказываться в области материальной культуры и только позднее — в области культуры духовной и социальной. На самом деле это не всегда так даже в том случае, когда материальная сторона быта носителей народной культуры тесно перекликается с их социально-бытовыми условиями и уровнем жизни в целом.

¹⁶ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 6.

История народной культуры дает достаточно примеров, подтверждающих отмеченные выше закономерности ее развития и влияния различных факторов на ее структуру. Развитие культуры определяется, таким образом, преемственностью в развитии форм, содержания и функций явлений народной культуры; постепенным обновлением и изменением путем приспособления к новым условиям жизни; количественным обогащением культуры в период постепенного развития и возникновения новых формы, содержания и функции явлений в период нарушения постепенности развития.

В качестве примера структурных изменений народной культуры в переломные моменты ее истории можно привести возникновение изобразительного искусства в палеолите, возникновение письменности и отделение литературы от устного народного творчества в период перехода от первобытного общества к классовому, отделение ремесла от земледелия и возникновение в связи с этим ремесленных и торговых центров (городов) как нового типа поселений в период раннего рабовладения и феодализма, появление печати и современных способов передачи и хранения массовой информации в новое и новейшее время и т. д.¹⁷

К числу внешних факторов, которые в определенные периоды отражались на быте народа и приводили к нарушению прежней постепенности в развитии культуры, к включению в ее структуру новых ценностей, следует прежде всего отнести революционную смену социально-экономических формаций и изменения в общественно-политическом строе. Большое значение имеют перемещения населения, урбанизация страны в связи с индустриализацией и коллективизацией, использование массовой информации культурно-просветительного характера (печать, радио, кино, телевидение).

В связи с влиянием внешних и внутренних факторов, вызывающих радикальные изменения в структуре народной культуры, хотелось бы высказать некоторые соображения относительно их роли в быту и культуре широких народных масс.

Для развития народной культуры характерно то, что влияние этих факторов, особенно вначале, проявляется по отношению к ее структуре довольно противоречиво.

Причина этому не только в новой форме, содержании и функции явлений, которые вносятся в быт и культуру, но и в количестве и качестве этих ценностей, принуждающих предшествующие ценности народной культуры изменяться и приспособляться к новым условиям жизни в данной стране или ее отдельной области.

Как показывают наблюдения, изменения в структуре культуры, носящие вначале чаще всего характер принципиальных и радикальных перемен, иногда могут утратить такую свою особенность. Это бывает прежде всего тогда, когда долговременное воздействие определенного фактора или комплекса факторов, вызвавших возникновение новых ценностей формы, содержания и функций явлений культуры, приводит к включению их в структуру культуры. Происходит это в тех случаях, когда новые ценности приспособятся или приспособят к себе данную структуру настолько, что не будут выходить за ее рамки, т. е. не будут ощущаться новыми и чужеродными, неструктурными.

Однако в развитии народной культуры возможна и обратная ситуация. Первоначальная структура может поглотить или в какой-то мере адаптировать новые элементы, но в основе своей они могут остаться по-прежнему вне ее структуры как чужеродный элемент вне системы. Так может случиться не только внутри границ распространения культуры данной общности, но прежде всего на границах двух этносов и различных культур. Многие формы, содержание и функции явлений заимствуют

¹⁷ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 7.

ся определенной общностью, но в начальной стадии интеграции продолжают ощущаться вне структуры и остаются на краю системы данной культуры и ее структуры.

Правда, в этом случае нужно обратить внимание на сложность разбираемого нами процесса и самой переоценки этих ценностей. В действительности развитие идет не так просто, как мы его нарисовали, так как оно зависит от многих конкретных условий жизни данной общности в определенный период и в данном месте, их необходимо учитывать при оценке развития структуры данной народной культуры¹⁸.

При изучении процессов развития с теоретической точки зрения необходимо также принимать во внимание существование временных различий и системных ценностей изучаемых элементов народной культуры. При исследовании предшествующих стадий развития культуры мы оцениваем лишь результаты процесса изменений, а не ход самого процесса, его внутреннюю динамику и противоречивость и даже не внешние и внутренние факторы, его обусловившие.

При изучении же современности, т. е. проходящего в настоящее время процесса изменений, мы видим в первую очередь сам процесс, его противоречивость по отношению к традиционной культуре и многочисленные факторы, которые вызывают и направляют возникновение новых форм, содержания и функций явлений. Несмотря на то, что в прошлом происходили аналогичные процессы (например, процессы иммиграций и эмиграций и т. д.), которые иногда длились в течение веков, но различались во времени и в степени интенсивности, мы склонны оценивать эти процессы статично, т. е. прежде всего с точки зрения их конечного действия на структуру народной культуры, с точки зрения элементов, которые были их результатом, а не динамично, по отдельным хронологическим этапам и конкретному месту действия. Иначе говоря, мы в основном оцениваем элементы развития разновременного уровня и разного структурного качества. Одни из них (исторические) уже укоренились в структуре народной культуры, другие (современные) еще только проникают в нее и находятся в первоначальной противоречивой позиции по отношению к ценности традиционной культуры. Это ведет к тому, что при изучении современного состояния народной культуры мы иногда вынуждены априорно сужать проблематику исследований, изучая прежде всего те явления, которые, продолжая развиваться, находятся в непосредственной связи с традицией. При этом мы обращаем внимание на ценности, которые не выходят за рамки структуры традиционной культуры и не претерпевают существенных изменений. Причина такого априорного подхода заключается не только в противоречивой позиции новых ценностей, но, главное, в размерах и интенсивности факторов, которые определили их появление. Эти факторы активностью и многогранностью своего влияния на быт и культуру широких слоев народа привлекают внимание исследователя к второстепенным и непринципиальным с точки зрения изучения народной культуры вопросам, прежде всего к описанию

¹⁸ Большое количество данных в этом отношении дают советские исследования не только прошлого (напр., О. Н. Трубачев в монографии «Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции», М., 1966, проследживает языковые и культурные связи славян с другими общностями), но и современности, посвященные в основном этническим процессам, культурной адаптации и т. д. (См.: Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1966, № 1; Л. Н. Чижикова, Об этнических процессах в восточных районах Украины по материалам экспедиционного обследования 1966 г., «Сов. этнография», 1968, № 1; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых общностей, «Сов. этнография», 1967, № 6; З. Ясевич, Исследования социальной и культурной интеграции на западных и северных польских землях, «Сов. этнография», 1967, № 6, и др.).

развития самих этих факторов или характеристики их внешних проявлений. Этнографу в конце концов не хватает времени на исследование самих явлений культуры, вызванных этими факторами. В этом одна из причин того, что за последнее время нередко наблюдается слияние этнографической науки с некоторыми родственными ей общественным и иными дисциплинами (например, экономикой и технологией сельскохозяйственного производства, историей развития промышленных центров и областей, историей рабочего движения, прикладной социологией, демографией и т. д.).

Это происходит также и потому, что при выяснении теоретических вопросов современного процесса изменений и попытках расширения объекта своего исследования этнографическая наука шла вначале путем описания внешних или внутренних факторов¹⁹, но не путем изучения внутренних закономерностей развития народной культуры и ее структуры. Этнографическая наука нередко теряла свой профиль и, пытаясь объяснить изменения и уловить состояние народной культуры в определенный момент, использовала методы родственных ей дисциплин. Поэтому главными проблемами сейчас продолжают оставаться постановка и решение теоретических вопросов этнографического изучения, а также выработка собственного подхода, который отличал бы этнографическую науку от других научных дисциплин²⁰.

Иными словами, необходимо выбрать прежде всего проблематику внутреннего развития структуры народной культуры, проблематику развития элементов формы, содержания и функции отдельных явлений, их составных частей, а внешние факторы рассматривать только как стимулы движения.

* * *

В этой связи нужно еще упомянуть, что естественность или кажущаяся чужеродность некоторых ценностей формы, содержания и функции явлений, так же как их первоначально противоречивая позиция по отношению к структуре существующей культуры, еще сами по себе не могут быть доказательством того, что указанные ценности входят или не входят в рамки изучаемой структуры в рассматриваемый нами период.

Из истории народной культуры хорошо известны случаи, когда элементы, чужеродные для существующей культуры в данный период, становятся со временем органической частью структуры народной культуры данной общности (или нескольких общностей). В этом отношении характерен пример усвоения высокогорного пастушества и молочного хозяйства украинским, польским и словацким народами в процессе «валашской колонизации».

На современной стадии развития рассматриваемого нами процесса изменений в области быта и культуры трудно еще подробно и точно определить те ценности формы, содержания и функции явлений, которые станут органической частью новой структуры. Несмотря на то, что развитие идет путем выравнивания социального и культурного уровня городского и сельского населения, думается, однако, что принципиальный характер их труда (например, сезонность сельскохозяйственного производства в отличие от непрерывного промышленного производства) и разные природные и общественные условия, условия жизни в больших городах и в деревне и т. д. будут и в дальнейшем влиять на формирование различий в культуре отдельных локальных групп и социальных слоев населения, способствуя сохранению местных или областных форм культуры.

¹⁹ См. А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 14; Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 16; С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения..., стр. 139, 140, и т. д.

²⁰ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения..., стр. 135, 141.

Поэтому одной из наших задач помимо изучения социальной и культурной адаптации и интеграции является также и изучение закономерностей распространения городских форм жизни и их влияния на этническую специфику культуры данной общности²¹.

Изучение современного состояния народной культуры требует также выяснения вопроса о том, почему индустриализация и коллективизация как внешние факторы именно в современный период так радикально влияют на быт и культуру широких народных масс и почему именно эти факторы (наряду со средствами массовой информации) имеют в этом отношении первостепенное значение.

Влияние промышленности — это вовсе не новый фактор. В некоторых странах Западной Европы влияние промышленного развития на народную культуру начало проявляться уже в XVI—XVII вв., в то время как в странах Центральной и Восточной Европы оно проявилось в основном в XIX в., да и то неодинаково²². Основной причиной этого было не только слабое развитие промышленности, но и слабая концентрация населения в промышленных центрах. Развитие промышленности в то время редко влекло за собой миграцию населения в большом масштабе, а именно последняя является одним из условий широкого влияния промышленности на быт и культуру народа. Процент населения, зависевшего от наемного труда на предприятии, был так низок, а связь всего населения с сельским хозяйством так сильна, что промышленность могла лишь в слабой степени способствовать активизации намечающихся изменений в быту и распространению их на все стороны народной культуры²³.

Определенную роль в этом отношении играло и то, что промышленная революция произошла не во всех отраслях хозяйства одновременно. В развитии промышленности при капитализме нередки были периоды депрессии, кризисов, демонтажирования оборудования предприятий и увольнения основных кадров рабочих²⁴.

Приведенные выше причины способствовали тому, что влияние промышленности на структуру традиционной народной культуры в прошлом часто было слабым и проявлялось скорее в быту и культуре небольшой части населения, прежде всего рабочего класса. В быту и культуре крестьянства влияние это сказывалось только в некоторых менее важных областях (т. е. не в занятиях и труде, которые в качестве внутренних факторов в дальнейшем влияли бы на отдельные области народной культуры, а например, в одежде; да и здесь, хотя в село проникали фабричные ткани, покрой крестьянской одежды оставался прежним)²⁵.

Одной из причин сравнительно слабого влияния этого очень важного фактора на народную культуру наших стран в период капитализма мы считаем также отсталость сельскохозяйственного производства.

Главное не только в том, что до недавнего времени в большинстве социалистических стран истинно народной культурой считалась культура сельского, прежде всего крестьянского населения как наиболее многочисленной социальной группы²⁶, но и в том, что сельскохозяйственное производство в этих странах долгое время было преимущественно полунатуральным. В большинстве случаев даже в период расцвета капита-

²¹ Там же, стр. 137.

²² Литературу по данному вопросу см. в кн. «Bibliografie k problematice průmyslových oblastí», Opava — Katowice, 1966.

²³ A. P r a n d a, Príčiny vzniku a rozvoja doplňkových zamestnání na Kysuciách, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 9.

²⁴ Такие меры практиковались в период экономических кризисов во всех буржуазных странах. В отношении Словакии об этом см.: M. S t r h a n, Kríza priemyslu na Slovensku v rokoch 1921—23, Bratislava, 1960.

²⁵ См.: V. N o s á l o v a, Niekoľko poznámok k výskumu slovenského ľudového oděvu v súčasnosti, «Slovenský národopis», 12, 1964, s. 2 67—274; E. H o l é c z v o v á, Výšivka v oblasti Trnavy, Bratislava, 1968.

²⁶ K. F o j t í k, Etnografie a sociologie, «Národopisné aktuality», 1965, N 3—4. s. 3.

лизма, в отличие от более или менее типичной ситуации в странах Западной Европы, сельское хозяйство восточноевропейских стран не вышло в своей основе за рамки мелкого производства. Рабочие руки использовались прежде всего в полунатуральном хозяйстве. Поэтому неудивительно, что быт и труд большинства крестьян почти не менялся в своей основе вплоть до начала коллективизации.

В сельскохозяйственном производстве мелких крестьян и середняков как наиболее многочисленной части населения почти не использовалась передовая техника и основные элементы промышленной организации труда (механизация, электрификация, химизация и т. п.)²⁷. А так как характер производственной деятельности крестьян в основе своей почти не менялся, то не изменялся и их быт. Народная культура сохраняла свои классические формы в почти неизменной структуре вплоть до последнего времени.

Сельскохозяйственное производство в странах Центральной и Восточной Европы стало меняться только в современный период: в одних случаях уже после первой мировой войны, в других — после второй мировой войны. Особенно быстрые изменения происходили в условиях социалистической коллективизации, когда в сельское хозяйство стали постепенно проникать элементы крупного промышленного производства. Понятно, что нужно было прежде всего создать определенные предпосылки материального, политического и просветительного характера для того, чтобы промышленность могла быстро внедряться в земледельческое производство. Основным условием преодоления полунатурального характера сельскохозяйственного производства было объединение участков земли, раздробленной до периода коллективизации в каждой деревне на тысячи мелких парцелл²⁸. Этот процесс в большинстве социалистических стран (кроме СССР, где коллективизация сельского хозяйства была проведена уже в период между двумя мировыми войнами²⁹) проходит в основном лишь в 1950—1960-х годах, т. е. в период, который мы обозначаем термином «современность».

Для понимания динамики современного процесса изменений в народной культуре нужно иметь в виду, что в последние годы в социалистических странах идут одновременно два важных процесса социально-бытового характера. С одной стороны, осуществляется индустриализация, с другой — коллективизация сельскохозяйственного производства. Эти процессы в значительной мере дополняют друг друга³⁰. Индустриализация создает предпосылки для перехода излишков свободной рабочей силы из раздробленных мелких крестьянских хозяйств в промышленные предприятия. Постепенная коллективизация продолжает освобождать рабочую силу, скрытую в нерентабельном сельском хозяйстве, и ориентирует ее на промышленность. Таким образом, индустриализация страны вместе с социалистической коллективизацией

²⁷ A. Pranda, K otázke vzniku oblastí ľudovej kultúry na Slovensku, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 536—537.

²⁸ В Словакии имелись посёлки, в которых земля была крайне раздроблена (например, в Зборове над Быстрицей, район Чадца; 325 га пахотной земли еще в 1963 г. были разделены на 12605 парцелл и т. д.), что не давало возможности обрабатывать ее плугом. См. A. Pranda, Príčina vzniku a rozvoja doľníckových zemešťanov na Kysuciach, «Slovenský národopis», XIII, 1965, s. 457. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других странах.

²⁹ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 4; «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», М., 1958; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967, стр. 26, 67—69; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967, стр. 65—81, и т. д.

³⁰ В. Ю. Крупянская, Некоторые проблемы этнографического изучения рабочих. На основе русского материала, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIX, 1958, стр. 5; F. B a d e, Der Weltlauf zum Jahre 2000, Oldenburg-Hamburg, 1963.

обусловили большие передвижения в рабочей силе, большие миграции населения. Перемещение населения от земледелия на промышленные предприятия, в города и рабочие поселки изменяет не только основное занятие большинства населения деревни³¹, но и весь его быт. Таким образом, новые занятия, новая среда и новые характер и условия работы стали постепенно изменять быт и вносить в структуру народной культуры столько новых ценностей формы, содержания и функций явлений, что число их в конечном результате привело к радикальным изменениям, носящим характер нового качества.

Главной чертой этого периода является перемена основного занятия и места работы большинством населения деревни и связанная с этим миграция. Если еще двадцать лет назад земледелие в своей старой традиционной форме мелкого производства определяло основные черты быта и культуры населения ряда стран, то теперь они определяются не столько внедрением промышленных форм в сельское хозяйство, сколько работой значительной части населения на промышленных предприятиях. Внешним проявлением этого процесса является прежде всего резкое уменьшение числа крестьян-единоличников, определенный процент которых (все же достаточный для того, чтобы его учитывали при изучении традиционной народной культуры) сохранился только в некоторых, прежде всего горных областях отдельных социалистических стран³², как следствие недостаточного развития промышленности и некоторой консервативности крестьян, неохотно меняющих формы своих занятий³³. В то же время резко увеличилось число промышленных рабочих, жителей промышленных городов и областей, а также работников сферы обслуживания, просвещения, здравоохранения и т. д.

Изменения в главных занятиях большинства трудоспособного населения постепенно стали проявляться во всех областях его культуры³⁴. Индустриализация и коллективизация вызвали такой радикальный процесс изменений в быту и культуре народа, которому не было равного в прошлом. Однако из опыта прошлого развития народной культуры мы знаем, что на формирование окончательной структуры культуры оказывают влияние различные факторы. То же самое имеет место и сейчас. Радикальные изменения, которые происходят в настоящее время в социалистических странах, вызваны не только индустриализацией и коллективизацией сельскохозяйственного производства и непосредствен-

³¹ См. В. Ю. Крупянская, Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Строительство коммунизма и преобразование быта, в сб. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966, стр. 313.

³² A. Pranda, K problematike výskumu dvojitého zamestnania. «Slovenský národopis», XV, 1967, s. 10—12.

³³ A. Pranda, K otázke vzniku oblasti..., s. 553—554.

³⁴ Д. М. Коган, Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города, «Сов. этнография», 1967, № 4; А. Я. Панян, Новый быт колхозников села Мрчаван Арташатского района АрмССР, «Сов. этнография», 1967, № 2; Е. Я. Селитренник, Некоторые вопросы колхозного строительства в Чукотском национальном округе, «Сов. этнография», 1965, № 1; В. А. Липинская, Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края, «Сов. этнография», 1968, № 2; Г. С. Маслова, Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти. По материалам Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1966, № 5; А. Т. Бекмуратова, Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпаков за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1966, № 3; А. А. Лутс, Об опыте изучения современной сельской жизни в Выруском районе ЭстССР, «Сов. этнография», 1965, № 4; Я. Р. Винникова, Новое в семейном быту колхозников Туркменистана, «Сов. этнография», 1967, № 6; Л. М. Сабурова, Некоторые черты общественного и семейного быта русского населения Приангарья в первые годы Советской власти (1919—1929 гг.), «Сов. этнография», 1965, № 2; Н. П. Лобачева, О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана, «Сов. этнография», 1967, № 2; С. С. Агаширинова, Г. А. Сергеева, К вопросу о формировании новых праздников и обрядов народов Дагестана, «Сов. этнография», 1966, № 4. Столь же богатую литературу можно было бы привести и по другим социалистическим странам.

но связанными с ними обстоятельствами (миграцией, переселением в города, урбанизацией страны, стиранием различий между городом и деревней и т. д.), но и такими факторами, как например, средства массовой информации (печать, радио, кино, телевидение и т. д.)³⁵, борьба против вредных пережитков в народной культуре, связанных с религией³⁶, новые юридические нормы и отношения (изменения в пользовании землей как средством производства, новое понимание частной и личной собственности и т. д.). Влияние всех этих факторов на народную культуру до сих пор изучается с позиций этнографической науки только в отдельных случаях и далеко не в достаточной мере, несмотря на большое значение этих факторов для понимания возникающей новой культуры.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. С точки зрения истории развития, современное состояние народной культуры является новейшей стадией естественного и непрерывного процесса ее изменений. Из этого следует, что позиции некоторых исследователей, изучающих лишь старые формы развития культуры, не могут быть оправданы. Объектом этнографического изучения должен стать и современный процесс развития новых форм содержания и функции явлений.

2. С точки зрения закономерностей развития, в современности действуют обе тенденции, прослеживающиеся на всем протяжении развития культуры: тенденция перенимать и усваивать культурные ценности предшествующих поколений и тенденция изменять эти ценности и приспособлять их к изменившимся условиям быта народа. В настоящее время в социалистических странах получила преобладание вторая тенденция, так как в процессе изменений, который идет сейчас во всем мире социализма, благодаря многим новым социальным факторам радикально меняется как быт широких слоев народа, так и их культура.

3. Что касается факторов развития, которые направляют отмеченный выше процесс, то можно говорить о комплексе внешних и внутренних причин экономического, социально-бытового, культурного и просветительного характера. Эти факторы вторгаются в быт прежде всего в области основных занятий населения. В структуру народной культуры эти факторы попадают путем возникновения и расширения новых ценностей формы, содержания и функций явлений во всех отраслях материальной, духовной и социальной культуры. Не остается незатронутым ни одно из явлений традиционной культуры. Именно период последних двадцати лет ознаменовался радикальной перестройкой отдельных элементов структуры в их различных функциональных взаимосвязях.

Различие между изучением народной культуры прошлого и современного периодов состоит прежде всего в том, что если при исследовании предшествующих стадий мы оцениваем структурные явления в их законченных форме, содержании и функциях и в определенных структурных связях, то при исследовании современности мы можем применять такие оценки лишь в ограниченной мере. Это объясняется главным образом незавершенностью происходящего процесса. Поэтому при исследовании современности качественная оценка структуры культуры не-

³⁵ B. Fülgraff, *Fernsehen und Familie. Die Rolle des Fernsehens im Prozess der strukturellen Wandels der Familie*, Freiburg, 1965; L. Löwenthal, *Literatur und Gesellschaft. Das Buch in der Massenkultur*, Neuwied-Rein, 1964.

³⁶ Л. Н. Терентьева, Распространение атеистического мировоззрения и безрелигиозных форм быта среди колхозников-латышей. По материалам Якабилского района ЛатССР, в сб. «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М., 1966, стр. 53—78; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Религиозно-бытовые пережитки колхозного крестьянства и пути их преодоления. По материалам Калининской, Костромской и Ярославской областей, там же, стр. 115—128; J. Matther, *Die Emigration der Kirche aus der Gesellschaft*, Hamburg, 1964; J. J. Wiatr, *Ideologia i życie społeczne*, Warszawa, 1965.

возможна без тесной связи ее с оценкой количественной, которая объективно отражает динамику и состояние процесса и которая дает основу для научных выводов.

Понятно, что это основное различие в изучении прошлого и современности сказывается не только в области теории, но и в области методики исследования народной культуры. Однако проблематика конкретных методов этнографического исследования современного процесса изменений культуры настолько сложна, что требует специального рассмотрения.

SUMMARY

Some general regularities of the evolution of modern folk culture are examined. This process is exceedingly complex and contradictory, it is difficult to define it briefly and exactly. The author's object is to trace the trends of the various components in the structure of folk culture and to examine them in the light of the struggle between opposite tendencies — that of tradition, characterized by a continuity of cultural values, and that of modernisation expressed by a ceaseless renovation of the elements of cultural phenomena — their form, contents and functions.

The author reaches the conclusion that the main difference between studying the past and the present lies not only in theory but in methods of investigating folk culture.

В. П. Курылев

ОБ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ДЕРЕВНЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Общинные отношения в турецкой деревне почти не изучены¹. В предлагаемой статье делается попытка на основании этнографических данных² наметить хотя бы некоторые основные черты этих отношений.

В настоящее время все пахотные и другие обрабатываемые земли в Турции являются, как правило, частной собственностью отдельных крестьянских семей (в данном случае речь не идет о помещичьем землевладении), тогда как пастбища и луга, номинально являясь государственными, фактически остаются в пользовании всей деревни³.

Ряд исследователей (М. Г. Гёкгёл, В. Рубен, И. Хюсрев и др.) отмечали существование в 1930—1940-х годах в некоторых деревнях восточных районов страны общинной собственности на пахотные земли, которые периодически, через определенные промежутки времени подвергались переделу. Так, турецкий автор М. Гёкгёл в работе, относящейся к 1930-м годам, писал, что в деревне Паслы, расположенной между Ардаганом, Карсом и Ыгдыром (Восточная Турция), крестьяне считали всю землю общей собственностью и перераспределяли ее каждый год между собой⁴. О переделах земли раз в три года в том же районе сообщал немецкий исследователь В. Рубен. Он также писал, что в вилайете Чорум (Центральная Анатолия) есть деревни, где земли считаются общими и их разделом ведаёт шиитский глава — «алеви бабасы»⁵. Турецкий экономист И. Хюсрев указывал, что в некоторых районах Восточной Анатолии в конце XIX — начале XX в. крестьяне пользовались землей сообща. Никто не мог считать себя полноправным хозяином

¹ В русской и советской литературе нет работ, посвященных данной теме. Исключение представляет статья: И. И. Соколов, Быт крестьян в дореформенной Турции, «Новый Восток», 1926, № 13—14. В то же время о сельской общине в Малой Азии в более ранние периоды имеется довольно обширная литература. См.: Э. А. Менабде, Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование, Тбилиси, 1965; Р. Таубеншлаг, Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана, «Византийский временник», т. III, М., 1958; Е. С. Голубцова, Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III веках (независимая сельская община), М., 1962; И. С. Свенцицкая, Некоторые черты экономического развития Западной Малой Азии в системе Римской империи, «Вестник древней истории», 1956, № 2; А. П. Каздан, Византийское сельское поселение, «Византийский временник», т. II, 1949, и др.

² Эти данные (подчас очень разрозненные и неполные) почерпнуты из публикаций западноевропейских и главным образом турецких авторов, проводивших полевые исследования в различных районах Турции.

³ N. Helburn, A stereotype of agriculture in semiarid Turkey, «Geographical Review», July, 1955, p. 380; G. M. West, Agricultural development in Turkey, Washington, 1958, p. 14; S. Bodur, Agrar-geographische und wirtschaftliche Verhältnisse der türkischen Landwirtschaft, Giessen, 1962, S. 38; P. Stirling, Turkish village, London, 1965, p. 29, 48, 49.

⁴ M. Gököl, Şimali-Şarkî Anadolu yaylasında ziraat araştırmaları, Ankara, 1937, s. 16.

⁵ W. Ruben, Anadolunun yerleşme tarihi ile ilgili görüşler, «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», cilt V, sayı 4, 1947, s. 374.

земли, которую он обрабатывал. Эта земля подвергалась периодическому переделу раз в три года. И. Хюсрев сообщает также, что и позднее положение не изменилось. Он отмечает еще одну интересную деталь: в этих восточноанатолийских деревнях сады и огороды, расположенные близ домов, т. е. приусадебные участки, находились в частной собственности, а остальные земли — пастбища, пашни, луга и т. д. — являлись общедеревенскими и ими распоряжались сообща⁶. Очевидно, И. Хюсревом описан один из районов, где существует или по крайней мере существовало до недавнего времени общинное право на пахотную землю. Это как раз те области, которые с 1878 г. входили в состав Российской империи. В связи с этим невольно возникает вопрос: не повлияли ли русские порядки на более устойчивую консервацию общинных отношений? К сожалению, ни имеющиеся материалы, ни рамки данной статьи не позволяют подробно остановиться на этой проблеме. С другой стороны, В. Рубен сообщает о существовании общинного передела пашен в деревнях вилайета Чорум, который находится в Центральной Анатолии, где ни о каком русском влиянии говорить нельзя⁷. В добавление к этому нужно сказать, что несмотря на то, что пахотные земли в современной Турции почти повсеместно находятся в частном владении крестьянских хозяйств, во многих деревнях еще живут архаические общинные традиции. Во-первых, почти всюду принято пастись общее стадо деревни по жнивью после уборки урожая. Это вынуждает всех односельчан засеивать поля одной и той же сельскохозяйственной культурой, чтобы урожай созрел и был снят одновременно. Во-вторых, при господстве в Турции двухпольной системы поле под паром, как правило, становится на год общедеревенским пастбищем, что также вынуждает крестьян к определенному чередованию культур. Следовательно, частные владения крестьян в тот период, когда они находятся под паром или жнивьем, переходят в общественное пользование⁸.

Материалы позволяют проследить постепенную эволюцию этого интересного явления. Так, по сообщению И. Хюсрева, в некоторых деревнях Карсского вилайета в 1930-х годах бытовало еще общинное владение землей, и односельчане обязаны были выращивать одинаковые сельскохозяйственные культуры, проводить посев и уборку в одно время, чтобы сразу же после сбора урожая начать пастись стада по жнивью. Даже тогда, когда пашни перешли в частную собственность, положение не изменилось, так как все село по-прежнему продолжало выращивать одинаковые культуры (например, пшеницу), и односельчане должны были убирать урожай одновременно и затем пасли скот по жнивью. Так же они пасли скот по пару⁹. С развитием же земледелия и переходом на такие культуры, как кукуруза, кунжут и т. п., условия выпаса общего стада по жнивью меняются. Так, если раньше при посеве пшеницы в деревне вилайета Анталя (Юго-Западная Анатолия) общее стадо паслось с июля по декабрь, т. е. почти полгода, то при разведении кукурузы, кунжута и других летних культур сроки пастьбы сократились до минимума — одного-двух месяцев. С внедрением же хлопководства как основной сельскохозяйственной культуры пастьба по пару исчезла совсем, так как поле теперь занято круглый год¹⁰. Это обстоятельство,

⁶ I. Hüsrev, Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934, s. 26.

⁷ W. Ruben, Указ. раб., стр. 373.

⁸ X. de Planhol et H. Inandik, Etudes sur la vie de montagne dans le sud-ouest de l'Anatolie, Le Yeşil Göl Dağ et le Boz Dağ «Revue géographique Alpine», t. XLVII, 1959, N 3, p. 384; N. Helburn, Указ. раб., стр. 380; P. Stirling, Указ. раб., стр. 35, 48. Описанное явление характерно для сельской общины многих стран как Запада, так и Востока.

⁹ I. Hüsrev, Указ. раб., стр. 28.

¹⁰ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et vie paysanne, Paris, 1958, p. 286.

а также уменьшение площадей под пастбищами и лугами привели к значительному сокращению поголовья скота в деревнях Турции.

О живучести и устойчивости общинных традиций в турецкой деревне свидетельствует еще одно обстоятельство, о котором сообщает английский исследователь П. Стирлинг. Крестьяне, юридически имея право продавать свою пахотную землю любому покупателю, на практике продают ее только кому-нибудь из своих родственников или близких соседей, в крайнем случае односельчанину. П. Стирлинг, который проводил исследования в двух деревнях вилаета Кайсери (Центральная Анатолия) в течение двух лет, отмечает, что он не может припомнить ни одного случая, когда бы земля была продана человеку, совершенно чуждому для данной деревни. По его же словам, крестьяне, которые по тем или иным причинам не могут сами обрабатывать свою землю, фактически не продают ее, а передают, уступают право пользоваться участком своему родственнику или близкому соседу, ежегодно получая от него в качестве компенсации определенную долю урожая. Как правило, случаи продажи, вернее передачи земель в деревнях, никаким образом юридически не оформляются¹¹.

Для турецкого земледелия характерна большая чересполосица. Н. Хелберн пишет, что в современной Турции крестьянские владения раздроблены на мелкие участки, которые расположены в разных местах¹². Довольно часто мелкий землевладелец, как пишет Р. Актан, обрабатывает от пяти до десяти и даже больше разрозненных клочков земли¹³. По данным сельскохозяйственной переписи 1950 г., в Турции у 5,4% всех крестьянских хозяйств надел не был раздроблен на изолированные участки, у 34,6% хозяйств имелось по два-четыре участка, у 37,4% хозяйств — по пяти-десяти, а 22,6% хозяйств владели более чем десятью участками¹⁴.

Одну из причин такого большого дробления участков можно видеть в тщательной классификации земель по плодородию, увлажненности, отдаленности от деревни и ряду других признаков, которые, как известно, принимаются во внимание при общинных переделах земли.

Французский исследователь К. Делаво провел полевые работы в деревне Юрюк-Яйла. В этой деревне, как он сообщает, орошаемые земли разбиты на 100 участков, а неорошаемые на 650 участков. К. Делаво считает одной из причин дробления земли существовавшие ранее при общинных порядках совместную оценку и периодический передел пашни, которую делили, строго учитывая плодородие, удобство расположения и другие качества земли¹⁵.

Расширение пахотных земель в современной Турции в значительной степени происходит за счет распашки пастбищ, находящихся в коллективном пользовании всей деревни. Турецкие экономисты Р. Келес и О. Тюркей, подводя итоги обследования 22 деревень различных районов страны, в которых были увеличены площади пахотных земель, пришли к заключению, что в 10 из них (т. е. почти в половине) это увеличение произошло за счет пастбищ и лугов¹⁶. Американский ученый К. Вест в работе, посвященной вопросам развития сельского хозяйства в Турции, сообщает, что с 1949 по 1954 гг., т. е. за пять лет, площадь под пастбищами в стране сократилась на одну шестую¹⁷.

¹¹ P. Stirling, Указ. раб., стр. 49, 263.

¹² N. Helburn, Указ. раб., стр. 381.

¹³ R. Aktan, Mechanization of agriculture in Turkey, «Land economics», 1957, No 4, p. 274.

¹⁴ «Türkiye ekonomisinde produktivite meseleleri», Ankara, 1958, s. 33.

¹⁵ Cl. C. Delavaud, Monographie du territoire rural de Yörük-Yayla (Phrygie, Turquie), «Annales de géographie», N. 364, nov.-dec., 1958, p. 531.

¹⁶ R. Keleş, O. Türkiye, Köylü gözü ile türk köylerinde iktisadî ve toplumsal değişim, Ankara, 1962, s. 2.

¹⁷ Q. M. West, Указ. раб., стр. 12, 28.

Распашка пастбищ в Турции производится на основании обычного права, согласно которому тот, кто сумеет разработать под посев сельское пастбище, становится хозяином его. Об этом пишут исследователи турецкой деревни П. Стирлинг, Н. Беркес и др.¹⁸ Так, В. Рубен сообщает, что в 1940-х годах в деревне Пынарбашы каждый, кто хотел засеять площадь более обычного, должен был только оповестить об этом своих односельчан¹⁹. Однако в настоящее время в связи с ростом безземелья и нехваткой пастбищ акт распашки общедеревенского пастбища или луга обычно вызывает у односельчан протест. По словам Н. Беркеса, в деревне М. (вилайет Анкара, Центральная Анатолия) многие пытаются тайком распахать степь, расположенную близ деревни. Однако это никому не удастся, так как вызывает сопротивление односельчан²⁰. Очень интересные сведения по этому вопросу сообщает П. Стирлинг. Крестьяне деревни Эльбашы вилайета Кайсери только с 1950-х годов стали протестовать против распашки их односельчанами общественных пастбищ (к этому времени стала ощущаться нехватка земли). До 1950-х годов каждый член деревенской общины имел право в случае необходимости производить распашку свободных деревенских земель²¹.

Общинные институты в современной турецкой деревне не ограничиваются рамками земельных отношений. В общедеревенской собственности могут быть мельницы, печи для выпечки хлеба, места для молотбы зерна и т. д. Так, деревня Тырманлар (Юго-Западная Турция) владеет пятью мельницами, в деревне Хал (Юго-Восточная Турция) есть одна печь, в которой односельчане по очереди пекут хлеб²². Надо отметить, что в связи со значительным ростом населения деревень в последние десятилетия уже ощущается острая нехватка общедеревенских мельниц, печей. Этим обстоятельством пользуются деревенские кулаки, которые самостоятельно или же объединившись друг с другом строят мельницы и получают от них значительный доход. Например, ряд зажиточных семейств нескольких деревень вилайета Кайсери объединили свои капиталы и построили большую мельницу, которая работает на дизельном моторе. И если раньше за помол пшеницы или ржи полагалось платить одну двадцатую часть от всей полученной муки, а за помол ячменя — одну шестнадцатую, то теперь владельцы мельницы повысили плату. За размол пшеницы и ржи они стали брать одну семнадцатую долю, а ячменя — одиннадцатую. Повышение цены они обосновывали тем, что помол на мельнице, работающей на дизеле, якобы лучше и мельче, что крестьяне теряют при этом меньше времени и т. д.²³ Большие доходы получают богачи деревни Инсуйу (Центральная Анатолия), которые построили водяные мельницы²⁴. Турецкий писатель Махмут Макал, описавший быт турецкой деревни в послевоенное время, сообщает, что в одном из районов Центральной Анатолии «на сотню деревень имеется лишь четыре мельницы»²⁵.

¹⁸ P. Stirling, A death and a youth club: fending in a Turkish village, «Anthropological quarterly», vol. 33, No. 1, 1960, p. 65; егo же, Turkish village, p. 50; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1942, s. 122. Право на распашку и обработанную своим трудом землю характерно для многих народов Передней и Средней Азии. Так, М. С. Андреев пишет, что «в то время как поливные земли точно разграничены по владению между различными хозяевами, земли неполивные может запахивать и возделывать, засевая рожь, всякий желающий». См.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, часть II, Душанбе, 1958, стр. 38.

¹⁹ W. Ruben, Указ. раб., стр. 374.

²⁰ N. Berkes, Указ. раб., стр. 122.

²¹ P. Stirling, Указ. раб., стр. 50.

²² X. de Planhol, Указ. раб., стр. 320; N. Erdentuğ, Hal köyünüm etnolojik tetkiki, Ankara, 1956, s. 20; H. Z. Koşay, Alaca-Höyük, «Anadolunun etnoğrafya ve folkloruna dair malzeme», Ankara, 1951, s. 14.

²³ P. Stirling, Указ. раб., стр. 71.

²⁴ W. Ruben, Указ. раб., стр. 375.

²⁵ Махмут Макал, Наша деревня. Записки турецкого учителя, М., 1951, стр. 37—38.

В сельской Турции продолжает бытовать взаимопомощь, которая называется *imese*. Интересно само происхождение этого термина от греческого *ἡμίθεα* — половина. А. Титце пишет, что это аграрный термин византийского периода, который означает «половинить» (т. е. принимать участие, помогать)²⁶. В настоящее время *imese* означает коллективную работу или взаимопомощь. Так, все жители деревни помогают друг другу при посадке виноградника или сада, а также при обработке их. Они оказывают помощь в случаях свадебных приготовлений, похорон и т. д.²⁷. О большом значении взаимопомощи в турецкой деревне можно судить хотя бы по тому, что в Турции существует специальная поговорка: *bir el hiç iki el güç üç imese* — «одна рука ничего (не значит), две руки — трудно (работать), три руки — взаимопомощь»²⁸. Взаимопомощь широко распространена у многих народов Передней и Средней Азии, а также Кавказа. Интересно отметить, что в деревнях Азербайджана один из таких видов взаимопомощи называется «имеджелик». Однако у азербайджанцев этим словом обозначается взаимопомощь только при женских работах²⁹. Турецкий экономист С. Бодур пишет, что взаимная помощь и коллективная работа встречаются почти в каждой турецкой деревне³⁰. Многие турецкие авторы, проводившие полевые исследования в деревнях Турции, описывают различные виды взаимопомощи.

Наиболее распространенным видом взаимопомощи является *ortaklik*. Дж. Тютенгиль так описывает *ortaklik* в деревне Ихсанне (вилайет Анталья). В этой деревне во время жатвы две семьи договариваются между собой о совместной уборке урожая³¹. В Карсском вилайете, как сообщает М. Кёсе, сходную форму взаимопомощи также называют *ortaklik*. Она организуется тогда, когда одно крестьянское хозяйство не имеет всего необходимого для ведения земледелия. Например, у одной семьи есть земля и посевной материал, однако нет рабочего скота. У другой семьи земли мало или совсем нет, но есть рабочий скот и орудия труда. Эти две семьи, основываясь на обычном праве, заключают соглашение, которое предусматривает определение долей участия, и затем работают совместно. Полученный урожай делится в соответствии с установленными долями. Такое соглашение обычно заключают на год³². В деревне Хал (вилайет Элязиг) все односельчане весной по очереди окапывают виноградники друг у друга³³. Об интересной форме взаимопомощи (нечто подобное в Средней Азии называется «хошар») сообщает турецкий исследователь И. Гезер. В деревне Серик-Займлер, пишет он, хлопок окучивают в течение лета три раза. Окучивание крестьяне производят сообща, переходя по очереди с поля одного хозяина на поле другого. Чье поле будут мотыжить на следующий день — решают накануне вечером. Хозяин поля должен приготовить хорошее угощение для всех, кто будет ему помогать. Во время работы хлопкоробы поют особые песни, ритм которых совпадает с ритмом работы³⁴.

²⁶ A. Titze, Einige weitere griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Nemeth armagğan», Ankara, 1962, s. 375.

²⁷ Y. Z. Demirci, Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İstanbul, 1938, s. 20; С. О. Түтөнгил, İhsaniye köyü incelemesi, «Sosyoloji dergisi», No 9, 1954, s. 58; М. Кёсе, Karsta ortak çalışma gelenekleri, «Türk dili», sayı 155, 1964, s. 824; В. А. Гордлевский, Османская свадьба, Избр. соч., т. IV, М., 1968, стр. 109.

²⁸ Abdülkadir (İnan), Birinci İlmî seyahate dair rapor, İstanbul, 1930, s. 12.

²⁹ К. Т. Каракашлы, О пережитках древнего института взаимопомощи в Азербайджане, «Известия АН АзербССР», серия общественных наук, No 2, 1958, стр. 42.

³⁰ S. Bodur, Указ. раб., стр. 51.

³¹ С. О. Түтөнгил, İhsaniye köyü incelemesi, «Sosyoloji dergisi», No 9, 1954, s. 58.

³² М. Кёсе, Karsta ortak çalışma gelenekleri, «Türk dili», sayı 155, 1964, s. 824.

³³ N. Erdenüç, Указ. раб., стр. 46.

³⁴ I. Gezer, Serik-Zaimler köyünde çapaçılık, «Türk folklor arastirmaları», No 159, 1962, s. 2878.

В ряде случаев деревенские богачи используют традиции коллективной работы в своих интересах. Уже в последнем приведенном примере совместного мотыжения хлопка содержится скрытая эксплуатация, так как зажиточные крестьяне имеют большие площади под хлопком, чем бедняки. Следовательно, последние тратят гораздо больше труда и времени на обработку полей богачей, чем своих собственных. В районе Никсара (северная часть Центральной Анатолии), сообщает Х. Айдын, практикуется коллективная уборка урожая, однако не для всех односельчан, а только для «самых уважаемых людей», которыми в деревне обычно считаются староста и кулаки. На коллективную уборку приходят все взрослые (от 100 до 150 человек). Перед началом работы выбирают из наиболее искусных жнецов вожака — *eglercibasî*. Он становится во главе жнецов и задает тон всей работе. После обеда и непродолжительного отдыха все снова работают до ужина, который готовят прямо у поля. По традиции такая коллективная уборка урожая — время веселья и радости. Хозяин поля готовит хороший обед и праздничный ужин, приглашает на вечер музыкантов³⁵. Возможно, это остатки древней земледельческой традиции — праздника уборки урожая, который был широко распространен у всех народов, занимающихся земледелием.

В Восточной Анатолии для подъема залежных земель употребляют тяжелый плуг — *kotan*, в который запрягают в зависимости от размеров плуга от 3 до 10 пар волов. Естественно, что даже среднее крестьянское хозяйство не может иметь такого количества тяглового скота. Поэтому на время пахоты объединяются несколько хозяйств, как правило, из родственников или близких соседей. Отметим, что как название самого плуга — *kotan*, так и объединение крестьян для работы на нем — *mod-gat* заимствованы из грузинского языка³⁶.

Широко распространены в Турции временные объединения крестьянских хозяйств на период заготовки продуктов на зиму. Так, для быстрой и экономной заготовки продуктов на зиму во многих турецких деревнях создаются объединения, артели из нескольких семейств. Такие объединения называются *hap* (*hab*). Сущность этого объединения заключается в том, что весь дневной удой молока всех входящих в артель хозяйств отдается одному семейству, затем очередь переходит к другому и т. д.³⁷. Отметим, что такие объединения для заготовки молочных продуктов на зиму характерны для многих народов Передней и Средней Азии. Они есть у таджиков, а также у армян, причем у последних называются тоже *hap*³⁸. Эти объединения весьма характерны для народов, которые издавна занимаются земледелием.

Такие же объединения из нескольких семейств создаются при заготовке булгура, т. е. дробленой пшеницы, на зиму после сбора урожая. Так как заготовка продуктов на зиму женское дело, то для заготовки булгура собираются только женщины³⁹.

Как известно, земледелие во многих районах Турции невозможно без применения искусственного орошения. По сообщению ряда исследовате-

³⁵ H. Ay d i n, Niksar orak zamanı, «Türk folklor araştırmaları», No. 157, 1962, s. 2818.

³⁶ M. Kö s e, Karsta kotan, «Türk folklor araştırmaları», 1963, No. 169, s. 3148; «Народы Кавказа», т. II, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962, стр. 240.

³⁷ Abdülkadir İnan, Nap. İktisadî bir adet, «Halk Bilgisi Haberleri», 1929, s. 12—13; H. Z. Koş a y, S. Kılıç, Güzelova (Erzurum) etnoğrafya ve folkloruna dair No. 1, notlar, «Türk Etnoğrafya Dergisi», 1965, No. 6, s. 77.

³⁸ Е. М. Пещерова, Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи, сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков, Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков в бассейне р. Хингоу, «Известия Таджикского филиала АН СССР», No 15, 1949; «Народы Кавказа», т. II, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962, стр. 470.

³⁹ M. Tu r a n, Camışlı köyünde bulgar çekimi, «Türk folklor araştırmaları», 1965, No 195, s. 3946—3947.

лей, турецкая деревня может выступать как коллективный собственник оросительной системы. Деревня в этом случае следит за состоянием оросительных каналов и сооружений, а также за распределением воды⁴⁰. Так, Н. Гёкниль, исследовавший район Биледжика (Западная Анатолия), сообщает, что жители деревень коллективными усилиями проводят воду как для орошения полей, так и для других потребностей⁴¹. По словам английского исследователя Дж. Пирса, в деревне Демирджилер (Центральная Анатолия) содержание в порядке более или менее крупных оросительных сооружений является обязанностью общедеревенской общины. В то же время за меньшими каналами, которые проходят по частным полям, должны следить владельцы этих участков⁴².

Отмеченное выше положение нашло отражение в аграрном законодательстве страны, где сказано, что расходы по установке, проводке и содержанию водных источников должна оплачивать вся деревня. Управлением и распределением воды в деревне занимается деревенский совет старейшин — *ihtiyar heyeti* (выборный административный орган)⁴³. В законе № 3039 от 11 июня 1936 г. сказано: «Чтобы крестьянин, желающий сеять рис, получил воду, составляющую общественную собственность деревни, или для продажи ему этой воды, необходимо прежде всего постановление деревенского схода»⁴⁴.

Как правило, вся деревенская община в лице старосты или упоминаемого выше совета старейшин устанавливает порядок распределения воды для орошения и поручает определенным лицам (или нанимает их) осуществлять контроль за распределением воды⁴⁵. Таких лиц называют — *sucu başı*.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что общинные отношения все еще бытуют в современной турецкой деревне и оказывают определенное влияние на развитие экономики сельского хозяйства в Турции.

SUMMARY

Survivals of community relations in the villages of modern Turkey are examined. The study is based on field data gathered by Turkish and western researchers. The tenacity of these survivals and their influence over the evolution of social relations in Turkey are noted. The problem of their genesis is posed.

⁴⁰ J. E. Pierce, *Life in a Turkish village*, New York, 1965, p. 32; N. Göknil, *Bilecik bölgesi, Tuzaklı köyün*, «Sosyoloji dergisi», 1943, No 2, s. 320.

⁴¹ N. Göknil, Указ. раб., стр. 320.

⁴² J. E. Pierce, Указ. раб., стр. 32.

⁴³ А. Д. Новичев, *Аграрное законодательство в Турции*, Тбилиси, 1942, стр. 19—20.

⁴⁴ Там же, стр. 85.

⁴⁵ X. de Planhol et H. Inandık, Указ. раб., стр. 381.

В. И. Гуляев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА У ДРЕВНИХ МАЙЯ

К моменту испанского завоевания племена языковой группы майя занимали обширную область, включающую в себя современные южно-мексиканские штаты Табаско, Чиapas, Юкатан и Кампече, территорию Кинтана-Роо, всю Гватемалу, Британский Гондурас, а также западные районы Сальвадора и Гондураса. Судя по археологическим данным, очерченные выше границы примерно соответствовали распространению майяской культуры и в более раннюю, так называемую классическую эпоху (I тысячелетие н. э.), когда здесь возникают первые государственные образования. Становление этих раннеклассовых городов-государств и их характер — один из наиболее трудных и запутанных вопросов древней истории Нового Света. Это объясняется и необычайной сложностью самой проблемы, и скудостью источников, освещающих ее. К сожалению, испанские и индейские хроники хранят почти полное молчание по поводу исторических событий, происходивших ранее X в. Многочисленные же иероглифические надписи и тексты, найденные среди руин майяских городов, до сих пор полностью еще не прочитаны. Следовательно, для классического периода мы располагаем пока только археологическими источниками, что не исключает, конечно, всемерного использования, хотя бы в виде ретроспективных построений, более поздних исторических документов и данных этнографии.

В. М. Массон, опираясь на обширные и разнообразные материалы с территории Древнего Востока, наметил следующие признаки раннеклассового общества: наличие сложного хозяйственно-административного аппарата, несовместимого с родовым строем; письменность; города; царские гробницы¹. Видимо, эти же признаки можно использовать и для выделения раннеклассовых обществ доколумбовой Америки. Учитывая явно недостаточную (особенно по сравнению с древневосточными очагами цивилизации) археологическую изученность Мезоамерики и почти полное отсутствие письменных источников для рассматриваемого периода, автор отнюдь не ставит своей задачей всестороннее раскрытие такой большой и сложной темы, как становление раннеклассового общества в одной из важнейших областей Нового Света. Да это практически и невозможно сделать в рамках одной журнальной статьи. Поэтому ниже речь пойдет лишь о некоторых аспектах затронутой проблемы.

Письменность

Согласно традиционной точке зрения, господствовавшей в течение многих лет в зарубежной американской литературе, письменность и календарь у майя, по крайней мере в районе северной Гватемалы, впервые появляются не ранее конца III в. (стела 29 из Тикаля имеет ка-

¹ В. М. Массон, Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке, «Вопросы истории», 1967, № 5.

лендарную дату, соответствующую 292 г. н. э.)². Однако последние полевые исследования в западных районах территории майя выявили целую группу более ранних каменных монументов с иероглифическими надписями и датами: стела № 2 из Чиапа де Корсо (36 г. до н. э.)³, стела № 1 из Эль Бауль (37 г. н. э.)⁴, обломок стелы с рельефом и иероглифами из Каминальхуйю (этап Мирафлорес — самый конец I тысячелетия до н. э.)⁵ и т. д. В ходе недавних раскопок в Тикале (Петен, северная Гватемала) на одной из фресок храмовой постройки (5D — Sub. 10—1) было обнаружено изображение какой-то важной персоны в пышном костюме и высоком головном уборе из перьев. Последний был украшен иероглифом календарного знака «Акбаль» (название дня в ритуальном календаре майя). Вся эта постройка и находящаяся под ней гробница (погребение 167), судя по серии радиоуглеродных дат, относится к 25 г. до н. э.⁶ Таким образом, можно предполагать, что процесс сложения письменности и календаря у древних майя завершился по меньшей мере к концу I в. до н. э. — началу нашей эры.

Проблема города

Еще со времен Гордона Чайлда город считается наиболее удобным признаком для разделения цивилизованных и варварских обществ⁷. Главная трудность состоит здесь в том, чтобы выделить те конкретные и, по возможности, археологические признаки, по которым можно было бы отличить город эпохи цивилизации от варварских городков и крупных селений, зачастую имевших значительную площадь, густое население, развитые ремесла и мощную систему укреплений. Важнейшие социально-экономические изменения, протекавшие в недрах общества при переходе его от родовых порядков к раннеклассовым, не могли не отразиться самым серьезным образом на характере существующих поселений, их общей планировке, типах жилищ и других построек.

Прежде всего следует отметить появление больших дворцовых ансамблей — мест обитания правителей городов-государств, их родственников и свиты.

Первые дворцовые сооружения возникают у майя, судя по археологическим данным, еще в конце архаической эпохи, т. е. в последних веках до нашей эры (например, постройка А-1 в Вашактуне)⁸. В первой половине I тысячелетия н. э. мы встречаем здесь уже такие внушительные архитектурные ансамбли, как дворцы Паленке, Тикаля и др. Обычно дворцы доиспанского времени представляют собой каменные длинные постройки со ступенчатым сводом, стоящие на низких платформах-фундаментах. Они, как правило, сгруппированы вокруг одного или нескольких прямоугольных внутренних двориков (например, дворцы в Паленке⁹ и Ишимче¹⁰). Помимо правителя, его семьи, родственников и свиты, на территории дворца постоянно находилось множество слуг, ремесленников (непосредственно обслуживающих нужды двора) и воинов дворцовой стражи. Для содержания этой массы людей, не

² E. M. Shook, Tikal, Stela 29, «Expedition», 1960, vol. 2, No 2.

³ B. Warren, A hypothetical construction of Maya origins, «Actas y Memorias del 35 Congreso Internacional de Americanistas», vol. 1, Mexico, 1964, p. 298.

⁴ M. D. Coe, Cycle 7 monuments in Middle America: a reconsideration, «American anthropologist», 1957, vol. 59, No 4, p. 603.

⁵ M. D. Coe, The Maya, London, 1966, p. 68, tabl. 14.

⁶ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya civilization, «Science», 1965, vol. 147, No 3664, p. 1413.

⁷ Г. Чайлд, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 29—32.

⁸ G. Willey, Problems concerning prehistoric settlement patterns in the Maya Lowlands, «Viking Fund Publication in Anthropology», vol. 23, New York, 1956, p. 108.

⁹ J. Marquina, Arquitectura Prehispanica, México, 1964, p. 614, pl. 186.

¹⁰ G. Guillemin, The ancient Cakchiquel capital of Iximche, «Expedition», 1967, vol. 9, No 2, p. 31.

связанных прямым образом с производством пищи, требовались, безусловно, немалые продовольственные запасы. Кроме того, в пору всякого рода тяжелых всеобщих бедствий — эпидемий, неурожая, войн и т. д. — правитель часто выступал в роли некоего общественного гаранта, «благотетеля» и сласителя своих подданных. Наиболее ярко иллюстрирует этот тезис один эпизод из жизни ацтекского правителя Монтесумы I (правильное написание «Мотекухсома») ¹¹.

В 1452—1453 гг. из-за постоянной засухи и неурожая в долине Мехико начался всеобщий голод. Доведенные до крайности ацтеки явились тогда во дворец своего царя и обратились к нему за помощью, обещая взамен добровольно отдать себя в рабство. И оказалось, что Монтесума I имел в дворцовых кладовых столько зерна (кукурузы), что его хватило для того, чтобы обеспечить все огромное население Теночтитлана (к началу конкисты в городе жило по меньшей мере несколько десятков тысяч человек). В память этого события был установлен специальный монумент — «камень голода» (*la piedra del hambre*), прославляющий доброту правителя и описывающий с помощью различных изображений и символов бедствия, обрушившиеся на жителей долины Мехико ¹².

Следовательно, во дворцах индейских правителей скапливалась значительная часть прибавочного общественного продукта, шедшего на удовлетворение непосредственных нужд двора и на различные общегосударственные предприятия: военные кампании, строительство каналов, храмов, дорог и т. д.

Другая важная особенность городской жизни состоит в том, что в эпоху цивилизации прежние легкие святилища и небольшие храмы превращаются в монументальные сооружения из камня, горделиво возвышающиеся на своих высоких пирамидах над хижинами рядовых горожан. Заметные изменения происходят также и в порядках отправления религиозного культа. Вознесенные высоко над земной поверхностью эти новые монументальные храмы были искусственно изолированы от большинства верующих. Попастъ туда могли, вероятно, лишь избранные жрецы и аристократы. Именно к такому выводу приходит, например, Р. В. Кинжалов после анализа храмовых сооружений Тикаля: «Высокие башнеобразные пирамиды также подсказывают мысль, что все ритуалы, происходившие наверху, в святилище, или должны были оставаться тайной для рядового населения города или не касались его» ¹³.

Появление монументальной храмовой архитектуры на территории майя совпадает с самым концом I тысячелетия до н. э. В 50 г. до н. э. в Тикале, в районе «Северного Акрополя», на вершине двухъярусной пирамиды был сооружен каменный двухкомнатный храм (Str. 5D—Sub. 1—1 st.), украшенный по фасаду, вдоль центральной лестницы, огромными масками ягуара, полихромными росписями и рельефами из штукатурки. Пирамидальное основание этого внушительного здания имеет размеры 13×11,4 м и высоту около 4,4 м ¹⁴. Храм, возведенный над гробницей 167 в Тикале (Str. 5D—Sub. 10—1 st.) и датировемый по C₁₄ 25 г. до н. э., также был сложен из камня и, безусловно, имел перекрытие в виде ступенчатого свода — важнейшая черта классической культуры майя в I тысячелетии н. э. ¹⁵.

¹¹ Несмотря на значительный хронологический разрыв между этими двумя эпохами, автор считает вполне допустимым использование для освещения отдельных проблем майяской истории данных по истории ацтеков. Не мешает этому и инокультурная принадлежность ацтеков, так как важнейшие цивилизации доколумбовой Мезоамерики находились примерно на одинаковом уровне социального и экономического развития.

¹² D. A. Chavero, *México a través de los siglos*, t. I, Barcelona, [s. a.], p. 555—563.

¹³ Р. В. Кинжалов, *Искусство древних майя*, Л., 1968, стр. 46.

¹⁴ W. R. Coe, *Tikal, Ten years of study of a Maya ruin in the Lowlands of Guatemala*, «Expedition», 1965, vol. 8, № 1, p. 14—15.

¹⁵ W. R. Coe, *Tikal. Ten years...*, p. 48—49.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о внутренней структуре древнеамериканских храмовых хозяйств и о той роли, которую они играли в экономической и политической жизни общества. Однако даже исходя из тех немногочисленных исторических данных, которые имеются, к примеру, по агтекам, можно предполагать, что мезоамериканские храмы служили не только местом отправления культа, но и играли важную роль в экономической и политической сферах общественной жизни.

Известно, что правители Теночтитлана после окончания своих победоносных походов периодически дарили храмам, и особенно главному атеотскому храму в честь бога Уицилопочтли, часть захваченных ими земель, а также делали различные ценные приношения и подарки. До наших дней сохранился ацтекский иероглифический кодекс, содержащий перечень натуральных налогов (дани), уплачиваемых различными областями страны храму Уицилопочтли. В состав этих налогов входили, в частности, хлопчатобумажные плащи для жрецов, душистая смола для благовоний, дрова и строительный лес, драгоценные камни и т. д.¹⁶

В конце I тысячелетия до н. э. на территории майя все важнейшие дворцовые и религиозные архитектурные комплексы выделяются из общей массы зданий и размещаются в центральной части города, в особых возвышенных и укрепленных местах — «акрополях», господствующих над всей окружающей местностью. «Акрополь», ставший местом обитания правящей элиты — знати и жрецов, и в прямом, и в переносном смысле господствовал над остальным городом. По-видимому, совершенно аналогичные функции и природу имели «арки» в среднеазиатских феодальных городах, а также цитадели Мохенджо-Даро и Хараппы. В отличие от убежищ и цитаделей эпохи варварства, часто имевших с «акрополями» чисто внешнее сходство, «акрополи» майя резко отличаются от окружающих городских районов по характеру находок. Прекрасной иллюстрацией может служить, например, «Северный Акрополь» Тикаля — крупнейшего центра классической культуры майя в северной Гватемале. Только в районе «акрополя» и прилегающей к нему центральной части города встречаются крупные каменные храмы и дворцы с рядами вычурных стел и алтарей. Только там были сосредоточены все наиболее богатые гробницы с дорогими привозными вещами и украшениями из нефрита. Но чем дальше от центра, тем чаще встречаются руины маленьких жилых домов со скромным набором утвари и ремесленных мастерских (например, были найдены мастерские по обработке кремня и обсидиана). Здесь нет ни великолепных резных монументов, ни ритуальных приношений в тайниках, ни больших храмовых комплексов¹⁷. Подобное искусственное выделение мест обитания правящей верхушки и храмовых зданий от основной массы городского населения характерно абсолютно для всех областей майя.

В тех случаях, где не было специальных «акрополей», необходимый эффект достигался иными, не менее выразительными способами. Город Ишимче — столица какчикелей — был разделен внутри глубоким рвом на две половины: на восточной стороне рва находились дома знати, а на западной — рядовых горожан¹⁸. В столице юкатанских майя — Майяпане — дома знати и жрецов были обнесены высокой каменной стеной, все же остальное население города находилось за пределами этой укрепленной цитадели¹⁹.

В этой связи уместно напомнить описание типичного городка юкатанских майя, сделанное в XVI в. испанским монахом Диего де

¹⁶ D. A. Chavero, Указ. раб., т. 1, стр. XI.

¹⁷ W. Haviland, Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala, «Expedition», 1965, vol. 7, № 3, p. 17—22.

¹⁸ G. Guillemin, Указ. раб., стр. 26.

¹⁹ Диего де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.—Л., 1955, стр. 113.

Ландой: «Перед тем как испанцы захватили эту страну, местные жители жили все вместе в селениях, в большом порядке. Их поселения были такого характера: в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей наиболее богатых и почитаемых, а на окраине селения находились дома людей наиболее низших...»²⁰. Итак, что же такое город? Понятие это на протяжении веков, безусловно, меняло свое содержание. Для той эпохи, которая нас интересует, т. е. для времени сложения раннеклассовых государств, В. М. Массон предлагает следующее определение: город — «это крупное укрепленное поселение; центр сельскохозяйственной округи, но также центр ремесленного производства и торговли, как внутренней, так и внешней»²¹. На наш взгляд, важнейшим определяющим признаком города служит неземледельческий характер его населения, на что справедливо указывал еще Г. Чайлд. Ни размеры, ни количество жителей, ни укрепления, ни ремесленные мастерские и лавки торговцев не помогут нам отличить город от поселений предшествующего времени. Главное отличие здесь в том, что основу городского населения составляли люди, не производящие непосредственно продовольственных продуктов: специалисты-ремесленники, чиновники, торговцы, жрецы, солдаты и т. д. Бесспорно, решить вопрос о структуре городского населения чисто археологическими методами очень трудно. Здесь необходимы совместные усилия ученых разных специальностей: археологов, этнографов, социологов, экономистов и т. д. Такая исследовательская работа ведется сейчас в Мезоамерике (особенно на территории майя) во все возрастающих масштабах. Правда, полученные выводы относятся пока лишь к самому концу классического периода. Подсчитано, например, что в VIII—IX вв. в центральной части Тикаля на площади в 3,5 кв. мили одновременно существовало когда-то 2337 построек (меньшая часть из них была раскопана, остальные обследованы с помощью шурфов или какими-либо иными способами). Из них религиозные и административные здания составляли не более 10%. На основе этнографических наблюдений и испанских хроник XVI в. ученые высчитали, что у древних майя каждая семья, проживавшая в одном доме, состояла в среднем из 5—6 человек. Следовательно, по самым минимальным подсчетам в VIII—IX вв. в центральной зоне Тикаля проживало 10—11 тысяч человек²².

Поскольку значительная часть населения Тикаля (знать, жрецы, двор правителя, чиновники, воины, ремесленники, торговцы и т. д.) не была связана с земледелием, то вполне очевидно, что если в черте города и жили земледельцы, возделывавшие сады, огороды и небольшие кукурузные поля, то они были явно не в состоянии прокормить остальное население. Тикаль, как и другие крупные города майя, существовал за счет обширной земледельческой округи, поставившей ему все необходимые сельскохозяйственные продукты и главным образом маис. Видимо, размеры этой округи были настолько велики²³, что вокруг метрополии сложилась еще целая группа более мелких городов-сателлитов (Йолантун, Чикин-Тикаль, Эль-Энканто и др.), куда первоначально стекались продукты земледелия из селений, прежде чем они попадали в Тикаль²⁴. Наличие у древних майя сложной системы в виде крупных городских центров, городов-сателлитов вокруг них и земледельческих

²⁰ Диего де Ланда, Указ. раб., стр. 133.

²¹ В. М. Массон, От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества, «VII Международный конгресс доисториков и протодисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966, стр. 164.

²² W. H a v i l a n d, Указ. раб., стр. 23.

²³ Нужно напомнить, что у древних майя не было ни колесного транспорта, ни выючных животных.

²⁴ W. H a v i l a n d, Указ. раб., стр. 23.

селений доказывается и последними археологическими исследованиями в Петене (северная Гватемала), которые производил Уильям Буллард²⁵.

При обследовании Цибиальчуна — гигантского центра классического времени на полуострове Юкатан — археологи зарегистрировали на площади в 7,7 кв. миль (что составляет 40% общей площади города) 8526 построек с каменными стенами или на каменных фундаментах. Это дает для всего города в целом соответственно около 21 тысячи каменных построек. Кроме того, там же выявлены и еле заметные следы множества легких зданий из дерева и глины, которые, безусловно, составляли прежде значительную часть всех жилищ рядовых горожан. На основе полученных данных американский археолог У. Эндрюс подсчитал, что в конце классического периода (т. е. в VIII—IX вв. н. э.) население города доходило до 100 тысяч человек. По словам того же автора, это, безусловно, указывает на чисто городскую, неземледельческую природу Цибиальчуна. Одним из главных занятий его жителей была добыча соли из близлежащих соляных озер и последующая торговля этим ценным продуктом²⁶.

Из 4 тысяч построек, обнаруженных раскопками на территории юкатанского города Майяпана (XIII—XV вв.), 3500 были жилыми домами и лишь 140 относились, видимо, к культовым сооружениям. По мнению археологов, население Майяпана составляло примерно 11—12 тысяч человек²⁷.

Судя по археологическим данным и свидетельствам письменных источников первых лет конкисты, у майя-покомам (горная Гватемала) древние города, такие как Мишко-Вьехо, Чинаутла и т. д., имели по несколько десятков ритуальных и общественно-административных построек и множество платформ-фундаментов жилищ. Общественные здания, в том числе дворцы, храмы и площадки для ритуальной игры в мяч, всегда располагались в центре города, на вершинах гор и холмов, тогда как остальные постройки лепились по склонам (это, видимо, тоже своеобразный естественный «акрополь»). Численность населения каждого такого городка колебалась от 5 до 10 тысяч человек²⁸.

В связи с вопросом о неземледельческой природе древних городов Мезоамерики уместно напомнить, что, по словам старых испанских хроник, в Теночтитлане и Тескоко во многих кварталах («*baggio*») существовали свои рынки, где жители города ежедневно покупали продовольствие и необходимые для них товары. И когда Кортес задумал захватить столицу ацтеков, он первым делом перекрыл все сухопутные и водные пути, связывавшие Теночтитлан с окрестными селениями. Без постоянного подвоза продуктов извне основная масса городского населения существовать не могла, и вскоре город пал²⁹.

Что касается других признаков сложившегося города, то они свойственны, собственно говоря, не только ему одному, но и всей культуре эпохи цивилизации в целом. Город как средоточие политической, религиозной, торгово-ремесленной и культурной деятельности лишь дает, естественно, наиболее яркое их выражение.

Исходя из всей совокупности имеющихся сейчас данных, можно предполагать, что перечисленные выше признаки городской жизни

²⁵ W. Bullard, *Maya settlement pattern in Northeastern Peten, Guatemala*, «*American Antiquity*», 1960, vol. 25, № 3, p. 367—370.

²⁶ W. Andrews, *Dzibilchaltun, a northern Maya metropolis*, «*Archaeology*», 1968, vol. 21, № 1, p. 47.

²⁷ H. Pollock, R. Roys, T. Proskouriakoff, A. L. Smith, *Mayapan, Yucatan, México*, Carnegie Institution of Washington, publication 619, Washington, 1962, p. 205—211.

²⁸ S. W. Miles, *Maya settlement patterns: a problem for ethnology and archaeology*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», 1957, vol. 13, № 3, p. 239—241.

²⁹ W. T. Sanders, *The Central Mexican symbiotic region*, «*Viking Fund Publication in Anthropology*», vol. 23, New York, 1956, p. 121.

(дворцы, монументальные храмы, «акрополи») появляются у майя в самом конце I тысячелетия до н. э. — на рубеже нашей эры. Это хорошо согласуется со временем возникновения у майя стел и алтарей с иероглифическими надписями и календарными датами, т. е. именно с тем признаком, который считается в археологической практике решающим при определении начальных этапов цивилизации.

Царские гробницы

Как известно, уже сам факт появления пышных царских захоронений рассматривается многими советскими и зарубежными исследователями как один из важнейших признаков раннеклассового общества. Гордон Чайлд подчеркивает при этом, что первые царские гробницы отличаются от рядовых могил своими большими размерами, архитектурой (гробница царя — подземная копия его дворца) и особым характером приношений (не только их богатством и пышностью, но и наличием человеческих жертвоприношений)³⁰.

«В шахте одной из царских гробниц Ура лежало 59 покойников, среди которых было шесть воинов в доспехах и девять женщин, усыпанных дорогими украшениями. После окончания этих страшных церемоний могильную яму засыпали..., а над ней воздвигали нечто вроде надгробного святилища, соединявшегося с погребальной камерой керамической трубой»³¹.

Надо сказать, что наблюдается поразительное сходство между погребальными обрядами правителей Древнего Востока и доколумбовой Америки.

В 1952 г. мексиканский исследователь Альберто Рус при раскопках «Храма надписей» в городе Паленке (штат Чиapas, Мексика) обнаружил в глубине двадцатитрехметровой пирамиды (служившей основанием храма) погребальную камеру с каменным резным саркофагом, вес которого достигал нескольких тонн.

В полу храма было квадратное отверстие, прикрытое каменной плитой. Оно оказалось устьем подземного туннеля с узкой лесенкой, соединявшей храм и погребальную камеру, спрятанную в толще пирамиды, почти у ее основания. У входа в гробницу был обнаружен грубый каменный ящик с останками пяти юношей и девушки. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустации на зубах свидетельствуют о том, что речь идет не о рабах, а о знатных людях, принесенных тем не менее в жертву какому-то могущественному лицу³². Погребальный склеп имел около 9 м в длину и 4 м в ширину. Его сводчатый потолок (ступенчатый свод — характернейшая черта классической архитектуры майя) достигал 6 м высоты. И стены и свод были сложены из тщательно отесанных квадратных каменных блоков. Внутри помещение украшали штукковые рельефы, изображавшие, видимо, девять богов подземного царства³³. Посредине склепа стоял громадный каменный саркофаг, сплошь испещренный причудливой резьбой. Возле него находилось несколько глиняных сосудов и две великолепные алебастровые головы юношей, отбитые когда-то от целых статуй. «Помещенные в склеп в качестве приношения, — пишет А. Рус, — они, возможно, представляли собой имитацию человеческого жертвоприношения. Подобное жертвоприношение у древних майя было связано с культом майса»³⁴. В саркофаге на шкуре ягуара лежал на спине, вытянутый

³⁰ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 136—138.

³¹ Там же, стр. 233.

³² A. Ruz Lhuillier, La civilización de los antiguos Mayas, Santiago de Cuba, 1957, p. 154.

³³ Там же, стр. 155—156.

³⁴ Там же, стр. 156.

во весь рост, скелет рослого, по майяским стандартам, мужчины (длина скелета 1,73 м), почти сплошь закрытый многочисленными украшениями из драгоценного зеленого нефрита: диадема с фигуркой божества летучей мыши, «серьги», ожерелье, нагрудная бляха, браслеты из бусин, нефритовая статуэтка бога солнца на поясе и, наконец, мозаичная нефритовая маска, передающая, по мнению А. Руса, более или менее достоверный облик умершего³⁵.

Скелет и внутренняя часть усыпальницы были густо посыпаны пурпурной краской. На верхней крышке саркофага сохранились остатки различных атрибутов власти и регалий умершего правителя: пояс из кусочков нефрита, украшенный тремя антропоморфными масками из того же материала и девятью сланцевыми привесками в виде «топоришков», маленький круглый щит с маской солярного божества и, вероятно, скипетр с фигуркой бога дождя наверху и змеиной головкой на рукояти³⁶.

От саркофага вела наверх длинная каменная труба, оформленная в виде фигуры змеи. Она заканчивалась в верхнем помещении храма, недалеко от алтаря. Эту трубу А. Рус назвал «каналом для души», предназначенным, по его словам, для духовного общения жрецов и здравствующих членов царской фамилии с их почившим божественным предком³⁷, поскольку лестница после совершения похорон была засыпана обломками камней, и между гробницей и храмом наверху существовала только магическая связь через «канал для души».

Атрибуты и регалии царской власти, обнаруженные в погребальной камере «Храма надписей», запечатлены в искусстве майя позднеклассического периода множеством раз: на рельефах, стелах, алтарях и фресках (Киригуа, Копан, Тикаль, Иашчилан).

В эпосе майя-киче «Пополь Вух», созданном, по-видимому, еще в доиспанский период, но дошедшим до нас в более позднем варианте, говорится: «...Он дал им знаки правления и все отличительные символы. Полностью Накшит дал им знаки отличия владык, и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, барабаны, желтые бусы, когти пумы, голова ягуара...»³⁸.

Трудно сказать, насколько достоверны все перечисленные выше атрибуты, но некоторые из них бесспорно служили отличительными признаками царской власти: например, троны и балдахины. Особенно интересно упоминание среди царских регалий когтей пумы и головы ягуара — животного, которое играло очень важную роль в религиозных воззрениях древних майя. И совсем не случайно шкура, клыки и когти этого грозного владыки джунглей стали широко использоваться владыками земными в качестве атрибутов своей власти. Более того, ягуар считался божественным покровителем многих правящих династий майяских городов-государств³⁹.

На каменных рельефах и фресках классической эпохи часто изображаются персонажи, облаченные в плащи, набедренные повязки или сандалии из шкуры ягуара. Причем их высокое общественное положение намеренно подчеркивается художником либо с помощью увеличенных размеров, либо какими-нибудь иными приемами.

Наконец, весьма примечательно, что почти во всех наиболее богатых и пышных погребениях майя встречаются клыки, когти, а иногда шкуры ягуара, хотя и очень плохой сохранности. Так, в самом большом храме Тикаля (храм I) — «Храме гигантского ягуара» была обнаруже-

³⁵ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 159—160.

³⁶ Там же, стр. 164.

³⁷ Там же, стр. 164.

³⁸ «Пополь Вух», М.—Л., 1959, стр. 144.

³⁹ T. Proskouriakoff, The lords of the Maya realm, in: «Ancient Mesoamerica. Selected Readings», Palo Alto, 1966, p. 168—175.

на впускная гробница 700 г. н. э. с богатым инвентарем. Погребенный лежал на толстом коричневом слое органического вещества, которое, по определению специалистов, представляло собой остатки шкуры ягуара. Здесь же лежали клыки и другие кости этого зверя⁴⁰.

Что касается человеческих жертвоприношений, то в погребальной практике майя они применялись в крайне редких и особо торжественных случаях и всегда в сравнительно небольших масштабах. Обычно в погребениях знатных лиц находят один или два скелета принесенных в жертву людей (погребения 48, 166, 167 в Тикале). Однако, как уже отмечалось, в Паленке, в знаменитой гробнице правителя из «Храма надписей», были обнаружены останки шести человек⁴¹. В Тикале число человеческих жертвоприношений в одном погребении доходило до девяти (погребение 10, первые века нашей эры)⁴².

Испанский хронист Диего Дуран сообщает, что у ацтеков во время похорон «тлатоани» (правителя) приносили в жертву от 50 до 60 человек⁴³. Однако число принесенных в жертву людей на похоронах правителя Ахуицотла превысило 200 человек⁴⁴.

Среди украшений и драгоценностей, сопровождавших обычно правителя в загробный мир, особенно выделяются красочные погребальные маски, которые либо передают реальный облик умершего, либо изображают божество, так или иначе связанное с личностью правителя. Испанский историк Антонио Эррера, долгое время изучавший культуру индейцев-миштеков в Оахаке, отмечает следующее: «Если умирал правитель, то погребальные церемонии совершались очень пышно, покойного обряжали в лучшие одежды, клали на лицо маску (курсив мой.— В. Г.)...»⁴⁵.

У нахуа «тело умершего (правителя Аскапоцалько — Тесосомока.— В. Г.) одели в царские одежды, положили ему все его регалии..., а на лицо надели мозаичную маску — точный портрет умершего царя»⁴⁶. Во время торжественных похорон в 1481 г. «тлатоани» ацтеков Ашайякатля его последовательно обряжали в одежды четырех богов, представителем которых на земле он считался (Уицилопочтли, Тлалока, Йохуалахуа и Кецалькоатля). «На его лицо они клали маску в виде морды ягуара с гусиноподобным клювом»⁴⁷.

На территории майя великолепные мозаичные маски из нефрита и раковин также встречаются в наиболее богатых гробницах и погребениях (Паленке, Тикаль, Вашактун и др.). Что касается пурпурной краски, то в космогонии майя красный цвет ассоциируется с Востоком, поскольку именно там «рождается» каждый раз солнце после своей ежедневной «смерти» на Западе. Восток вследствие этого — место воскрешения, и красный цвет, который представляет его в гробницах и погребениях, символизирует таким образом бессмертие⁴⁸.

Огромная плоская плита в «Храме надписей», закрывавшая сверху саркофаг, украшена низкорельефными изображениями, которые образуют довольно сложную композицию: внизу — стилизованная маска чудовища-божества земли (в виде гигантского черепа с клыками). Послед-

⁴⁰ A. Trik, The splendid tomb of Temple I at Tikal, Guatemala, «Expedition», 1963, vol. 6, № 1, p. 89.

⁴¹ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 154.

⁴² W. R. Coe, Tikal. Ten years..., p. 27—28.

⁴³ D. Duran, The Aztecs. The history of the Indians of New Spain, New York, 1964, p. 177—178.

⁴⁴ Там же, стр. 218.

⁴⁵ Antonio de Herrera, Historia general de los hechos de los castellanos en las Islas y Tierras Firme del Mar Oceano, Madrid, 1726, 3. p. 99.

⁴⁶ M. Orozco y Berra, Historia antigua de la cultura, aborígenes de México, México, 1961, p. 182.

⁴⁷ D. Duran, Указ. раб., стр. 176; Маска ягуара с гусиным клювом — атрибут бога ветра Кецалькоатля.

⁴⁸ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 161—162.

нее ассоциировалось у индейцев Мезоамерики с неким чудовищным пресмыкающимся, которое питается живыми существами, поскольку все живое в конце концов возвращается в землю. На маске чудовища сидит молодой мужчина в богатом костюме. Он слегка запрокинулся назад и опирается на четыре предмета, два из которых — символы смерти и разрушения (раковина и знак напоминающий «%»), а два других — напротив, символизируют рождение жизни (зерно и стилизованный початок кукурузы). Выше этого персонажа изображен какой-то крестообразный растительный мотив — «дерево жизни» (а скорее всего — символическое изображение кукурузы) ⁴⁹.

Наиболее правильную, на наш взгляд, трактовку этой сцены предложил А. Рус. «Молодой персонаж, который сидит на маске чудовища земли, должен быть одновременно и человеком, предназначенным вернуться в один прекрасный день на землю, и маисом, чье зерно должно быть погребено в земле, прежде чем оно прорастет. Крестовидный предмет, на который так пристально смотрит человек, также изображает маис, который с помощью людей и различных сил природы прорастает из земли, чтобы служить затем пищей человеку. С идеей воскрешения маиса для майя ассоциировалась и идея собственного воскрешения человека» ⁵⁰. Таким образом, круг идей, запечатленных на саркофаге правителя из Паленке, уводит нас к весьма распространенным у древних земледельческих народов верованиям, которые характеризуются обожествлением сил природы и поклонением им. «Подобно тому как Осирис, дух пшеницы и растительности, рождается каждый год вновь благодаря Нилу, оплодотворяющему почву, в которой погребены части тела божества, для майя юный бог маиса возрождается в каждом урожае благодаря солнцу и дождю. В обоих случаях жизненный цикл главного сельскохозяйственного растения интерпретируется как смерть и воскрешение божества, давая тем самым людям пример и обещание бессмертия» ⁵¹.

Остается выяснить, для чего понадобилось воплощать подобные воззрения в скульптурах гробницы из Паленке.

Прежде всего следует подчеркнуть одну немаловажную деталь: незначительные размеры подземного туннеля и лестницы, а с другой стороны, колоссальный вес и величина каменного саркофага абсолютно исключали возможность доставки его вниз по лестнице уже после строительства храма. Следовательно, саркофаг и гробница в этом комплексе — главный элемент, а пирамида и храм — подчиненный. Они были выстроены над уже готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения, скрывать от непрошенных взоров и, наконец, служить для отправления культа погребенного в саркофаге человека. «Не исключено, — пишет А. Рус, — что погребенный в «Храме надписей» человек сам был и вдохновителем, и организатором строительства своей гигантской усыпальницы» ⁵². Не приходится сомневаться и в том, кто был погребен в гробнице «Храма надписей». Перечисленные выше черты погребального ритуала, неимоверно большие затраты общественного труда на строительство этого гигантского мавзолея, и, наконец, наличие атрибутов власти, хорошо известных нам по изображениям на стенах и рельефах классического времени, подтверждают, что мы имеем здесь дело с погребением царя, правителя, «халач виника».

Пышные гробницы, находившиеся в пирамидах храмов и непосредственно связанные с храмовыми помещениями наверху (с помощью специальных ходов, лестниц или колодцев), известны и в других городах

⁴⁹ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 161—162.

⁵⁰ Там же, стр. 163.

⁵¹ Там же, стр. 165.

⁵² Там же, стр. 163.

мая: в Чичен-Ице⁵³, Комалькалько⁵⁴, Иашчилане⁵⁵ и в том же Паленке (храм XVIII-A)⁵⁶. Вместе с тем часто встречаются и такие случаи, когда гробница правителя или какого-то знатного лица сооружалась в уже готовом действующем храме, в глубине пирамиды или под центральной лестницей. Видимо, мы имеем здесь дело с археологическим отражением заупокойного царского культа у древних майя наподобие древневосточного и египетского. Но если, скажем, в Египте заупокойный храм строили рядом с пирамидой, содержавшей гробницу фараона, то в доколумбовой Мексике та же идея была решена конструктивно несколько иначе — путем соединения в одно целое по вертикали и заупокойного храма, и гробницы правителя. Впервые тезис о наличии заупокойных храмов у майя выдвинул А. Рус после своего блестящего открытия в «Храме надписей». Позднее этому вопросу посвятил специальную статью и американский исследователь Майкл Д. Ко⁵⁷.

Наличие заупокойного царского культа в доколумбовой Мезоамерике и взаимосвязи пирамидального храма с помещенной в нем гробницей находят подтверждение и в письменных источниках более позднего времени.

В легендах и преданиях нахуа о создателях теотихуаканской цивилизации в долине Мехико говорится, например, следующее:

«И они назвали город Теотихуакан, потому что когда умирали правители, их там хоронили. А затем воздвигали над ними пирамиды, которые стоят еще до сих пор»⁵⁸.

Диего де Ланда в своем фундаментальном труде о юкатанских майя (1566 г.) указывает: «что до правителей и людей очень знатных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы»⁵⁹.

Гватемальский хронист Фуэнтес и Гусман (XVI в.) так описывает погребальные обряды в честь правителей у горных майя: «После церемоний и прощальных слов... они клали царя в гробницу вместе с различными драгоценностями — золотом, серебром, нефритом, горным хрусталем и перьями птицы кецаль. Затем убивали всех рабов, и женщин и мужчин, которые ему прислуживали, так чтобы они могли и в дальнейшем заботиться о своем господине... Над гробницей они насыпали из камней и земли холм, величина которого зависела от знатности умершего. Когда эта работа была закончена..., они изготавливали статую умершего повелителя и с различными церемониями устанавливали ее на вершине холма. И туда приносили цветы, благовония, приносили там в жертву птиц и зверьков, и с тех пор данное место становилось святилищем, поскольку они приписывали его статуе божественные свойства, считая, что подобно тому, как он правил при жизни, он и после смерти будет заботиться об их благоденствии и процветании»⁶⁰.

Гробница из «Храма надписей» в Паленке — наиболее яркий пример царских погребений на территории майя. Он знаменует собой конечную стадию развития, длившегося много веков.

⁵³ E. H. Thompson, The high priest grave, Chichen Itza, Yucatan, Mexico, «Anthropological series of the Field Museum of Natural History», vol. 27, No 1, Publication 412, Chicago, 1938, p. 16—42.

⁵⁴ F. Blom and O. La Farge, Tribes and temples, vol. 1, New Orleans, 1926, p. 115—130.

⁵⁵ A. Ruz Lhuillier, Estudio preliminar de los tipos de enterramientos en el area Maya, «Actas del 33 Congreso Internacional de Americanistas», t. 2, San José, 1959, p. 191.

⁵⁶ Там же, стр. 189—190.

⁵⁷ M. D. Coe, The funerary temple among the classic Maya, «Southwestern Journal of Anthropology», 1956, vol. 12, № 4, p. 387—393.

⁵⁸ M. Leon-Portilla, Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares, México, 1961, p. 26.

⁵⁹ Диего де Ланда, Указ. раб., стр. 163.

⁶⁰ S. W. Miles, The XVI-th century Pokom-Maya: a documentary analysis of social structure and archaeological setting, «Transactions American Philosophical Society», n. s., 1957, vol. 47, pt. 4, p. 749.

Однако последние работы американских археологов в Тикале (Пентен) позволяют проследить начальную стадию формирования заупокойного царского культа.

В 1960-х годах, при раскопках «Северного Акрополя» в центральной части древнего города были найдены три интересных гробницы (погребения 166, 167 и 85).

Погребение 166 помещалось в прямоугольной камере, сложенной из камня и имевшей перекрытие в виде ступенчатого свода. В центре гробницы, на полу, лежал на спине скелет взрослого человека (пол и возраст определить не удалось из-за плохой сохранности костей) — скелет «А». Другой костяк — «Б» (видимо, женский) был при захоронении расчленен и сложен грудой в ногах скелета «А». При этом череп скелета «Б» отделили от других костей и положили в глиняный сосуд. На скелете «А» найдены ожерелье из нефритовых бус и раковин, иглы морского ежа и амулет из раковины с резным изображением божества. Стены гробницы, оштукатуренные изнутри и покрашенные затем в красный цвет (ср. с гробницей из Паленке), были, кроме того, испещрены какими-то затейливыми росписями, нанесенными черной краской. Сохранность их очень плохая. Пока удалось выявить шесть антропоморфных фигур в пышных костюмах и вычурных головных уборах. Над гробницей, видимо, для каких-то определенных целей, сразу же был построен небольшой храм из дерева и глины, стоявший на платформе красного цвета. Это святилище прочно «запечатало» устье ямы, ведущей к гробнице с погребением 166. Дата всего этого комплекса определена на основе целой серии радиоуглеродных анализов — 50 г. до н. э.⁶¹

Погребение 167 также находилось в прямоугольной каменной гробнице со ступенчатым сводом. На полу ее лежал на спине головой на восток костяк взрослого мужчины (скелет «А»). На черепе его стояла большая глиняная чаша, содержавшая внутри расчлененный и неполный женский скелет. Близ костей ног скелета «А» находился еще один керамический сосуд с останками девятимесячного младенца. На костях мужского скелета и вокруг него были обнаружены ожерелья и браслеты из раковин, иглы морского ежа и вотивная антропоморфная статуэтка из зеленого камня. В северной части гробницы, датированной по C₁₄ 25 г. до н. э., стояли девять глиняных сосудов и полихромная расписная урна⁶². Немедленно вслед за сооружением гробницы и окончанием погребальных церемоний над ней была возведена постройка 5D — Sub. — 10-1. На двухступенчатой алой платформе размерами 3×3,3 м стоял крошечный каменный храмик со ступенчатым сводом. На стенах внутри святилища, оштукатуренных и окрашенных в красный цвет, сохранились остатки полихромных росписей: человеческие фигуры в богатых костюмах и масках и какие-то растительные мотивы⁶³.

Еще более интересную картину наблюдаем мы в случае с погребением 85, которое относится, судя по данным C₁₄, к рубежу нашей эры (16±63 г. н. э. и 1±46 г. до н. э.). На полу каменного склепа со ступенчатым сводом находился один-единственный скелет, принадлежавший взрослому мужчине. Череп не обнаружен, на его месте найдена великолепная маска из зеленого камня, глаза и зубы которой были образованы инкрустациями из раковин⁶⁴. Хотя маска довольно реалистично передает черты лица какого-то юноши, вряд ли ее следует считать портретным изображением умершего. Дело в том, что в верхней части маски изображена диадема со стилизованным початком кукурузы. И это позволило Р. В. Кинжалову рассматривать данный предмет как «древ-

⁶¹ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya..., p. 1412.

⁶² Там же, стр. 1413.

⁶³ W. R. Coe, Tikal. Ten years..., p. 19.

⁶⁴ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya..., p. 1414.

нейшее изображение божества куруузы»⁶⁵. Если это так, то перед нами погребение какого-то важного лица, в маске бога кукурузы, что сразу же заставляет вспомнить аналогичные «маисовые» сюжеты из гробницы «Храма надписей» и погребальные ритуалы ацтеков по облачению усопших владык в костюмы и маски различных богов.

Зная, какую колоссальную роль играла кукуруза в экономике и религии древних майя, не приходится удивляться тому, что правители майяских городов-государств, соединявшие, видимо, в своих руках светскую и частично духовную власть, уже с очень ранних времен принимают активное участие в разного рода аграрных культах. На стеле 40 из города Пьедрас-Неграс (северная Гватемала) изображена, например, очень интересная сцена: в верхней части монумента показан какой-то персонаж в богатом костюме и с короной из листьев кукурузы на голове. Стоя на коленях на низкой платформе (скорее всего это трон), он горстями бросает вниз зерна кукурузы. Внизу древний мастер изобразил стилизованную фигуру божества земли. Всю эту сцену обрамляют побеги кукурузы⁶⁶. Видимо, на стеле 40 показано участие правителя города в ритуальном севе кукурузы — обряд, напоминающий египетский и древневосточный аграрные культы с участием царей.

После завершения всех церемоний над гробницей 85, так же как и в двух предыдущих случаях, была возведена легкая храмовая постройка на платформе алого цвета⁶⁷.

Таким образом, обычай строить святилища над гробницами лиц высокого социального ранга появился у майя (по крайней мере в Тикале) еще в I в. до н. э. Следует также напомнить, что все три подвергшихся анализу тикальских погребения находились в каменных склепах со ступенчатым сводом, а это, бесспорно, древнейшие образцы каменной архитектуры со сводом на территории майя. В дальнейшем, в классическую эпоху (I тысячелетие н. э.), в число каменных построек со ступенчатым сводом входили только два вида зданий — наиболее крупные храмы и дворцы. Что касается погребальной архитектуры, то и в раннюю пору и позднее в каменных гробницах со сводом хоронились только самые богатые и знатные лица. И это вполне естественно, поскольку жилища мертвых часто строились по прямому подобию тех жилищ, которые принадлежали им при жизни.

Перечисленные выше признаки раннеклассового общества майя (письменность, города, царские гробницы) более или менее четко выступают из глубин архайки не ранее I в. до н. э. — рубежа нашей эры. Видимо, именно это время и приходится считать подходящим при определении начальных этапов цивилизации в данной области Нового Света.

SUMMARY

A number of important characteristics of early class society among the ancient Maya is brought under consideration: written language, settlement pattern, royal tombs. An analysis of the plentiful archaeological material obtained in excavations of Maya cities in the last few years, as well as data from more recent written sources, have permitted the author to conclude that all these characteristics of early class society originated on the verge of our era.

Another object of the author is to bring out specific traits (if possible — archaeological data) within the general criteria of civilization. Such characteristics of a city as palace and temple complexes, the segregation of the most important administrative and religious buildings into special units — «acropolises», are of major importance. Royal tombs are distinguished from other rich sepulchres by their larger size, luxurious decoration, the quantity of wasted social labour, human sacrifices, quantity and quality of funeral equipment, and a number of other specific characteristics (funereal masks, jaguar skins, various attributes of power, cult of the dead, etc.).

⁶⁵ Р. В. Кинжалов, Указ. раб., стр. 36.

⁶⁶ S. G. Morley, *The ancient Maya*, Stanford, 1947, tabl. 54.

⁶⁷ W. R. Coe, *Tikal, Guatemala, and emergent Maya...*, p. 1414.

А. А. Формозов

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАСШТАБ ИЛИ АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ?

Моя статья «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее»¹ вызвала ряд откликов. Очевидно, необходимость обсуждения поднятых в ней вопросов давно назрела, и то, что я исходил из сибирских материалов, которыми никогда специально не занимался, не настолько ослабило мои позиции, чтобы можно было их просто игнорировать. Почему же была написана эта статья и почему она была помещена именно в журнале «Советская этнография», а, скажем, не в «Советской археологии»?

За последние годы у советских ученых резко возрос интерес к памятникам первобытного искусства в нашей стране и к проблеме первобытного искусства в целом. Успешно исследуют еще недавно никому не известные наскальные изображения Кавказа И. М. Джафарзаде, А. А. Мартиросян, В. И. Марковин, Д. Н. Рустамов. Ю. А. Савватеев открыл новую замечательную группу петроглифов у Беломорска, а К. Д. Лаушкин предложил интересную расшифровку наскальных рисунков Онежского озера. Вышел из печати первый и подготовлен к изданию второй том «Писаниц Урала» В. Н. Чернецова. Изучением росписей на скалах Урала занят и О. Н. Бадер, выявивший палеолитические рисунки в Каповой пещере.

Глиняную пластику трипольской культуры исследуют С. Н. Бибиков, А. П. Кусургашева, Т. Г. Мовша, Б. А. Рыбаков, а пластику культуры Анау — В. М. Массон и В. И. Сарияниди. Писаницы Сибири привлекли внимание А. Д. Грача, М. А. Дэвлет, Н. В. Леонтьева, А. Н. Липского, А. И. Мартынова, А. П. Окладникова, Д. Г. Савинова, П. П. Хороших, Я. А. Шера, а каменные изваяния Минусинской котловины — Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязнова и А. Н. Липского. Петроглифы Средней Азии изучают А. Г. Медоев, Г. В. Парфенов, В. А. Ранов. Рисунками на камне и антропоморфными стелами Северного Причерноморья интересуются В. Н. Гладилин, Т. Д. Златковская, А. А. Щепинский. Общим проблемам первобытного искусства, в особенности искусства эпохи палеолита, посвящены книги и статьи З. А. Абрамовой, А. П. Окладникова, А. Д. Столяра, А. А. Формозова. Чрезвычайно ценны наблюдения над памятниками изобразительного искусства этнографа С. В. Иванова, антрополога-Я. Я. Рогинского.

Как ни значителен вклад советской науки 20—50-х годов в изучение первобытного искусства (П. П. Ефименко, С. Н. Замятин, А. М. Линевский, В. И. Равдоникас, М. Я. Рудинский, Д. Н. Эдинг), все же размах исследований в этой области прежде и теперь не сравним. Не исключено, что для советской науки о первобытности на ближайшее десяти-

¹ «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 68—82.

летие одной из центральных окажется проблема искусства, как в 20—30-х годах центральными были проблемы хозяйства и социального строя, а в 40—50-х — проблемы этнической истории.

В этих условиях совершенно естественно желание предварить развертывающуюся работу обсуждением методических вопросов, критически рассмотреть опыт наших предшественников. И столь же естественно обратиться в первую очередь к книгам А. П. Окладникова, больше всего писавшего о памятниках первобытного искусства за последние 10—15 лет.

Выступая со статьей «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее», я ни в коей мере не рассчитывал на то, что моя небольшая статья (15 стр.), основанная на впечатлениях одного полевого сезона, станет серьезным противовесом трем книгам А. П. Окладникова общим объемом 720 страниц, явившимся итогом многолетних исследований, так сказать, заменит эти книги. Более того, я был вполне готов к тому, что А. П. Окладников или его ближайшие ученики сумеют опровергнуть какие-то мои выводы. Ведь в руках А. П. Окладникова, В. Е. Ларичева, А. П. Деревянко сосредоточены колоссальные неопубликованные и недоступные другим исследователям материалы по археологии Сибири.

Все же я считал целесообразным выступить, ибо речь шла не столько об интерпретации отдельных писаниц, сколько о принципах подхода к этим сложнейшим историческим источникам. В этой связи представлялось уместным обратиться не только к археологической, но и к этнографической аудитории. Этнографы сталкиваются с не менее сложными памятниками духовной жизни охотничьих, рыболовческих, скотоводческих племен и народов, но могут истолковывать эти памятники полнее и надежнее, пользуясь расспросами у аборигенов.

Поэтому я рад, что на мою статью первым откликнулся этнограф — Г. И. Пелих, а равно и тому, что в ее статье говорится главным образом о методических вопросах (жаль, конечно, что не ответил сам А. П. Окладников)². Г. И. Пелих очень четко сформулировала принципы, лежащие в основе работ А. П. Окладникова, но весьма неточно изложила мои позиции. Придется более развернуто остановиться на предмете спора.

В нашей археологической литературе при всем ее разнообразии нетрудно выделить два типа работ. Первый строится обычно по следующему плану: сначала дается описание материала, обзор источников, максимально объективный, рассчитанный на то, что этим обзором сможет воспользоваться и исследователь, стоящий на диаметрально противоположных позициях. Далее следует детальный критический разбор источников и классификация материала. Первостепенные источники отделяются от второстепенных, доброкачественные от недоброкачественных, намечаются какие-то опорные точки (памятники с четкой стратиграфией, бесспорные комплексы и т. д.). Все это излагается так, чтобы читатель мог проверить и каждое частное сопоставление, и методические основы всей работы в целом. И, наконец, — выводы, где автор стремится разрешить отнюдь не все вопросы, а только те, на которые можно ответить, опираясь на имеющиеся факты. Формулируется, что следует считать доказанным, что мы вправе лишь предполагать и о чем мы пока ничего сказать не можем³.

Второй тип работ строится иначе. Описания материала и методики его исследования тут мы не находим вовсе или то и другое излагается по ходу дела, кратко, выборочно, разбросанно. Просто ведется рассказ:

² Г. И. Пелих, О методе научной классификации сибирских петроглифов, «Соз. этнография», 1968, № 3, стр. 68—76.

³ Образцом такой работы в области первобытного искусства может служить статья С. Н. Замятина «Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы», «Сов. археология», X, 1948, стр. 85—123.

к палеолиту относятся такие-то памятники, к мезолиту такие-то, к неолиту такие-то. Сначала население пришло с запада, потом — с юго-востока. Сперва были распространены жилища или орудия такого-то облика, потом такого-то и т. д. Подобный характер изложения, свойственный работам, носящим, как правило, громкое название «Древняя история... (республики, района, бассейна реки)» не вызывает возражений, если до выхода в свет этой монографии публиковались использованные в ней материалы и специальные исследования с источниковедческими задачами. К сожалению, так бывает далеко не всегда. В последние годы стало обычным издание «древних историй» до публикации и критического исследования источников, причем в ряде случаев можно не сомневаться, что необходимых публикаций мы не увидим и в дальнейшем. Читателю приходится принимать на веру все, что говорит автор, или по крупицам вылавливать сведения об источниках из разных синтетических и «генерализованных» работ.

Когда такие книги написаны со стилистическим блеском и широтой эрудиции, столь свойственными А. П. Окладникову, они производят большое впечатление. Но постепенно у археолога, вчитывающегося в книги, написанные в повествовательной манере, возникает ощущение какой-то зыбкости. Вот назван некий памятник, типичный для определенной эпохи. Публикации его нет, коллекции хранятся за тысячи километров от Москвы. Что это: комплекс из раскопок поселения с четкой стратиграфией или материал, собранный на поверхности развезенной дюнной стоянки, выделенный самим исследователем из кучи разновременных вещей? Ответа в тексте вы не найдете. Вот мы читаем, что стоянки типа А предшествовали типу Б,— основано ли это на каких-то стратиграфических наблюдениях или это лишь предположение автора? И так почти каждый тезис вызывает вопрос, остающийся без ответа. Читатель не получает представления об источниковедческой базе исторического исследования, а допытываться о ней у автора считается почему-то неприличным.

Археологические сочинения повествовательного стиля неизмеримо эффективнее аналитических работ с подробной источниковедческой частью. Здесь нет «нудного копания в мелочах», все просто и ясно, нет ни белых пятен, ни лакун, ни сомнений. К тому же так легко подобрать привычные эпитеты: для одного типа книг «историчность», «высокий уровень научного обобщения», для другого — «бескрылый эмпиризм», «буржуазный формализм». Но думается, что при всех достоинствах сочинений повествовательного стиля именно аналитические работы ближе к идеалам историка, сформулированным еще Н. Фюстель де Куланжем: «История не искусство, а подлинная наука. Заключается она не в занятии повествованием и не в глубоком философствовании. Как всякая наука, история заключается в изложении фактов, их анализе, их сопоставлении и выявлении связи между ними. Искусство историка должно заключаться в умении извлечь из документов все то, что в них содержится, не прибавляя того, чего в них нет»⁴.

Бывает и иначе. Конечно, авторы синтетических трудов публикуют какие-то материалы, лежащие в основе их выводов. Но тут обнаруживается то, что, к возмущению Г. И. Пелих, я осмелился назвать «скудостью аргументации». Это как раз и произошло с публикацией «Ленские писаницы» А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской и с выводами, которые должны были бы вытекать, но не вытекают из этой публикации в обобщающей книге А. П. Окладникова «Якутия до присоединения к Русскому государству» и в других его сводках. Оказалось, что прославленные сибирские писаницы документированы гораздо хуже, чем

⁴ N. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La monarchie franque, Paris, 1888, pp. 32, 33.

карельские, кавказские, уральские. Здесь, в Сибири, нет культурных слоев, перекрывающих рисунки, нет налегающих друг на друга разнотипных изображений, т. е. нет спорных точек для классификации. Тем не менее классификация создана. Опирается она, по мнению А. А. Формозова, «на интуицию и догадки», по мнению Г. И. Пелих, — на «сравнительно-исторический анализ».

Что это значит? А вот что: данные о последовательности стилей искусства в Западной Европе (Франции и Испании), Скандинавии, лесной зоне Европейской части СССР, в Причерноморье и на Кавказе переносятся на материалы Ангары и Лены. Допустимо ли это? В каких-то пределах, может быть, и да. Так, никто не станет датировать изображения лодок в Шишкине эпохой палеолита, ибо палеолитических рисунков лодок нет нигде, а, судя по раскопкам в Европе, до мезолита не было и самой лодки (хотя мы сейчас и не знаем, когда появились лодки на Лене). Но генерализация заходит куда дальше. В трипольской культуре на Украине (Лука Врублевская на Днестре) есть глиняные сидячие статуэтки женщин. В Пярну в Эстонии и Агубекове в Кабарде обнаружены миниатюрные каменные скульптуры людей с полусогнутыми в коленях ногами. На Шишкинских скалах имеется большое (длиной 1,5 м) изображение человека, стоящего на полусогнутых ногах. Отсюда вывод — это изображение того же времени, что и статуэтки из Агубекова или Луки Врублевской на Днестре, т. е. III тыс. до н. э.⁵ Убедительно ли это? Конечно, нет. Во-первых, речь идет об одной детали, передающей позу, свойственную людям во все времена. Во-вторых, известны сидячие статуэтки и в коллекциях палеолитического времени и в современном этнографическом материале, так что не менее близкие аналогии шишкинскому рисунку можно найти в любую эпоху.

Выводов подобного рода у А. П. Окладникова много. Во Франции и Испании в пещерах открыты палеолитические росписи. Вывод: палеолитические росписи должны быть везде. Но ведь в очень хорошо изученных пещерах ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии росписей нет. Нет их и в неплохо исследованных советскими археологами пещерах Крыма и Кавказа. Не вернее ли считать, что наскальная живопись была типична отнюдь не для всех палеолитических общин? В палеолитической живописи Европы почти нет изображений людей. Очень много таких изображений на мезолитических росписях Испании. Это бесспорно, но крайне спорно, что и в Сибири фигуры людей на скалах позднее фигур животных. В Кобыстане около Баку, где гравировки разного стиля и разного возраста перекрывают друг друга, самые древние рисунки — это силуэты людей, а контурные изображения диких животных — более поздние. Если в Закавказье искусство в мезолите и неолите развивалось иначе, чем во Франции и Испании в период палеолита и мезолита, то почему по западному пути должно было развиваться искусство на Лене? Палеолитические рисунки Франции значительно крупнее, чем мезолитические из Испании. Это факт, но следует ли из него, что и в Сибири, чем крупнее рисунок, тем он древнее? Ни в коей мере. В Залавруге на Белом море колоссальные, длиной 2—3 м, фигуры оленей налегли на фигурки людей длиной 15—20 см. Или пример из книги другого автора А. И. Мартынова, вышедшей под редакцией А. П. Окладникова. Книга посвящена Томской писанице. И А. П. Окладников, и А. И. Мартынов датируют ее неолитом. Основание: на скалах изображены дикие, а не домашние животные⁶. Да, конечно, сначала первобытные люди рисовали диких и только позже домашних животных. Но ведь и сейчас в горах Таджикистана пастухи выбивают на камнях силуэты диких козлов-теке, а не домашних овец. Не считать же эти гравировки неолитическими.

⁵ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, Иркутск, 1959, стр. 74, 75.

⁶ А. И. Мартынов, Лодки в страну предков, Кемерово, 1966, стр. 8—10.

Число примеров нетрудно умножить, но что из этого следует? «Не имеет ли автор в виду идею многолинейной эволюции в области развития искусства?» — спрашивает Г. И. Пелих⁷. Да, уважаемый оппонент, признавая общие закономерности в развитии искусства, мы не можем свести все многообразие изобразительного творчества первобытности к звеньям одной цепи.

Никогда на Лене и Ангаре не будут найдены расписные сосуды и глиняные статуэтки типа Триполья или Анау, не говоря уже о египетских сфинксах или месопотамских человеко-быках. Искусство в Средиземноморье или Передней Азии развивалось не так, как в сибирской тайге.

Сегодняшний уровень наших знаний позволяет исследовать уже не некое «первобытное искусство вообще», а искусство конкретных племен, культур и эпох. Пользоваться «творческим методом», в основе которого «лежит стремление установить общие тенденции развития искусства наскальной живописи во всемирно-историческом масштабе», теперь вряд ли стоит, каким бы уровнем научного кругозора ни обладал автор⁸. Восхваляя этот метод, Г. И. Пелих ссылается не только на А. П. Окладникова, но и на статьи М. И. Артамонова, П. И. Борисковского, А. Я. Брюсова, напечатанные в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» в 1935 г. Эти статьи написаны в годы наибольшего увлечения археологов марровой идеей стадийности. Достаточно обратиться к работам тех же трех авторов, опубликованным 30 лет спустя, чтобы увидеть, как далеко отошли они от стадийности. Вместе с ними отошла от этих идей и вся наша наука.

Что же можно противопоставить «всемирно-историческому масштабу»? Анализ конкретных источников. Нужно отыскать в Сибири писаницы, перекрытые культурными слоями стоянок (то, что есть в Залавруге II и Кобыстане), писаницы, на которых рисунки одного стиля перекрыты рисунками другого (то, что есть в Залавруге I и Кобыстане), провести детальное сравнение изображений на писаницах и на могильных камнях окуневской и тагарской культуры. Такие памятники и следует называть опорными. Там, где точек опоры у нас нет, можно высказать какие-то догадки, но лучше все же держаться ближе к фактам, чем уноситься в беспредельность на крыльях фантазии. Впрочем, об этом подробно говорилось в первой моей статье. Вероятно, она многих разочаровала, ибо я датировал только отдельные рисунки, отдельные сюжеты, а не все писаницы без исключения. Работы, где содержатся ответы на все вопросы, выглядят, несомненно, выигрышней. Будущее покажет, какой подход к материалам был плодотворнее.

Таковы общетеоретические расхождения между мной и А. П. Окладниковым, равно как и его последовательницей Г. И. Пелих. Свою статью она обещала начать «с анализа приводимой А. А. Формозовым конкретной аргументации», но ничего похожего здесь мы не находим⁹. Подробному, хотя и ограниченному рамками журнальной статьи, разбору аргументов А. П. Окладникова не противопоставлен такой же разбор моих наблюдений. Из контекста статьи выхвачено лишь несколько фраз, касающихся отнюдь не главных, а дополнительных соображений, после чего выражено недоумение, годятся ли такие опорные точки. Не о них шла речь. Опорные точки — это рисунки на плитах погребальных сооружений на Енисее, относящихся ко 2 и 1 тыс. до н. э., — как раз то, о чем Г. И. Пелих не говорит ни слова.

В ряде случаев, мне, как ни странно, приходится отвечать за А. П. Окладникова. Почему написано, что лодки на скалах Лены отражают миф египетского происхождения? Потому, что так думает А. П. Окладников,

⁷ Г. И. Пелих, Указ. раб., стр. 72.

⁸ Там же, стр. 71.

⁹ Там же, стр. 69.

который в своей книге «Олень — золотые рога» одну из глав назвал «Корабль Озириса плывет к Ледовитому океану»¹⁰.

Фраза о костях домашнего быка со стоянки на Лене, осуждена Г. И. Пелих за «поверхностное пренебрежение проблемами»¹¹, но ведь это точное изложение слов А. П. Окладникова из книги «Шишкинские писаницы»¹², а никаких иных находок костей домашних животных в этом районе нет.

С некоторыми соображениями Г. И. Пелих я охотно солидаризуюсь. Так, не отрицая того, что статуэтка лося из Еловки относится к карасукской эпохе, Г. И. Пелих считает это изображение пережиточным, сохранившим древние неолитические черты. Те же традиции усматривает она и в современном искусстве селькупов и шорцев. И то и другое вполне вероятно, но и то и другое не согласуется со схемой А. П. Окладникова, а подтверждает мои наблюдения. По А. П. Окладникову, все изображения лосей созданы в неолите, а искусство эпохи бронзы и раннего железа в Сибири имело совершенно другой облик. Я же несколько раз на протяжении статьи повторяю, что сходные изображения лосей в Сибири наносили на скалы и позже неолита, даже в I тыс. н. э., что неолитические традиции в искусстве сибирских народов жили очень долго.

Это еще один момент, заставивший меня передать статью о писаницах Сибири именно в журнал «Советская этнография». У археологов Кавказа, Средней Азии и Сибири стало обычным датировать все наскальные рисунки очень ранним временем, если не палеолитом, то не позже, чем неолитом. Так, С. А. Сардарян отнес все петроглифы Армении к мезолиту, хотя на них есть и изображения всадников, и силуэт оленя в характерной для скифов позе «летучего галопа»¹³.

Г. В. Парфенов готов назвать палеолитическими все петроглифы Средней Азии, усматривая изображение мамонта даже в силуэте оседланного коня¹⁴. По мнению А. П. Окладникова, на Ангаре в эпоху железа наскальные рисунки уже не создавали¹⁵. Между тем и для Кавказа¹⁶, и для Средней Азии¹⁷, и для Сибири¹⁸ есть сведения о рисунках, выбивавшихся на камне буквально на глазах ученых. Видимо, во всех этих районах традиции искусства наскальных гравировок были очень устойчивы, и ряд петроглифов нужно связывать с поздним историческим временем. Следовательно, классификация писаниц не может быть построена без помощи этнографов. Их участие в этой работе должно дать очень много для истории культуры, раскрыв и смысл наскальных рисунков, и особенности эволюции большой области первобытного искусства.

Г. И. Пелих упрекает меня в том, что я путаю определения абсолютной хронологии с оценками уровня развития культуры со стадиальной точки зрения. Это было бы справедливо, если бы речь шла о Чукотке или Камчатке, где культура неолитического облика существовала еще в нашей эре. Между тем статья посвящена Среднему Енисею и Прибайкалью — районам, вступившим в бронзовый век по крайней мере во II тыс. до н. э. Неолитические традиции в искусстве жили здесь долго.

¹⁰ А. П. Окладников, Олень — золотые рога, Л.— М., 1964, стр. 76.

¹¹ Г. И. Пелих, Указ. раб., стр. 74.

¹² А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, стр. 33.

¹³ С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, Ереван, 1957 (на арм. яз.), стр. 113—120, 273—275.

¹⁴ Г. В. Парфенов, Картинная галерея первобытного искусства, сб. «Следопыт Средней Азии», Ташкент, 1963, стр. 201; его же, Сураты-сай, «Пионер Востока», 15 января 1963, Ташкент, № 5.

¹⁵ А. П. Окладников, Петроглифы Ангара, М.— Л., 1966, стр. 142.

¹⁶ И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, «Труды Ин-та истории АН АзербССР», т. XIII, Баку, 1958, стр. 68.

¹⁷ И. Мухитдинов, Стенные росписи в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления, «Сов. этнография», 1964, № 2, стр. 111.

¹⁸ М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, «Сов. археология», 1965 № 3, стр. 130, 131.

Но А. П. Окладников писал не об архаических традициях в эпоху металла, а именно о неолите как хронологическом этапе¹⁹.

Второй отклик на мою статью принадлежит Ю. А. Савватееву — исследователю Беломорских петроглифов²⁰. По основному вопросу дискуссии он придерживается мнения, близкого к моему, решительно расходясь с А. П. Окладниковым и Г. И. Пелих; Ю. А. Савватеева не удовлетворяет всемирно-исторический масштаб и он недвусмысленно высказывается за анализ конкретных источников. К сожалению, Ю. А. Савватеев не видел сибирских писаниц и поэтому говорит не столько о них (поддержав все же некоторые мои выводы), сколько о лучше знакомых ему карельских рисунках.

В связи с этим Ю. А. Савватеев делает объектом своего разбора не мою статью в «Советской этнографии» и публикации А. П. Окладникова, а мою научно-популярную книжку «Памятники первобытного искусства на территории СССР». Думается, что это не вполне допустимый прием. Автор научно-популярной книги адресуется к специфической аудитории и невольно излагает многие проблемы без необходимых оговорок, с чрезмерной категоричностью, отодвигает на второй план сюжеты, весьма волнующие специалистов, но неинтересные широкой публике и т. д.

Один и тот же человек может написать в научной монографии: «трипольская культура мало похожа на культуру Анау», а в популярной книге: «у трипольской культуры много общего с Анау», и тем не менее нельзя упрекать его за противоречия. Разные цели, разная аудитория.

Поэтому мне кажется нецелесообразным обсуждать здесь вопрос о том, имел ли я право вспоминать в своей книжке о «Мадонне Литта» или «Троице» Рублева (хотя не вижу ни малейшего оттенка субъективизма в простом положении: колористическая бедность ограничивает возможности и выразительность первобытной живописи)²¹. Остановлюсь на вопросах, непосредственно связанных с предметом дискуссии.

Высказываясь за анализ конкретных источников, Ю. А. Савватеев считает не нужными сопоставления петроглифов разных районов. Ему кажутся необидительными сравнения карельских наскальных рисунков со шведскими или уральскими, предположения о влиянии каких-то более развитых культур на создателей беломорских и онежских композиций. В этом вопросе, как правильно отмечает Ю. А. Савватеев, я гораздо ближе к А. П. Окладникову, чем к нему. Попробуем разобраться, в чем тут дело и не противоречу ли я сам себе.

Я спорю с А. П. Окладниковым, когда он строит классификацию сибирских писаниц, опираясь на материалы Франции, Испании, Швеции, т. е. стран, исторически не связанных с бассейном Лены и Ангары. Здесь же вопрос стоит иначе. В III—II тыс. до н. э. существовали реальные культурные связи Карелии и Швеции, Карелии и Урала. Они чувствуются при изучении керамики и орудий со стоянок, и не было бы ничего удивительного, если бы они нашли отражение и в искусстве петроглифов. Связи древнего населения нашего Севера распространялись в эту эпоху далеко за Урал. Ко II тыс. до н. э. относятся хорошо известные находки прибайкальского нефрита в Сейме близ Горького и вещей из уральского кедра в Финляндии²². Почему же вместе с вещами не мог-

¹⁹ Показательно хотя бы то, что в монографии А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 18, 1950; № 43, 1955 речь о писаницах идет только в разделе о серовском этапе неолита (МИА, № 18, стр. 281—283).

²⁰ Ю. А. Савватеев, Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 87—104.

²¹ Ср. А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966, стр. 33; Ю. А. Савватеев, Указ. раб., стр. 101.

²² Г. А. Панкрушев, Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, М.—Л., 1964, стр. 125, 128; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 43, 1955, стр. 188.

ли распространяться и некоторые художественные образы, мифы, стилистические особенности искусства?

Отличие наскальных рисунков Бесовых следков от петроглифов Залавруги и особенно онежских бесспорно. На первых почти нет изображений людей, нет солнечных символов, на последних есть в изобилии и то и другое. Я объяснял эти изменения влиянием высокоразвитых скандинавских культур. Ю. А. Савватеев с этим не соглашается и подчеркивает, что все петроглифы Карелии созданы охотниками и рыболовами, стоявшими на одной ступени развития²³. Ю. А. Савватеев датирует Бесовы следки III тыс. до н. э., а Залавругу и онежские петроглифы — II тыс. А ведь как раз во II тыс. до н. э. усилились связи Карелии с соседними районами, в том числе со Скандинавией, и откуда-то извне в Прионежье проникла бронза²⁴. Значит, тот же анализ конкретных источников свидетельствует о существенных переменах в жизни карельских племен, переменах, которые могли сказаться и на искусстве.

Вот почему, считая неправомерным привлекать для классификации сибирского материала памятники палеолита Франции, мезолита Испании или трипольской культуры, я думаю, что А. П. Окладников имел право сопоставлять отдельные сибирские рисунки с уральскими и карельскими. Поэтому заслуживают внимания сюжеты, повторяющиеся в Карелии и Сибири, — лыжник, преследующий лося, лодка со многими пловцами (о чем писал А. П. Окладников, а за ним и я и что вызвало сомнения Г. И. Пелих и Ю. А. Савватеева)²⁵. Может быть, это и конвергентное сходство, но надо помнить об ограниченном наборе сюжетов, представленных на петроглифах (отсутствует столь обычная вещь, как дома)²⁶, и на этом фоне совпадения уже не покажутся нам случайными.

Не буду спорить с Ю. А. Савватеевым по ряду частных вопросов. В большинстве случаев его замечания строятся так: А. А. Формозов пишет, что для первобытного искусства характерно то-то, а вот в Карелии мы видим то-то. Но это нарушение того же принципа анализа конкретных источников. Не все, что есть в Карелии, характерно для других памятников первобытного искусства. Петроглифы Онежского озера, например, явно выпадают из всей совокупности наскальных изображений каменного века Евразии.

Завершая свой ответ Г. И. Пелих и Ю. А. Савватееву, хочу выразить надежду, что наш обмен мнениями окажется полезным для создания подлинно научной методики работы со сложнейшими историческими источниками — росписями и гравировками на скалах.

SUMMARY

The article is a contribution to the discussion in «Sovetskaya Etnografia» (1967, N 3; 1968, N 5; 1969, N 1) on the dating and principles of research on Siberian rock images. Contrary to G. I. Pielikh the author is against extending regularities in the evolution of primitive art established in certain regions to other distant regions. The researchers must proceed from the study of actual archaeological objects, their stratigraphic situation, etc. This does not mean that rock images may not in some cases show the influence of other archaeological cultures. Contrary to Yu. A. Savvatyeyev the author sees traces of such outside influences in the Karelian petroglyphs.

²³ Ю. А. Савватеев, Указ. раб., стр. 97.

²⁴ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, МИА, № 29, 1952, стр. 198—203; Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, МИА, № 20, 1951, стр. 101, 126, 127.

²⁵ Сопоставление фигурки лыжника на рукояти ножа из могильника турбинского типа Ростова с изображениями лыжников на скалах Сибири далеко не натяжка, как полагает Г. И. Пелих (Указ. раб., стр. 69). Инвентарь турбинских могильников так похож на находки в Прибайкалье, что ставился даже вопрос о движении населения из Прибайкалья на Урал. См.: В. А. Сафронов, К вопросу о турбинском могильнике, «Археологический сборник», Л., 1964, стр. 44—53.

²⁶ А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 69.

В. Н. Чернецов

О ПРИЕМАХ СОПОСТАВЛЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

На страницах журнала «Советская этнография» развернулась довольно оживленная дискуссия по вопросу о подходе к изучению наскальных изображений. И хотя в обсуждении приняли участие далеко не все специалисты, занимающиеся этой проблематикой, можно считать, что оно принесло известные результаты. Учитывая не только выступивших в дискуссии, но и тех, на чьи работы ссылались выступавшие, можно сказать, что в ней выделились по крайней мере две группы исследователей, стоящие на достаточно четко выраженных противоположных позициях. К одной из них следует отнести Г. И. Пелих, поддерживающую точку зрения А. П. Окладникова. Она отстаивает принцип «научной генерализации», основанный на признании однолинейной эволюции первобытного искусства и единообразного пути развития наскальных изображений. Отсюда стремление Г. И. Пелих «установить общие тенденции развития искусства наскальной живописи во всемирно-историческом масштабе в их динамике и обусловленности»¹. Идя от общего к частному, Г. И. Пелих полагает даже, что «общие закономерности в развитии первобытного искусства служат отправным пунктом для воссоздания генезиса наскальных изображений Сибири на основе анализа стиля, техники исполнения, содержания»², вплоть до построения локальных хронологических схем.

Против позиции Г. И. Пелих горячо выступили Ю. А. Савватеев и А. А. Формозов. По мере изучения «наскального искусства лесной полосы Евразии», — отмечает Ю. А. Савватеев, — становится все очевиднее... многолинейный путь эволюции наскального творчества. Параллельно развиваются разные по стилю, технике нанесения направления. В рисунки в различных местах вкладывается разное содержание, видимо, отличаются они и по назначению»³. Аналогичное мнение высказал и А. А. Формозов. «Признавая общие закономерности в развитии искусства, — пишет он, — мы не можем свести все многообразие изобразительного творчества первобытности к звеньям одной цепи... Искусство в Средиземноморье или Передней Азии развивалось не так, как в сибирской тайге»⁴. Позиция Ю. А. Савватеева и А. А. Формозова мне представляется совершенно правильной, как правильно и их требование углубленного исследования конкретных памятников древней изобразительной деятельности человека, без знания которых едва ли следует пытаться устанавливать общие закономерности. На современной «„младенческой“» стадии изучения следов древней изобразительной деятельности порочной

¹ Г. И. Пелих, О методике научной классификации сибирских петроглифов, «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 71.

² Там же.

³ Ю. А. Савватеев, Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 93.

⁴ А. А. Формозов, Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников?, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 103.

представляется сама идея признания единственно правильным направлением изучение петроглифов во всемирно-историческом масштабе, противопоставление его конкретным исследованиям отдельных памятников и частных вопросов»⁵, — замечает Ю. А. Савватеев, и он, очевидно, глубоко прав.

Расходятся мнения авторов и в оценке возможного значения роли заимствований и диффузии. Наиболее крайнюю позицию в этом вопросе заняли А. П. Окладников и А. А. Формозов⁶, усматривая в наскальных рисунках северной Евразии отражение солярного мифа, распространявшегося, по их мнению, вместе с изображением солнечной ладьи из Египта и Передней Азии. Противоположного взгляда придерживается Ю. А. Савватеев, который даже в пределах одной лесной полосы Евразии не допускает установления параллелей между петроглифами отдельных районов лишь на основании сопоставления единичных рисунков, без учета всего комплекса признаков, т. е. хронологии, тематики изображений, стиля и т. д. Полагаю, что к этому взгляду можно полностью присоединиться.

Не приходится удивляться, что при отсутствии общих точек зрения по самым кардинальным вопросам, связанным с изучением наскальных изображений и аналогичных им памятников древней изобразительной деятельности, нет и сколько-нибудь разработанных методов описания и анализа подобных памятников, а тем более сопоставления их между собой. Неминуемым следствием отсутствия метода изучения являются нередко встречающиеся в литературе мнения и оценки, базирующиеся преимущественно на субъективном восприятии отдельных фактов и не подкрепленные дополнительными наблюдениями. Именно такие мнения и оценки характерны для спора о правомерности сближения наскальных изображений Сибири, Урала и Карелии на основании общей (звериной) тематики. Мне представляется поэтому, что первоочередной задачей, стоящей перед всеми, кто занимается изучением наскальных изображений, должна стать выработка методов, которые позволили бы направить работу по какому-то единому руслу.

Трудности, связанные с отсутствием метода, мне самому пришлось испытать в связи с работой по писаницам Урала. В процессе обработки материала мне удалось выделить в наскальных изображениях Урала основные сюжеты, расположить их в какой-то степени в хронологической последовательности, установить возможные хронологические рамки бытования традиции наскальных изображений, увязать их с определенной этнической средой, в частности с предками современных обских угров, преимущественно манси, и наконец вскрыть их содержание и назначение. Выяснилось, что, благодаря особенностям экологических условий Зауралья, обусловивших сезонные миграции копытных (лось, косуля, олень), еще в неолите, возможно даже раннем, возник регулярный промысел этих животных с помощью засек и ловчих ям. Этот вид промысла и отражен в основной части уральских писаниц, а именно в композициях первого сюжета, видимо, наиболее древних из сохранившихся. Есть основания полагать, что сезонность миграций копытных и связанная с ней календарность промысловых обрядов нашли свое отражение в солярных фигурах, нередко присутствующих в композициях первого и отчасти второго, связанного с охотой на водоплавающую птицу, сюжетов. Удалось выделить также и композиции иного типа и содержания, резко отличающиеся от композиций первых двух сюжетов. Они состоят из антропо-, зоо- и фитоморфных существ в сочетании с очень условными и стилизованными изображениями животных, близкими по очертаниям к фигурам, известным по современным

⁵ Ю. А. Савватеев, Указ. раб., стр. 90.

⁶ А. П. Окладников, Олень — золотые рога, Л.—М., 1964; А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966.

узорам на бересте у манси и хантов. Эту группу композиций оказалось также возможным сопоставить с обнаруженными в древних святилищах обских угров изображениями предков, выцарапанными на металлических дисках, и с рядом фольклорных образов.

Все эти выводы были сделаны на основании систематики самих наскальных изображений и изучения местных археологических и этнографических данных по обским уграм, что давало некоторую гарантию от произвольного толкования тех или иных фактов. Но после завершения этой работы неизбежно возник вопрос: являлись ли писаницы Урала частью изолированной, замкнутой в себе этнокультурной структуры, ограниченной лишь территорией Зауралья и непосредственно примыкавших к ней районов нижнего Обь-Иртышья, или вместе с этой структурой находились в связи и взаимодействии с изображениями других областей? Выяснение этого вопроса требовало сопоставления писаниц Урала с наскальными изображениями других районов. Но, как уже было отмечено выше, мы не только не располагаем разработанной методикой подобных сравнений, но никто из исследователей пока даже не поделился в печати своим опытом в этом направлении. Для того чтобы по возможности снизить вероятность субъективных ошибок, необходимо было хотя бы ориентировочно наметить программу сопоставлений. Надо было учесть, что в наскальных изображениях отдельных районов отражались не только этнокультурная специфика, но и характер культурно-хозяйственных типов. Последнее могло как облегчить, так в некоторых случаях и затруднить сопоставление. Если основной целью было сопоставление традиционных этнокультурных черт, выступающих в наскальных изображениях, то надлежало эти черты выделить из общего фона конвергентных явлений и заимствованных или диффузионно проникших извне форм. Возникли и вопросы, касающиеся сравнения стилистических особенностей. Очевидно что при определении последних большее значение следовало придавать не отдельным чертам, а сочетанию таких признаков, как: непосредственно-реалистические и упрощенно-реалистические изображения, схематизация, схематический натурализм, когда человек изображал не только то, что он воспринимал визуально, но и то, что он считал непрменной частью изображаемого существа, например ребра, сердце, дыхательное горло и т. п. Среди признаков следовало выделить даже и динамичность или статичность изображений, стилизацию и орнаментальность, фасовое или профильное положение фигур и степень профильности, так как в профиль животные могут изображаться и с четырьмя и с двумя ногами, а человек — с двумя или, при строгой профильности, с одной. Этим перечнем, конечно, не исчерпываются все признаки, характеризующие наскальные изображения. Могут быть отмечены и другие специфичные черты, и чем больше их будет выделено при сравнении, тем надежнее окажется результат.

Следует различать контурные, силуэтные и смешанные изображения. Важен для характеристики и способ нанесения изображений. Линии могут быть процарапаны, врезаны, шлифованы, выбиты и накрашены. Силуэтные изображения обычно шлифованы, накрашены или выбиты точечной техникой. Кроме того, широко известны случаи смешанной техники, например окрашивание врезанных или шлифованных контуров (Норвегия) или точечная выбивка по краске (Ангара). Очень существенно установить в какой последовательности менялась техника нанесения изображений, а также выяснить, влияла ли на стилистические особенности изображений техника его изготовления. Так, среди реалистических изображений животных накрашенные всегда кажутся несколько более обобщенными, чем выбитые.

Не менее существенно сопоставление сюжетов петроглифов, состава и характера композиций. Важно определить и направление развития последних — усложняются ли они со временем, приобретая известную по-

вестовательность, или, наоборот, становятся все более упрощенными, лаконичными и условными.

Степень полноты совпадения различных признаков наскальных изображений разных районов может свидетельствовать о большей или меньшей близости этих изображений между собой. Параллельно с этим на основании археологических, этнографических и других данных необходимо выявить исторические и этноисторические условия бытования наскальных изображений. Археологические материалы могут помочь установить близость культур на территориях, где расположены сравниваемые наскальные изображения. Совпадение каких-либо характерных черт в наскальных рисунках данного района и в материалах археологических раскопок (например узоры на керамике, фигурные поделки из камня, кости и бронзы) того же района позволяют связать изображения с определенной археологической культурой. Переживание подобных черт в этнографических материалах соответственно дают основание отнести данные наскальные изображения к определенной этнической среде.

Попытаемся, используя приведенную примерную программу, сопоставить наскальные изображения лесной полосы (Ангары, Урала, Карелии и северной Норвегии), неоднократно затрагивавшиеся в литературе. А. П. Окладников выделил «представленный в сибирских писаницах большой культурноисторический мир лесных племен охотников», центральное место в которых принадлежит образу лося⁷. А. А. Формозов, соглашаясь с таким выделением, добавил, что, если принять «за основной признак этой группы изображения лосей, придется включить в ту же зону не только Сибирь, но и Урал и Карелию...», однако нет сомнений, что Карелия, Урал и Сибирь представляли собой самостоятельные очаги развития искусства»⁸. Последнее он обосновывал ссылкой на различия в технике выполнения и стилистические расхождения. Ю. А. Савватеев со своей стороны, отнеся крайне сдержанно к правомерности подобных сопоставлений⁹. На самом деле, при более детальном рассмотрении, картина соответствий оказывается гораздо сложнее. На Ангаре, на Урале и в северной Норвегии изображения животных чаще всего контурные, а в Карелии почти всегда силуэтные. Различаются петроглифы и по технике изготовления. На Ангаре известны изображения как выбитые, так и накрашенные, причем А. П. Окладников считает, что последние являются и наиболее ранними, так как во многих случаях перекрыты выбитыми¹⁰. На Урале встречаемся в основном с писаницами, нанесенными красной охрой, и лишь в отдельных случаях — с выбитыми рисунками. В северной Норвегии применялось вырезание и (позже) выбивание контуров, видимо, в сочетании с окраской в красный цвет; есть здесь и писаницы. Карельские наскальные изображения всегда выбиты точечной техникой. В стилистическом отношении А. А. Формозов противопоставляет реалистические изображения лосей Сибири схематическим и статичным фигурам этих животных на Урале и в Карелии. Это, на мой взгляд, не совсем верно. Изображения животных в карельских петроглифах отнюдь не схематичны и часто выполнены весьма тщательно; но при этом они стилизованы в совершенно определенной и выдержанной манере и, как правило, статичны. Уральские рисунки в большинстве случаев упрощены, даже схематичны, но среди них встречаются и реалистические изображения, причем многим нельзя отказать в динамичности. Ангарские и норвежские изображения динамичны и реалистичны, хотя часто обобщенно упрощены а более поздние даже и схематичны.

В карельских петроглифах фигуры зверей всегда, а людей в большин-

⁷ А. П. Окладников, *Петроглифы Ангары*, М.—Л., 1966, стр. 4.

⁸ А. А. Формозов, *О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее*, «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 69.

⁹ Ю. А. Савватеев, *Указ. раб.*, стр. 99.

¹⁰ А. П. Окладников, *Петроглифы Ангары*, стр. 57, 110, 128.

стве случаев — строго профильны. Поэтому животные изображены с двумя ногами, а люди как бы с одной, хотя в остальном те и другие очень натуралистичны. На Урале, в Норвегии и на Ангаре животные даны также в профиль, но изображаются даже в рамках одной композиции то с двумя, то с четырьмя ногами. Изображения на одном рисунке людей и животных встречаются редко и, как правило, люди даны в фас. Таким образом, по всем перечисленным пунктам сравнения карельские петроглифы неизменно противопоставлены уральским, норвежским и ангарским.

Рассмотрим состав изображений. В уральских изображениях преобладают копытные (лоси, олени, косули) и водоплавающие птицы. На Ангаре — лось, марал, косуля (?). В Норвегии — лось, олень и морские млекопитающие. Для Карелии характерны морские и сухопутные животные, птицы и рыбы. Особенно подчеркивает своеобразие карельских петроглифов количественное соотношение различных фигур. Привожу некоторые из них по данным Ю. А. Савватеева¹¹ (см. таблицу).

К отдельным антропоморфным фигурам в карельских петроглифах следует добавить изображения людей, сидящих в лодках. В одной Новой Залавруге их 753, а всего около 1000! Кроме того, в приведенный список надо включить многочисленные изображения гарпунов, луков и лыж. Итак, при очень разнообразно представленной фауне центральной фигурой в карельских петроглифах является все же человек и его орудия.

В противоположность этому, на рисунках Урала, Норвегии и Ангары люди, как уже говорилось, редко изображаются в сочетании с животными. Зато на Урале и на Ангаре мы неизменно встречаемся с условными изображениями ловчих изгородей, а в Норвегии — с рядами оленьих капканов и ям. Кроме того, в Норвегии в композициях с морскими животными очень часты изображения лодок, но обычно без людей¹² (последнее очень отличает эти композиции от карельских). Лодки также непохожи на большинство тех, что изображены в карельских петроглифах (анalogии имеются лишь в беломорской группе) и, по мнению Г. Йессинга, могут быть сближены с кожаным умиаком.

Рассмотрим теперь направление развития наскальных изображений сравниваемых четырех районов. Выполнение этой задачи сильно затрудняется отсутствием надежных датировок для различных групп писаниц и петроглифов, но все же существуют некоторые данные, по которым можно судить если не о строгой последовательности стилистических и композиционных групп, то по крайней мере о тенденции их развития. В Норвегии на рисунках наиболее ранней группы (возраст этих рисунков определяется высотой положения над водой: они находятся на берегу моря) изображены крупные реалистические фигуры лосей и китообразных. Хорошо выраженный реалистический характер имеют накрашенные и выбитые изображения Ангары, перекрытые позднейшими рисунками. Труднее выделить подобную группу на Урале, так как ранние изображения попросту не сохранились. Они обнаружены лишь в отдельных памятниках. Например на Писаном камне на р. Тагил, основная площадь которого занята позднейшими изображениями (третьей типо-

Основные сюжеты	Петроглифы	
	онежские	Новой Залавруги
Лодки	28	390
Люди и антропоморфные фигуры	63	179
Олени и лоси	40	57
Прочие сухопутные животные	5	23
Морские животные	—	61
Птицы	194	67
«Солярные знаки» (капканы)	83	

¹¹ Ю. А. Савватеев, Указ. паб., стр. 98.

¹² Gutorm Gjessing, Nordenfjelske Ristninger og Malinger av den Arktiske Gruppe, Oslo, 1936, Pl. LXXV — LXXVII, LXXIX.

логической группы), с одного края сохранилась великолепная по динамичности и реализму фигура оленя.

К относительно поздней группе следует отнести изображения несколько обобщенного и упрощенного характера, хотя при этом и достаточно реалистические. Характерной чертой фигур этой группы являются часто встречающиеся изображения ребер, сердца и других внутренних органов и так называемой «линии жизни», идущей от сердца ко рту животного. Аналогичные изображения встречаются как в Норвегии, так и на Ангаре и Урале, причем именно они нередко сочетаются с изображениями охотничьих сооружений, а фигуры китообразных (в Норвегии) — с лодками.

Наконец, третью и повсеместно, очевидно, наиболее позднюю группу составляют очень схематичные фигуры животных (изображения ребер и линий жизни их нередко принимают геометризованный или орнаментальный характер), а также очень условные антропоморфные и антропо-зооморфные фигуры и (на Ангаре) личины. Как в Норвегии (Финмаркен), так и на Урале, на Томи и Ангаре эту типологическую группу, по-видимому, следует датировать не древнее, чем I тысячелетием до н. э. Но не исключено, что одновременно с изображениями третьей группы продолжали наноситься и изображения более реалистические, так как возможно, что рисунки первых двух и третьей групп различались не столько хронологически, сколько по содержанию и направленности.

Иное наблюдается в Карелии. Там «развитие шло не по пути схематизации образов и утраты реалистических черт, а как раз наоборот», — отмечает Ю. А. Савватеев¹³. «Художественная выразительность» и «повествовательная сложность» петроглифов заметно усиливается. В относительно поздних изображениях Залавруги преобладают многофигурные композиции, включающие до десятка и более рисунков. Условных, символических образов на этих изображениях относительно немного.

Таким образом, более или менее отчетливо по всем пунктам намеченной программы можно наблюдать одну и ту же картину — близость между наскальными изображениями Ангары, Томи, Урала и северной Норвегии, с одной стороны, и полное несоответствие их петроглифам Карелии — с другой. Остается в историческом и, если возможно, этническом плане осмыслить это явление. На Урале ряд характерных для писаниц фигур надежно увязываются с узорами на кости и керамике местного неолита и бронзы. Столь же близки петроглифы томского Писаного камня фигурам так называемого ажурного литья кулайской культуры — одной из родственных культур эпохи раннего железа Зауралья и Западной Сибири. С этими же поделками ажурного литья и с изображениями на керамике самусьской культуры эпохи бронзы (Томско-Чулымское Приобье) сблизил А. П. Окладников личины из ангарских петроглифов. Последние, в свою очередь, синхронны, по крайней мере частично, распространенной в районах Енисея и нижней Ангары неолитической и раннебронзовой керамике с орнаментацией отступающей лопаточкой, — восточному варианту керамики лесной полосы Зауралья и Западной Сибири этого времени. В Норвегии наскальные изображения «охотничьего типа» Г. Йессинг связывает с культурой сланцевых орудий, проникающей, по его мнению, на эту территорию с востока. Действительно, наиболее характерные формы орудий и наконечников стрел этой культуры имеют полные аналогии в Зауралье. Опуская все археологические доказательства, приводить которые в краткой статье не представляется возможным, попытаюсь воссоздать на их основании общую картину. Начиная со второй половины IV тысячелетия до н. э. из Зауралья наблюдается достаточно интенсивное продвижение населения как в северо-восточном, так и в северо-западном направлениях. Северо-восточ-

¹³ Ю. А. Савватеев, Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии, сб. «Новые памятники истории древней Карелии», М.—Л., 1966, стр. 90.

ный поток хорошо прослеживается до низовьев Енисея и его правобережных притоков и до полуострова Таймыр и несколько менее надежно — до заполярной части низовьев Лены. Его можно связать с расселением прасамодийских групп и некогда родственных им по языку отдаленных предков современных юкагиров. Западный поток, очевидно, связан с расселением пралопарей (прасаамов), которые до восприятия ими балтийско-финской речи в I тысячелетии до н. э. говорили на языке, близком самодийским и обско-угорским. Путь их расселения может быть прослежен по Печоре через Зонежье (восточный компонент в Оленеостровском могильнике), Финляндию и северную часть Ботнического залива и по рекам шведской Лапландии (в частности р. Пиите) в северную Норвегию. Вся очерченная территория была заселена народами восточноуральской ветви — обскими уграми (манси и ханты), различными самодийскими группами (к которым еще незадолго до этого с востока, видимо, примыкали юкагиры), а на западе — норвежскими, шведскими, финскими и кольскими лопарями-саамами.

Карельские петроглифы, по данным Ю. А. Савватеева и Г. Панкрушева, появляются после того как в Карелии исчезает культура с керамикой типа сперрингс. По данным Ю. А. Савватеева, петроглифы должны быть отнесены к комплексу культуры с ямочно-гребенчатой и асбестовой керамикой, проникающей в Карелию с юга и запада. За западное происхождение гребенчатого комплекса высказался недавно и финский археолог Вилле Лухо¹⁴. Принадлежностью карельских петроглифов к совершенно иному, отличному от уральского этнокультурному ареалу, видимо, и должно объясняться их резкое отличие от наскальных изображений Норвегии, Урала и Западной Сибири.

В заключение приведу некоторые этнографические данные, которые как будто подкрепляют очерченную картину. Выше мы видели, что специфической особенностью писаниц и петроглифов уральского ареала является изображение сердца и линии жизни. Столь же типична эта особенность для рисунков, узоров на бересте и резьбы по кости современных саамов-лопарей, обских угров и некоторых народов самодийской группы (ненцев, селькупов). Изображения сердца и линий жизни, а также ребер часто встречаются в древних угорских культовых гравировках на металлических дисках, относящихся к I тысячелетию до н. э. Другая и еще более своеобразная особенность наскальных рисунков — реалистические изображения животных, в частности копытных, показанных с открытой пастью. Особенность эта отчетливо представлена в норвежских петроглифах и писаницах, в обско-угорских древних гравировках, усть-полуйской костяной скульптуре и современных рисунках манси и хантов, в ангарских наскальных изображениях и в юкагирских тамгах XVII в. Знаком искусства народов Сибири С. В. Иванов считает, что изображение животных с открытой пастью — явление вообще достаточно редкое. Тем более, полагаю, повышается значение этой черты в нашем случае.

Данные, позволяющие объединить наскальные изображения северной Норвегии, Урала, Томи, Ангары и отчасти Енисея в единый уральский ареал и противопоставить их петроглифам Карелии, изложены здесь предельно кратко. Но я надеюсь, что моя попытка наметить приемы и метод сопоставления наскальных изображений вызовет стклик исследователей, а может быть и продолжение применительно к петроглифам и писаницам других регионов.

SUMMARY

In the recent discussion in «Sovietskaya Etnografia» two points of view held by different authors have been clarified. One group asserts the homogeneity and uniformity of rock images, the other — a parallel evolution of traditional types. The absence of elaborated methods for comparing rock images has been shown up. The author sets forth some methodological considerations.

¹⁴ Ville L u h o, Die Kammkeramische Kultur und die Finno-Ugrische Frage, «Congressus Secundus Internat. Fenno-Ugristarum», Pars II, Helsinki, 1968.

О. В. Овсянников

ЗАМЕТКИ О СЕВЕРНЫХ КОСТЕРЕЗАХ

Северная резьба по кости, и в первую очередь холмогорская, не раз привлекала внимание исследователей¹. Тем не менее в изучении этой отрасли ремесла существует ряд вопросов, которые все еще остаются недостаточно освещенными. Это — определение удельного веса резьбы по кости в ремесленном производстве поморского севера, степень спроса и рынки сбыта, бытовые условия работы, выяснение наиболее полного списка имен мастеров².

Автор не ставил перед собой задачи в данной работе решить все перечисленные проблемы. Однако рассматриваемые материалы представляют интерес при изучении истории развития крупнейшего костережного центра России — северного Поморья — и могут быть использованы при дальнейшем исследовании этой темы.

Костережная мастерская в Холмогорах. В 1960 г. археологическая экспедиция Архангельского областного краеведческого музея под руководством автора провела археологическую разведку древнего культурного слоя в районе с. Холмогоры и исследовала участок этого слоя на одном из пяти посадов древних Холмогор — Падракурском³. В культурном слое мощностью до 1 м залегали остатки жилых и хозяйственных комплексов середины XVII — первых десятилетий XVIII в. Этому хронологическому периоду соответствовали три строительных горизонта. Особый интерес для нас представляет второй строительный горизонт, датируемый последней четвертью XVII — самым началом XVIII в., где рядом с многокамерной, вероятно, жилой, постройкой раскрылись остатки производственного помещения, заполненного большим количеством костяных изделий, полуфабрикатов, инструментами костережа. Уже сам факт обнаружения костережной мастерской этого времени заслуживает большого внимания.

Основным сырьем мастеру служила коровья кость — так называемая цевка. Значительно меньше найдено обломков рогов лося и северного оленя со следами спилов и срезов. Обнаруженный костный материал позволяет хорошо представить процесс предварительной обработки кости. Найдены целые, хорошо вываренные и подготовленные к дальнейшей обработке заготовки, от которых откалывались или срезались небольшие пластины. Затем они обрабатывались напильником или шлифовались. Обнаружено более 70 крупных кусков кости со следами обработки. Свообразными заготовками являются и небольшие куски кости, обструганные, со следами спила, по внешнему виду напоминающие карандаши. В дальнейшем они могли пойти на изготовление различных мелких вещей (наиболее крупных таких заготовок найдено 10). Любопытны небольшие

¹ И. А. Камкин, Резьба по кости на Севере, Архангельск, 1927; Б. М. Зубакин, Холмогорская резьба по кости, Архангельск, 1931; В. М. Василенько, Северная резная кость, М., 1947; М. Рехачев, Холмогорская резьба по кости, Архангельск, 1949; И. Н. Уханова, Опыт классификации памятников северорусской резной кости XVIII — начала XIX вв., «Материалы по этнографии», Географическое о-во СССР, вып. II, Л., 1962, стр. 18—33.

² Вопрос о костережах-ремесленниках для XVIII — начала XIX в. поставлен в работах: И. Н. Уханова, О холмогорских костережах XVIII — начала XIX в. в Петербурге, «Сборник Гос. Эрмитажа», вып. XV, Л., 1959; стр. 15—17; е е же, К вопросу о формировании костережных центров в России XVIII — начала XIX в., «Материалы по этнографии», вып. II, Л., 1962, стр. 4—17.

³ В работе экспедиции принимали участие Т. А. Бернштам, фотограф В. Е. Гайкин, учащиеся средней холмогорской школы. Вскрытая площадь составила почти 600 м².

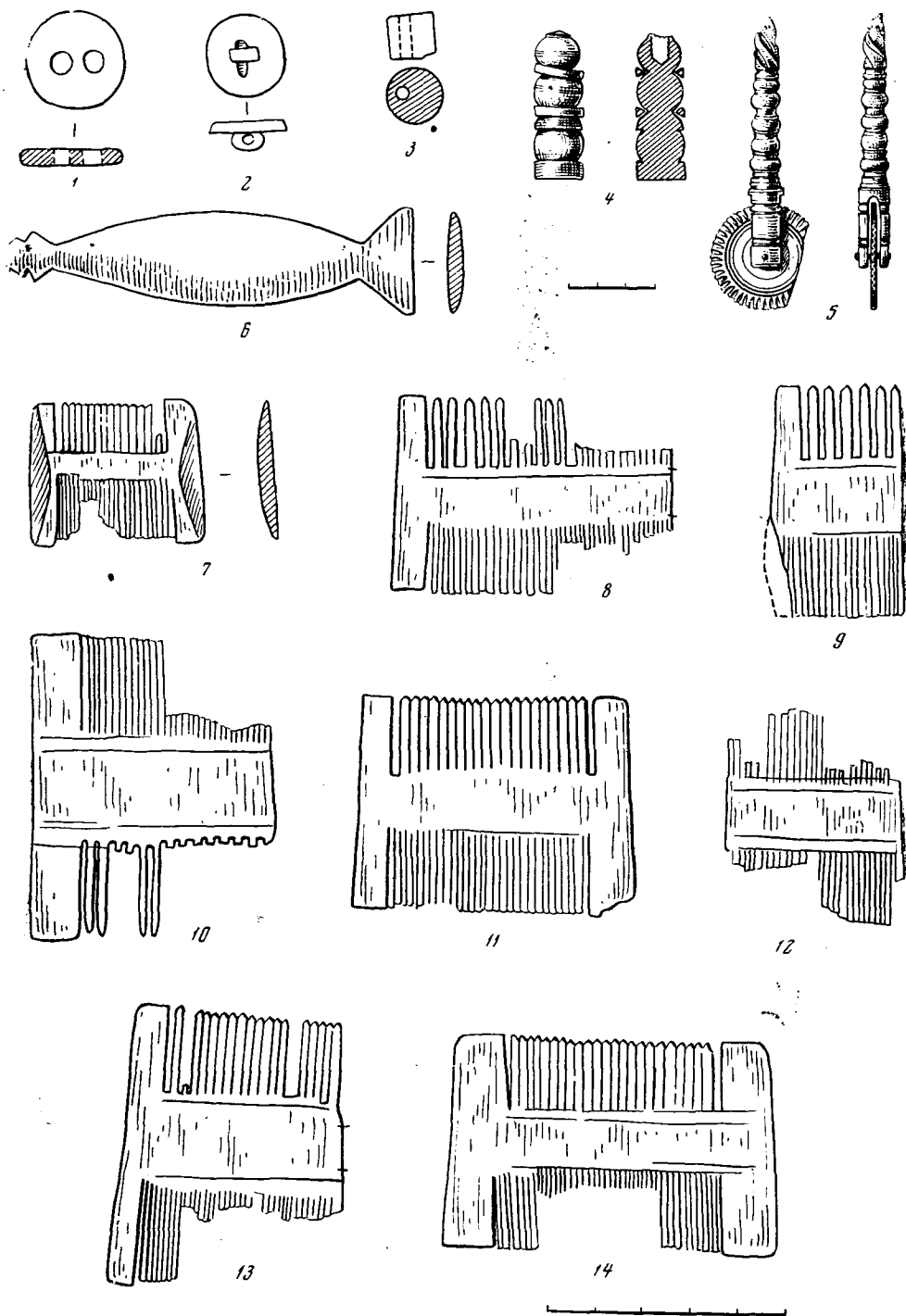

Таблица II. Костяные изделия из костерезной мастерской: 1, 2 — пуговицы с двумя дырочками и петелькой; 3 — цилиндр из кости; 4 — шахматная фигурка; 5 — пуансон; 6 — поделка из кости; 7—14 — гребни

Основная продукция мастерской — гребни прямоугольной или слегка трапезиевидной формы — типичны для конца XVII — начала XVIII в.⁵ (табл. II, рис. 7—14). Подобные гребни — обычная находка в культурных слоях того времени. Среди гребней можно отметить миниатюрный гребешок, вероятно, детский, вырезанный из рога (табл. II, рис. 7). Почти на всех гребнях на обеих сторонах видны горизонтальные полосы — следы разметки мастера, нанесенные перед вырезанием зубьев.

Здесь же были найдены пуговицы с двумя дырочками и петелькой (табл. II, рис. 1, 2). Один из обнаруженных предметов по силуэту напоминает рыбу — голова передана уступами, хвост треугольником⁶ (табл. II, рис. 6).

При исследовании остатков жилой постройки рядом с мастерской обнаружены два столовых ножа с костяными ручками. Особый интерес представляют две вещи из плотной желтоватой слоновой кости, выточенные на токарном станке. Они отличаются мастерством и изяществом работы — это шахматная фигурка и пуансон (табл. II, рис. 4, 5). У шахматной фигурки не хватает верхней части, которая ввинчивалась сверху в специальное гнездо с нарезкой, что затрудняет определение фигурки в шахматном наборе. На донце имеются следы от закрепления ее в патроне токарного станка. Размеры фигурки невелики: высота — 4,5 см, диаметр покольной части — 1,5 см, верхней части — 1,4 см. По форме фигурка близка московским шахматам XIV—XV вв.⁷ и шахматам XVII в. с о. Фаддея⁸, хотя отличается от них сложностью профилировки и тщательностью в отделке всех деталей.

Для некоторой части холмогорских резчиков изготовление шахмат было обычным делом, они не раз выполняли царские заказы на поделку шахматных «статей»⁹.

Так, на царский указ 1670 г. об изготовлении для царского обихода десяти шахматных наборов и десяти гребней холмогорцы ответили, что из 23 «мастеровых людей» гребенщиков подобные вещи делали только трое — Дениско Зубов, Ивашко Катеринин и Кирилло Саламатин¹⁰.

Второй предмет из слоновой кости — пуансон со сложно профилированной ручкой (верхний конец ее обломан) и колесиком, закрепленным при помощи небольшого металлического штифта в развилке нижней части ручки (табл. II, рис. 5). Пуансон предназначался для предварительной разметки орнамента на коже. Холмогорские пуансоны более позднего времени по внешней отделке проще, менее изысканны¹¹.

Тут же, в мастерской, среди костяных заготовок и готовых изделий были найдены инструменты резчика. Заслуживает внимания нож с небольшим лезвием и длинным черенком (табл. III, рис. 6). В сечении лезвие ножа с одной стороны плоское, с другой — овальное. Наличие небольшого лезвия при длинном черенке указывает на специфическое назначение данного орудия — это нож резчика. Аналогичная находка была сделана в одном из Гнездовских курганов. В. И. Сизов так определяет функциональное назначение ножа: «...длинная рукоять заставляет предполагать в этом ноже какое-то орудие для ремесла, как например для резьбы»¹². Для скалывания кости применялся топор, для очищения от хрящей и надкостницы — небольшие железные лопаточки (табл. III, рис. 3, 4), различного типа напильники (табл. III, рис. 5, 9).

Находки в мастерской токарных лерок, которые применялись для получения полукруглых срезов (табл. III, рис. 1, 2), указывают на то, что резчик мог пользоваться

⁵ Трапезиевидная форма гребней, возникнув еще в XI в., доживает до позднего средневековья.

⁶ Б. М. Зубакин приводит в своей книге выполненное холмогорским резчиком изображение рыбы, очень похожее на найденный предмет во время наших раскопок (см. Б. М. Зубакин, Указ. раб., табл. II, рис. 5, 6).

⁷ М. Г. Рабинович, Великий посад Москвы, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, М., 1955, стр. 78.

⁸ С. Н. Замятин, О старинных русских шахматах, сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.», Л., 1951, стр. 117—156.

⁹ М. С. Коган, История шахматной игры в России, Л., 1927, стр. 36.

¹⁰ И. М. Линдер, Шахматы на Руси, М., 1964, стр. 119—120.

¹¹ Б. М. Зубакин, Указ. раб., табл. III.

¹² В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, «Материалы по археологии России», вып. 28. СПб., 1902, стр. 58.

какой-либо разновидностью примитивного токарного станка¹³. Любопытны два предмета: один — циркуль для разметки по кости (табл. III, рис. 8), другой, по всей вероятности, — пинцет (табл. III, рис. 7).

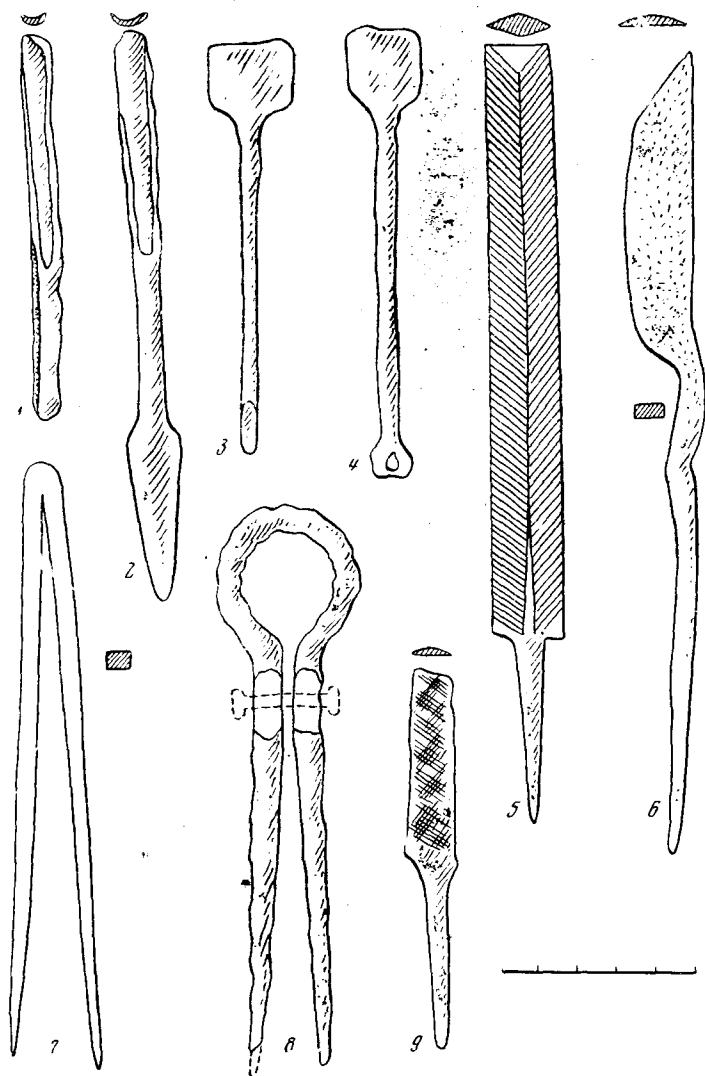

Таблица III. Инструменты костереза из мастерской: 1, 2 — токарные лерки; 3, 4 — железные лопаточки; 5, 9 — напильники; 6 — черенковый нож; 7 — пинцет; 8 — циркуль для разметки по кости

Безусловно, найденными орудиями не исчерпывался весь ассортимент инструментов костереза. Это вполне понятно, так как мастерская, как и весь жилищно-хозяйственный комплекс второго горизонта Падракурского посада, не носят следов катастрофической гибели. Найденные вещи были потеряны или выброшены владельцем.

Остатки костерезной мастерской с заготовками, изделиями, отходами производства и инструментами позволяют судить о конкретной обстановке, окружавшей мастера. Хозяйственно-жилой комплекс, в составе которого была мастерская, содержал вещи, свидетельствующие о различных видах производственной деятельности. Это — сельско-

¹³ Примитивными токарными станками холмогорские резчики пользовались до недавнего времени (например, мастер В. Т. Узиков, 1876—1939 гг.), см. Б. И. Зубакин, Указ. раб., табл. II.

хозяйственные орудия (серпы, жернова, вилы), различного вида рыболовные крючки, остроги, иглы для вязания сетей, деревообрабатывающие инструменты, разнообразные наборы молотков, пробойников — сочетание, характерное для хозяйственного уклада поморов данного периода.

Костерезное ремесло в экономическом укладе Севера. Развитие экономики северной части русского Поморья в XIV—XVI вв. не способствовало быстрому отделению ремесла от сельского хозяйства и промыслов. Основная особенность этого района — развитый межобластной обмен (обмен продуктов промыслов на продукты питания¹⁴) при слабом внутриобластном обмене. Эта особенность сохраняется и в более позднее время. Анализ рыночных связей Холмогор в XVII в. с рынками Сольвычегодска, Тотьмы и Великого Устюга показывает, что основной ассортимент вывоза — семга, палтус, треска, тресковый жир, ворвань, моржовые клыки, соль — обмениваются на хлеб, муку, крупу, горох, толокно. Небольшая плотность населения, связанная с этим узость внутреннего рынка, характер рыночных связей — все это тормозило развитие ремесла, замедляло процесс отделения его от промыслов и сельского хозяйства. Материалы с Падракурского посада наглядно иллюстрируют это.

Тем не менее вряд ли справедливо утверждение М. Богословского, что на Севере не было существенной разницы в экономической жизни между посадом и деревней¹⁵. Письменные источники, начиная с XVI в., называют целый ряд профессий ремесленников-холмогорцев: кузнецы, оконничники, кожевники, сапожники, портные, серебряники, гребенщики и т. д.¹⁶.

По всей вероятности, на рубеже XVI—XVII вв. происходит выделение костерезного ремесла. Обычно исследователи начинают достоверную историю холмогорской резьбы по кости с даты вызова в Москву холмогорского резчика Евдокима Шешенина, т. е. с 1656 г.¹⁷.

На самом же деле уже в первой половине XVII в. из Холмогор вывозятся крупные партии костяных изделий. Любопытный материал, который ранее не привлекался по этому вопросу, дают таможенные книги XVII в. по Устюгу Великому. Так, в 1633/34 г. устюжанин Фока Сидоровых привез «с Холмогор» 215 гребней слоновых больших и малых, «50 игор костей зерновых»¹⁸.

Во второй половине XVII в. таких записей больше: в 1676/77 г. холмогорец Андрей Баженин «явил» в Устюге «гребенья слоновые 3 фунта»¹⁹, в 1678/79 г. холмогорец Иван Самочерный «явил» «100 гребней слоновых»²⁰, в том же году холмогорец Иван Гаврилов отправил в Вятку с Михаилом Шешениным «400 гребенья слоновое и говяжьего мелкого»²¹. «Явки» изделий холмогорцев на рынки Великого Устюга, Вятки и других городов свидетельствуют о том, что холмогорские резчики обеспечивали не только местный спрос, но и работали на довольно широкий рынок поморских городов. В Устюге, например, этот товар пользовался большим спросом, так как местных резчиков было мало, и они не могли удовлетворить запросы рынка²².

В то же время холмогорские резчики испытывали порой недостаток в сырье, который компенсировался привозом «заморской» кости, главным образом слоновой, а также коровьей кости из Устюга.

¹⁴ Л. А. Данилова, Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XVI вв., М., 1955, стр. 290.

¹⁵ М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 126.

¹⁶ «Список Грамот Коллегии экономии», Л., 1922, т. I, № 108, 315, 321, 405, 463, 480; «Переписная книга 1676—1682 гг.», «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. 8, СПб., 1888, стр. 16 и др.

¹⁷ В. М. Василенко, Указ. раб., стр. 5; А. Успенский, Резьба по кости, «Золотое руно», 1908, № 11—12, стр. 23, и др.

¹⁸ «Таможенные книги Московского государства XVII в.», М.—Л., 1951, т. I, стр. 196.

¹⁹ Там же, т. III, стр. 17.

²⁰ Там же, стр. 277.

²¹ Там же, стр. 277. Трудно отделить костяную продукцию холмогорских резчиков, которая вывозилась в другие города, от покупки «заморского товара» с последующей ее перепродажей.

²² В городских книгах по Устюгу XVII в. упоминается очень небольшое число резчиков по кости (см. А. И. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Рынок Устюга Великого. М., 1960, стр. 442).

В 1650/51 г. только в одну «отправку» в Холмогоры прибыло 550 пудов говяжьего мяса²³, в 1676 г. Федор Миронов купил в Устюге «рогов скотских и поплыл на Холмогоры»²⁴.

Довольно значительное число резчиков — «мастеровых людей»-гребенщиков (согласно ответу на царский указ 1670 г.— 23 человека), большая товарность этого ремесла, наконец остатки костерезной мастерской, открытой на Падракурском посаде, позволяют по-новому взглянуть на развитие костерезного дела на севере России.

Наряду с выдающимися мастерами, чьи произведения представляли большую художественную ценность, в Холмогорах трудились рядовые ремесленники-костерезы, продукция которых широко расходилась среди посадского населения Поморья.

Вероятно, каждый ремесленник сбывал свою продукцию сам, в собственной лавке (лавки в Холмогорах располагались на Гостином берегу, в Новом Ряду и в Зимнем ряду), а кроме того, выполнял заказы. Не исключена возможность, что какой-то цикл своей работы резчик мог совершать в этом же помещении. По крайней мере, запасы кости хранились у мастеров в лавках²⁵. Если ремесленник жил в центральной части древних Холмогор, лавка у него могла быть пристроена к дому²⁶. При сбыте продукции костерезного ремесла в другие города в качестве посредника мог выступать скупщик. Однако чаще костерезы отправляли свой товар с ремесленником, который вез на продажу собственные изделия, а при таможенном досмотре заявлял, что это товар такого-то. Ремесленники-холмогорцы основных специальностей — котельники, медники, кузнецы — активно определяют пути сбыта и реализации своей продукции (особенно это характерно для второй половины XVII в.— времени сложения единого всероссийского рынка). Появляется такая форма экономической жизни как отходничество (например, котельники «отходят в Устюг на год — на два, иногда даже с семьями») ²⁷. Холмогорские резчики в это же время также активно участвуют в межрайонных экономических связях, определяя как рынки сбыта, так и районы получения сырья.

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что ремесленники-костерезы были во многих городах Московского государства XVII в. Чем же объясняется сложение устойчивого северного центра резьбы по кости, его успешное существование вплоть до XIX в.? На наш взгляд, это явление можно объяснить благоприятными условиями, позволившими перерасти этой отрасли из ремесла, обслуживающего сугубо утилитарные нужды местного городского и посадского населения (и соседние рынки), в художественный промысел. Не нужно забывать, что XVII в., особенно его вторая половина, был временем бурного экономического подъема Московского государства. Это не могло не отразиться на развитии прикладных ремесел. Именно в этот период начинает проявляться художественная специализация различных районов Московской Руси по изготовлению костяных изделий, эмалей, финифти, черни.

Северные костерезы в последней четверти XVIII в. Несколько иные условия для развития костерезного ремесла складываются в XVIII в., особенно во второй его половине. Для этого периода характерно определенное сокращение производства изделий северных резчиков на широкий (деревенский, посадский, городской) местный рынок и переориентация на вкусы и запросы привилегированных слоев городского населения. Совершенствование техники резьбы, узкая специализация на таком дорогом трудоемком материале, как редкие сорта кости привели к повышению себестоимости продукции, что в значительной мере вызвало сокращение рынка сбыта на месте. С этим связаны отходничество костерезов и переселение их в другие города, в первую очередь в Архангельск и Петербург.

В 1927 г. П. А. Камкин писал: «К сожалению, до настоящего времени мы не знаем имен холмогорских художников-резчиков, работавших в XVIII в. Подписные изделия из кости вообще большая редкость. Таким образом, век расцвета резьбы по кости в Хол-

²³ «Таможенные книги Московского государства XVII в.» т. II, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 45.

²⁵ Царский указ 1670 г. холмогорцы-резчики не могли полностью выполнить, так как «во время пожара в лавках у них кость вся сгорела, а купить де им после ярмонки было не у ково», цит. по: И. М. Линдер, Указ. раб., стр. 119—120.

²⁶ «Сборник грамот коллегии экономии», Л., 1929, т. II, стр. 561.

²⁷ А. В. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Указ. раб., стр. 65; «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. II, стр. 178—179, т. III, стр. 29.

могорах сопровождается полным отсутствием сведений как об экономических формах этого искусства, так и об именах художников»²⁸. В последние годы имена многих северных резчиков, работавших в XVIII в. стали известны²⁹. Тем не менее до сих пор оставались неизвестными некоторые любопытные материалы конца XVIII в. В Архангельском областном историческом архиве есть два документа, которые дают новые интересные данные о составе и численности северных костерезов конца XVIII в. «Именная ведомость о торгах, рукоделиях и промыслах каждого и всех холмогорского посада граждан 1786 год»³⁰ и «Книга городских обывателей Архангелогородского общества 1786—1788 гг.»³¹.

Ведомость называет в Холмогорах 15 «костяных мастеров»:

1. Харитонов Илья, купец	—	«костяной мастер»
2. Андрей, его старший сын	—	—
3. Леонтий, младший сын	—	«работает костяном же ремесле в С.-Петербург» ³²
4. Евлампиев, Кирилло	—	«костяной мастер», работает один ³³
5. Оковыринов, Степан	—	«костяных дел мастер», работает один» ³⁴
6. Оковыринов, Федор	—	«костяных дел мастер», работает один ³⁵
7. Пономорев	—	«костяное рукоделие» ³⁶
8. Попов, Афанасий	—	«костяных дел мастер»
9. Попов, Александр, его сын	—	«костяных дел мастер»
10. Скоморов, Иван	—	«костяных дел мастер», имеет одного работника ³⁸
11. Харитонов, Иван	—	«костяных дел мастер», работает один ³⁹
12. Харитонов, Петр	—	«костяных дел мастер», имеет одного работника ⁴⁰
13. Треушков Филипп	—	«костяных дел мастер», работает один
14. Треушков Герасим	—	«костяных дел мастер», работает один ⁴¹
15. Шестаков Иван Иванович	—	«костяных дел мастер», работает один ⁴²

Таким образом, резьбой кости в 1786 г. в Холмогорах занимались 15 мастеров, причем один из них работал в это время в Петербурге. Два мастера имели по одному работнику.

«Книга городских обывателей Архангелогородского общества» перечисляет резчиков и указывает их возраст, но не дает о них других дополнительных сведений — о наличии работников, владении собственными домами. Документ перечисляет следующих резчиков по кости, работавших в 1786—1788 гг. в Архангельске:

1. Звягин, Стефан Григорьевич	—	«костяного гребенного дела мастер, 37 лет» ⁴³
2. Круговихин, Иван Елифанович	—	«костяного гребенного дела мастер», 50 лет, из Ненокских мещан» ⁴⁴
3. Созонов, Матвей Васильевич	—	«гребенного костяного дела мастер», 66 лет» ⁴⁵
4. Шешенин, Иван Степанович	—	«костяного резного ремесла в мастерах», 52 года» ⁴⁶
5. Шешенин, Иван Андреевич	—	«костяного резного ремесла мастер» ⁴⁷

²⁸ П. А. Камкин, Указ. раб., стр. 15.

²⁹ И. Н. Уханова, Указ. раб.; М. Рехачев, Указ. раб.

³⁰ Архангельский областной архив, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77.

³¹ Там же, ф. 49, оп. 3, ед. хр. 2930.

³² Там же, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77, л. 10.

³³ Там же, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 77, л. 22.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, л. 34.

³⁶ Там же, л. 36.

³⁷ Там же, л. 37.

³⁸ Там же, л. 39.

³⁹ Там же, л. 42.

⁴⁰ Там же, л. 43, Ведомость отмечает, что Харитонов Петр собственного дома не имеет.

⁴¹ Там же, л. 41.

⁴² Там же, л. 47.

⁴³ Там же, ф. 49, оп. 3, ед. хр. 2930, л. 229.

⁴⁴ Там же, л. 240.

⁴⁵ Там же, л. 283.

⁴⁶ Там же, л. 304.

⁴⁷ Там же, л. 304.

Это же число мастеров (пять) дает и «Топографическое описание города Архангельского по запросам Санктпетербургской Императорской Академии наук, а по указам Вологодского наместнического Управления сочинено под присмотром Архангелогородского обер-коменданта, с помощью обоих Архангелогородских магистратов Губернского и Городового, трудами мещанина В. К. 1782 года»⁴⁸. Согласно этому описанию, один костерезный мастер из купцов «торгующих в лавках, но занимающихся рукоделием», остальные четверо — мещане. Судя по холмогорской «Ведомости», применение наемного труда в костерезном ремесле было незначительным (по одному работнику имеют лишь два мастера). Обычно мастера владеют собственным домом, в одном случае мастер (Харитонов Петр) не имел собственного дома, но держал одного работника. В холмогорском списке особенно сильно сказывается семейная традиция в обработке кости. Нередко отец и сын работали вместе.

Характерно, что если в XVII в. лавки имело большинство резчиков, то в XVIII в. они сбывали свою продукцию непосредственно заказчику (вероятно, в открытых торговых рядах), или через скупщиков. В усилении роли скупщиков можно увидеть дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в костерезном ремесле Севера.

Хотя письменные источники и дают представление об общем числе ремесленников-костерезов, но все же не раскрывают полную картину состояния костерезного ремесла. Безусловно, Холмогорами и Архангельском не исчерпывались представители этой профессии: до сих пор неизвестно число костерезов в районе Холмогор (Куростров, Матигоры и др.), в посадах близ Архангельска. Письменные источники (официальные документы, описания путешественников) порой дают разные сведения.

Тем не менее можно отметить, что удельный вес представителей костерезного ремесла среди ремесленников других специальностей был в Холмогорах гораздо больше, чем в Архангельске. Это вполне понятно, так как в Архангельске, как в главном порту Поморья с постоянно растущим населением, в первую очередь, должны были развиваться ремесла, обслуживающие нужды горожан и городской экономики.

⁴⁸ Архив Ленинградского отделения института истории АН СССР, ф. 36, 1, д. 440, л. 36, 39.

Н. Л. Жуковская

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В МОНГОЛЬСКИХ ЭТНОНИМАХ

Этнонимы Монголии весьма разнообразны по своему происхождению. Этноним *баргуты*, например, является производным от аналогичного топонима и отражает, вслед за топонимом, особенности первоначального места обитания данного народа (Баргалжан — глухая, лесистая местность, баргуты — жители местности Баргалжан)¹. Наименование этнографической группы *халха-эльджигенов* (т. е. длинноухих халха) некоторые исследователи возводят к прозвищу их правителя² и т. д. Вместе с тем большое количество монгольских этнонимов представляет собой наименование ряда социальных групп, этнически неоднородных по происхождению, но закрепивших в ходе истории за собой право на определенную национальную специфику. О таких этнонимах и пойдет речь в данном сообщении.

Значительная часть этих этнонимов восходит к эпохе Чингисхана. Проводимая им по отношению к покоренным народам политика включала в себя дробление уже сложившихся этносов и расселение их по другим инородным объединениям. Эта политика сочеталась с военной реформой, создавшей, по сути дела на совершенно новых началах, боеспособную монгольскую армию (новым было введение вместо прежней родо-племенной структуры армии четких воинских подразделений — десятков, сотен, тысяч, тем — во главе с определенными начальниками — десятниками, сотниками, тысячниками, темниками, подчинявшимися централизованной дисциплине). Эта военно-административная реформа позволила кочевникам, не имевшим в недавнем прошлом и понятия о государственном устройстве, создать, хотя и ненадолго, мощную кочевую империю³.

Созданная Чингисханом система государственного управления немало содействовала разрушению прежних родо-племенных связей и в среде самих монголов. Если в дочингисовы времена в междоусобной борьбе отдельных ханов побеждал один из них и возносил себя над другими, то вместе с ним возносились и его соплеменники, в то время как остальных ожидала участь покоренных врагов (унижение, дань и т. д.). Система государственного управления Чингисхана базировалась не на родо-племенных связях, а на реальных заслугах отдельных лиц перед ханом и на проявленной ими воинской доблести. Система наград и поощрений играла значительную роль в государстве как самого Чингиса, так и Чингисидов. Форма, в которую облекались эти награды, стала знаком социального отличия, и обладатели их со временем образовали определенные социальные группы. Будучи этнически разнородными вначале, эти группы позднее приобрели определенную этническую специфику и обособленность, а наименования этих групп превратились в этнонимы. Примеров тому достаточно.

Словом *дархан* — священный, неприкосновенный — со времен Чингиса обозначались люди, особо отличившиеся перед ханом. Это был почетный титул — награда за за-

¹ См.: Т. А. Бертагаев, Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум, сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 173—174.

² Х. Ц. Ральдин, Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики, сб. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1968, стр. 16.

³ Л. П. Лашук, О характере классообразования в обществе ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7, стр. 120—121.

слуги, которой удостаивались ближайшие соратники и дружинники хана. Могли, хотя и редко, стать дарханами и араты. Этот титул освобождал его носителя от всех видов феодальных повинностей⁴. В качестве примера можно привести эпизод из «Сокровенного сказания», где Чингисхан жалует земли меркитов по Селенге в «дарханное кочевье» своему сподвижнику Сорхан-Шира и его сыновьям⁵. Титул дархана, дававшийся Чингисханом и Чингисидами, был наследственным. Предоставляемые им права распространялись и на потомков, число которых росло от поколения к поколению. На определенном этапе носители этого социального титула начинали осознавать себя как этническую общность. Исторические сведения не дают возможности проследить механизм этого процесса. Поэтому пока всякие предположения в этой области могут носить лишь гипотетический характер. Возможно, что в этническую группу превращались разросшиеся за несколько поколений потомки первоначального носителя титула. Они обростали посредством браков большим количеством новой разнородной родни, для которой определенный смысл заключался в забвении своего прежнего этнического обозначения во имя нового, социального, сопровождавшегося определенными материальными и моральными льготами. Одни владельцы дарханной земель могли по тем или иным причинам исчезнуть в ходе истории, в междоусобной борьбе ханов за власть. Другие, породнившись или вступив в союз, могли слить свои владения и объединить усилия в борьбе за сохранение наследственных прав и льгот. В этих случаях социальный титул становился знаменем, под которым сплачивались все его носители, и передаваемый из поколения в поколение он превращался из социального самоназвания в этническое. Ныне потомки дарханов — дархаты численностью в несколько сотен семей проживают в местечке Эджен-хоро автономного района Внутренняя Монголия в КНР и являются хранителями реликвий Чингисхана⁶.

Этнонимом *дархаты* обозначается также группа населения, выделенная в XVII в. светскими князьями в личное владение Ундур-гэгэну, первому ламаистскому иерарху Монголии. Они были названы *дархатами*, т. е. неприкосновенными, в знак освобождения от феодальных повинностей в пользу светских князей, но зато превращены в *шабинаров* — личных крепостных главы ламаистской церкви и его канцелярии⁷. Потомки дархатов-шабинаров проживают ныне компактной массой в Хубсугульском аймаке МНР. Их численность 8 тыс. чел. (по данным 1965 г.)⁸.

Дархаты Эджен-хоро и дархаты Прихубсугуля — разные этнические группы. Если первые в основе своей представляют искусственное образование, то вторые имеют сложную этническую историю, тесно связанную с историей их соседей — урянхайцев, ойратов, халхасцев, бурят. Этнографические и лингвистические исследования показали, что основу дархатов Прихубсугуля составили впоследствии омонголившиеся урянхайцы, испытавшие к тому же влияние со стороны тунгусов⁹. До XVII в., когда они были объявлены шабинарами ургинского хутухты и дархатами, единого самоназвания у них не было. Именовали они себя, очевидно, по названиям родов. Приводимый Г. Д. Санжеевым фольклорный материал показывает, что они во всяком случае четко отграничивали себя от халхасцев и ойратов¹⁰.

⁴ См. комментарий С. Д. Дылыкова в кн.: «Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в.», М., 1965, стр. 105. Тот же термин в форме *тархан* в аналогичном значении был известен и тюркским народам. Связанные с ним правовые наследственные льготы закреплялись особой тарханной грамотой (ярлыком). Подробную сводку европейских и мусульманских источников, в которых имеется объяснение термина *тархан* и тех форм, которые приняло тарханство у тюркских народов Поволжья, Крыма, Средней Азии, Турции и т. д., см.: С. М. Шапшал, К вопросу о тарханских ярлыках, сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953, стр. 302—316.

⁵ «Сокровенное сказание», М.—Л., 1941, стр. 167.

⁶ Состояние этих реликвий и вопросы, связанные с культом Чингисхана, подробно рассмотрены в работах: Ц. Жамцарано, Культ Чингиса в Ордоце, «Central Asiatic Journal», vol. VI, № 3, 1961; С. Д. Дылыков, Эджен-хоро, сб. «Филология и история монгольских народов».

⁷ С. Бадамхатан, Дархаты (историко-этнографическое исследование), Автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 1.

⁹ См.: Г. Д. Санжеев, Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г., Л., 1930; его же, Дархатский говор и фольклор, Л., 1931; С. Бадамхатан, Указ. раб.

¹⁰ Г. Д. Санжеев, Дархаты, стр. 8—12.

Наименование живущего во Внутренней Монголии племени *кешигтен* (*kesigten*) восходит к монгольскому *kesig* — очередь, караул¹¹, т. е. знаменитой гвардии Чингисхана.

Эта гвардия, вначале небольшая по размеру (80 человек — ночная стража и 70 — дневная), после 1206 г., когда власть окончательно сосредоточилась в руках Чингисхана, была увеличена до 10 тысяч человек¹². Гвардия состояла из сыновей нойонов — темников, тысячников, сотников и десятников, а также из сыновей свободных людей, достойных состоять в гвардии «как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости»¹³.

Любопытна еще одна социальная категория, превратившаяся в этническое образование, — *онгу-боголы*. Э. Р. Рыгдылон считает, что термины *онгу-богол* и *утэгу-богол* идентичны¹⁴; и то и другое означает «раб божий», «раб, посвященный божеству» (онгон — дух, божество в шаманстве и дошаманских культах, Утэгэн — божество земли у монголов). Относительно утэгу-боголов Рашид ад-Дин пишет следующее: «Значение (наименование) утэгу-богол то, что они являются рабами и потомками рабов предков Чингиз-хана. Некоторые из них во время Чингиз-хана оказали последнему похвальные услуги и тем самым утвердили свои права на его благодарность. По этой причине их называют утэгу-богол»¹⁵. Ввиду идентичности понятий *онгу-богол* и *утэгу-богол* в данном отрывке вместо второго термина везде можно подставить первый.

Далее. У того же Рашид ад-Дина есть еще одно примечательное с точки зрения рассматриваемого вопроса место: «Говорят, что Чингиз-хан сделал онгоном (т. е. посвятил онгону. — Н. Ж.) одного человека из племени баарин подобно тому, как делают онгоном коня и других животных, т. е. никто на него не будет притязать и он будет свободным и тарханом»¹⁶.

Посвящение животных онгону — широко распространенный обычай в шаманстве монголов и народов Южной Сибири. Посвященное онгону животное считалось неприкосновенным, его не использовали в хозяйстве, оно не могло быть съедено или продано¹⁷.

Очевидно, смысл посвящения людей онгонам был тот же. Они освобождались от всяких повинностей и превращались в свободное привилегированное сословие, которое составляло опору ханской власти¹⁸.

Б. Я. Владимирцов придерживается иной точки зрения на онгу-боголов, рассматривая их как искаженное унаган-богол (*unagan-bogol*) — крепостной, раб, где богол имеет значение не столько раба в общепринятом смысле этого слова, сколько вассала. Онгу-боголы сохраняли свое имущество, пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли господам. Онгу-боголы оказывались подчиненными не одного лица, а целого рода или его ветви. Они не теряли между собой родовой связи, жили родовой жизнью, родовым бытом, как и их владельцы. Служба их владельческому роду заключалась в том, что они должны были кочевать со своими владельцами, образуя по их указанию курени и айлы, быть загонщиками и подгонять дичь во время облавных охот. Часто отношения между владельцами и онгу-боголами настолько сглаживались, что начинали напоминать отношения двух союзных близких родов. Они вступали меж собою в браки, из онгу-боголов выходили друзья и сподвижники членов владельческого рода. Сюзерен и крепостные вассалы — таков характер этих отношений¹⁹. Таким образом, исходная позиция Б. Я. Владимирцова совершенно иная — он

¹¹ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud* — феодальный термин и племенное название, «Доклады АН СССР», серия В, № 12, Л., 1930, стр. 222.

¹² «Сокровенное сказание», стр. 168, 169.

¹³ Там же, стр. 168.

¹⁴ Э. Р. Рыгдылон, О монгольском термине онгу-богол, сб. «Филология и история монгольских народов», стр. 168.

¹⁵ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 15.

¹⁶ Там же, т. I, кн. 1, стр. 188.

¹⁷ См. Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936.

¹⁸ Э. Р. Рыгдылон, Указ. раб., стр. 171.

¹⁹ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 64—68. Э. Р. Рыгдылон отвергает эту точку зрения Б. Я. Владимирцова, ссылаясь на отсутствие в древних и средневековых монгольских письменных источниках термина унаган-богол, и считает, что последний некритически отнесся к толкованию этого термина И. Н. Березинным (Э. Р. Рыгдылон, Указ. раб., стр. 168). Вопрос о том, что собой

считает первичным род, вторичным — то социальное положение, в которое он попадал. И в том и в другом случае этноним и социальное обозначение употреблялись на равных основаниях по отношению к одной и той же родственной группе людей.

Ряд этнонимов восходит непосредственно к обозначению отдельных войсковых частей и подразделений, установленному Чингисханом и просуществовавшему на протяжении нескольких веков в дальнейшем. Этот вопрос поднят в совместном докладе Г. Г. Стратановича и У. Э. Эрдниева на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. В их докладе приведены следующие примеры: *торгуты* (производное от *торгууд*) — наименование дневной стражи монгольских ханов XIII в., охрана ставки, дворца; *хошуты* — передовая часть войска, острие, клюв, авангард (от *хошуурах* — двигаться вперед клином); *дэрбэты* — построенные по четыре в каре (от *дөрөв*, *дөрвөн* — четыре); *чорос* (*цорос*) — одиночный отряд (от *цор* — один, совершенно один); *хойты*, влившиеся у калмыков состав *хашутов* (от *хойт* — северный, задний), — северная, задняя часть войска, арьергард²⁰; *Эюнгар* (*джунгар*), ставшее позднее этнонимом по отношению к населению Джунгарии, вначале означало левое крыло монголов, поставлявших Чингисхану войска (*зуун* — левый, *зуун гар* — левая рука)²¹. В связи с этим уместно вспомнить, что, согласно одной из точек зрения, этноним *калмык* переводится с монгольских языков как «смесь», «смешанный» (от *хальмг* — смешанный)²². С военно-административным делением этот этноним не связан, но зато отражает специфику той группы западных монголов, которая в XVII в., отделившись от соотечественников, нашла свое пристанище в России.

Сравнительно легко прослеживается этимология еще ряда этнонимов. *Баяты-баиты* (*bayatud*) — название одного из ойратских поколений, этимологически восходящее к множественному числу от *bayatur* — богатырь (почетное наименование вождя клана)²³, а также сильного и храброго воина-дружинника). В составе *дэрбэгов* и *торгутов* есть род, который носит название *кэчхенер* (*köččiner*)²⁴. Его наименование восходит к множественному числу от *köčči* — *köteči*, что значит «конюший», «стреманный»²⁵.

Этнонимы *чахары* и *ордосцы* (основная масса их носителей проживает в автономном районе Внутренняя Монголия, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и провинции Ляонин и входит в состав монголов КНР) также восходят ко временам Чингисхана. *Чахары* (от *чахар* — слуга, свита при хане, князе) со временем из потомственных телохранителей превратились в этническую группу. *Ордосцы* — собирательное наименование жителей *Ордоса*, делившихся на восемь откоков, восходит к приближенному хана, обитавшим при его ставке (*ордо* — ставка, юрта знатного лица).

Любопытна история этнонима *онгист* — *огниот* (*ongniyud*) и его носителей, прослеженная Б. Я. Владимирцовым. Монгольским термином *ong*, равнозначным китайскому «ван», назывались в XIII—XVII вв. потомки братьев Чингисхана. Их подданные обозначались термином *ongliyud*, где суффикс *liy* (*lig*) означает знак принадлежности к чему-либо, переводившимся «относящиеся к ванам». Термин *огниоты*, таким образом, вначале обозначал сословие, включавшее в себя разные группы привилегированных классов, а позднее превратился в этноним²⁶.

Интересна судьба монгольского феодального термина *pökür* (воин, слуга, приближенный монгольского вождя), который, совершив путешествие через персидский и кип-

представляют унаган-боголы как социальный институт, очень сложен и по нему нет единой точки зрения в монголоведении. Точку зрения Б. Я. Владимирцова разделяют А. Н. Бернштам и Л. Л. Викторова. См.: А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок, М.—Л., 1946, стр. 126; Л. Л. Викторова, Становление классового общества у древнемонгольских кочевников, сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 570.

²⁰ Г. Г. Стратанович, У. Э. Эрдниев, Опыт социальной терминологии, М., 1964, стр. 9—10.

²¹ «Древнемонгольские города», М., 1965, стр. 15.

²² В. П. Дарбакова. Еще раз к этимологии этнонима «хальмг» (калмык), сб. «Этническая история и современное национальное развитие народов мира», М., 1967, стр. 31.

²³ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud*..., стр. 222.

²⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 204.

²⁵ Б. Я. Владимирцов, Монгольское *ongniyud*..., стр. 223.

²⁶ Там же, стр. 218—223.

чакский языки, попал в венгерский в качестве этнонима, обозначавшего один из народов, находившихся под властью королей Белы IV и Ласло IV. В немецких средневековых источниках он встречается в форме *piuogee*, в латинских — *peuge(a)* г. Ю. Немец вслед за А. Вамбери возводит его к монгольскому *pökür* ²⁷. В современном монгольском языке это слово употребляется в значении друг, товарищ, а также супруг. Попало оно и в русский язык: нукер — служитель, отрок при господине, телохранитель — такое толкование этому слову дает В. Даль ²⁸.

В переписи населения МНР 1959 г. уже не фигурирует этноним *захчины* ²⁹. Тем не менее, судя по полевым исследованиям монгольских и советских этнографов — С. Бадамхатана, Х. Ральдина, В. Дарбаковой, он продолжает бытовать в качестве самоназвания у соответствующей группы населения.

История этнонима *захчин* такова. Правящая Китаем и Монголией маньчжурская династия Цин в конце XVII — начале XVIII в. провела в Монголии ряд реформ с целью ослабления и подрыва изнутри единства подвластного ей народа. Для этого была проведена административная перегруппировка уже сложившейся системы феодальных владений. Прежнее деление на улусы, отоки, хошуны и аймаки, сложившееся при первых Чингисидах, было заменено только на аймаки и хошуны. Число последних основательно росло за счет постоянного дробления уже имеющихся и отдавалось маньчжурским двором во владение выслужившимся перед ним князьям. Указом 1691 г. было проведено распределение аратских семей между владетельными князьями всех рангов. Кроме того, из среды монголов были выделены определенные социальные группы, обязанные нести какую-либо повинность в пользу императорского двора: уртонную службу, охрану границ и т. д. Этнический принцип при выделении таких групп опять-таки не всегда соблюдался. На сей раз Монголия стала ареной проведения той политики, которую монгольские правители сами проводили когда-то по отношению к завоеванным народам. Так появились *захчины* — «окраинные», несшие пограничную службу вдоль западных границ маньчжурских владений. Их социальное обозначение стало этнонимом.

Таким образом, довольно значительная группа монгольских этнонимов восходит к социальной терминологии монгольского феодального общества, отражающей его определенные структурные изменения, санкционированные властью правителей. Разумеется, не всякую социальную группу ожидала подобная судьба. Специфические исторические условия (длительная замкнутость, обособленность, зачастую искусственно создаваемая), в которых оказывались эти группы, и послужила причиной превращения их из социальных групп в этнические. Процесс этот был растянут во времени с XIII по XVIII в. Отсюда сравнительно большая или меньшая древность этносов, восходящих к социальным группам монгольского общества.

²⁷ J. Németh, *Wanderungen des inongolischen Wortes nökür «Gencsse»*, In: «Acta orientalia», 1953, vol. III, fasc. 1—2, S. 23.

²⁸ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, стр. 560.

²⁹ Происходящие в настоящее время в МНР процессы национальной консолидации ведут к слиянию малых народов с халхасцами, составляющими основное ядро монгольской нации. Дариганга, сартулы, халха-эльджигены и проживающие в МНР группы хорчинов, тумутов, чахаров и узумчинов практически не отделяют себя от халха. *Захчины* растворяются среди своих соседей торгутов и дэрбэтов.

К. П. Калиновская

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП У ГАЛЛА ЭФИОПИИ

Разделение общества по возрастным группам свойственно многим народам на первобытнообщинной ступени развития. Примером могут служить народы Австралии, Новой Гвинеи, Африки, Америки. Но только в Африке, а точнее — в Восточной Африке, система возрастных групп отмечена в наиболее полной форме. Возрастные группы присущи, по-видимому, всем народам верховьев Нила, говорящим на кушитских языках. Однако наиболее ярким примером по своей сложности и завершенности является система возрастных групп у галла Эфиопии.

Начало исследованию возрастных классов и тайных союзов было положено Лео Фробениусом. Продолжили исследования в этой области Г. Шурц и Х. Вебстер¹. Изучение основывалось на материалах XIX — начала XX в. С 1893 года, когда А. В. Шлейхер опубликовал эфиопскую рукопись хроники «Зенаху лягалля» (История галла)², появилась возможность исследовать систему возрастных групп в ее историческом развитии.

До сих пор «История галла»³ — наиболее полный из известных в настоящее время письменных памятников по истории и этнографии народа галла в XVI в. Фактический материал хроники охватывает период примерно в шестьдесят лет.

Автор хроники, по имени Бахрей, — духовное лицо, родом из Гамо (район Южный Сидамо). По-видимому, он был очевидцем тех событий, которые описал. Свое повествование Бахрей начинает с того времени, когда галла появились в Эфиопии, и заканчивает событиями конца XVI в. Он рассказывает, когда и откуда пришли галла в его страну, как многочисленны были их племена, приводит родословную племен галла. Бахрей описывает военные столкновения эфиопов с галла, обычаи галла. Исторические события изложены в хронологической последовательности, хотя ни одной даты автор не уточняет, указывая лишь имена участников событий и географические названия.

¹ L. Frobenius, Die Masken und Geheimbünde Afrikas, «Abhandlungen der Kaiserlichen Leopoldinisch-Carolinischen deutschen Akademie der Naturforscher», Bd. XXIV, Halle, 1898; H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, Berlin, 1902; H. Webster, Primitive secret societies, New York, 1908.

² Каталог библиотеки Британского Музея в Лондоне (Oriental 534), рукопись № 55 Магдальской коллекции эфиопских рукописей. A. W. Schleicher, Geschichte der Galla. Bericht eines Abessinischen Münches über die Invasion der Galla in Sechzehnten Jahrhundert, Berlin, 1893.

³ Вторично «История галла» была издана Игнацио Гвиди, использовавшим в своей работе не только лондонскую рукопись хроники, но и вторую, обнаруженную в Вене. Издание Гвиди считается лучшим, так как текст памятника был в значительной мере дополнен и исправлен Гвиди, перевод сделан точнее. Кроме того, подробный комментарий, содержащий сведения по истории, этнографии и языкам Эфиопии, еще более повысил ценность работы И. Гвиди. См.: I. Guidi, Historia Gentis Galla, «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Aethiopici», series altera, t. 3, Parisiis, 1907. Известны также издания переводов хроники без эфиопского текста: W. Budge, History of Ethiopia, v. II, London, 1928; C. F. Beckingham & G. W. B. Huntingford, Some records of Ethiopia, 1593—1646, Hakluyt Society, London, 1954, p. 110—129. Свободный пересказ отрывков из хроники приведен Д. А. Ольдерогге в сборнике статей «Абиссиния» (Эфиопия), М.—Л., 1936, стр. 110—115.

«История галла» содержит важный этнографический материал. Особую ценность представляет то, что «Зенаху лягалла» — это первый письменный памятник, отразивший социальную структуру галлаского общества, основанную на системе возрастных групп. Бахрей подробно описывает распределение галла по возрастным группам, их обязанности в каждой группе. Но у Бахрея это не просто описание социальной структуры общества галла, но и своеобразный анализ ее в сравнении с социальной структурой эфиопского общества того же времени.

Таким образом, мы имеем теперь три группы источников по истории и этнографии галла: XVI в. — хроника Бахрея «История галла», XIX в. — описания путешественников и работы исследователей, отразившие жизнь галла до завоевания их Менеликом; XX в. — полевые работы и исследования по галла после завоевания их Менеликом, в результате чего их социальная система подверглась сильным изменениям. Эти источники важны для сравнительного изучения систем возрастных групп не только у галла, но и у других народов Восточной Африки.

В этнографической литературе, посвященной обществу галла, единой терминологии для описания системы возрастных групп нет. Например, существует несколько терминов для определения возрастных групп системы: *age-group*, *age-set*, *age-grade-group*, *age-section*, *gada*, *Altersklasse*, *rein Altersklasse*. В русской этнографической литературе приняты термины «возрастные группы» или «возрастные классы». Нет единства и в отношении самого названия системы. Чаще всего употребляют наименование «система гада»⁴ или «система возрастных групп или классов». Эфиопский этнограф Асмаром Легессе недавно выступил со статьей, где он высказывает сомнение в точности термина «*age-group*» и «*age-system*» на том основании, что возраст, как правило, не является основой системы⁵. Действительный возраст индивидуума не определяет его права вступить в систему или выйти из нее. Это относится не только к системе у галла, но также и к системам у нуэр, у дарасса, джийе, кикуйю, и у большинства других народов Восточной Африки. Статус и функции членов системы определяются независимо от их возраста временем прохождения инициации. Это характерно для всех перечисленных выше народов. Поэтому Асмаром Легессе считает универсальной основой систем время и предлагает характеризовать это явление как «*temporal differentiation of society*», а результат этого «дифференцирования общества по времени» — как классы, основанные прежде всего на длительности пребывания их членов в данных системах.

Дело в том, что некоторые из первых исследователей галла описали эту систему как чисто возрастную и ввели таким образом в научную литературу соответствующую терминологию, ставшую теперь традиционной. Однако на современном этапе изучения многие ученые рассматривают этот вопрос с совершенно иной точки зрения. В системе «гада» физический возраст в основном лишь влияет на выполнение социальных функций всех звеньев системы. А под термином «*age*» (анг.) в специальных трудах обычно понимается не физический возраст индивидуума, а социальный.

При системе «гада» происходит постепенное изменение социального статуса ее членов, поэтому представляется наиболее рациональным употребление терминов «возрастная группа» для определения членов системы, инициированных одновременно при вступлении в систему «гада», и «возрастная степень» — для обозначения социального статуса возрастной группы.

Кратко опишем систему возрастных групп у галла. Это чисто мужской институт. Мужчины галла подразделяются на несколько возрастных групп — «гада», максимальное их число — десять. Каждая группа проходит пять возрастных степеней. Период каждой степени длится восемь лет. Система имеет циклический характер, причем как бы отправной точкой всего хода системы является первая степень, от которой любая группа движется по кругу, возвращаясь в конце концов снова к первой степени. Исходя из такого характера системы, удобнее всего представить ее схематически в виде круга, разделенного на два полуцикла. Пять возрастных степеней составляют первый полуцикл системы, который реализуется за сорок лет ($8 \times 5 = 40$). Первый, основной, полуцикл системы — это активный полуцикл. Пройдя в нем все пять степеней, члены его

⁴ «Гада» — название возрастной группы у галла.

⁵ Asmarom Legesse, Class systems based on time, «Journal of Ethiopian Studies», vol. I, N 2, 1963, pp. 1—29.

Годы	I гада (Робале)	II гада (Бирмагу)	III гада (Хората)	IV гада (Мудана)	V гада (Дуло)
1—8	Дабалле	Фолле	Кондала	Дори и Луба	Юба
9—16	Фолле	Кондала	Дори и Луба	Юба	Дабалле
17—24	Кондала	Дори и Луба	Юба	Дабалле	Фолле
25—32	Дори и Луба	Юба	Дабалле	Фолле	Кондала
33—40	Юба	Дабалле	Фолле	Кондала	Дори и Луба

входят во второй, пассивный полуцикл. Каждая степень имеет свое название, и каждая из десяти групп имеет свое⁶.

Первая степень, «дабалле» — подготовительная, вторая — «фолле» и третья «кондала» — это степени воинов; в третьей степени члены ее получают право жениться, но не могут иметь детей; четвертая степень — «луба» — самая ответственная. Возрастная группа, находящаяся в этой степени, осуществляет законодательную и исполнительную власти в племени. В этой возрастной степени мужчины подвергаются обрезанию, после чего получают право иметь потомство. Пятая, последняя степень активного полуцикла — «юба». В этой возрастной степени мужчины-галла имеют совещательный голос. Переход каждой возрастной группы из одной возрастной степени в другую означает повышение социального статуса ее членов и сопровождается обрядами.

До своего вступления в первую возрастную степень мальчики рассматриваются как «немые». И только тогда, когда отцы уходят из общественной жизни, завершив пятую степень активного полуцикла, из их сыновей составляется очередная возрастная группа, которая иницируется и вступает в первую степень. Затем сыновья повторяют путь отцов. Их же отцы теперь оказываются в пассивном полуцикле, продвигаются в нем в обратном порядке, от пятой степени к первой. Каждому продвижению группы отцов в следующую степень пассивного полуцикла точно соответствует продвижение группы сыновей в активном полуцикле. Таким образом осуществляется тесная взаимосвязь обоих полуциклов.

Автор хроники так пишет о галла, вторгнувшихся в его страну: «Это два племени, которые называются бараитума и боран». Трудно установить, всем ли племенам галла, составлявшим две большие группы бараитума и боран, в те времена была присуща эта система и каковы были различия в системах разных племен. Материал по этому вопросу очень неясен, а свидетельства очевидцев зачастую противоречивы. Это объясняется рядом причин. Во-первых, сведения собраны исследователями у разных племен галла, система возрастных групп у которых имела определенное своеобразие. Например, у галла тулама возможен пропуск одной возрастной степени в случае, если какая-то определенная возрастная группа не получает возможности выполнить функции своей степени, т. е. той, в которую эта группа перешла. У галла борана этого явления не наблюдается. Или, скажем, обряд обрезания у одних галла бывает в середине степени луба (IV степень), у других — в конце. Полного сравнения подобных различий сделать не удастся, так как сведения очень неравномерны и даже по одному звену всей системы не дают полной картины у нескольких племен. Во-вторых, наблюдения проводились в разное время, а степень развития и сохранности системы неодинакова даже в одно и то же время у различных племен галла.

Тем не менее большинство исследователей признает существование двух неизменных норм системы «гада» у галла: 1) возрастная степень всегда длится 8 лет и 2) сын должен быть иницирован через 40 лет после своего отца.

Внимательное изучение системы возрастных групп показало, что не все мужчины галла входят в состав «гада» по этой системе. Определенная часть мужчин оказывается вне общества и подвергается ostracism. В хронике «История галла» есть любопытное

⁶ Порядок прохождения степеней при системе «гада» у племени галла гомбинчу в юго-западных районах Шоа. Таблица приведена из статьи: Д. А. Олдерогге, Указ. раб., стр. 123.

сообщение: «... и не прошедших обрезание сыновей и дочерей бросали, потому что это их обычай. А когда они (отцы) подверглись обрезанию, сыновей продолжали кормить, а дочерей прогоняли на 2—3 года после того, как их отцы прошли обряд обрезания». Об этом обычае сообщает и Альмейда: все дети у галла, рожденные в первые 6—7 лет после женитьбы отцов, являются отверженными⁷. Этот обычай вызвал разные толкования и привлек внимание почти всех исследователей. И. Гвиди комментирует его «как варварский обычай, который еще практикуется... особенно, когда первенец — девочка»⁸. Э. Черулли же говорит об этом, как о «варварском обычае, теперь почти не практикующемся среди племен галла»⁹. Патер Азаис объясняет обычай голодом, заставлявшим избавляться от лишних детей¹⁰.

Заметим, что сведения об этом явлении весьма противоречивы. Альмейда говорит, что детей бросали на произвол судьбы, а если кто-либо их спасал, то становился врагом галла и его проклинали. Де Сальвиак говорит, что детей не изгоняют; Гвиди описывает изгнание самого старшего ребенка. Черулли сообщает в основном об отвержении дочерей, так как девочкам отец считался ненужным. Если этот «гата» — «выброшенный» не принимался другой семьей, то отдавался работоторговцам¹¹.

По сообщению Хаберленда, галла борана, вступив в III возрастную степень, получают право жениться, но им не разрешается содержать детей, которые рождаются в этот период (т. е. до получения отцами полного социального статуса)¹². Кнутссон замечает, что у галла тулама он не отметил вышеописанного обычая отвержения детей. В то же время, опираясь на текст хроники Бахрей и имея в виду именно этот обычай, он пишет, что до получения полного статуса и прохождения обряда обрезания галла практиковали «некоторую форму контроля над рождаемостью»¹³.

Текст хроники об обычае отвергания детей, подтвержденный «Хроникой Сисиния»¹⁴, написанной несколькими десятилетиями позже, дал возможность Э. Черулли установить, что только в IV и V (последней) возрастных степенях возрастная группа галла может иметь сыновей, которые будут иницированы в I степень и войдут в систему «гада» после выхода их отцов из активного полуцикла¹⁵. Принс полагает поэтому, что обычай отвергания детей обусловлен правилом, запрещающим галла, не подвергнувшись обрезанию, иметь детей. Обрезание означает выход из степени воинства, в которой галла могут жениться, но не должны иметь потомства¹⁶. В этом явлении Черулли также видел способ регулирования рождаемости¹⁷.

После своих полевых исследований в 1928 г. Черулли сообщил об особой категории «гульту». Это мальчики-галла, рожденные после того, как их отцы завершили активный полуцикл. Эти «гульту» допускаются не в I степень системы «гада» активного полуцикла, а попадают в ту же степень пассивного полуцикла, что и их отцы¹⁸.

Черулли упоминает также еще об одной категории лиц — «сигаба», находящихся вне системы «гада». Им запрещены инициация, обрезание, участие в церемониях, женитьба, но они могут жить с женщинами своего племени. Они презираемы и подвергаются, как пишет Асмаром Легессе, «умеренному ostracismu»¹⁹.

Можно допустить, что «сигаба» и есть «гульту», рожденные после выхода отцов из активного полуцикла системы. Но возможно предположить, что категория «сигаба»

⁷ C. F. Beckingham & G. W. B. Huntingford, Указ. раб., стр. 136—137.

⁸ I. Guidi, Указ. раб., стр. 2, прим. 3.

⁹ E. Cerulli, The folk literature of the Galla of Southern Abyssinia. Texts on ethnological subjects, «Harvard African Studies», III, «Varia Africana» III, pp. 167—170.

¹⁰ R. P. Azais et R. Chambard, Cinq années de recherches archéologiques en Ethiopie, province de Harar et Ethiopie méridionale, Paris, 1931.

¹¹ G. W. B. Huntingford, The Galla of Ethiopia. The kingdoms of Kafa and Janjero, London, 1955 p. 40.

¹² E. Haberland, Galla Süd — Äthiopiens, Stuttgart, 1963, S. 178.

¹³ K. E. Knutsson, Authority and change, Göteborg, 1967, p. 158.

¹⁴ Esteves Pereira, Chronica de Suseynos, rei de Ethiopia, Lisboa, 2 vols., 1892—1900.

¹⁵ E. Cerulli, Ethiopia Occidentale, tt. I, II, Roma, 1932, 1933.

¹⁶ A. H. J. Prince, East African age-class systems. An inquiry into the social order of Galla, Kipsigis, Kikuyu, Groningen — Djakarta, 1953, p. 75.

¹⁷ E. Cerulli, The folk literature of the Galla, p. 127.

¹⁸ E. Cerulli, Ethiopia Occidentale, t. I, 1932.

¹⁹ Asmarom Legesse, Указ. раб., стр. 22.

пополняется также за счет тех, кто рожден до прохождения отцами обрезания и тоже отвергаемых.

Ни Бахрей, ни автор «Хроники Сисинния» не упоминают об обычае усыновления отверженных детей. Но, по свидетельству некоторых очевидцев, этот обычай среди галла был широко распространен. О нем, в частности, сообщает Черулли, отмечающий, что существовал традиционный обмен новорожденными детьми между различными этническими группами²⁰. Асмаром Легессе считает, что это могло замещать, и вполне эффективно, обычай отвергания детей²¹.

Отметим, что диапазон возрастов в любой возрастной группе галла очень широк — от маленьких детей до стариков. И в таком неровном по возрасту составе группа должна продвигаться через 5 степеней. Этот факт не был замечен раньше большинством исследователей. Но на него обратил внимание Принс²². Он отметил, что большинство членов возрастной группы в любой возрастной степени не в состоянии выполнять социальные задачи, возлагаемые на эту степень. Возможность выполнения функций возрастной степени зависит от физического, реального возраста членов возрастной группы — «гада». Противоречие возникает из-за того, что сама система не позволяет обеспечить необходимый возрастной состав каждой «гада». Причина заключается в жесткости элементов системы: в любом случае — это 5 степеней по 8 лет, причем сын, как мы уже отмечали, начинает функционировать в системе только через 40 лет после инициации отца.

Самый ранний возраст, когда галла может подвергнуться обрезанию — 28 лет, но тогда ему надо родиться в день выхода отца из V степени. В этом случае мальчик сразу иницируется в I степень системы. Но это редкий случай. И поэтому в IV степени, где происходит обряд обрезания, мужчин такого возраста очень мало. А это означает, что во время войны группы, находящиеся в степени воинства, не могут справиться со своей задачей.

Соблюдение всех элементов системы требовало жесткой дисциплины. Однако полностью система не выдерживалась, например, в случае войны.

Защита системы от нарушений выражалась в том, что все «незаконное» подвергалось ostracismu, т. е. отбрасывалось за ее круг. Так появились отверженные «гульту», презираемые «сигаба», стали отвергаться дети, рожденные до IV степени, т. е. появились своеобразные формы контроля над рождаемостью.

Этот момент настолько важен, что Принс даже полагал, что разрушение системы «гада» связано с уничтожением регулирования рождаемости, ибо «функционирование «age-grade system» типа галла, в которой есть определенная связь между моментом инициации отцов и сыновей в различные степени, требует регулирования рождаемости как одного из основных элементов института»²³.

Система «гада» — социальная организация высокой сложности. Эта сложность вытекает из цикличности системы, что делает звенья организации чрезвычайно зависимыми один от другого и вызывает высокую чувствительность к нарушениям.

Важнейшие принципы, составляющие основу системы «гада»: 1) число групп и выполняющий их механизм; 2) интервал между инициациями двух последующих поколений; 3) длительность времени, проведенного группой в одной возрастной степени, т. е. интервал между группами; 4) число степеней и распределение между ними прав и обязанностей.

Как вся система в целом, так и отдельные ее детали, до сих пор изучаются учеными-африканистами. Назрела необходимость провести углубленное сравнительное исследование систем возрастных групп галла и других народов Восточной Африки.

²⁰ E. Cerulli, Ancora dell'ordinamento della tribù Galla, «L'Africa Italiana», XLV, 1926, p. 26.

²¹ Asmarom Legesse, Указ. раб., стр. 25.

²² A. H. J. Prince, Указ. раб., стр. 63.

²³ A. H. J. Prince, Указ. раб., стр. 75—76.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. И. Анохин

ПОЧЕМУ У ИСЛАНДЦЕВ НЕТ ФАМИЛИЙ!

Примерно на полпути между Европой и Северной Америкой, точно на границе Атлантического и Северного Ледовитого океанов, на покрытом лавовыми полями и ледниками острове Исландия живет народ европейского происхождения — исландцы.

Это особенный народ, ибо в отличие от большинства других народов Земли исландцы знают не только точную датировку заселения страны, не только происхождение своего народа, не только почти всех его исторически достоверных родоначальников, но и, что не менее удивительно, родословную всех 29 поколений с момента колонизации Исландии норманнами в эпоху викингов и вплоть до наших дней.

Есть у этого народа и еще одна особенность, наследие раннего средневековья. Она состоит в том, что у исландцев не существует фамилий!

Когда ваш знакомый говорит: «Как же, я читал Гуннара Бенедиктссона. Книга этого исландского писателя «Исландия в борьбе за независимость» переведена на русский язык. Всем известна его фамилия», — остановите его. Ибо никто не знает фамилии Гуннара Бенедиктссона! Как и каждый исландец, этот писатель имеет только имя и отчество. Его второе личное имя — Бенедиктссон — означает, что он, Гуннар, — сын Бенедикта, но не фамилию, т. е. не личное имя для обозначения всего рода Гуннара или хотя бы для обозначения всей его семьи. Если переделать его личное имя на русский манер, то оно выглядело бы так: Гуннар Бенедиктович, а на древнерусский — Гуннар, сын Бенедикта.

Конечно, переводчики, даже знающие специфику личных имен исландцев, не отражают ее в переводе, стремясь лишь фонетически правильно транскрибировать полные написания имен. Некоторые же переводчики не подозревают об этой специфике, и тогда возникают нелепости, о которых советский специалист по исландскому языку В. П. Берков писал следующее: «Неправильно, как это нередко делается и у нас, и в других странах, заменять имя исландца инициалом (например, Э. Йоунссон): это примерно то же, как если бы мы написали по-русски «И. Владимирович Павлов» или просто «И. Владимирович»¹.

Как и полагается отчеству, оно отражает у исландцев то, что данный человек — сын или дочь такого-то, и разную принадлежность по полу. Например, сын называется Аудни Стефаунссон (Аудни, сын Стефауна, или же Аудни Стефаунович), а дочь — Сигридюр Стефаунсдоуттир (Сигридюр, дочь Стефауна, или же Сигридюр Стефауновна).

¹ В. Берков, Исландия — без гейзеров, «Новый мир», 1968, № 1, стр. 205.

Наличие двучленной системы имен у современных исландцев — имени и отчества — настолько бросается в глаза иностранцам, попадающим на остров, что все они отмечают этот факт. О том, как это выглядит в быту, рассказывает советский писатель Геннадий Фиш: «Желая позвонить Магнусу, сказать, что давно уже проснулся и готов к походу, я взял в руки телефонную книгу и, раскрыв, ее, с удивлением убедился, что алфавитный порядок — по именам, а затем уже следует фамилия, то есть отчество! У нас бы это выглядело так:

Иван сын Александра,

Иван сын Бориса,

Иван сын Василия,

Иван сын Георгия,

Иван сын Дмитрия и т. д., и т. д.

И так вся книга. Конечно, родовое общество не предвидело появления телефонов, а тем более телефонных книг.

К счастью, я знал, что Магнус — Йоунссон, и поэтому разыскал в книге имя Йоун... Но чьим сыном был отец Магнуса, тогда мне было еще неизвестно... а Йоунов в книге числилось немало...»²

Чем же объяснить, что в современном обществе вовсе не у отсталого, а у одного из самых культурных народов вот уже много столетий почти поголовно грамотного, уцелела форма личных имен из имени и отчества и не появилось фамилии?

Известный советский скандинавист М. И. Стеблин-Каменский утверждает, что причина этого кроется в малочисленности исландского народа: «Исландцев настолько мало, что они до сих пор обходятся без фамилий и даже в самом официальном обращении называют друг друга по имени, в третьем лице — для точности также с прибавлением имени отца, вроде как бы по имени-отчеству»³.

Действительно, исландцев мало — на 1 декабря 1968 г. их было только 210 975 человек⁴. Однако фарерцев — также отдельного народа со своим языком, культурой, традициями, письменностью, литературой — еще меньше, всего 38 тысяч. И тем не менее подобно прочим скандинавским, да и всем германским народам, за исключением исландцев, у фарерцев уже в средневековые установилась четкая система наследственного на несколько поколений семейного имени, т. е. фамилии. Следовательно, малочисленность народа сама по себе не объясняет отсутствия фамилии.

На мой взгляд, причина отсутствия фамилии у исландцев кроется в специфике их историко-культурного развития.

Заселение норманнами в IX в. островов Северной Атлантики по существу было бегством людей родового общества от государства. Как пишет видный деятель рабочего движения, марксист, председатель Социалистической единой партии Исландии Эйнар Ольгейрссон, «многие из переселившихся в то время в Исландию — вожди, земледельцы и работники — бежали от власти господствующего класса, который разрушил родовое устройство общества, существовавшее в Норвегии еще в IX в., и заменил его грабительским государством»⁵.

Вольные общинники-земледельцы, не желая выполнять феодальные повинности, вводимые первым общенорвежским королем Харальдом Прекрасноволосым, покидали родину. Они заселяли известные к тому времени или открываемые ими архипелаги и отдельные острова. Здесь колонисты столкнулись с кельтскими монахами-отшельниками, перебили их или обратили в патриархальных рабов. И хотя первые столетия норманнские переселенцы сохраняли на островах традиционный уклад так называемого «народовластия» с общенародными вечами — местными

² Г. Фиш, Здравствуй, Дания! Отшельник Атлантики, М., 1963, стр. 288.

³ М. И. Стеблин-Каменский, Культура Исландии, Л., 1967, стр. 8.

⁴ «Правда», 14 февраля 1969 г., стр. 5.

⁵ Эйнар Ольгейрссон, Из прошлого исландского народа, М., 1957, стр. 81.

тингами (в Исландии — альтингом), все же политическое влияние их было родины было велико.

Наиболее независимыми стали исландцы, так как их страна была крупнейшей островной колонией древнорвежских переселенцев. Кроме того, если во всех других норманнских островных колониях природа крайне ограничила земли, пригодные для возделывания сельскохозяйственных культур или выпаса скота, то в Исландии возможности для разведения скота, а следовательно и для увеличения благосостояния земледельцев, были несколько большими.

Складывавшаяся, как и повсеместно в островных колониях норманнов, хуторская система натуральных хозяйств повсюду способствовала консервации быта и традиций. Каждый хутор был отдельным миром, а значительная часть фольклора его обитателей — собственная родословная, начиная от заселения этой земли. Родословная передавалась от отца к сыну, а в повседневном обиходе между хуторянами единственного имени было достаточно. При контактах с другими хуторянами человеку достаточно было сказать, кроме того, чей он сын.

Межхуторские контакты на каждом из отдельных островов или на каждом из архипелагов имели помимо обыденной, хозяйственно-бытовой формы также и официальную, в виде тингов. Но и там имени человека и имени его отца было достаточно для представления о том, о ком идет речь.

Но не в хуторской системе кроется главная причина нынешней бесфамильности исландского общества. При всем внешне одинаковом начале истории и хозяйственно-бытового уклада всех островных норманнских поселений уже с момента принятия там христианства исландцы начинают свой, отличный от других норманнских колоний путь.

В отличие от почти всех других народов мира, которым христианство было навязано либо волей единовластных правителей, либо огнем и мечом иноземных завоевателей, у исландцев принятие этой религии произошло совершенно добровольно и мирно.

Эйнар Ольгейрссон так охарактеризовал этот важный шаг: «Исландцам эпохи народовластия приходилось прежде всего бороться со следующими трудностями: междоусобицами, голодом, насилием и несправедливостью некоторых представителей знати, притязаниями иноземной королевской власти... Христианство, закон о котором был принят альтингом в 1000 году, полностью отвечало стремлениям народа и лучших из хавдингов в их борьбе с этими трудностями... Христианство, служившее для норвежского короля одновременно орудием и предлогом для угнетения населения страны, в Исландии было лишь новой верой, более пригодной для укрепления мира в стране и способствовавшей развитию культуры...»⁶

Христианство, принятое сознательно и добровольно, вошло в быт исландцев с удобными им оговорками, например, с разрешением употреблять в еду, как и прежде, конину. Более того, на первых порах, в течение еще многих десятилетий, оно не было обязательным в частной жизни, где нередко бытовали дохристианские культы. Но самое главное состояло в том, что христианство у исландцев, не в пример другим норманнским колониям, способствовало небывалому распространению грамотности, едва ли не поголовной. Как это произошло, никем еще детально не изучено, но скорее всего можно нарисовать такую картину. Уровень благосостояния исландских семей был довольно высок, а детей в этих семьях бывало много. Некоторые из сыновей не становились земледельцами, а получали религиозное образование в других католических странах Европы. Возвращаясь на родину священниками или учеными монахами, они попадали здесь в экономическую зависимость от

⁶ Эйнар Ольгейрссон, Указ. раб., стр. 179 и 184.

наиболее зажиточных земледельцев, так как те были строителями и хозяевами первых церквей. Постройка церквей была личной инициативой земледельцев, и римская католическая церковь поощряла ее. Поэтому не случайно, что из числа именно таких строителей и хозяев церквей, а не из рядовых священников, вышли первые епископы Исландии.

Владельцы церквей создавали церковные школы во главе со священниками для обучения грамоте на родном языке членов семьи земледельца и семей всего церковного прихода. Удивительно, но это факт, что латынь, на которой обучались в Европе исландцы, не стала господствующим языком даже церковной документации и хроник. В то же время латинский шрифт, правда в его англо-саксонской трансформации, был взят за основу при создании исландской письменности на основе древне-норвежского языка.

В такой обстановке, когда еще были свежи в памяти все детали заселения острова и главы каждого из приходов заботились о том, чтобы не были забыты их предки-первопоселенцы и вся генеалогия рода, возникли и стали передаваться из поколения в поколение родовые предания. Неизвестно, были ли они записаны в XI в. Во всяком случае эти записи не сохранились. Но уже в XII—XIII вв. устные родовые предания и предания о прародине исландцев — Норвегии и Скандинавии в целом — были записаны на чистом древненорвежском языке, который в ту пору и вплоть до XIV в. был родным как для Норвегии, так и для всех норманнских островных колоний. Эти записи положили начало исландской литературе, исландской письменной истории и исландской письменной генеалогии. А так как одним из основных элементов саг были сведения по генеалогии, эта литература на последующие столетия консервировала традицию учета преемственности родства по двучленной системе — имени и отчеству.

Интересно отметить, и в то же время это очень важно, что собственная древняя литература, письменная история и письменная генеалогия фиксировались из всех норманнских островных колоний только в Исландии. Когда говорят или пишут «Гренландская сага» или «Фарерская сага», не думайте, что подобно исландским сагам, они записаны норманнами Гренландии и Фарер. Нет «Гренландской саги» или «Фарерской саги» как продукта местного творчества гренландских норманнов или фарерцев, а есть части исландских родовых саг, описывающие события у гренландских норманнов или фарерцев на основе, по-видимому, каких-то устных преданий, а может быть, каких-то других первичных исландских же письменных набросков и записанные исландцами в самой Исландии.

Исландия со второй половины XIII в. была политически подчинена Норвегии, а с конца XIV в. — Дании. Как и на других островах, населенных норманнами и принадлежавших в средневековье Дании, здесь с XVI в., после Реформации, чиновники и купцы были большей частью датского происхождения. В XVII—XVIII вв. датский язык стал языком лютеранской церкви, а затем и административным языком. И все же, невзирая на все это, иноземное культурное влияние, в том числе датское, было довольно слабым.

Культуру Исландии и представления исландцев об их истории продолжали питать родовые саги, которые имелись в рукописных библиотечках в каждом хуторском хозяйстве и чтение которых составляет содержание части досуга исландской семьи вплоть до наших дней.

Если добавить, что во второй половине XVIII в. это культурное воздействие древних саг вызвало движение за очищение исландского языка от иноземных слов, прежде всего от датской лексики, и что это движение пуристов победило, приведя к изоляции исландского языка от скандинавских, к консервации старых языковых форм и идеализации исландских саг как образца литературы; если учесть еще, что для по-

стоянного поддержания пуристских идей воспевались освященные в сагах древние традиции и освежались в памяти генеалогии, то станет понятным, почему старина во всех ее проявлениях, вплоть до системы личных имен в родовых генеалогиях, превратилась не только в объект подражания, но и в устойчивую традицию.

Исландское общество в течение всей истории было преимущественно крестьянским, однако в нем наблюдалась экономическая дифференциация. В новое время основными социальными группами этого общества стали земледельцы, рыбаки и мелкая буржуазия. Понятно, что в новое и новейшее время в связи с появлением рабочего класса и возникновением в Исландии рыбацких поселков, а затем и городов традиция старой формы личного имени, состоящего из имени и отчества, могла бы, как и в других обществах, нарушиться.

Тогда на помощь традиции пришел закон, который должен был закрепить двучленную систему исландских личных имен — имя и отчество. Ибо носители исландской традиции, прежде всего основная масса народа — крестьянство, не хотели принимать такую иноземную «новинку» как фамилии. 10 ноября 1913 г. был издан закон № 41, пресекавший возможности принятия исландцами фамилий. В соответствии с § 9 этого закона фамилию могли носить иностранцы, которые иммигрировали в Исландию, а также те из исландцев, их жен и потомков, которые почему-либо уже получили фамилию до начала нашего столетия (вероятнее всего под воздействием иностранных образцов). Выдающийся исландский писатель Халлдоур Кильян Лахснесс — как раз один из немногих обладателей фамилии.

27 июня 1925 г. был принят новый исландский закон, № 54, действующий и поныне, который, подтверждая положения и ограничения закона № 41, жестко установил следующее:

«§ 1. Каждый человек должен называться каким-либо исландским именем, либо двумя именами, и знать отца, мать или приемного отца, и всегда писать имя и отчество в одном и том же виде в течение всей своей жизни.

§ 2. Никто не должен брать себе фамилию в нашей стране»⁷.

Таким образом бесфамильность исландского общества, опирающаяся на тысячелетнюю традицию, была в последнем полустолетии закреплена, кроме того, законом. Беспрецедентный, единственный на земле случай! Современное государство стремится централизовать учет, установить обязательность фамилий, облегчающих учет населения. А тут закон о запрещении брать фамилию!

В исландском обществе давно сложилось и поныне существует мнение, что человек, почему-либо берущий фамилию, — выскочка, желающий как-то выделиться среди своих соотечественников и тем самым возвыситься над ними. Традиция бесфамильности как бы подчеркивает принадлежность всех исландцев к одной большой семье — всему исландскому народу — и напоминает о его истоках в далеком родовом обществе.

Но достаточно ли в действительности этой двучленной системы личных имен в наше время, например в городах, особенно в исландской столице Рейкьявике? Ведь численность населения в ней составляет сейчас 80 818 человек, или 40% населения всего острова.

Оказывается, нет. В упомянутой писателем Геннадием Фишем телефонной книге значатся имя и отчество абонентов. Из фразы писателя: «Но чьим сыном был отец Магнуса, тогда мне было еще неизвестно, ...а Йоунов в книге числилось немало» — можно логически предположить, что там же, в книге, а отсюда и вообще в современном быту ис-

⁷ Hermann Pálsson, Íslenzk mannanöfn, «Heimskringla», Reykjavík, 1960, s. 11.

ландцев при совпадении имени и отчества у двух и большего числа человек употребляется еще дедство, т. е. и имя деда. Скажем, Магнус Йоунссон Гвюдмюндссон, или применительно к русской антропонимии—Иван, сын Петра, сына Николая.

Однако, как подтвердил автору этой статьи и сам писатель, этого нет — дедство неупотребительно, а цитированный выше отрывок — стилистический недосмотр Геннадия Фиша.

И все же третий член личного имени у исландцев-горожан бывает. В телефонной книге его роль выполняет... домашний адрес и профессия: К примеру:

Магнус Йоунссон, рыбак,

Магнус Йоунссон, ученый.

А те редкие фамилии, которые носят отдельные исландцы и их семьи, как правило, обозначают место происхождения. По функции это обозначение вполне играет роль фамилии. Например, Карли Гриссон фрау Наттфаравик — Карли, сын Гриса, из Наттфаравика, т. е. из бухты Наттфари. Или: Вивиль Гейрмюндсон ур Вёр — Вивиль, сын Гейрмюнда, из Вёра — (в исландском языке «фрау» и «ур» означают предлог «из»). Или же наш современник, названный в упомянутом выше очерке В. П. Беркова, — Бенедикт Гисласон фрау Хофтейи, что по-русски, скажем, было бы равнозначно по этой схеме личного имени Владимиру Ивановичу из Троицкой.

Но все же фамилий или их временных заменителей, как ни неудобно без них в городах, у исландцев мало, и исландский народ в общем-то бесфамильный...

Исландский народ как этническая единица существует немногим более тысячи лет и в отличие от всех других народов мира знает и помнит свою историю практически с самого начала. Его письменность появилась вскоре после возникновения самого народа, а фольклор обрел письменную форму тогда, когда время еще не трансформировало до сказочных искажений недавнюю быль. И по сей день исландская литература раннего средневековья остается образцом для современных исландцев, и именно на нее равняются писатели, а двучленная система личных имен прошлого решительно воздействует на сохранение только имени и отчества, без фамилий.

И. Бутовски

ПРАЗДНИК «ЖИВОГО ОГНЯ» В АЗАНЕ

Огонь облегчил жизнь людям, и они поклоняются ему разными способами. Известно немало праздников, в которых важнейшая роль отведена огню. Один из самых интересных праздников связан с получением «живого огня» путем трения двух кусков дерева. Такому огню приписывается чудотворное свойство защищать скот от болезней. Этот древний обычай в Югославии изучали С. Траянович, Н. Зега и Д. Неделькович. Мы добавим лишь несколько новых наблюдений и характерных деталей.

Обряд добывания «живого огня» до сих пор сохранился кое-где в Сербии, например в Азани — большом селе, расположенном в 91 км от Белграда. Огонь в Азани зажигается в ночь на 15 мая, а сам праздник называется «полерания» или «прогонница», потому что скот прогоняется между двумя кострами. В прошлом этот обряд совершался за околицей, под большим дубом (записом)¹, вокруг которого собиралось все село. Теперь костры зажигают во дворах, причем каждый квартал села добывает свой огонь.

Около двух часов пополудни я отправилась с одним крестьянином к дому, где собирались добыть «живой огонь». Женщины на эту церемонию не допускаются, но мне разрешили присутствовать в виде исключения, как гостье. Тьма окутывала село. Заходящая луна едва освещала нам путь. Тишину нарушали лающие за заборами собаки и петухи, предвещающие рассвет. Дома неясно выступали во мраке, широкое поле расстилалось возле нас.

Мы пришли к дому в назначенное время и застали под стрехой, около орехового дерева, группу крестьян. К разветвляющемуся стволу ореха был прислонен длинный деревянный брус; два крестьянина терли по нему другим, меньшим брусом. Бруски употребляются липовые или кизилевые. На бруске, прислоненном к ореху, имелось несколько углублений — свидетельство того, что он уже не раз использовался для получения огня. Крестьяне работали споро, а я наблюдала со стороны, ожидая, пока появится искра. Наконец дерево начало дымиться. Присутствующие зашумели. Один из них принес трут, чтобы подхватить искру, другой — солому, которую зажег от трута. В радостном возбуждении все двинулись к месту, где был подготовлен костер. В момент, когда вспыхнул огонь, кто-то выстрелил из ружья. Было около трех часов утра. Вскоре до нас донеслась ружейная пальба из других кварталов села. Это означало, что и там добыт огонь.

Начался рассвет. Костер, весело потрескивая, согревал нас. Хозяин принес ракию и стал угощать собравшихся крестьян. Выпивая, все вспоминали про скот, чтобы «живой огонь» защитил его от болезней.

Становилось все светлее; розовел восток. До восхода солнца каждый должен был в своем дворе разжечь огонь и прогнать скот между двумя кострами. Приходили крестьяне с брусками дерева, зажигали их от

¹ Запис — большое дерево, возле которого совершались различные обряды.

нашего костра и несли к своим домам. За огнем являлись только мужчины. На этом закончилась утренняя часть праздника.

Хозяин, во дворе которого добывался огонь, по обычаю пригласил на обед всех присутствовавших на этом обряде, а также других своих соседей и знакомых. На таком обеде назначается хозяин на следующий год. Расходы по устройству обеда делятся поровну между всеми участниками. Выпекается хлеб, как для славы², — круглый, разукрашенный затейливыми узорами.

В начале обеда зажигают свечу. Гости встают. На почетном месте у стола находится хозяин дома, по правую руку от него — крестьянин, который будет хозяином на следующий год. Держа хлеб в руках, хозяин произносит: «Во имя отца и сына...», а его преемник продолжает: «...и святого духа, аминь». Это повторяется три раза. Потом хозяин берет нож, крестит им хлеб и разрезает пополам, поливает вином и одну половину дает новому хозяину, предварительно ее поцеловав, а тот, принимая хлеб, тоже целует его. Затем старый и новый хозяева целуют друг друга. Вторую половину хлеба хозяин дома делит между всеми гостями, после чего стол окуривают ладаном, все садятся и принимаются за еду. По окончании обеда начинаются забавы. Под гармонику танцуют национальные танцы. Народ заполняет двор хозяина, и веселье долго не прекращается. В этот день в поле не работают. Праздник «живого огня» посвящен скоту.

² Слава — традиционный исключительно сербский семейный религиозный праздник. Каждый празднует день святого в тот день, когда, по преданию, его предок принял христианство. Развившись во время турецкого ига как протест против ислама, праздник этот связан с рядом народных обычаев.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЙ СЕМИНАР ПО ОНОМАСТИКЕ

С 20 по 26 января 1969 г. в г. Самарканде состоялся Межреспубликанский семинар по ономастике, организованный факультетом русской филологии Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои и группой этнической ономастики Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Научное руководство работой семинара осуществлялось В. А. Никоновым.

В работе семинара приняли участие многие крупные специалисты Узбекской ССР, Кара-Калпакской АССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Киргизской ССР, Азербайджанской ССР, Дагестанской АССР, Башкирской АССР, лингвисты, филологи, историки, этнографы. Особенно отродно отметить участие в работе семинара группы студентов Чимкентского педагогического института, которые под руководством В. Н. Поповой подготовили и зачитали на семинаре рефераты по всем отраслям ономастики.

В исторической ономастике Средней Азии и Казахстана, как в капле воды, отразилась многотысячелетняя история народов этого ареала. Много специфических вопросов ставит перед исследователями и современная ономастика, изучение которой невозможно без учета двуязычия, а иногда и трехязычия, столь характерных для современного этапа этнического развития народов этих республик. Неслучайно поэтому, что проблемы изучения ономастики Средней Азии и Казахстана были ведущей темой семинара.

Наибольшее количество докладов и рефератов, заслушанных и обсужденных на семинаре, было посвящено изучению топонимии Средней Азии и Казахстана. Здесь необходимо отметить в первую очередь интересный доклад-лекцию одного из руководителей семинара Г. И. Донидзе (Москва), посвященный проблемам транскрипции тюркских географических названий. Анализ топонимов Приаралья в историческом аспекте был посвящен доклад У. В. Бекбаулова (Нукус). Автор убедительно показал, что топонимы Приаралья могут служить ценным источником по истории каракалпакского народа. Микротопонимии средневекового Самарканда был посвящен доклад Э. Р. Худайдаевой (Самарканд). Об исторической и современной микротопонимии г. Сайрама и Сайрамского района рассказали в своих выступлениях А. Юлдашев (Ташкент) и Н. Н. Ветюшкина (Чимкент). О составлении топонимического словаря Каракалпакии доложил семинару К. Абдимуратов (Нукус). В докладе А. А. Камалова (Уфа), посвященном характеристике булгаро-чувашских гидронимов на территории Башкирии, были приведены материалы, ценные не только для изучения исторической топонимии Башкирии, но и для решения сложной проблемы этногенеза башкирского народа.

Местным географическим терминам в составе гидронимии Южного Казахстана был посвящен доклад В. Н. Поповой (Чимкент). Изучению таджикской топонимии Фарша посвястил свой реферат В. Касымов (Самарканд). О топонимии Ферганы рассказала С. С. Губаева (Фергана), о микротопонимии Чимкента — О. А. Тулаева (Чимкент), о топонимах Туркменского района — К. М. Нурпеисова (Чимкент). Вопросу о сохранении в топонимии Казахстана древнеказахстанских этнонимов было посвящено сообщение Е. Койчубаева (Алма-Ата). Характеристика диалектных черт русского языка в местной топонимии была дана в реферате А. С. Крюковой (Уральск).

Важное место в работе семинара заняли вопросы, связанные с изучением исторической и современной антропонимии народов Средней Азии и Казахстана. В интересном докладе Т. Ж. Жанузакова (Алма-Ата) был дан анализ древнетюркской ономастики и прежде всего антропонимии. На материале памятников V—VII вв. н. э. было показано, что в раннем средневековье многие социально-экономические термины-титуты, такие, как хан, бег, бай, тегин, чур, тулук и др., были неотъемлемой частью антропонимов древнетюркской знати. Характеристике обычаев, некогда бытовавших у башкир и связанных с наречением имени, был посвящен доклад Т. Х. Кусимовой (Уфа).

В ряде докладов была дана характеристика современного имени казахов (Р. Ниянбаева, Чимкент), туркмен (Г. Х. Сопиева, Ашхабад), евреев Средней Азии (Р. Д. Ибрагимова, Самарканд). В докладах Э. Б. Магазаника и Л. И. Ройзензона (Самарканд) была поставлена проблема: личные антропонимы и память как один из факторов, определяющих диапазон выбора имени. На факультете русской филологии Самаркандского университета была также проведена работа по изучению антропонимии русского населения Самарканда за 30 лет (1936—1966 гг.) (доклад Э. Б. Магазаника и Л. И. Ройзензона).

Изучению антропонимии русин Югославии были посвящены два сообщения А. Д. Дуличенко (Самарканд). Автор привлекает данные антропонимии русин для решения вопроса об их этногенезе и приходит к выводу, что русины являются выходцами из Восточной Словакии. Наблюдаемая в настоящее время утрата родовой дифференциации фамилий у русин, по мнению А. Д. Дуличенко, связана с влиянием сербского языка.

Проблемы этнонимии нашли свое отражение в двух докладах, зачитанных на семинаре. Доклад И. Х. Абдулаева и К. Ш. Миканлова (Махачкала) был посвящен анализу этнонима лезгин. Об узбекской этнонимии рассказал Х. Данияров (Самарканд).

Особенно отрадно отметить появление работ, посвященных изучению космонимии (Д. Нуржанова, Чимкент), зоонимии (Г. Фельде, Чимкент), названий учреждений (Л. Филатова, Чимкент).

Факультет русской филологии Самаркандского университета широко известен в нашей стране как один из центров изучения поэтической ономастики. По этой тематике на семинаре выступили Р. И. Охштан, Н. П. Агафонов, Р. Садимова, Р. Ахмедова, А. А. Петров (Самарканд), У. М. Эткин (Карши), В. Я. Амитин (Бухара).

На заключительном заседании Л. И. Ройзензон рассказал о подготовке коллективом факультета русской филологии Самаркандского университета ономастического словаря русской литературы XIX в.

Межреспубликанский семинар по ономастике был запланирован как учебный. Именно поэтому важное место в его работе было отведено чтению курса лекций «Введение в ономастику» (В. А. Никонов). В своих лекциях, которые собирали обширную аудиторию студентов и преподавателей университета и Педагогического института, а также представителей других научных и учебных учреждений г. Самарканда, В. А. Никонов осветил все кардинальные проблемы основных разделов ономастики: топонимики, антропонимики, этнонимии, космонимики.

Межреспубликанский семинар способствовал установлению контактов между учеными, исследователями в области ономастики и определению тех проблем, которые сегодня стоят перед ними. Он, несомненно, послужит хорошей подготовкой к Среднеазиатскому совещанию по ономастике. Успеху семинара немало способствовало и то, что он проходил в Самарканде, одном из прекраснейших и древнейших городов Востока, в год, когда Самарканд отмечает свое 2500-летие.

Р. Ш. Джарылгасинова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЛИТОВСКОЙ ССР

Конец 1968 г. в Литовской ССР ознаменовался крупным событием в культурной жизни — в Вильнюсе впервые открыл свои двери для посетителей Историко-этнографический музей, один из крупнейших республиканских музеев нашей страны.

Музей расположен в монументальном старинном здании у самого подножья горы Гедиминаса. В этом живописном уголке крупного современного города, каким стал Вильнюс в послевоенные годы, все дышит литовской стариной. Здание музея — бывший арсенал, памятник архитектуры XVIII в.; оно пристроено к уцелевшей части оборонительной стены Вильнюсского замка; в непосредственной близости расположены фундаменты храмов XIV—XV вв., раскопанные археологами Литвы в 1957—1961 гг.; здесь же неподалеку найдены и другие археологические памятники — деревянные мостовые, позволившие историкам определить число культурных слоев этого древнего города.

Но особенно колоритна в этом комплексе памятников средневековой замковая башня, стоящая на вершине горы Гедиминаса — самой высокой точке Вильнюса. Над башней (теперь филиалом Музея) развевается государственный флаг Литовской ССР.

У музея довольно солидный возраст — ему более ста лет. Но для широких кругов посетителей, как это ни кажется парадоксальным, он открыт впервые только теперь. Позади длительный и сложный путь развития музея. Музей был основан как хранилище древностей в 1856 г. по инициативе прогрессивных деятелей того времени — Е. и К. Тишкевичей, М. Балинского, Т. Нарбута, А. Киркора. 17-го апреля 1856 г. состоялось открытие первой экспозиции, содержавшей преимущественно небольшие коллекции по археологии и нумизматике Литвы и Белоруссии. Первоначально фонды Музея сложились из подношений частных лиц и остатков собраний некоторых кабинетов Вильнюсского университета, закрытого в 1832 г. Музей древностей находился в ведении Вильнюсской археологической комиссии и был рассчитан на узкий круг специалистов. Но и в таком виде он просуществовал только около десяти лет. В 1865 г., т. е. вскоре после восстания

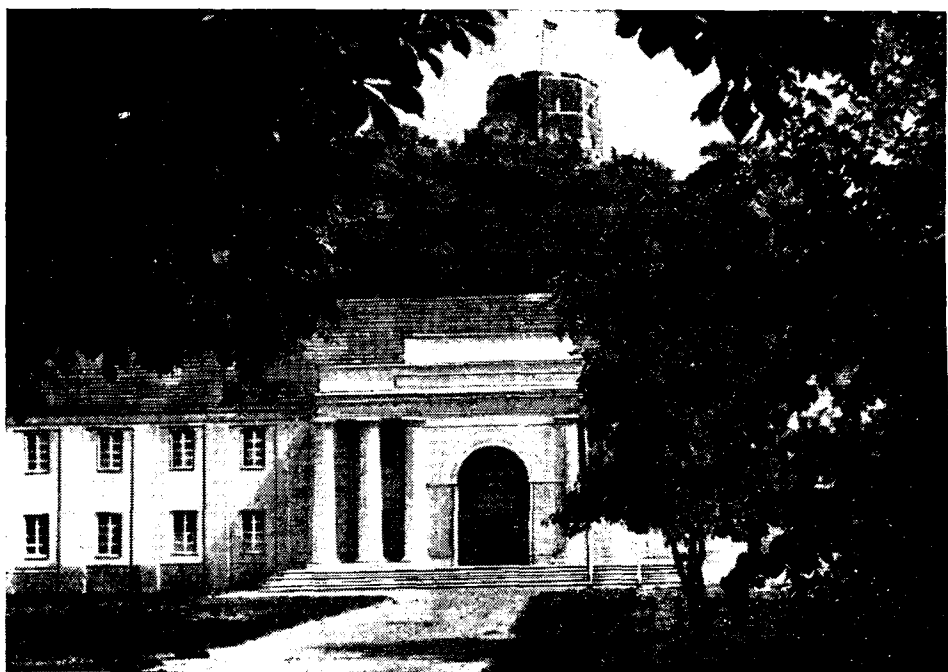

Рис. 1. Историко-этнографический музей Литовской ССР

1863 г. в Литве, Музей, как и многие другие культурные учреждения, был закрыт по приказу генерал-губернатора М. Муравьева. Значительная часть коллекций, особенно те, которые освещали историю Великого княжества Литовского, была изъята, а затем передана другим музеям царской России.

В 1868 г. Музей возобновил свою деятельность и функционировал как научная лаборатория до 1915 г., находясь в ведении Вильнюсской публичной библиотеки. Его фонды, как и ранее, состояли из археологических и нумизматических коллекций и отдельных исторических экспонатов.

Во время первой мировой войны, в 1915 г., когда фронт подошел к Вильнюсу, часть экспонатов Музея была эвакуирована в тыл, часть пропала или была уничтожена (преимущественно нумизматические экспонаты и некоторые археологические находки).

В 1919 г. Советское правительство Литвы приняло решение о создании в Вильнюсе Историко-этнографического музея. В соответствии с этим решением, датированным 25 марта 1919 г., было выделено специальное помещение, отпущены средства на его ремонт. Директором Музея был назначен известный деятель литовской культуры врач Йонас Басанавичюс. Однако последовавшая в 1920 г. оккупация Вильнюса и Вильнюсского края войсками панской Польши не только прервала все работы, направленные к созданию экспозиции Музея, но и привела к его ликвидации. Коллекции Музея были переданы на хранение в Вильнюсский университет.

Вопрос о возобновлении деятельности Музея был снова поднят только через 13 лет. Он был разделен на два самостоятельных небольших музея типа научных или скорее учебных кабинетов. 4 декабря 1933 г. в стенах Университета состоялось открытие археологического музея, а вслед за этим был открыт этнографический музей.

Фонды археологического музея состояли в своем большинстве из немногочисленных сохранившихся коллекций. Музея древностей. Этнографический музей Университета к моменту его создания располагал крайне малыми фондами. Его коллекции комплектовались уже в последующие годы преимущественно путем сбора полевых материалов. В числе наиболее активных собирателей экспонатов для этого музея должно быть названо имя польского этнографа М. С. Знамеровской-Прюферовой, являвшейся тогда сотрудницей Музея¹. Из собранных ею коллекций наибольшую ценность представляет коллекция предметов рыболовной техники.

В 1941 г. правительство Литовской ССР передало оба этих музея в ведение только что созданной тогда республиканской Академии наук, где они были вновь объединены в один Историко-этнографический музей. Однако нормальная деятель-

¹ М. С. Знамеровская-Прюферова является в настоящее время директором Этнографического музея в г. Торуне (ПНР) и поддерживает тесные связи с этнографами Литовской ССР.

ность музея развернулась лишь после войны. В годы Великой Отечественной войны и временной фашистской оккупации Литвы музей не функционировал, а часть его коллекций погибла.

В 1946 г. сразу же после возобновления деятельности Академии наук Литовской ССР был предпринят ряд мер, обеспечивших быстрое дальнейшее развитие музея. Музею были переданы немногочисленные экспонаты из фондов различных ранее существовавших культурно-просветительных организаций или ведомств. Так, например, музей получил ценные археологические и этнографические коллекции бывшего Литовского научного общества. Часть их была собрана общественностью края еще в 1900 г. для Всемирной выставки в Париже (в том числе экспонаты по народной одежде, резьбе по дереву, скульптуре, писанкам и т. п.). Некоторые материалы о литовцах были переданы из ранее существовавшего в Вильнюсе Белорусского музея. В общей сложности к концу 1946 г. в музее было около 15 тысяч экспонатов. Позднее коллекции пополнились экспонатами инкорпорированного Вильнюсского караминского музея.

При общей большой ценности всех названных фондов они имели и существенные недостатки. Вещевой материал с территории Литвы охватывал в основном Вильнюсский край².

Перед молодым и вначале малочисленным коллективом музея, возглавляемым опытным музееведом-этнографом В. Жиленасом (ныне заслуженным деятелем культуры Литовской ССР), встала большая и сложная задача планомерного увеличения в максимально сжатые сроки разнообразных фондов музея. В этой связи была достигнута договоренность о концентрации в музее всех археологических и нумизматических материалов из археологических раскопок, проводимых как Институтом истории АН Литовской ССР, так и Вильнюсским государственным университетом. Был также разработан перспективный план этнографических экспедиций и определен характер материалов, подлежащих сбору. Начиная с 1948 г. стали систематически проводиться экспедиции для сбора новых экспонатов. В течение 20 лет ежегодно проводилось по несколько археологических и этнографических экспедиций и большое число научных командировок. Три четверти имеющихся в настоящее время этнографических экспонатов приобретено именно путем экспедиций в советское время. Помимо приобретения вещевых материалов, производилась фиксация различных памятников в натуре, сопровождавшаяся их детальным научным описанием.

С большими трудностями сотрудники музея столкнулись при комплектации фондов исторического отдела. Этот отдел особенно остро нуждался в пополнении самыми разнообразными материалами. Успеху, обеспечившему значительный приток экспонатов, способствовала умело поставленная коллективом музея пропагандистская работа (выступления по радио и телевидению, чтение лекций, участие в работе краеведческих организаций и т. п.). Немалые заслуги в сборе и поисках экспонатов по истории Литвы принадлежат директору музея В. Жиленасу, приложившему к этому много энергии. В числе приобретенных музеем в послевоенное время экспонатов можно было бы назвать коллекции фарфора, различные изделия городских ремесленников, предметы одежды горожан, мебель, редкие книги, предметы культа, ювелирные изделия и другие экспонаты, относящиеся к разным историческим периодам развития Литовского государства. О плодотворности проведенной работы по комплектованию фондов музея свидетельствуют следующие цифры: число экспонатов за период с 1948 г. возросло в музее более чем в десять раз. В 1968 г. к открытию экспозиции музей имел уже 175 тысяч единиц хранения. Кроме того был создан большой рукописный архив, фотоархив и архив рисунков.

В 1963 г. Историко-этнографический музей Литовской ССР перешел из республиканской Академии наук в ведение Министерства культуры Литовской ССР. До получения специального здания музей по-прежнему размещался в нескольких рабочих аудиториях Вильнюсского государственного университета, где не только не могли быть речи о создании постоянной экспозиции, но в связи с быстро растущими фондами музея испытывался острый недостаток и в площади для их размещения.

Функции музея, как научно-просветительного учреждения, ограничивались в эти годы созданием тематических выездных выставок или временным предоставлением своих экспонатов для экспозиции других музеев. Так, в 1966 г. Историко-этнографический музей Литовской ССР одним из первых музеев нашей страны откликнулся на приглашение Моравского этнографического музея Чехословакии (г. Брно) и организовал там на базе своих фондов большую этнографическую выставку; в другой раз, музей направил некоторую часть своих экспонатов в США. В Советском Союзе часть коллекций музея по народной одежде и искусству литовцев демонстрировалась в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ) в Ленинграде, где на базе коллекций из фондов ГМЭ и музеев двух других Прибалтийских республик была создана выставка, которая привлекла большое внимание посетителей. Устройство выставок, несомненно, имело большое положительное значение. Но этим, естественно, не

² Материалы по археологии и этнографии, относившиеся к остальной, большей части территории Литвы, входившей до 1940 г. в состав Литовской буржуазной республики, ранее концентрировались в Художественном музее им. М. К. Чюрлиониса в г. Каунасе. Там они были оставлены и после установления в Литве Советской власти.

могла быть ограничена деятельность музея в области культурно-просветительной работы. Все эти годы коллектив музея вел серьезную подготовку к созданию постоянной экспозиции, что и нашло свое завершение в ее открытии в ноябре 1968 г.

Двухэтажное здание музея, капитально отремонтированное и распланированное в соответствии с принятым проектом экспозиции, состоит из восьми больших залов общей площадью более 2000 кв. метров. Фонды музея размещены в приспособленных для этого помещениях в мансардной части здания, а также во флигеле, где сосредоточены рабочие кабинеты и лаборатории музея. В перспективе возможно расширение служебных площадей, так как музеем намечено передать еще некоторые соседние здания.

План экспозиции разработан научными сотрудниками музея при консультации историков, археологов и этнографов Института истории АН Лит. ССР. Проект построения и оформления экспозиции выполнен в Республиканских научных мастерских Художественного комбината. Авторы проекта художники-архитекторы Ю. Масальскас и В. Заранка. По их чертежам была изготовлена и вся музейная мебель. Фото-панно выполнены В. Бортиявичюсом. В целом принцип построения экспозиции и ее оформительское мастерство заслуживают, по нашему мнению, самой высокой оценки.

Преобладание белого цвета в окраске стен и щитов; новая мебель со светлой фанеровкой; сочетание люминисцентного освещения с естественным дневным светом, ослабленным красивыми полупрозрачными портьерами; принцип распределения площади каждого зала с помощью встроенных колонн, образующих дополнительные ниши для размещения экспонатов; применение для этих же целей небольших легких разделительных перегородок из металлических прутьев с окраской, контрастирующей основному фону залов; широкое применение фото-панно и т. д. — все это придает экспозиции нарядный современный вид и вместе с тем способствует легкости восприятия.

Экспозиция построена на материалах, почерпнутых из фондов только данного музея (она включает около 9 тыс. предметов). Почти нет муляжей и копий, что обычно для экспозиций многих других музеев.

Проходя по залам убеждаешься в богатстве фондов, несмотря на то, что экспонирована лишь небольшая их часть. Надписи очень лаконичны. Для объяснения функции того или другого предмета служат хорошо выполненные рисунки и фото. В основу экспозиционного плана положен принцип исторической последовательности.

В первом зале представлены археологические материалы. Экспозиция охватывает исторические периоды от момента первоначального заселения человеком территории Литвы и до начала формирования Литовского государства (XIII в. н. э.)³.

В зале экспонировано более 1800 оригинальных предметов из археологических раскопок. Их дополняют скульптурные портреты-реконструкции мужчин и женщин — древних жителей Литвы разных эпох. Реконструкции выполнены литовским археологом и антропологом В. Урбанавичюсом, учеником М. М. Герасимова.

На археологических материалах показано развитие производительных сил в условиях первобытно-общинного строя, состояние древних промыслов и ремесел, торговли и культурных связей литовских племен с их соседями и более отдаленными странами и народами. Обширный материал относится к погребальной обрядности, он отражает мировоззрение тогдашнего человека, свидетельствует о социально-экономических процессах, которые сыграли роль при складывании классового общества и формировании литовской народности и т. п.

Удачно расположены в шкафах предметы из кремня, кости, янтаря, металла, стекла, керамические изделия. Они даны на фоне документальных фото-панно, изображающих археологические памятники или процесс их раскопок. В экспозицию включены также оригинальные карты распространения тех или иных памятников или типов предметов.

Характерной чертой культуры племен балтов, проживавших на территории Литвы с начала новой эры, является обилие металлических изделий и разнообразие их форм. Особенно много бронзовых и серебряных украшений. Авторы экспозиции старались показать полный комплекс украшений жителей отдельных культурно-этнических областей и этим определить характерные черты погребального обряда и одежды древних куршей, жемайтов, аукштайтов и других балтийских племен. На рисунках показаны также способы ношения тех или иных украшений.

Экспозиция второго зала знакомит посетителя с разными этапами истории древнего Литовского государства, повествует о судьбе литовского народа в эпоху Великого княжества Литовского и объединенного литовско-польского государства — Речи Посполитой⁴.

Здесь размещено много уникальных экспонатов — оружие XIV—XV вв. и более поздних столетий, жезлы командующих воинскими частями, портреты видных деятелей XVI—XVIII вв., флаги, различные образцы денежных знаков и т. п. К последним отно-

³ Экспозиция выполнена под руководством заведующей археологическим отделом Б. Таутавичене.

⁴ Экспозиция этого и других залов, где представлены исторические материалы, выполнена под руководством и при непосредственном участии В. Жиленаса.

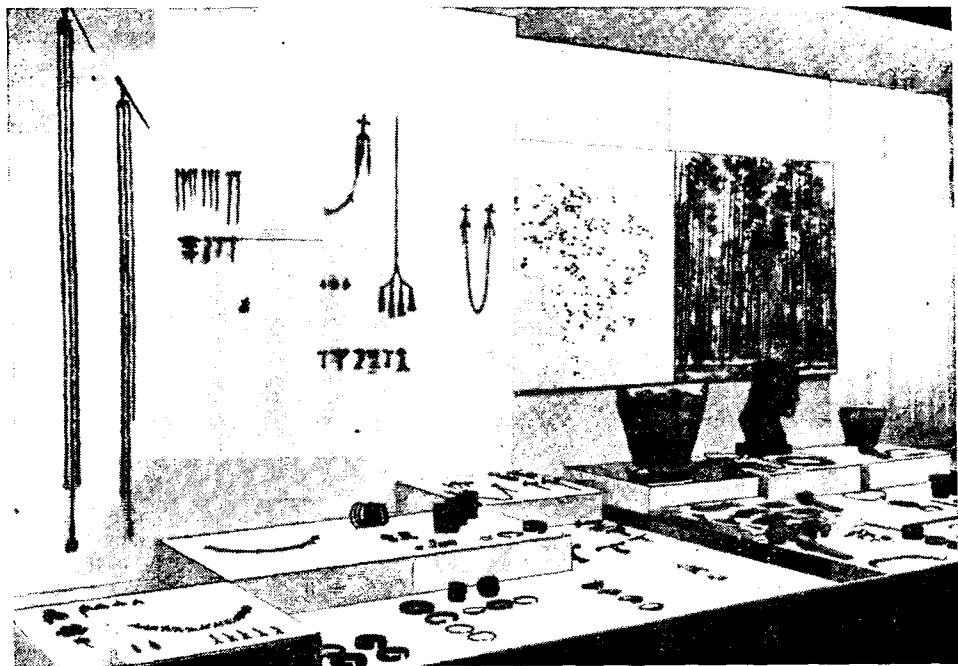

Рис. 2. Часть археологической экспозиции музея

сится медная плита весом в 14 кг времен шведской войны, найденная недавно в Вильнюсе при капитальном ремонте одного старинного здания.

Здесь же экспонированы различные предметы из придворного домашнего обихода, среди них выделяется, например, столовая ложка короля Речи Посполитой Сигизмунда III, она сделана из серебра с позолотой и украшена гербами Литвы и Польши.

Широко освещено развитие городов Литвы в XVI—XVIII вв., процветание цеховых ремесел — ювелирного, кузнечного, литейного, переплетного, портновского и других. Наряду с инструментами и образцами изделий здесь привлекают внимание цеховые знамена, особенно знамя столярного цеха, шитое серебром.

Особое место отведено в экспозиции показу истории самого города Вильнюса. В центре — старинный герб города в виде изображения святого Христофора. Далее следует план Вильнюса XVI в. из атласа Брауна. Из отдельных экспонатов интересна уцелевшая металлическая дверь костела бернардинцев XV в. с рельефом, исполненным техникой чеканки.

В одном из шкафов представлено облачение католического духовенства, шитое золотом, работы местных мастеров.

О жестокости представителей господствующих классов по отношению к литовским горожанам свидетельствует подлинный деревянный «столб позора», стоявший некогда на ратушной площади города, а также цепь, которой виновных приковывали к этому столбу. Здесь же выставлены различные орудия наказания, меч палача и т. п.

Много места уделено в этом зале материалам о просвещении и культурной жизни Литвы. Вильнюсский университет — один из старейших университетов Европы. Выразительны портреты профессоров университета и в их числе первого ректора — П. Скарги (XVI в.). В числе уникальных экспонатов дана парадная мантия — подаренная ректору в 1579 г. королем Стефаном Баторием. Представлены образцы университетской мебели — старинные кресла членов ученого совета. Богата коллекция университетских изданий — учебников, диссертаций, а также различных рукописей.

Интересный материал собран по развитию книгопечатания в Литве и по производству бумаги. Привлекает внимание карта размещения типографий XVI в., сообщаются сведения о числе бумажных фабрик, даны образцы бумаги и разнообразные типы изданий книг, брошюр, листовок и т. п.

Третий и четвертый залы отведены показу производственного и домашнего быта крестьян эпохи феодализма⁵. Здесь помещены пожелтевшие от времени документы, рассказывающие о сопротивлении крестьян принудительному введению волоочной ре-

⁵ Экспозиция этих и седьмого залов выполнена под руководством заведующей этнографическим отделом музея С. Бернотене.

формы в XVI в., о размерах и характере феодальных повинностей и т. п. Экспонаты иллюстрируют уровень развития земледелия, животноводства и других отраслей сельского хозяйства, а также промыслов и сельских ремесел Литвы в XVI—XVIII вв. Состояние техники земледелия характеризуют примитивные деревянные сельскохозяйственные орудия — рала, сохи, разного типа бороны, орудия сенокоса и уборки, орудия для обработки льна и др. Их дополняют фотографии с изображением способов употребления этих орудий.

К сельскохозяйственному разделу примыкает материал по пчеловодству, лесным промыслам и рыболовству. Большое впечатление производят натуральная борть в дупле ствола толстого дерева, установленного в зале, и приспособление для лазания по дереву. Лесные промыслы представлены инструментами и изделиями бондарей. Трехметровое фото-панно изображает один из способов рыбной ловли в пресных водах. Выставлены лодка-долбенка и «бобы» — приспособление для вытаскивания сетей. Помимо этого экспонирована большая коллекция различных орудий для рыбной ловли (остроги, гарпуны и проч.). Здесь же размещены материалы по гончарному и плотничьему ремеслу. Выставлены два типа гончарных кругов на фоне большого фото-панно, знакомящего с техникой изготовления посуды на гончарном круге.

Домашний быт и обстановка жилища крепостных крестьян конца XVIII в. представлены в виде двух интерьеров, выполненных в натуральную величину: интерьера «пиркя», «грися» — жилища восточной части Литвы (Аукштайтии) и интерьера «троба» — жилища центральной и западной Литвы (Жемайтии). Для первого типа жилища характерно сочетание курной избы с холодными сенями и коморой, что и показано в экспозиции. Второй тип жилища характеризуется отопляемыми сенями, в которых находится открытый очаг, защищенный каменной кладкой («каминас»), в виде небольшой камеры с отвесными стенами, переходящими затем в трубу пирамидальной формы. По одну сторону сеней с каминасом расположена жилая изба с печью, устье которой обращено в каминас, по другую — камора. Последняя, как и камора в гриче, могла в то время использоваться для хозяйственных нужд или как чистая неотопляемая горница. Интерьер избы состоит из сеней с каминасом и чистой коморы. Оба интерьера представляют собой обстановочные сцены, в которых не только воссоздан типичный для этих двух этнических регионов внутренний облик жилища с характерным набором и расположением мебели и утвари, но и удачно включены манекены в костюмах этих ранее резко различавшихся этнических групп литовского народа.

Принципы устройства интерьеров хорошо продуманы как архитекторами, так и этнографами — музейными работниками. Они показывают крестьянский быт в динамике, а не как мертвую схему. Манекены, поставленные в динамических позах, производят впечатление живых людей, действительно занятых своей работой, пришедших друг к другу побеседовать, или собирающихся куда-то в путь.

На противоположной стене этого зала размещена целая серия крупных фотографий с изображением внешнего облика жилищ, хозяйственных построек и отдельных предметов домашнего быта.

В пятом зале представлен материал о быте феодальной знати и горожан XVI—XVIII вв. Экспозиция этого зала построена на контрастах с предыдущим. Здесь все говорит о роскоши и изысканности быта господствующих классов феодальной Литвы. Стильная мебель, шитая золотом и серебром одежда, богато орнаментированное оружие и конская упряжь и многое другое. В числе экспонатов обращает на себя особое внимание серебряный ковш шведского короля Карла XII и часы работы мастеров XVIII в., не потерявшие точности хода и по сей день⁶.

В этом же зале экспонированы изделия феодальных мануфактур: знаменитые случские пояса, вытканые в мануфактуре магнатов Радзивилов, ковры из мануфактур помещиков Огинских, а также замечательные образцы изделий из стекла.

Здесь же выставлены образцы мебели, люстры, прекрасная коллекция саксонского фарфора XVIII в., выполненного по заказу магнатов, и ковер работы гродненской мануфактуры.

Интересны материалы, относящиеся к восстанию 1794 г., вождем которого являлся Тадеуш Костюшко. Здесь представлен подлинник на литовском языке обращения к крестьянам Верховного совета Литвы (правительства, созданного повстанцами). Дан портрет одного из руководителей восстания Якова Ясинского, экспонировано оружие и образцы денег, выпущенных повстанческим правительством, карты сражений и т. п.

Заключительная часть экспозиции этого зала посвящена материалам о разделе Речи Посполитой. В числе экспонатов выставлены такие уникальные предметы как столик, на котором был подписан акт о последнем, третьем, разделе Речи Посполитой в 1795 г. Рядом лежит знаменитый меч последнего короля объединенного Литовско-польского государства Станислава Августа Понятовского, который он, подписав акт, переломил пополам.

⁶ Часы реставрировались заведующим реставрационными мастерскими музея Альбертасом Лисанкой. Он «нашел ключ» и ко всем казначейским сундукам XVI—XVIII вв. с очень сложной системой замков.

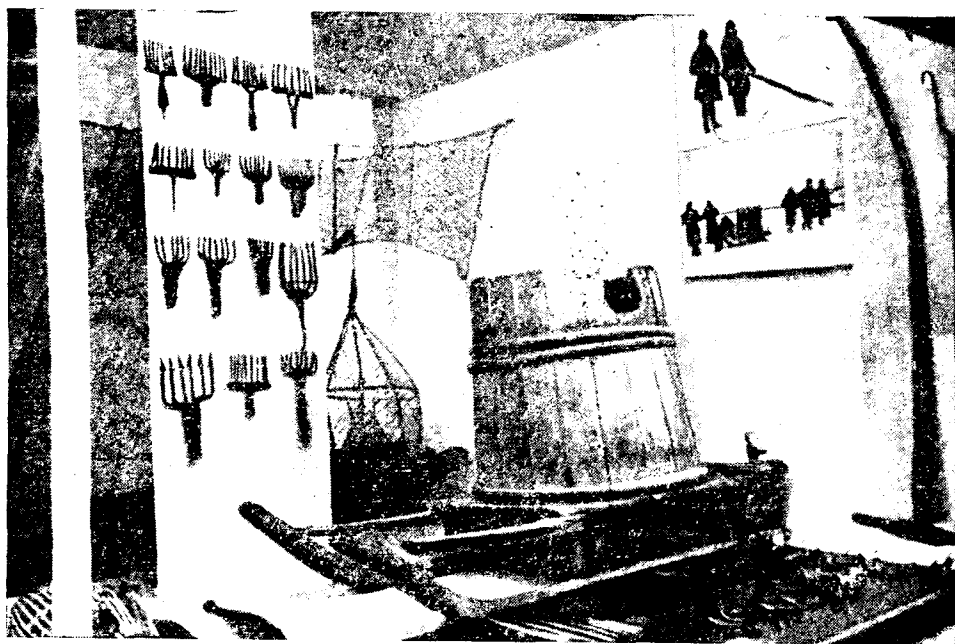

Рис. 3. Орудия для рыбной ловли

Рис. 4. Интерьер каморы в крестьянском жилище Восточной Литвы — грича

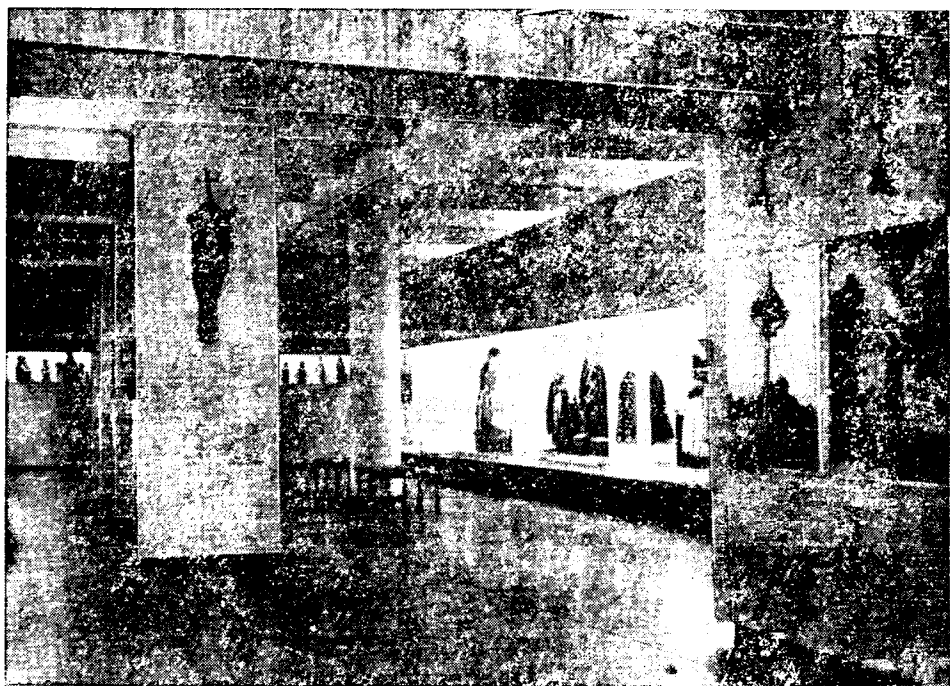

Рис. 5. Общий вид экспозиции седьмого зала

Рис. 6. Женская одежда Юго-Восточной части Лигвы — Дзуикии

Шестой зал отображает политическое, экономическое и культурное развитие Литвы в составе Российской империи. Хронологически это XIX в. и первое десятилетие XX в. (включая годы первой мировой войны).

Много места отведено войне 1812 года. Экспонируются военные формы русских и французских офицеров, их оружие.

Немало материалов рассказывает о крестьянских восстаниях 1831 и 1863 гг. против царизма; здесь даны карты с обозначением пунктов восстаний, оружие, портреты руководителей восстаний, личные вещи повстанцев, различные миниатюрные изделия, выполненные ими во время ссылки в Сибирь и др.

Восстановлены также обрядовые предметы местной организации массонов. Один из разделов экспозиции посвящен быту дворян и богатых горожан (XIX в.), здесь представлена мебель, посуда, обувь, а также коллекции курительных трубок, женских грешней и т. п.

Выставлены также различные изделия местных ремесленников — кузнецов, сапожников, портных и др.

В следующих разделах этого зала с помощью многих выразительных экспонатов характеризуется ускоренный по сравнению с XVIII в. ход экономического и культурного развития Литвы в составе царской России и рост национального и политического сознания трудящихся. Здесь демонстрируются материалы о внедрении в сельскохозяйственное производство первых усовершенствованных плугов, отмечается значение пропаганды этого с помощью соответствующей литературы и приводятся образцы её. В числе экспонатов помещены дипломы, полученные литовскими животноводами на Всероссийской выставке. Характеризуется направление развития промышленности края, торговли, строительства железных дорог. На щитах размещено много ценных подлинных документов и фотографий — живых свидетельств той эпохи.

В разделе о культуре Литвы XIX — начала XX вв. помещены портреты видных деятелей культуры того времени — писателей, композиторов, художников; даны образцы литературы, газет. В частности, экспонированы первые литовские газеты «Аушра» (Заря), «Варпас» (Колокол) и др. Особую ценность представляют книги, отпечатанные на литовском языке с использованием русского шрифта, а также книги с латинским шрифтом. Здесь следует заметить, что после восстания 1863 г. издание книг на литовском языке было запрещено. До 1904 г. они печатались в Восточной Пруссии и оттуда контрабандным путем доставлялись через границу в Литву.

Широко освещена деятельность Вильнюсского университета. Посетитель получает также представление о театре и музыке Литвы второй половины XIX — начала XX вв.

Один из главных стендов зала знакомит с зарождением рабочего движения в Литве, появлением первой марксистской литературы, распространением газеты «Искра».

Ценные материалы представлены в разделе о революции 1905—1907 гг. и влиянии революционных событий на общественную и культурную жизнь Литвы. Одним из завоеваний трудящихся Литвы явилось восстановление в своих правах литовского языка. В этом разделе экспонированы образцы литературы (книг, газет) на литовском языке, издаваемой в те годы в Вильнюсе. Сообщаются сведения о первых школах с преподаванием на литовском языке и учебниках, выпущенных для этих школ.

Заключительный стенд зала содержит материалы о первой мировой войне, принесшей Прибалтийским губерниям особенно большие бедствия.

Седьмой зал посвящен народному искусству этнических групп литовцев, начиная с XVII в. по XX в. Наряду с многими новыми чертами в быте и культуре литовских крестьян в период возникновения и развития капиталистических отношений сохранились и многие традиционные черты, в частности стойко удерживались прежние областные различия в материальной культуре. Этот момент и положен в основу экспозиции данного зала. При входе в него, прежде всего привлекает внимание фото-панно литовских деревень и усадеб разных этнографических областей Литвы: Аукштайтии, Жемайтии, Дзукии, Занеманья. Калоритны избы с резными деревянными украшениями на гребнях соломенных крыш, деревянные заборы и плетни вдоль улиц и дорог, колодцы с журавлями, скульптуры святых, одиноко стоящие на перекрестках дорог и т. п.

Центральное место в этом зале вновь занимают интерьеры. Они знакомят с внутренним убранством крестьянского жилища, но в отличие от экспозиции четвертого зала, само жилище здесь уже не демонстрируется. Экспонаты, образующие интерьер, поданы на нейтральном фоне стен зала, но все предметы функционально связаны именно с жилищем. Следует заметить, что из предметов крестьянского быта для этого зала специально отобраны такие, которые характеризуют творческие дарования и вкус народа. В каждом интерьере даны лучшие образцы расписной мебели, узорчатые покрывала, скатерти, полотенца, богато украшенные резьбой и полихромной росписью орудия труда — прялки, веретена и др. Экспонирована гонимая поливная посуда, деревянные и глиняные игрушки и т. п. На размещенных в интерьерах манекенах одета праздничная одежда, особенно отчетливо подчеркивающая локальные различия. В зале два таких интерьера по числу этнографических областей.

Предметы, отличающиеся особым художественным мастерством, но не связанные с жилищем, экспонированы в зале особо, это — сани, дуги, деревянные маскарадные маски и др.

Рис. 7. Деревянная скульптура «Скрипачи». Работа народного мастера В. Майораса

Сильное впечатление производит уникальная коллекция деревянных святых — замечательной по выразительности народной полихромной сюжетной скульптуры. Интересна и коллекция железных украшений могильных крестов работы сельских кузнецов. В этих украшениях (солнце, луна, лучи, птицы, ужи) отражается дохристианская символика.

В восьмом, последнем зале посетитель знакомится с современным искусством литовских народных мастеров. Здесь сконцентрированы изделия из кожи, янтаря, металла, современная керамика и резьба по дереву, и излюбленная литовцами деревянная скульптура (большой частью юмористическая), широко представлено художественное ткачество и узорное вязание. Экспозиция этого зала в отличие от предыдущих время от времени будет изменяться с целью показа развития современного народного искусства.

Экспозиция Историко-этнографического музея Литовской ССР в Вильнюсе — это живая книга истории литовского народа с самых древнейших времен и почти до современности. Она, на наш взгляд, может служить хорошим примером для музейных работников нашей страны. Следует пожелать, чтобы как можно скорее был опубликован подробный путеводитель по Музею с каталогом экспонатов. Особо хотелось бы отметить большое внимание к развитию музейного дела в республике со стороны руководящих организаций Литовской ССР, прежде всего Министерства культуры Литовской ССР, а также со стороны общественности.

Торжественное открытие Музея вылилось в настоящий праздник и было центральным событием в жизни города в те дни, что нашло также свое отражение в республиканской прессе, радио и телевидении. Признание большой значимости Музея находит свое выражение и в весьма показательных цифрах: каждый день число посетителей достигает 700—1200 человек.

В заключение хотелось бы отметить, что Историко-этнографический музей Литовской ССР в республике не одинок. Богатейшие археологические и этнографические коллекции сосредоточены также в Каунасском художественном музее им. М. К. Чюр-

лиониса, немало их в некоторых районных музеях (например, в Шяуляйском музее «Аушра», Рокишском краеведческом музее и др.).

Новым важным событием в области музейного строительства в республике явилось решение Совета Министров Литовской ССР о создании этнографического музея под открытым небом около г. Каунаса.

А. И. Вишняускайте, Л. Н. Терентьева

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ В БОЛГАРИИ

В последнее десятилетие во многих странах Европы широко развернулась работа по составлению историко-этнографических атласов, представляющих собой обобщающие труды по истории народной культуры, как материальной, так и духовной. В этнографической науке эти труды постепенно начинают занимать центральное место, что объясняется необходимостью свести воедино и обобщить накопленный за многие годы материал и зафиксировать исчезающие быстрым темпом элементы народной культуры. В одних странах такие атласы в значительной части уже подготовлены и опубликованы первые выпуски (Швеция, ФРГ, Австрия, Швейцария, Польша, Югославия, Венгрия и др.), в других (в том числе в Болгарии) — работа только начинается. В Советском Союзе, несмотря на то, что работа по историко-этнографическому картографированию началась сравнительно недавно (в конце 1940-х годов), достигнуты значительные успехи. Вышли в свет два капитальных атласа — «Народы Сибири» и «Русские». Силами сотрудников Института этнографии АН СССР и этнографических учреждений союзных и автономных республик ведется большая работа по составлению региональных этнографических атласов: Прибалтики; Украины, Белоруссии и Молдавии; Кавказа; Средней Азии и Казахстана. По признанию зарубежных ученых, наша страна в области историко-этнографического картографирования обогнала многие другие страны, где этим занимаются уже ряд десятилетий.

Работа по составлению национальных историко-этнографических атласов координируется Постоянной международной комиссией по атласам (председатель — югославский ученый проф. Б. Братанич). Комиссия руководит также подготовкой сводного историко-этнографического атласа Европы, создаваемого учеными разных стран на основе материалов национальных историко-этнографических атласов. Поскольку этническое картографирование в разных странах развито неравномерно, в целях успешной работы над сводным общеевропейским атласом Комиссией было высказано пожелание об оказании помощи этнографам отдельных стран, в частности со стороны советских специалистов, по развертыванию работ в этой области.

В соответствии с рекомендацией комиссии и по инициативе Этнографического института Болгарской Академии наук авторы настоящего сообщения были приглашены в декабре 1968 г. в Болгарию для проведения консультативной работы по составлению Историко-этнографического атласа этой страны.

В задачу нашей десятидневной командировки входило ознакомление с состоянием работы в Этнографическом институте и Этнографическом музее Болгарской Академии наук (БАН), а также в других этнографических учреждениях, выявление возможности организации работы по историко-этнографическому картографированию, чтение докладов и проведение бесед с сотрудниками института и музея по методологии и методике составления атласов. В программу работ входило также знакомство с музеями и памятниками культуры Болгарии.

Научный коллектив Института этнографии БАН и музея при нем состоит примерно из 25 человек, распределенных между тремя секциями: материальной культуры; общественных отношений и духовной культуры; фольклора.

В настоящее время основная работа первых двух секций состоит в сборе материалов и написании трехтомной монографии «Введение в болгарскую этнографию». В связи с этим проводятся ежегодные экспедиционные исследования на территории страны, разделенной на квадраты (размер стороны квадрата — около 25 км); селения в каждом квадрате при этом выбираются наиболее старые, с мало изменившимися за последние 100—200 лет составом населения. Постепенно, квадрат за квадратом, обследуются все районы страны. Исследования ведутся в историческом плане, от изучения самых древних элементов культуры до современности. Имеется подробный план этой работы; однако она настолько трудоемка и обширна, что пока еще трудно представить, во что она выльется и когда будет закончена.

Из других этнографических работ следует отметить труд Марии Велевой (совместно с художницей Евгенией Липавцевой) «Болгарская народная одежда», состоящий из четырех томов. Первый том опубликован (София, 1961). Он посвящен одежде Северной Болгарии в XIX — начале XX в. Это фундаментальный труд, в котором на

основе систематизации большого этнографического материала представлен костюм середины XIX в. и прослежены его изменения до начала XX в. В соответствии с выработанной в болгарской этнографии классификацией (по покрою, расцветке и другим признакам) женский костюм Северной Болгарии отнесен к типу двупрестильной одежды, а мужской — к типу белодрешной одежды. Книга богато иллюстрирована. В ней насчитывается 120 (большей частью цветных) таблиц, знакомящих с комплексами мужской и женской одежды, отдельными ее частями, видами покровов, прическами, головными уборами, узорными деталями и т. п.

В таком плане подготовлены к печати и следующие, второй и третий, тома этой интересной работы; заканчивается подбор материалов для четвертого тома. Все эти тома посвящены другим районам Болгарии.

Намечен к изданию законченный в конце 1968 г. большой труд Багры Георгиевой «Терминология болгарского народного жилища». Подготовлены еще две работы: Стояна Генчева, посвященная изучению болгарских народных обычаев, и Любомира Дукова — о земледельческих орудиях Болгарии.

За многие годы этнографических исследований в институте накоплен огромный экспедиционный материал. Архив насчитывает около 2000 папок полевых отчетов, 500 папок рисунков (народной одежды, архитектуры, ремесел, искусства и т. д.) и много тысяч фотографий. По мнению болгарских ученых, по крайней мере в половине болгарских сел (из общего их числа в 7 тысяч) проводились те или иные этнографические исследования. Предварительное знакомство с рукописями показало, что большое внимание этнографы уделяют изучению различных отраслей сельского хозяйства и промыслов (земледелия, садоводства, огородничества, виноградарства, охоты, рыболовства); ремесла (гончарного, деревообрабатывающего, кузнечного, ювелирного, ткачества и т. д.); одежды, поселений и жилища и т. п. Многие материалы посвящены описанию обычаев, обрядов и других разделов духовной культуры и общественных отношений. Большую ценность среди рукописей архива представляют работы Петра Петрова по демографии Болгарии — результаты обработки статистических материалов последних лет.

Картотеки архива позволяют быстро ориентироваться в рукописях: одна составлена по географическому признаку (по округам и селениям), другая представляет предметный каталог. Учтены также все имеющиеся литературные источники (особая картотека).

Большое значение имело для нас знакомство с музеями и памятниками истории и культуры Болгарии (одним из важнейших источников для этнографического картографирования). В Софии мы ознакомились с работой этнографического музея БАН, посетили археологический музей БАН, церковный историко-археологический музей, крипту — хранилище-музей болгарской иконописи (XVI—XIX вв.), национальную художественную галерею.

Во время трехдневных экскурсий мы совершили поездку в город Пловдив, где ознакомились с экспонатами большого и интересного этнографического музея (находящегося в системе Министерства культуры) и археологического музея (состоящего в системе БАН) — одного из старейших музеев страны, основанного в 1882 г. Мы осмотрели также старые кварталы Пловдива и отдельные дома-памятники болгарского Возрождения (вторая половина XVIII—XIX в.), охраняемые государством, посетили исторический и архитектурный памятник в Бачкове — монастырь, основанный еще в XI в. в отрогах Родопских гор. Памятник славится своими фресками, большая часть которых создана крупнейшим болгарским живописцем Захарием Зографом. При монастыре имеется небольшой музей — собрание художественных (главным образом церковных, а также бытовых) предметов.

Была организована экскурсия в знаменитый Рильский монастырь, представляющий сложный историко-архитектурный и бытовой комплекс. Основанный еще в X в., монастырь в течение ряда веков (включая пятисотлетний период турецкого ига) являлся одним из крупных центров развития болгарской национальной культуры. Организованный здесь музей отражает историю монастыря, его деятельность, русско-болгарские культурные связи. Есть и собственно этнографическая экспозиция: показаны интерьеры городского жилища из разных мест (Копривштица, Чирпана и др.). Число таких интерьеров предполагается довести до десяти. «Чирпанская стая» (комната) имеет и мемориальное значение: в ней жил и работал, приезжая в Рильский монастырь, Иван Вазов.

Экспозиция музеев отражает сложную историю и этнические связи болгарского народа. Музейный показ по своему уровню неодинаков. Некоторые музеи представляют собой выставку интересных художественных предметов (музей в Бачкове, церковный историко-археологический музей в Софии), но в большей части музеев видно стремление построить экспозицию в историческом плане. Большим достоинством является то, что экспозиции не перегружены экспонатами, просто и строго оформлены. «Язык вещей» является основой экспозиции. Иллюстративный материал дается в качестве подсобного.

Крупнейший в стране Этнографический музей БАН (в нем хранится до 65 тыс. экспонатов) в своей экспозиции отражает в основном традиционную культуру болгарского народа (со второй половины XVIII до начала XX в.). Сделана попытка представить ее не в статике, а в развитии до наших дней. В экспозиции отражены охота, рыболовство, земледелие во всех его разновидностях, включая садоводство, огородничество, виноградарство, «розарство» — возделывание роз, табаководство и т. д. Суще-

венное место отведено животноводству, главным образом овцеводству, причем отражен и быт пастухов. Показаны разнообразные народные, в том числе художественные ремесла (которыми так богата Болгария), жилище, его интерьер. Большой раздел отведен народной одежде различных районов и этнографических групп.

Следует отметить наличие, хотя и небольшого, раздела духовной культуры. В нем представлены предметы, связанные с обычаями болгар: маски и костюмы, обрядовое печенье, свадебные украшения и пр.

Каждый из тематических разделов экспозиции заканчивается показом происшедших изменений и современного состояния данной отрасли культуры (одежды, ремесла, искусства и т. д.). В тех разделах, где трудно показать эти изменения вещественными экспонатами, даются иллюстрации, главным образом в виде крупных фото-панно (например, в темах «Рыболовство», «Земледелие» и др.).

Этнографический музей в Пловдиве также многосторонне отражает культуру и быт эпохи болгарского Возрождения. Заслуживает внимания опыт этого музея в показе не только этнографических, но и классовых различий населения. В экспозиции отражены преимущественно занятия, разнообразная одежда и быт крестьян Пловдивского края, но, кроме того, труд и быт рядовых городских ремесленников, а также одежда и жилище богатых горожан. Хорошо продуман показ интерьеров городского и сельского жилища, составленных из подлинных бытовых предметов.

Кроме специальных этнографических музеев, имеются разделы этнографии в сети краеведческих музеев. Большие этнографические отделы есть в музеях Смолене, Элхово, Несебра, Торговишта, Хасково, Тырново и других.

Весьма отродно, что в Болгарии все более расширяется сеть музеев на открытом воздухе. Созданы города-музеи (Копривштица, Тырново, Пловдив), где отдельные дома, некоторые улицы и целые кварталы сохраняются как историко-этнографические и архитектурные памятники, реставрируемые и охраняемые государством. Есть также села-музеи (Боженцы, Жеравна). Под Габровым в деревне Этар создан своеобразный «живой» музей на открытом воздухе. В нем не только собраны разнообразные постройки (старинная мельница, кузница, сукновальня, «токаря» и др.), но и работают мастера, изготавливающие токарные и резные предметы из дерева, керамику, гайтаны и другие сувениры, идущие на продажу. Эти города-музеи и села-музеи являются центрами развивающегося туризма.

Следует отметить, что этнографические материалы широко используются в качестве источника для современного болгарского прикладного искусства. На основе народного творчества организовано массовое изготовление декоративных предметов и сувениров.

Музеи связаны с практической жизнью и являются своеобразными лабораториями для студентов, художников, работников промышленности, театральных работников и т. д. Этнографы принимают участие в подготовке фестивалей, привлекаются в качестве консультантов при создании болгарских кинофильмов.

Уже создано много этнографических фильмов. Особенно привлек наше внимание цветной фильм «Капанская свадьба». Он снят по специально составленному сценарию, но близок еще недавно бытовавшей свадьбе со всем своеобразием и красочным ритуалом, одеждой, обстановкой, песнями и танцами.

В связи с необходимостью подготовки этнографических кадров на историческом факультете университета в Софии четыре года назад была создана кафедра археологии и этнографии. В университете в Тырнове при кафедре истории читается курс болгарской этнографии.

В результате знакомства с работой сотрудников, просмотра архива института и ознакомления с богатейшими коллекциями этнографических музеев у нас сложилось весьма благоприятное впечатление о возможностях болгарской этнографии. Наличие квалифицированных кадров и богатых архивных материалов — достаточное условие для развертывания работ по историко-этнографическому атласу Болгарии уже в ближайшее время. Работа над «Введением в болгарскую этнографию» может только способствовать этому, так как сбор материалов для обоих капитальных трудов можно вести одновременно, по близким программам.

Облегчает работу над атласом и то обстоятельство, что в Болгарии традиционные элементы народной культуры (жилище, одежда, утварь, различные ремесла, обычаи и обряды) сохранились в большей степени, чем во многих других странах Европы.

Некоторые болгарские этнографы в своих последних работах уже начали применять картографирование изучаемых явлений (М. Велева, С. Генчев). Однако общие принципы картографирования, особенно практическая работа по переносу полевых материалов на карту, коллективу в целом еще недостаточно ясны. Между тем, создание атласа имело бы огромное значение и для развития болгарской этнографии, и для работы по этнографическому картографированию, ведущейся сейчас в международном масштабе.

Основное внимание во время поездки в Болгарию было уделено консультативно-методической работе. С. И. Брук в докладе «Принципы построения историко-этнографических атласов» остановился на общих проблемах и основных принципиальных вопросах методологии этнографического картографирования, подчеркнув важность принципа историзма, которым руководствуются советские этнографы при составлении атласов. Специально были рассмотрены вопросы, связанные с составлением программ атласов, выбором первоочередных тем, составлением вопросов и перечня карт по

этим темам, выбором картографической основы, опорных пунктов, сетки для картографирования, отбором источников для атласа и т. д. В докладе была также освещена деятельность Постоянной международной комиссии по историко-этнографическим атласам; присутствующие были информированы о ходе работ по составлению историко-этнографических атласов в СССР и различных странах Европы, а также о подготовке сводного атласа Европы.

Г. С. Маслова в докладе «Из опыта работы над историко-этнографическим атласом „Русские“» остановилась на картографическом методе как необходимом элементе методики этнографических исследований, завоевавшем сейчас всеобщее признание. Это тесно связано с общей методологией современной этнографической науки, с задачей обобщения накопленного конкретного, так называемого описательного материала. В докладе были подробно освещены все последовательные этапы работы над атласом «Русские», в особенности подготовка проспекта атласа и определение его задач, составление предварительного списка карт, разработка типологии изучаемых явлений, а также составление программ для сбора материала. Охарактеризованы были комплекс источников, послуживших основой для составления карт (этнографическая литература, архивные данные, музейные коллекции, полевые экспедиционные материалы), картотека атласа, типы карт и т. д.

В результате бесед с болгарскими этнографами и ознакомления с архивными и музейными фондами у нас сложилось впечатление, что лучше всего имеются публикации и собрано материалов), «Обычаи и обряды» (семейные, календарные), «Жилище», «Ремесла», «Сельскохозяйственная техника» (или хозяйство в целом).

За единицу картографирования в атласе, по нашему мнению, наиболее целесообразно взять прежнюю (наиболее устойчивую) административную единицу — околию (их в Болгарии насчитывалось свыше 100). В основном именно по ним с конца XIX в. собирался этнографический материал. В качестве рабочей бланковки целесообразно принять имеющуюся карту Болгарии (масштаб 1 : 600 000), на которую необходимо нанести границы бывших околий.

Болгарские ученые считают целесообразным положить в основу составления атласа важнейшие принципы этнографического картографирования, принятые в СССР (атлас «Русские» и подготавливаемые атласы по отдельным крупным регионам СССР), что, конечно, не исключает специфики будущего этнографического атласа Болгарии (в количестве и составе карт, характере картографируемых явлений, технике картографирования, выборе первоочередных тем и т. д.).

Поездка в Болгарию была для нас интересна и полезна. Работа протекала в дружественной обстановке, принимали нас с обычным для Болгарии гостеприимством. Обмен опытом окажет благотворное влияние на укрепление связей между болгарскими и советскими этнографами. У нас нет сомнений, что в ближайшие годы в Болгарии развернется работа по созданию национального историко-этнографического атласа.

С. И. Брук, Г. С. Маслова

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ АФРИКА В ТРУДАХ Ш. А. ДИОПА

Среди работ африканских историков, увидевших свет за последние полтора десятилетия, исследования сенегальского ученого Шейха Анта Диопа занимают несколько особое место. По сути дела он единственный среди своих коллег предпринял попытку (и, надо сказать, довольно небезуспешную) создать целостную и последовательную концепцию исторического развития Африки в доколониальный период, концепцию, которая как-то объясняла бы причины специфики этого развития. Свои взгляды Ш. А. Диоп изложил в серии работ, первая из которых была опубликована в 1955 г.¹ Специально историческим проблемам посвящены две более поздние работы — «Доколониальная Черная Африка» и «Первобытная история человечества: эволюция черного мира»². Вторая с очень небольшими дополнениями вошла в состав последней книги Диопа, как бы подводящей итог предшествующим его исследованиям: «Первенство негритянских цивилизаций — миф или историческая правда?»³. В эту книгу автор нашел нужным включить и свой ответ на критику его трудов 1955—1960 гг., впервые опубликованный в 1962 г.⁴

Историческая концепция Ш. А. Диопа, безусловно, заслуживает специального рассмотрения. С наибольшей полнотой она отражена в «Первенстве негритянских цивилизаций...». Эта книга охватывает очень широкий круг проблем — историко-этнографических, социально-исторических, лингвистических, историко-культурных, и нет никакой возможности уделить всем им должное внимание в рамках одной статьи. В частности, не рассмотрена лингвистическая аргументация сенегальского исследователя, а только вопросы социально-экономической и культурной истории доколониальной Африки в его изложении. При этом следует иметь в виду, что «доколониальная Африка» Диопа, строго говоря, ограничена обществами и государственными образованиями Западного Судана; экскурсы в историю других регионов континента носят скорее случайный характер (если исключить значительное место, уделяемое Древнему Египту).

Исходной точкой подхода Ш. А. Диопа к изучению истории Африки служит тезис о решающем преимуществе историка-африканца перед европейским исследователем при изучении этого круга проблем. Он обосновывается тем, что только человек, видящий изучаемое общество «изнутри», сможет понять все явления в их связи и взаимодействии, тогда как ученый, не принадлежащий к изучаемому обществу, неизбежно придет в конце концов к утрате общей перспективы, ибо он находится «с внешней стороны фактов» (стр. 26)⁵. Больше того, Диоп резко обрушивается на аналитический метод исследования, присущий, по его мнению, европейской науке, и обвиняет ее в уклонении от синтеза и в стремлении «растворить коллективное историческое сознание», свойственное, как он полагает, африканцам.

¹ Ch. A. Diop, Nations Nègres et culture, Paris, 1955. См. также: его же, Apports et perspectives culturels de l'Afrique Noire, «Présence Africaine», No VIII—IX—X, 1956; его же, L'unité culturelle de l'Afrique Noire, «Présence Africaine», No XXIV—XXV, 1959; его же, L'unité culturelle de l'Afrique Noire, Paris, 1960; его же, Les fondements culturels, techniques et industriels d'un futur état fédéral d'Afrique Noire, Paris, 1960.

² Ch. A. Diop, L'Afrique Noire pré-coloniale, Paris, 1960; его же, Histoire primitive de l'Humanité: évolution du monde noir, BIFAN, t. XXIV, 1962, sér. B, No 3—4.

³ Ch. A. Diop, Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique, Paris, 1967.

⁴ Ch. A. Diop, Réponses à quelques critiques, BIFAN, t. XXIV, 1962, sér. B, No 3—4.

⁵ Здесь и далее в тексте указаны страницы последней книги Диопа. Ср. также: Ch. A. Diop, Réponses à quelques critiques, pp. 548—549, 584.

Нельзя, конечно, отрицать, что одни и те же явления могут по-разному восприниматься и осмысливаться. Но нельзя и забывать того, что аналитическая стадия исследования обязательно должна предшествовать синтетической (мы уже не говорим о неправомерности огульного обвинения всей европейской науки в нежелании осуществлять синтез). Кроме того, точка зрения ученого, его выводы в огромной степени зависят от общественной позиции, которую этот ученый занимает, т. е., по существу, они классово детерминированы. Достаточно, например, сравнить работы самого Ш. А. Диопа и исследования, скажем, К. А. Бусиа, чтобы убедиться, что для авторов-африканцев этот принцип классовой детерминированности в такой же мере действителен, как и для всех иных.

В то же время тезис о специфичности «африканского исторического сознания» заключает в себе возможность разрыва единой исторической науки на «региональные», что едва ли можно рассматривать как шаг вперед в ее развитии. А с другой стороны, поскольку Диоп главной целью своих исторических исследований считал сопоставление форм культурного, общественного и государственного развития в Африке и в Западной Европе⁶, и к тому же он вообще склонен противопоставлять Европу и «европейское» — Африке и «африканскому вообще», то вполне закономерно, что такой акцент на различиях, действительных или кажущихся, привел его в конечном счете к резкому противопоставлению хода исторического процесса в Африке и в других частях ойкумены и, по существу, к отрицанию единства этого процесса.

Кроме того, необходимо иметь в виду еще одну важнейшую особенность методологической позиции Ш. А. Диопа. Для него, как и для многих других африканских авторов, особенно — разделяющих в той или иной степени концепции «негритюда», приоритет при изучении исторических явлений, безусловно, должен принадлежать фактам культуры, даже более узко — фактам духовной культуры. Собственно говоря, все социально-экономические и историко-политические построения Диопа создаются как бы попутно, как аргументы в пользу историко-культурной концепции автора. Отсюда и проистекает обычное для его работ нечеткое разграничение явлений базисного и надстроечного характера в истории Африки.

В последней книге Диопа, вышедшей в свет в 1967 г., эти по существу идеалистические тенденции получили, пожалуй, самое полное развитие, но проявились они уже в работах 1955—1956 гг. Поэтому Ш. А. Диоп может по праву считаться первым теоретиком «африканского пути» в историческом развитии общества. Такая теория, как правильно отметила немецкий историк Т. Бютнер, сложилась в результате того, что центр тяжести понятия «африканская личность» переместился на подчеркивание особого, якобы бесклассового характера африканских обществ в доколониальное время⁷.

Именно постулат о бесклассовом характере африканского общества в доколониальный период и служит основой всей концепции Ш. А. Диопа. Такая особенность выводится им прежде всего из утверждения об отсутствии в Африке частной собственности — точнее о «маргинальном» положении последней, что, по мнению автора, является одной из важнейших отличительных черт материнского рода (стр. 120). Эта форма рода рассматривается как исконно африканская и в качестве таковой противопоставлена роду отцовскому. Последний же, по мнению Диопа, характерен для народов индоевропейской семьи, даже для «индоарийцев» (стр. 115). Сенегальский исследователь отмечает различие в экономической основе разных форм родовой организации (типологии этих форм посвящена специальная глава «Первенства негритянских цивилизаций»). Трудно возражать против утверждения о связи разных форм рода с разными формами собственности, но едва ли можно согласиться с утверждением, будто «арийцы» (сохраняя в данном случае терминологию Диопа) всегда, т. е. изначально, знали только отцовский род. На стр. 76, например, он заявляет, что матрилинейный счет родства и авункулат были заимствованы Европой из Африки. Далее, впрочем, Диоп совершенно открыто говорит, что у индоевропейских народов не существовал материнский род (стр. 119—120, см. 5). А между тем современное состояние науки не дает сколько-нибудь убедительных оснований к пересмотру тезиса Моргана и Энгельса о всеобщности первичного характера материнского рода⁸.

Но Ш. А. Диоп не ограничивается этим. Среди отличительных черт «индоевропейского кочевого рода» им выделяются такие, как «четкое понятие частной собственности, обожествляемой с самого начала» (стр. 117) и «индивидуализм», противопоставляемый африканскому исконному коллективизму (там же). И хотя автор мимоходом как будто выражает согласие с положением Энгельса о сравнительной легкости индивидуального присвоения скота и продуктов животноводства как факторе, способствовавшем появлению частной собственности у кочевников, однако практически в дальнейшем у Диопа и частная собственность, и классовый характер европейских обществ выводятся не из их экономики, а из «индо-арийского индивидуализма», а то и из «арийского духа»

⁶ Ch. A. Diop, *Réponses à quelques critiques*, pp. 566—567.

⁷ T. Büttner, *Probleme des Feodalismus in Afrika in der vorkolonialen Periode*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Jhg. XII, H. 3, 1964, S. 462.

⁸ См. например, материалы симпозиума «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии», «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967.

(стр. 127—128, 134, 147) ⁹. Более того, тезис этот истолковывается автором очень расширительно, и именно им, по существу, Диоп объясняет и социальную и политическую организацию как кочевников, так и общество греко-римской античности, противопоставляемых Древнему Египту и — через него — доколониальной Тропической Африке. Он говорит о «предсуществовании» (préexistence) частной собственности (стр. 128; здесь она выводится уже из семейных культов — *religion domestique*), да еще подчеркивает очень древнее ее происхождение (стр. 118, сн. 1) и даже не ставит вопрос, когда же, собственно, она возникла? У читателя появляется подозрение, что автор признает для европейских общества извечный характер частной собственности...

Рассматривая африканские общества доколониального времени, Диоп исходит из предпосылки, что разделение труда в этих обществах повело к делению общества на профессиональные касты, которые им противопоставляются антагонистическим классам античности и средневековья Европы. Смысл кастовой организации, как полагает автор, заключался, помимо прочего, в том, что в ней отсутствовали ограничения материального характера: моральное (точнее, конечно, «социальное». — *Л. К.*) «стчуждение» члена касты не сопровождалось покушением на его имущественные права (стр. 91). В условиях натурального хозяйства, а также при отсутствии в доколониальной Африке индивидуальной земельной собственности (это, кстати, непосредственно выводится из авторской характеристики «исконно африканского» материнского рода — стр. 120) отсутствовала возможность накопления богатства в одних руках и, следовательно, утверждает Диоп, не могла возникнуть и эксплуатация малоимущего члена общества более состоятельными. Больше того, Диоп настаивает на том, что не аристократия эксплуатировала членов ремесленных каст, а наоборот: щедрость аристократов в отношении ремесленников оказывается в его изложении формой эксплуатации знати этими последними (стр. 129). Все это вместе взятое создает в обществе определенное социальное и имущественное равновесие. В этой обстановке неоткуда появиться революционным элементам, — и отсюда проистекает, по Диопу, общая консервативность доколониальной Африки, отсутствие в ней социальных переворотов. Таким образом, наличие антагонистических классов и классовой борьбы решительно отрицается. Известно, правда, что в индийских условиях кастовая организация прекрасно совмещалась с классовым обществом и стала действенным орудием эксплуатации. Это признает и Ш. А. Диоп, но он полагает, что различие между кастовой организацией в Индии и в Африке заключается в том, что кастовая система дравидов и мунда была приспособлена арьями при завоевании Индостанского полуострова к новой реальности путем введения в нее имущественных ограничений, чего не было в африканских обществах (стр. 129) ¹⁰.

Точка зрения Диоп оказывается внутренне противоречивой. Во-первых, если даже оставить в стороне несомненную идеализацию хорошо известного этнографам использования знатью древних традиций родовой взаимопомощи, следует иметь в виду, что социальный состав традиционного африканского общества вовсе не исчерпывался аристократией и ремесленными кастами. Эти социальные категории даже не составляли большинства. Ведь и сам Диоп, описывая древнеегипетское и традиционное африканское общество (по его мнению, они идентичны в смысле социальной структуры), говорит о «мелком свободном крестьянине, обязанном податями и обработкой» (стр. 130), равно как и о нескольких группах рабов ¹¹. Не будем углубляться в вопрос, в какой мере схема Диоп справедлива для Древнего Египта — это дело египтологов. Что же касается средневековой Западной Африки, то мне представляется недостаточно убедительной попытка распространить на все общества этого региона в указанное время формы, характерные для общественного строя волофов в довольно поздний период (конец XIX — начало XX в.). В частности, предлагаемая Диопом схема распределения рабов по трем категориям — царских, «рабов семьи матери» и «рабов семьи отца» — основана именно на этом материале. Но имеющиеся источники по истории трех крупнейших государственных образований этой части Африки — Ганы, Мали и Сонгаи — не содержат упоминаний о такой градации. В них речь идет о рабах военных, рабах, сажаемых на землю, и рабах, предназначенных на продажу. Точно так же схема, предлагаемая Диопом, отсутствует и в этнографических описаниях народов Западной Африки, сделанных в конце XIX — начале XX в. Наконец, в очень интересной работе другого сенегальского ученого, П. Дианя, классификация рабов в соседних с вольфским обществах выглядит совсем иной, чем у Ш. А. Диоп ¹².

Далее, раз сам Диоп признает существование крестьянских повинностей, непосредственно говорить об отсутствии эксплуатации в таком обществе. Тем более что рядом со свободным крестьянином существовал довольно многочисленный и активный слой посаженных на землю рабов. И самый факт их эксплуатации, и формы ее довольно подробно освещены местными письменными источниками. Диоп, конечно, прав, говоря, что предрасудки, связанные с сословно-кастовой структурой традиционного общества, препятствовали объединению этих двух социальных групп для борьбы за изменение своего социального положения (например, на стр. 131). И все же местные

⁹ Ср. также Ch. A. Diop, *Afrique Noire pré-coloniale*, p. 119.

¹⁰ Там же, стр. 15—16.

¹¹ Там же, стр. 8—11.

¹² P. Diagne, *Pouvoir politique traditionnel en Afrique Occidentale*, Paris, 1967, pp. 67—71.

хроники сохранили упоминание о каких-то совместных выступлениях обеих этих категорий эксплуатируемого населения¹³.

Ш. А. Диоп определенно признает застойный характер африканских обществ доколониального периода, их, как он выражается, «небывалую стабильность». Правда, в работах 1960-х годов он уже признает, с одной стороны, что наличие общественных классов — истинный двигатель истории (стр. 94)¹⁴, но с другой — решительно отрицает существование таких классов в доколониальной Африке. Классовой организации противопоставлена кастовая. Самый термин «класс» Диоп считает «неподходящим» в применении к Египту и Тропической Африке и ставит его в кавычки (стр. 130). И при этом, как бы мимоходом, отмечает: «когда класс отрицает себя в касте, общество засыпает» (стр. 96)¹⁵. Если отбросить преувеличение Диопом роли кастовой организации, то нужно сказать, что сама по себе эта мысль заслуживает внимания.

Наконец, в свете накопленных наукой знаний о социально-экономической и государственно-политической структуре Древнего Египта весьма сомнительной кажется идиллическая картина, рисуемая Ш. А. Диопом на основании труда Ж. Пиренна¹⁶ (и только его одного). И, желая ее обосновать и сделать более убедительной, Диоп обращается к понятию «азиатского способа производства» (впрочем, сам он предпочитает говорить об «африканском или азиатском способе»). Насколько мне известно, Ш. А. Диоп первым среди историков-африканцев обратил внимание на дискуссию вокруг этой проблемы, начатую французскими учеными-марксистами, и попытался вслед за ними применить ее материалы к африканской действительности. Это, бесспорно, следует считать его заслугой.

Но использует Диоп концепцию «азиатского способа производства» довольно своеобразно. Если отвлечься от повторов и экскурсов в этническую историю и иные смежные дисциплины, его точка зрения сведется к следующему. В Древнем Египте, обществе с азиатским способом производства, по мнению Диопа, главное внутреннее противоречие заключалось в том, что земля, оставаясь теоретически в распоряжении центральной власти, на практике была уже отчуждаема, и коллективный характер земельной собственности становился в значительной мере номинальным. Это противоречие достигло достаточного развития для того, чтобы подготовить распад единого государственного организма. Но в то же время власть сохраняла равновесие, взимая «разумные» подати (стр. 158, 181). Массового использования рабского труда Египет не знал, поскольку личная свобода рядового египтянина была неотчуждаема. Это и предотвратило превращение капиталистических элементов в Египте в «сильный капитализм» (Диоп считает, что в Египте существовал капиталистический способ производства, хотя и в маргинальной форме, стр. 159). Очевидно, Диоп, заимствуя у Маркса понятие «азиатского способа производства», в то же время прошел мимо указания Маркса на то, что капитал торговый и ростовщический (а что Диоп пишет именно о нем, ясно показывает весь текст соответствующего раздела главы VIII «Первенства негритянских цивилизаций») возникает гораздо раньше, чем капитализм, как способ производства.

Можно сразу же заметить и еще одно противоречие в концепции Диопа. Он пишет о наличии в Древнем Египте свободной рабочей силы, которая могла использоваться на договорной основе, так же, как «рабочая сила сегодняшнего капиталистического строя» (стр. 159). Эта рабочая сила будто бы и обеспечивала возможность развития в Египте капиталистической практики. Остается только ответить на вопрос: откуда эта свободная рабочая сила бралась? Если за счет свободного сельского населения, то это предполагает довольно продвинувшуюся имущественную поляризацию. Но признание последней находится в противоречии с тезисом об имущественном равновесии в обществе... Вопрос так и остается открытым — вернее, автор просто не замечает его.

Известно, что Древний Египет располагал большими массами рабов, которые довольно широко использовались в экономике. Однако Ш. А. Диоп считает, что эксплуатация рабского труда носила лишь побочный характер, тем более, что рабы всегда были этнически чужды коренному населению и не составляли большинства в стране. А подобное большинство представляется Диопу одной из необходимых предпосылок для попытки революционного преобразования общества (такова, например, его оценка развития греческого полиса — стр. 172, 181)¹⁷. Именно отсутствие численного преобладания рабов в древнеегипетском обществе служит в конечном счете решающим, с точки зрения Диопа, доводом в пользу отсутствия в Египте (а в дальнейшем этот вывод экстраполируется и на всю доколониальную Африку) рабовладельческого способа производства. Но отсутствие последнего предопределяет, по твердому убеждению автора, и отсутствие в обществе революционного духа (стр. 180, 182).

В этой связи стоит упомянуть, что здесь Ш. А. Диоп дает уже иное определение движущей силы исторического развития, нежели приведенное выше. Оно гласит: «В последнем счете движущая сила истории заключается в воле угнетенных классов к освобождению от своего положения. Если это последнее нетерпимо, если оно стало с че-

¹³ «Tarikh el-Fettach... par Mahmoud Kâti... et l'un de ses petits-fils», Texte arabe éd. par O. Houdas et M. Delafosse, Paris, 1913, p. 182.

¹⁴ Cp. Ch. A. Diop, Histoire primitive de l'Humanité, p. 519.

¹⁵ Там же, стр. 521.

¹⁶ J. Pirenne, Histoire de la civilisation de l'Égypte antique, I—III, Paris, 1963.

¹⁷ Cp. Ch. A. Diop, L'Afrique Noire pré-coloniale, pp. 25—28.

ловеческой точки зрения невыносимым, возмущенное сознание становится революционным» (стр. 181). Никому, конечно, не придет в голову отрицать важнейшую роль субъективного фактора в историческом процессе. Но в столь категорической формулировке заложена возможность признания его главным в развитии общества, с чем уже никак нельзя согласиться.

Видимо, чувствуя это, Диоп вводит в свою концепцию социальных революций в докапиталистических обществах и объективный элемент. Таковым оказывается у него территория, занимаемая данным обществом, т. е., по существу, географический фактор (стр. 154, 181, 182, 186—187). Древний Египет, говорит Диоп, прошел в своем развитии три почти одинаковых цикла: объединение страны, централизация власти, сочетающаяся с мощным бюрократическим аппаратом; «феодализация», т. е. раздробление земельной собственности, и распад единой власти и единого государства (стр. 125). Причиной падения единого государства, продолжает он, в конечном счете всегда оказывались революционные движения низов общества; тем не менее угрозы самой идее единого царства не возникало, и оно после распада всякий раз воссоздавалось вновь. По мнению Диопа, именно наличие достаточной территории (наряду с «исконно африканской» приверженностью к монархической форме правления, на чем Диоп очень настаивает) давало возможность сохранения царской власти (которая уходила на юг, в Верхний Египет) и восстановления единства после его распада в предшествующем цикле. Более того, он не только ставит в один ряд «волю угнетенных классов» и пространство, но и помещает пространство на первом месте (стр. 154). Важность географического фактора для развития исторического процесса несомненна, особенно на ранних его стадиях, однако нельзя согласиться с его абсолютизацией Диопом. Видимо, не случайно он почти не затрагивает действительно главный фактор исторического развития всякого человеческого общества — его производительные силы, их развитие¹⁸.

Итак, по Диопу, африканская история в силу отсутствия на континенте классовых обществ была избавлена от крупных социальных потрясений (стр. 196). Такое обобщение вытекает из тезиса об определяющей роли рабовладельческого способа производства во всей социально-экономической эволюции человечества вне Африки: феодальный способ производства «в западном смысле» есть, по мысли Диопа, слегка замаскированный рабовладельческий. И так как феодализм порождает капиталистическое производство, а оно, в свою очередь, приводит к социализму — значит, определяющая роль рабовладельческого способа производства в восходящем развитии человечества считается доказанной (стр. 187). И далее: раз в Африке не было рабовладельческого способа производства, то и феодальный, и капиталистический тоже не могли развиваться. И в конечном счете перед читателем предстает в слегка завуалированной форме довольно распространенный среди африканской интеллигенции тезис об «исконно социалистических» традиционных африканских обществах.

Можно согласиться с тем, что рабовладельческий способ производства не получил в Африке распространения. Но едва ли концепция Диопа об определяющей роли рабовладельческого способа на всем протяжении истории человеческого общества в Европе и Азии приемлема в целом. Если ограничиться только главными возражениями, то, во-первых, не выдерживает критики объявление феодального способа производства вариантом рабовладельческого: слишком различны их экономические основы. Кстати, если Диоп отрицает существование в Африке, «западного» типа феодализма (и действительно, в Тропической Африке к нему приближается только феодализм Эфиопии), то варианты «чисто африканских» тоже достаточно. Можно назвать хотя бы Буганду или Сонгайскую державу.

А во-вторых, не нужно забывать, что азиатский способ производства, как его понимал Маркс, это тоже классовое общество — пусть раннеклассовое, но все же классовое. И с этой точки зрения признание доколониальных африканских обществ обществами с азиатским способом производства неизбежно опрокидывает самую основу концепции Ш. А. Диопа: утверждение о бесклассовом характере развития доколониальной Африки. Таким образом, нужно приветствовать обращение африканского историка к теоретическому наследию основоположников научного социализма, но едва ли

¹⁸ Надо сказать, что и говоря о классообразовании в античном мире, Диоп решающее место в этом процессе отводит не развитию общественного производства, а завоеванию, за которым следовало лишение коренного населения завоеванных областей основных гражданских прав. В этом, как и в истолковании последующего социально-экономического развития Средиземноморья, он полностью следует за Фюстель де Куланжем, воспроизводя обширные выдержки из «*La cité antique*» (см., например, Ch. A. Diop, *L'Afrique Noire pré-coloniale*, pp. 10—11). Но первое издание этого труда вышло в 1864 г., и при всем уважении к авторитету великого французского медиевиста можно все же пожалеть, что позднейшие исследования не заслужили внимания Ш. А. Диопа.

Концепция Фюстель де Куланжа играет решающую роль и при оценке Диопом азиатского способа производства. В таких обществах, считает он, не было порабощения одной расы другой, что привело бы к сложению частной собственности и возникновению классовой борьбы; эти общества — «результат организации... совместной оседлой жизни «гражданами» одной территории» (см. Ch. A. Diop, *Antériorité des civilisations Nègres*, стр. 188).

возможно согласиться с тем, как оно применяется, и с теми выводами, какие из него сделаны.

Сообразно приведенной выше схеме строится у Ш. А. Диопа и схема политической и государственной организации доколониальной Африки. Традиционные общества рассматриваются как своего рода «конституционные», где обычай обеспечивал равное и справедливое представительство всех слоев населения, исключая все тех же «рабов семьи отца» (правильнее, видимо, говорить о рабах, предназначенных для продажи.— Л. К.). Некоторые оговорки не меняют существа точки зрения автора (стр. 265)¹⁹. По мнению Диопа, такое общество в любом случае «обязано своей сплоченностью, своей устойчивостью защите материальных интересов трудящегося класса»²⁰. Эта точка зрения, впервые сформулированная в 1955 г., по существу остается без изменения и сейчас.

Отмеченный выше случай употребления определения «класс» носил в ранних трудах Диопа единственный и скорее исключительный характер. Однако в 1962 г. он уже начал как будто допускать определенную эволюцию африканских обществ доколониального периода в сторону классовых обществ. В «Первобытной истории человечества» впервые вводится троякая классификация традиционных обществ и соответствующих им форм политической организации²¹. Эта классификация вошла и в последнюю книгу Диопа (стр. 90—92).

Диоп выделяет, во-первых, общества родовые и «племенную царскую власть» (*gouauté tribale*); во-вторых, сакральную монархию, конституционную или абсолютную; и в-третьих, «торговую царскую власть» (*gouauté mercantile*), где кастовый строй имеет тенденцию уступить место классовому обществу. Но характерно, что в последнюю категорию попадают только Бенин и Дагомея, причем даже в этом случае сохраняется подозрение, что в сложении классового общества повинны, быть может, контакты с «европейским меркантилизмом» (стр. 92). Что же касается суданских обществ и государств, включая сюда и такие, как Гана, Мали или Сонгай (а аргументация Диопа в значительной степени строится на их материале), то они оказываются совсем обделенными. Совершенно неясными остаются как причины возникновения, так и характер этих государств. Едва ли может помочь ссылка на заимствование традиций древнеегипетской государственности: это и само по себе еще недостаточно доказано, а кроме того, даже в случае такого заимствования нужен был какой-то местный субстрат, на который могли бы наложиться предполагаемые древнеегипетские влияния (о преувеличении этих влияний в концепции сенегальского исследователя у нас еще будет идти речь в дальнейшем)²².

По-видимому, автор сам чувствовал недостаточность приведенной выше классификации. Поэтому в последней его книге появляется и новая схема классификации, основанная как на надстроечных факторах, так и на различных формах базиса (стр. 195—196). Здесь выделены с точки зрения общественной организации: родовые и племенные общества; общества на стадии военной демократии (это, видимо, вызывало у Диопа некоторые сомнения — они отразились в условном характере отнесения к военным демократиям зулусского общества во времена Чаки); наконец, «детрибализованные монархические общества», в которых общественное разделение труда повело к сложению кастовой организации. С другой стороны, в экономической области также выделены три категории (сам Диоп называет их «способами производства»). Такowymi оказываются, во-первых, «лесной» способ производства, т. е. охота и собирательство; «родовой способ производства», основанный на земледелии и скотоводстве при сохранении коллективного характера земельной собственности (притом особо подчеркивается, что африканский род уже не находится на стадии первобытного коммунизма); в-третьих, «способ производства, свойственный монархическим обществам с кастами, который обозначается как «африканский» или «азиатский».

Диоп не устанавливает соответствия между различными формами базиса и надстройки, существующими, по его мнению, в африканских условиях. Можно, однако, предположить, что «родовой способ производства» понимается им как переходная форма от родовой общины к сельской, поскольку отрицается свойственный родовому обществу первобытно-коммунистический принцип распределения. Но в таком случае второй и третий из перечисленных сенегальским историком «способов производства» в большой мере совпадают, так как именно такой переходный характер носит община, лежащая в основе азиатского способа производства по Марксу. И в итоге перед нами снова тезис о единой в смысле социально-экономической организации Африке, где классовая структура не получила распространения из-за широкого развития кастовой организации — тот самый тезис, о внутренней противоречивости которого шла речь выше.

Таким образом, можно сказать, что аргументация Ш. А. Диопа не дает достаточно убедительных подтверждений его мнения о полной противоположности хода историче-

¹⁹ Cp. Ch. A. Diop, *L'Afrique Noire précoloniale*, pp. 59—60.

²⁰ Ch. A. Diop, *Nations Nègres et culture*, p. 357.

²¹ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 516—517.

²² Автор этих строк в свое время попытался поставить эту проблему. См.: Л. Е. Кубель, Проблема происхождения государственности в Западном Судане, II Международный конгресс африканистов, Доклады делегации СССР, М., 1957.

ского развития доколониальной Африки развитию средневековых Европы и Азии. Больше того, известный науке материал содержит немалое количество данных, которые подтверждают единство исторического процесса в Африке и других частях света, несмотря на некоторые, зачастую довольно существенные, локальные особенности африканских обществ. Вместе с тем нельзя не сказать, что сильную сторону исторических работ Диопа составляет как раз стремление проследить эти особенности.

Обратимся теперь к собственно историко-культурным взглядам сенегальского ученого. Здесь основной исходной мыслью выступает, с одной стороны, утверждение об исконно африканских происхождении и характере цивилизации Древнего Египта, а с другой — положение, что современные культуры народов Африки к югу от Сахары суть прямые преемницы древнеегипетской культуры, более того, что основные ценности этих культур во всех областях, от языка до государственности, представляют собою прямое заимствование из сокровищницы египетского наследия.

Но Диоп не ограничивается этим. Не менее важной составной частью его концепции служит тезис о первичности африканских культур, в частности древнеегипетской, по отношению ко всему культурному достоянию современного человечества. Причем, когда говорится об африканских культурах, то имеются в виду исключительно негроафриканские; это обстоятельство — краеугольный камень всей концепции, и его необходимо все время помнить.

Автор начинает свои построения с того бесспорного факта, что именно на африканском континенте обнаружены практически все переходные стадии между австралопитеком и *Homo sapiens*. Далее упоминается, и тоже вполне справедливо, что грималийский человек более древен, чем кроманьонец. И на этом основании делается вывод о том, что человечество началось с негроидов; лишь позднее, в результате дифференциации, от них отделились предки нынешних европеоидной и монголоидной больших рас (стр. 13—16)²³. Сам Диоп очень резко возражает против термина «негроидный» и его производных, утверждая, что термин этот был введен европейскими исследователями, чтобы «смазать» чисто негрский характер раннего человечества. Правда, тут же автору приходится признать, что его точка зрения на происхождение двух других больших рас человечества не встречает сочувствия у большинства специалистов-антропологов. Но он настаивает на ней, отрицая попутно существование в Африке множества расовых типов и обвиняя европейских ученых в стремлении лишить негрский элемент населения Африки его всеобщности. Именно в этой связи и появляется уже упоминавшееся заявление о принципиально различной «интеллектуальной настроенности» (*attitude intellectuelle*) африканского и европейского исследователей (стр. 26)²⁴.

Диоп совершенно прав, когда критикует рецидивы печально известной «хамитской теории», встречающиеся, например, в классическом труде Баумана, Турнвальда и Вестермана²⁵. В этом отношении его позиции совпадают с точкой зрения советских ученых, которые немало сделали для опровержения этой теории²⁶. Однако вряд ли правомерно ставить в один ряд с этой откровенно расистской концепцией те взгляды и терминологию, которых придерживается подавляющее большинство современных исследователей, ни в какой мере не зараженных расистскими предрассудками.

Обе последние работы Диопа — «Первобытная история человечества» и «Первенство негритянских цивилизаций» — включают специальную главу, которая носит совершенно недвусмысленное название: «Негрское происхождение народа и цивилизация Египта»²⁷. Здесь автор для доказательства своего тезиса использует материалы археологии, искусствоведения, лингвистики, приводит выдержки из античных авторов. Все эти материалы в последнем счете призваны доказать либо черную пигментацию древнеегипетского населения, либо негроидные черты в его антропологическом строении. Используются и данные антропологических исследований; правда, сам Диоп выражает к этим данным определенное недоверие на том основании, что они получены были без участия ученых-африканцев. А как раз антропологические материалы и оказываются, на мой взгляд, довольно неутешительными для авторского замысла. В самом деле, те цифры, на которые опирается Диоп, хоть и показывают, по его мнению, относительно большинство людей с ярко выраженными негроидными чертами в населении Древнего Египта (36%), в то же время не оставляют никакого сомнения в том, что по меньшей мере половина этого населения принадлежала к кроманьонидному и более того — к средиземноморскому антропологическим типам. С другой стороны, ссылка на мнение Буля и Валуа относительно устойчивости антропологического типа населения Египта, несмотря на превратности исторического развития последнего, «работает» как раз против точки зрения Диопа, так как французские ученые говорят не о негроидном антропологическом типе, а о средиземноморском (стр. 42—43)²⁸.

²³ Cp. Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 449—453.

²⁴ Cp. Там же, стр. 461—462.

²⁵ H. Baumann, R. Thurnwald, D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1940.

²⁶ См., например, Д. А. Ольдерогге, *Хамитская проблема в африканистике*, «Сов. этнография», 1949, № 3.

²⁷ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 462—492; его же, *Antériorité des civilisations Nègres*, pp. 27—64.

²⁸ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, pp. 484, 488.

Однако сенегальский историк считает, видимо, что приводимых им материалов вполне достаточно, чтобы утвердить тезис об исконно негрском составе населения Древнего Египта: говорится о «подлинной, черной египетской нации» (стр. 176) и о том, что Египет в этническом отношении оставался черным на всем протяжении своей древней истории (стр. 172). Все эти утверждения можно было бы в конце концов рассматривать как научную гипотезу, пусть и недостаточно еще подтвержденную, если бы не непрерывно нарастающий мотив категорического противопоставления «черных» — «белым». Мотив этот появляется параллельно с утверждением о негрском характере Древнего Египта и настойчиво повторяется в дальнейшем. Я далек от мысли отрицать органическую связь населения Древнего Египта и его культуры с негроидными жителями остальной части африканского континента — для советской науки это общепринятая истина²⁹. Но настойчивое подчеркивание якобы непреодолимого отличия людей негроидной и европеоидной больших рас (в превосходства первых над вторыми) в последнем счете оказывается не таким уж далеким от тех антинаучных теорий, в приверженности к которым Ш. А. Диоп винит большинство европейских исследователей.

И совсем уже неправомерно смешивать расу и культуру, как сделано это в главе VIII книги «Первенство негритянской цивилизации». Здесь например говорится, что египетская цивилизация была «негрской, без всякого внешнего вклада, европейского или семитского», и что она и погибла именно вследствие своего гомогенного характера» (стр. 163). Получается, что именно предполагаемой негроидности антропологического типа своих создателей обязана была древнеегипетская культура своими великими достижениями. Что речь не идет о полемической оговорке, видно из того, что вышеприведенный тезис доказывается «ее (культуры Древнего Египта.— Л. К.) глубоким родством с негро-африканской психологией». Так вдруг появляется в несколько специфической форме одна из главных теоретических посылок «негритюда».

Не говоря уже о методологической слабости подобной точки зрения, аргументация Диопа в данном случае не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. Нельзя утверждать, будто признание наличия в древнеегипетской культуре различных по происхождению компонентов есть злонамеренная попытка растворить все то же «негро-африканское историческое сознание» (стр. 164). Паука на нынешнем уровне ее развития не знает герметически замкнутых культур; никакая цивилизация не может и не могла существовать без каких бы то ни было внешних контактов. Не была исключением в этом смысле и цивилизация Древнего Египта. Она сыграла огромную роль в развитии культур Средиземноморья, на ранних этапах этого развития она, действительно, занимала господствующее положение в этом регионе. Но никакие контакты не могут быть строго односторонними, как утверждает это Диоп (стр. 273). Поэтому культурную историю Средиземноморья, а тем более — человечества в целом, нельзя сводить исключительно к древнеегипетским влияниям, отрицая, что и сама цивилизация Древнего Египта что-то приобретала от общения с другими. Что же до утверждения, будто египетская культура ничего не получила от своих соседей, то его довольно легко опровергнуть и с фактической стороны. Ограничимся лишь двумя заимствованиями. Передняя Азия дала Египту железо — во всяком случае до настоящего времени никто из сторонников африканского происхождения египетского железа не смог привести сколько-нибудь серьезных доводов в пользу своей точки зрения. Оттуда же, из Передней Азии появилась в Египте лошадь. Едва ли кто-нибудь станет возражать против того, что эти заимствования сыграли немалую роль в развитии древнеегипетской культуры.

Основываясь на таких исходных посылках, сенегальский историк мог прийти только к тем выводам, которые в свое время стали объектом суровой, но справедливой критики со стороны Р. Мони и Ж. Сюрэ-Канала³⁰. Но в последующих работах Ш. А. Диоп не только подтвердил свою приверженность к этим выводам, но и постарался развить их дальше. Коротко говоря, его точка зрения сводится к тому, что как Африка, так и Европа обязаны практически всеми достижениями своей культуры заимствованиям у Древнего Египта или, поскольку Диоп считает негрский характер древнеегипетской цивилизации доказанным, — у негроидной части населения земного шара. Так, влияние модели политической организации типа империи, каким представляется автору Египет, распространено (через Александра Македонского и Карла Великого) до Наполеона I (стр. 145). Негроиды (или, придерживаясь точки зрения Диопа, просто «негры») оказываются предками населения всей Передней Азии, осуществившими впоследствии аккумуляцию пришедших «нордических элементов»; при этом оказывается, что и семитская семья языков произошла в конечном счете от негро-африканских языков (стр. 191—192). А негроидному происхождению семитских народов древности посвящена целая глава «Первенство негритянской цивилизации» (стр. 190—194).

Немалое место уделено также древнеегипетскому происхождению культур доколониальной Черной Африки. Так, происхождение фульбе ведется из Египта времен

²⁹ См. М. А. Коростовцев, Древний Египет и народы Африки южнее Сахары, ВДИ, 1963, № 4; Б. Пиотровский, Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки, «Africa. Африканский этнографический сборник», VII, ТИЭ АН СССР, т. 93, Л., 1969.

³⁰ R. Mauny, Rev. на «Nations Nègres et culture» и на «Afrique Noire pré-coloniale», RIFAN, t. XXII, 1960, sér. B, No 3; J. Sureau, Rev. на «Nations Nègres et culture», «Recherches Africaines», No 4, 1960.

XVIII и XIX династий на основании «совпадения» египетских и фульских этнонимов Ка и Ба: козь скоро «Ка» в древнеегипетских текстах обозначает быка, а бык — это фульский фетиш (*fétiche du reul*), значит, фульбе генетически связаны с Древним Египтом. Титул царей Буганды — «кабака» — прямо выводится из имени фараона XXV Нубийской династии Шабаки (стр. 199). Выдвигается гипотеза о напатском происхождении царств моси на основании сходных черт в ритуале религиозных церемоний и избрания царей (стр. 204), хотя более логично было бы говорить о стадильном, а не о генетическом происхождении таких черт.

Не раз возвращается Диоп к египетским истокам философских и математических достижений древнегреческой культуры. Здесь, особенно — в XI главе «Первенства негритянских цивилизаций», специально посвященной этой проблеме и носящей название «Передача культурных ценностей и знаний Египта в Грецию, и из Греции — всему миру» (стр. 216—230), он исходит из вполне справедливой посылки. Но в ходе развертывания аргументации эта справедливая сама по себе посылка все более переходит в тенденциозное преувеличение, приобретая в конце концов характер запальчивого спора о приоритете (например, о теореме Пифагора — стр. 222). Может быть, конечно, что эти преувеличения рождаются в пылу полемики, однако их доказательная сила от этого не выигрывает. Правда, и сам Диоп признает уже чисто греческий характер материалистических философских школ античности (стр. 224). Но это признание так и остается единичным. И здесь мы снова встречаемся с вариацией на темы «негритюда»: речь идет о провозглашении особой, мессианской роли Африки в истории человечества. Только так можно истолковать заключительные слова этой главы последней книги Диопа: «Сможет ли Африка, вооруженная всем своим историческим наследием, предложить решение, нормы жизни, пригодные для современного сознания, — или же ее поражение перед главной человеческой проблемой докажет непреодолимый характер человеческой судьбы?» Кстати сказать, здесь снова присутствует понятие «современного сознания» вообще, т. е. абстракция, лишенная реального содержания в современном разделенном мире.

Рассматривая историко-культурную концепцию Ш. А. Диопа в целом, приходишь к выводу, что сенегальский ученый исходил из совершенно справедливого стремления восстановить истинную роль Африки и ее народов в истории человечества, стремления положить конец недооценке их вклада в сокровищницу мировой культуры. Однако в ходе анализа этого вклада он пришел к противоположной крайности и, по сути дела, провозгласил «избранный характер» негро-африканских народов, их исключительную роль в истории человечества. Другими словами, здесь в полной мере проявилась все та же тенденция к противопоставлению путей развития Африки и других частей света, о которой уже пришлось говорить при анализе социально-экономических построений Диопа. И таким образом оказывается, что слова Ш. А. Диопа: «гипотезы ученых часто равноценны (для их авторов. — Л. К.) истинам»³¹ — с достаточным основанием могут быть отнесены к самому автору. Ведь он так и не сумел представить убедительных доказательств теории исключительности «африканского пути развития», хотя и утверждает в самой категорической форме, что она доказана.

Думается, что эта неудача Ш. А. Диопа проистекает прежде всего из самого существенного недостатка его работ — эклектичности методологии. В самом деле, в его теоретических построениях мы встречаемся с отголосками и концепций культурно-исторической школы (тезис о разных путях развития «арийских» и остальных народов или диффузионистское толкование историко-культурных явлений), и функционализма (тезис о «равновесии» внутри традиционных обществ), и экзистенциализма (именно в таком смысле толкует Диоп понятие «отчуждение» в применении к членам неполноправных каст). И в довершение всего Диоп пытается применять отдельные положения марксистской теории общественного развития, отбрасывая одновременно ее основу — материалистическое понимание исторического процесса. На такой базе еще можно как-то объяснить отдельные факты или явления, но в целом картина исторического развития неизбежно получится искаженной до неузнаваемости.

Вместе с тем подвергая критике те стороны концепции Ш. А. Диопа, с которыми не может согласиться советская наука, нельзя не воздать должное его большому труду, равно как и тем идейным побуждениям, которыми он руководствовался³².

Мы полностью согласны с его протестом против всяких форм опеки над африканскими народами (стр. 215). Мы безусловно поддерживаем его требование о создании новой национальной культуры в странах Африки (хотя, видимо, правильнее было бы говорить о многих национальных культурах) и о необходимости подлинной культурной революции (стр. 283). И, наконец, мы должны приветствовать работы Ш. А. Диопа как реальный вклад в то важнейшее дело культурного возрождения Африки, за которое борются и сам он, и миллионы африканцев и их друзей во всем мире.

³¹ Ch. A. Diop, *Histoire primitive de l'Humanité*, p. 452; его же, *Antériorité des civilisations Nègres*, p. 16.

³² Cp. Ch. A. Diop, *Les fondements culturels, techniques et industriels d'un futur état fédéral d'Afrique Noire*, pp. 7—41; здесь полнее всего изложены практически-политические аспекты концепции Ш. А. Диопа.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Изучение воспроизводства населения (сборник статей). «Ученые записки по статистике», т. XIV, Центральный экономико-математический институт АН СССР, М., 1968, 334 стр.

В настоящее время происходит очень знаменательный процесс «социологизации» этнографических исследований, причем внедрение в них количественных методов усиливает значимость демографических характеристик для их доказательности.

Все большее включение в круг интересов этнографов изучения городского населения, в свою очередь, заставляет наряду с классическим методом непосредственного наблюдения и личного интервьюирования информаторов переходить к использованию и массовых данных — либо получаемых в результате специально проводимого достаточно репрезентативного анкетирования, либо извлекаемых из государственной и ведомственной статистики.

Об этих общих тенденциях бесполезно вспомнить в связи с выходом сборника, название которого — «Изучение воспроизводства населения» — может показаться на первый взгляд отстоящим довольно далеко от интересов этнографии. Однако ознакомление с содержанием сборника решительно меняет это первое впечатление. И не только потому, что значительная часть его статей касается такой важной для этнографии проблемы, как изучение семьи, и что ряд статей показывает особенности воспроизводства населения в этнически различной среде отдельных районов СССР¹ или связь плодovitости с таким социально-психологическим фактором, как религиозные верования разных народов мира² — все это, так сказать, частные обстоятельства, которые могут заинтересовать этнографов только при рассмотрении тех или иных конкретных проблем этнографической науки. Нам представляется, что сборник важен прежде всего своей общей направленностью в сторону более широкого, сильно «социологизированного» понимания задач изучения населения как «социальной совокупности», в сторону привлечения внимания к «исследованию брачности, изучению развития этнических структур, миграции и социальной мобильности, измерению воспроизводства экономической структуры населения и т. п.» (стр. 5—6). «Не странно ли, — пишет в своем предисловии редактор сборника А. Г. Волков, — что, принимая за аксиому социальную обусловленность всех демографических процессов, мы тем не менее, говоря о воспроизводстве населения, имеем в виду обычно лишь биологическую его сторону?» (стр. 5).

Сборник состоит из четырех разделов. Первый озаглавлен «Теоретические вопросы демографии». Значительная часть его посвящена проблемам формулировки так называемого «закона народонаселения» при социализме (к этим статьям мы еще вернемся). В двух других статьях исследуются проблема «демографического оптимума» (А. Я. Боярский) и инструменты демографической политики, в частности поощрения рождаемости (А. Я. Кваша).

В статье А. Я. Боярского «К проблеме демографического оптимума» показана закономерность постановки вопроса об оптимальном (с точки зрения соотношения с ростом производительных сил и с уровнем материального благополучия жителей) режиме воспроизводства населения и соответственно оптимальной структуре последнего; выведены и соответствующие математические зависимости. Однако в результате анализа этих зависимостей автор приходит к выводу, что можно получить «...не точный оптимум, а только некоторую оптимальную зону. Какое значение в ее пределах предпочтительнее, — нельзя решить путем расчета» (стр. 59). Статья показывает пути сближения представления об общественном воспроизводстве материальной продукции и воспроизводстве населения. Эта статья несомненно привлечет внимание политико-экономов; возможно, что они найдут в ней и ряд дискуссионных положений. При более широком подходе к изучению населения существенно то, что статья убеждает в неправомерности рассмотрения всей проблемы оптимизации роста населения как какого-то жупела.

В статье А. Я. Кваша «О некоторых инструментах демографической политики» дан обстоятельный обзор мер по поощрению рождаемости, применяемых в ряде социалистических и капиталистических стран Европы; показано отставание в этом отношении нашего законодательства: (в СССР только рождение седьмого ребенка дает надбавку к зарплате, превышающую в среднем 10%, в ряде же рассмотренных стран уже второй ребенок увеличивает среднюю заработную плату на 1/8—1/5, во Франции почти

¹ Таковы, в частности, статьи В. П. Пискунова и В. С. Стещенко о воспроизводстве городского населения в УССР, Н. В. Доле об особенностях рождаемости в северо-западных областях СССР, в Коми АССР и в Карельской АССР и А. М. Меркулова и Н. С. Махмутзянова о воспроизводстве (смертности) населения в Башкирской АССР. Следует пожалеть, что в этих статьях особенности воспроизводства населения практически остались не связанными с этнической структурой и рассмотрение отдельных показателей в национальном разрезе отсутствует вовсе.

² Статья этнографа В. И. Коздова о влиянии религиозного фактора на плодovitость (в этой статье рассматривается влияние на рождаемость основных религий мира).

на $\frac{1}{4}$, в Югославии на $\frac{1}{3}$). Автор сделал численные прикидки соотношений содержания в СССР разного числа детей со средним заработком их матери и с прибавочным продуктом, который может быть ею создан. При всей условности, а кое в чем и нивности этих прикидок они ценны тем, что цифры, хотя бы в порядке первого приближения все же названы — ведь это единственный способ начать их обсуждение.

Второй раздел сборника озаглавлен «Методология демографических исследований»; третий — «Исследования воспроизводства населения», четвертый — «Из опыта изучения мнений о величине семьи». По существу центральной темой всех трех этих разделов является семья. Поднимаемые частные вопросы брачности женщин, протогенетических и интергенетических интервалов, региональных различий в рождаемости, влияния на плодородность основных религий мира, значения аборт и разводов — все это вращается вокруг широко понимаемой проблемы семьи как социальной категории. Непосредственно освещает эту проблему и цикл статей, в которых приводятся мнения о желательных размерах семьи как один из методов изучения возможностей и пределов внутрисемейного планирования.

Можно считать, что обобщенный в этих статьях опыт изучения как семьи в целом, так и отдельных существенных для характеристики семьи тематических аспектов, может быть с большой пользой учтен и использован в этнографических исследованиях. Правда, речь здесь идет почти во всех случаях лишь об СССР (исключение составляет упомянутая выше статья В. И. Козлова да отдельные сопоставительные упоминания зарубежного материала в некоторых других статьях), но методическое значение соответствующих наблюдений и выводимых зависимостей для любых этнографических исследований семьи очевидно. К тому же и потребность в подобном научном инструментарии возникает более всего при полевых работах наших этнографов, проводимых в том или ином районе СССР, или при использовании первичного массового этно-демографического материала.

Отметим некоторые положения, которые представляются нам важнейшим в этих разделах. В статье А. Г. Волкова «О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости» (в СССР) поставлена задача — «выяснить, в какой мере наблюдавшееся до сих пор сокращение коэффициента рождаемости было обусловлено изменением состава населения, в какой — изменением интенсивности деторождения» (стр. 173). Ответственность этой задачи определялась широко бытовавшими представлениями о том, что снижение общих показателей рождаемости (и естественного прироста населения) обусловлено в основном вступлением в детородный возраст малочисленных контингентов военных годов рождения. О влиянии урбанизации, повышении участия женщин в общественном производстве и т. п. часто при этом упоминали как о второстепенных причинах и ожидали, что по мере того, как в наиболее детородные возрасты вступит послевоенное поколение, уровень рождаемости как бы автоматически возрастет. Расчеты А. Г. Волкова показывают, что это не так: «Основной причиной снижения коэффициента рождаемости были не структурные изменения, вызванные войной, а падение брачной плодородности, т. е. интенсивности деторождения в семьях, причем в городе оно сказалось в большей степени, чем в селе» (стр. 179). Малочисленность же контингента матерей военных лет рождения, по мнению автора, играла «роль далеко не определяющую, даже, можно сказать, второстепенную» (стр. 182).

В. И. Козлов в статье «О влиянии религиозного фактора на плодородность» показал на широком как географическом, так и историческом фоне влияние социально-психологических факторов религиозных верований на плодородность. Хорошо известные этнографам морально-религиозные воззрения отдельных народов мира и даже отдельных их этнографических групп в его статье выразительно сопоставлены; при этом учтена та социальная и экономическая обстановка, в которой соответствующие тенденции сложились или консервируются. Так, автор отмечает, что «традиция ранних браков опирается на низкий уровень производительных сил... Отсталое сельское хозяйство, в котором занята здесь (в странах ислама и индуизма.— В. П.) подавляющая масса населения, не требует... сколько-нибудь длительного производственного обучения или специального образования. Поэтому стремление к ранним бракам можно объяснить желанием скорее получить добавочную пару рабочих рук» (стр. 205). Вместе с тем В. И. Козлов правильно указывает, что с течением времени другие факторы (например, уровень образованности) начинают отодвигать непосредственное влияние религиозных воззрений на плодородность на второе место; однако, превратившись в народную традицию, они все же «продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое» (стр. 206); это видно и на примере ряда народов СССР.

В статье «Воспроизводство городского населения Украинской ССР» В. П. Пискунов и В. С. Стещенко показали такую важную сторону урбанизации, как «все усиливающее влияние города на все стороны жизни сельского населения. Современная урбанизация... характеризуется не только темпами роста городского населения вообще, но и быстрым распространением влияния города на демографические процессы в селах» (стр. 244). Отмечено, что миграции в города создают здесь (особенно в крупных городах) намного меньшую «нагрузку» нетрудоспособных возрастов на работающее население, чем в селах (по УССР в целом в селах эта нагрузка была на 44% выше, чем в городах, стр. 243).

Среди статей, обобщающих опыт изучения мнений о желательной величине семей, наиболее интересной в методическом отношении представляется очерк Г. П. Киселевой

«Из опыта конкретного социально-демографического обследования» (сельская местность Окуловского района Новгородской области).

Анкетирование умело сочеталось здесь с получением сведений в централизованном порядке; показан и принцип выборки деревень (всего их было отобрано 36). А. А. Петраков в аналогичной статье по Удмуртии «Фактическое и желаемое число детей» попытался учесть влияние этнического фактора на соотношения фактического и желаемого числа детей в русских и удмуртских семьях, но почти полное тождество показателей побудило его отказаться от учета этнического разреза. Выполненное в Удмуртии обследование отличается хорошей массивностью (6264 горожанки и 2707 сельских жительниц), причем разработка осуществлялась вручную.

Несколько разочаровывают две статьи (М. В. Курмана «Замечания об учете разводов» и Е. М. Моревой «Влияние порядка регистрации развода на показатели разводимости»), посвященные такой важной стороне изучения жизни семьи, как разводы. В обоих случаях внимание сосредоточено на недостатках статистического учета разводов. Авторы вовсе проходят мимо тех очень сильно влияющих и на сами разводы, и на их оформление житейских обстоятельств, которые связаны с разделом, обменом или получением жилой площади, с решением вопросов об оставлении ребенка у одного из супругов, об имущественных претензиях и т. п.; их интересует только несоответствие юридической и учетной стороны дела, и это снижает социологическое значение статей.

Мы видели, что несмотря на известную пестроту сборника темы уровня рождаемости и размеров и структуры семей звучат в нем сильнее всего. По существу вокруг общих вопросов динамики населения сосредоточено внимание и тех авторов первого раздела, которые посвятили свои статьи теоретическому представлению о «законе народонаселения» социалистического общества.

Хотя статьи эти выдвинуты в сборнике на первое место, трудно признать их наиболее ценными. Конечно, в поисках формулировок этого закона оказались и счастливые находки, и неудачи; но в целом все три рассматриваемые статьи (Я. Н. Гузеватого, Г. М. Коростелева и И. В. Дзасаровой) в основном повторяют уже не раз высказанные в литературе мысли. Следует согласиться с критикой стремления при формулировке «закона народонаселения социалистического общества» поглощать все возможные закономерности в экономической формуле (с такой попыткой выступал, например, Н. С. Есипов). Вряд ли правомерна и «попытка включить в сферу действия экономического закона народонаселения социализма демографические показатели» (Я. Н. Гузеватый, стр. 15). Вернее, конечно, признать, что выдвигавшиеся формулировки экономических аспектов не исключают наличия имеющих собственную обусловленность демографических черт; более того: вероятно, можно было бы говорить, скажем, и об особых закономерностях расселения, о специфических свойственных социалистическим странам взаимоотношениях между нациями и этническими общностями и т. д.

Надо согласиться, что «все многообразие сложных и противоречивых процессов воспроизводства нельзя свести к одному закону» (И. В. Дзасарова, стр. 46). При этом «нельзя установить прямую зависимость, например, между общественной собственностью на средства производства и рождаемостью, или между социалистической демократией и уровнем смертности» (Г. М. Коростелев, стр. 26). Прав и Я. Н. Гузеватый, заявляя, что «постулат о высокой рождаемости и расширенном воспроизводстве населения социалистических стран в действительности не получает подтверждения» (стр. 13) и что неправомочно «при формулировании... закона (воспроизводства населения при социализме.— В. П.)... отождествлять (его) с конкретными социально-экономическими явлениями в Советском Союзе, а также в других социалистических странах, находящихся на самых различных этапах коммунистического строительства» (стр. 13).

Я. Н. Гузеватый и Г. М. Коростелев дают (каждый свою) формулировку «искомого» закона (И. В. Дзасарова отнеслась к этой задаче более скептически). Обе формулировки не кажутся наилучшими даже в рамках задач, поставленных их авторами. В первом случае, когда упор сделан на чисто экономическую сторону дела, формулировка, на наш взгляд, надуманно придана редакция, как бы «копирующая наоборот» известный закон Маркса (см. стр. 13 и 15 сборника); во втором случае упор сделан на благоденствие населения, здесь формулировка (стр. 34) настолько обтекаемо-выхолощена, что оказывается по своей малой содержательности в явном противоречии со многими интересными положениями самой статьи Г. М. Коростелева.

В целом следует оценить сборник, и особенно занявшие в нем центральное место статьи о семье и механизме рождаемости, вполне положительно. Правда, следует пожалеть, что заявления его редактора о желательности трактовать проблемы воспроизводства в более широком, «социологизированном» плане, чем это под силу одной лишь демографии, остались пока в большей мере декларацией; в частности, лишь одна статья В. И. Козлова построена на социально-этнографической базе. Но преобладание в сборнике демографических статей (которые тем не менее дают много ценного и для социологов, и для этнографов, и для географов, изучающих население), объективно отражает сложившееся состояние исследований проблем воспроизводства населения в рамках разных научных дисциплин.

В частности, несомненно, что более значительным мог бы быть вклад в изучение этих проблем и со стороны этнографии.

Свойственные ей методы непосредственного наблюдения и интервьюирования, учет

традиций и особенностей народного быта, рассмотренного в его социальной «стратификации», могли бы пролить свет на многие достаточно интимные процессы, происходящие в семейных «ячейках» общества: раскрыть мотивы ускорения или, наоборот, откладывания браков, стремления либо скупое планировать, либо неограниченно увеличивать число детей, осуществлять разводы и т. п., — которые ускользают при учете лишь демографических показателей. И очевидно, что актуальность проблем воспроизводства населения сделала бы вполне обоснованным расширение фронта соответствующих исследований, которые можно было бы определить как «социально-этно-демографические».

В. В. Покшишевский

НАРОДЫ СССР

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IV, 1968, 234 стр. («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 94)

Рецензируемый выпуск (ответственный редактор Р. С. Липец) продолжает серию, начатую в 1956 г., и в соответствии с ее целью содержит статьи, посвященные характеристике отдельных ученых, обществ, научных направлений и периодов в русской этнографии, фольклористике и антропологии. Хронологически этот том в основном посвящен периоду с конца XIX в. по 20-е годы XX в. включительно. По составу книга явственно распадается на три раздела, характеризующие развитие этнографии, фольклористики и антропологии. Ей предпослано небольшое введение, достаточно полно ориентирующее читателя в содержании. В этом введении есть лишь одна спорная мысль: редакция полагает, что многие основанные на неопубликованных материалах статьи получают из-за этого «значение первоисточника». На самом деле, конечно, ни одна, даже самая мотивированная и богатая цитатами статья не может заменить собою первоисточника, обращение к которому — залог успеха научной работы.

Статья В. Е. Гусева, открывающая сборник, освещает важные и неразработанные вопросы становления марксистской методологии в русской этнографической науке. Появление в свет этой статьи в наши дни — явление знаменательное. Историки, занимающиеся самыми различными периодами и отраслями науки, усиленно разрабатывают в настоящее время вопросы формирования марксистского мировоззрения в России. Это связано и с тем огромным интересом, который пробудился к этой тематике в связи с празднованием столетия со дня рождения В. И. Ленина. Анализ проблем этнографии в «Научном обозрении» 1894—1903 гг. позволил В. Е. Гусеву осветить один из важных моментов в формировании марксистской этнографии и тем самым внести весомый вклад в историю этнографической науки. Помещение подобной статьи в сборнике — большая заслуга редакции. Методология исследования лишь в самое последнее время начала привлекать внимание историков науки, и публикация такой статьи, надо полагать, может дать толчок к другим работам подобного же рода.

Вслед за проблемно-методологической статьей В. Е. Гусева, которую редакция совершенно справедливо поставила на первое место, следует серия статей, раскрывающих отдельные малоизученные вопросы истории этнографии, устраняющих некоторые «белые пятна», вносящих коррективы в представление о деятельности тех или иных научных учреждений, объединений, ученых или общественных деятелей. Семь статей, расположенных в хронологическом порядке, дают яркую картину развития русской и советской этнографической науки в переломный период начала XX в., когда на смену дореволюционной этнографической науке приходила советская этнография с новыми методологическими установками и новой методикой полевых исследований.

Первая из этих работ — статья З. И. Власовой — суммирует наши сведения об интересе В. Г. Короленко к этнографии и фольклору и показывает, какое общественное значение приобрел этот интерес (на примере известного «мултанского дела»). Статья неудачно названа «Этнографическая деятельность В. Г. Короленко и ее общественное значение» — на самом деле речь идет о деятельности В. Г. Короленко как писателя, публициста, общественного деятеля и т. д., но отнюдь не как этнографа-специалиста. Тем не менее анализ общественно-политической, публицистической и художественной деятельности В. Г. Короленко, несомненно, важен для оценки истории русской этнографии данного периода.

Вызывает также возражение и характеристика З. И. Власовой 1880-х—1890-х годов как «периода наиболее интенсивной творческой деятельности писателя» (стр. 13). Как раз в последующие годы им были созданы крупнейшие художественные произведения («История моего современника», уральские, крымские и румынские очерки). Очень большое общественно-политическое звучание имели его выступления в защиту крестьян Полтавской губернии — участников аграрных выступлений в канун революции

1905—1907 гг., гневный очерк о еврейском погроме в Кишиневе (1903 г.), необыкновенной силы статья «Сорочинская трагедия», в которой он рассказал о кровавой экспедиции карателей против крестьян Полтавской губ. (1907 г.), его выступления против смертных казней в годы столыпинщины и военно-полевых судов (1910—1911 гг.), его выступления по «делу Бейлиса» и пр.

Все сказанное вовсе не означает, что период 1880—1890 гг. не может изучаться самостоятельно, просто ему следовало бы дать более четкую характеристику в соответствии со всем творческим путем В. Г. Короленко.

Работа З. И. Власовой о Короленко — единственное исследование об этнографических интересах русских писателей в рецензируемом выпуске «Очерков». Тема эта не может, естественно, ограничиться разбором творчества одного Короленко. Редакции «Очерков» следует задуматься над раскрытием этой проблемы на примере других русских писателей и поэтов, творчество которых представляет собою благодатную почву для исследований подобного рода. Лесков и Мельников-Печерский, Глеб и Николай Успенские, Сергеев-Ценский — вот наудачу взятые имена, с которыми связано образное и глубокое раскрытие этнографических особенностей жизни и быта изображаемых персонажей.

Вторая статья из этнографического раздела книги — очерк С. И. Вайнштейна об этнографических исследованиях Н. Ф. Катановым тувинцев и других тюркоязычных народов — рисует нам образ выдающегося ученого и просветителя, вышедшего из среды национальных меньшинств (Н. Ф. Катанов — хакас по национальности) и занимающего почетное место в ряду таких деятелей, как Чокан Валиханов, Доржи Банзаров, Абай Кунанбаев и др. О Катанове и его месте в тюркском языкознании, этнографии и фольклористике написано большое количество работ, однако С. И. Вайнштейн нашел свой особый угол зрения и сумел осветить темы, не бывшие до сих пор предметом специального исследования. Заслуга автора, в частности, в том, что он подробно охарактеризовал большой, оставшийся неизданным труд Н. Ф. Катанова — «Очерки Урянхайской земли», не потерявший научного значения и по сей день. С большим интересом читаются страницы, посвященные прогрессивному воздействию русской культуры на культуру национальных окраин России. Хорошо сказал о себе Н. Ф. Катанов: «Вся моя жизнь — свидетельство влияния русской культуры» (стр. 43). Статья С. И. Вайнштейна будет ценна для историка, занимающегося и общественно-политической мыслью, и историей науки в самом широком смысле этого слова.

Очень содержательна статья А. П. Конакова об основателе этнографического отдела Русского музея Д. А. Клеменце. Построенная на богатом архивном материале, эта работа представляет значительный интерес как для этнографа, так и для музееведа; сугубо музееведческие проблемы тесно связаны с историей этнографии, а частная проблема этнографической экспозиции — со становлением методики сбора, оформления и показа этнографических экспонатов.

Статья еще более выиграла бы, если бы автор не ограничился рассказом о деятельности Д. А. Клеменца по организации этнографического отдела Русского музея, а показал бы и то, как были развиты советским музееведением заветы Д. А. Клеменца, что из них было усвоено, а что отвергнуто и по каким причинам. Это придало бы статье еще большую актуальность и показало бы связь историографических проблем с современностью.

Широта и разнообразие тематики IV выпуска «Очерков» могут быть хорошо проиллюстрированы на примере статьи М. Г. Рабиновича о программе В. Н. Тенишева по этнографическому изучению «русских городских жителей образованного класса». Эта статья представляет больший интерес для историка и социолога, чем для этнографа, однако помещение ее в настоящем сборнике можно считать оправданным, особенно если учесть скудость материалов по этнографическому изучению города.

Название статьи шире ее содержания. Автор и сам в первом же абзаце своего исследования говорит, что «город как целое не был объектом этнографического изучения» в России в конце XIX — начале XX в. (стр. 62). И анализируемая в статье программа Тенишева ставила перед собой проблему не «этнографического изучения города в России», а всего лишь части городского населения.

Анализ программы сделан умело и подробно. Автор со знанием дела показывает истинную цель этнографической деятельности этого крупного предпринимателя и заводчика, кровно заинтересованного в сохранении и упрочении общественных устоев жизни его времени. Программа В. Н. Тенишева — важный исторический источник, необходимый и социологу, и историку, и этнографу.

Статья М. Г. Рабиновича и статья Р. С. Липец об изучении обычного права в России еще раз свидетельствуют о том, что очередной задачей этнографии как науки является анализ деятельности различных историко-этнографических обществ конца XIX — начала XX в., рассмотрение их общественно-политической роли, изучение методики их работы, создания разветвленной сети корреспондентов и т. д. Это особенно важно сейчас, когда активизируется деятельность вновь созданного Общества по охране исторических памятников. Ученье опыт дореволюционных обществ, взять из него все, что есть полезного и дельного — вот тот прямой практический результат, который может быть извлечен из работ подобного типа. Поэтому можно согласиться с выводом М. Г. Рабиновича, что опыт составления подробного вопросника В. Н. Тенишева должен быть учтен и может оказаться весьма полезным, хотя, конечно, и цели, и струк-

тура современной программы должны коренным образом отличаться от подобных до-революционных опытов.

Характеристике местных этнографов-краеведов посвящены статьи Р. С. Липец и Э. В. Померанцевой. В статье Р. С. Липец проанализированы ответы ярославского краеведа И. В. Костоловского на «Вопросные пункты по обычному праву и верованиям» Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Среди хранящихся в архиве Этнографического отдела 29 ответов рукопись Костоловского — одна из самых полных и острых в социально-этнографическом отношении. Анализ ответов Костоловского дал автору возможность раскрыть взгляды демократической местной интеллигенции того времени. Жаль, что автор не привел списка всех корреспондентов, приславших ответы, — это позволило бы читателю яснее представить себе сохранившийся архивный фонд и облегчило бы популяризацию в науке этих важных во многих отношениях архивных материалов.

Жизни и деятельности владимирского краеведа К. А. Полякова в 1920-е годы посвящена очень интересная и живо написанная статья Э. В. Померанцевой. Хотя и много лет спустя, но К. А. Поляков получил должную оценку своей работы; он заслуженно займет свое место в истории фольклористики 1920-х годов. Замысел автора — показать живой облик одного из тех, кто составлял опору советской фольклористики на местах в период ее становления, — можно считать выполненным. Автор верно говорит о том, что Поляков — типичное явление для первых лет после Октябрьской революции, когда появилось много подобных ему собирателей народного творчества, во многом определивших массовый, общенародный характер нашей науки. Долг советских этнографов и фольклористов — не дать заглухнуть памяти об этих местных энтузиастах, самоотверженно и самозабвенно служивших советской науке.

Статья В. М. Суринова «Этнографические исследования Н. Л. Скалзубова» раскрывает перед читателем малоизученную область деятельности этого крупного русского агронома и общественно-политического деятеля. В работе изучены взгляды Скалзубова как по важным общеметодологическим проблемам этнографии, так и по конкретным наблюдениям частного характера. Хорошо показана научно-организационная работа Скалзубова; меньше сказано о его общественно-политических взглядах, оказавших, несомненно, влияние на его этнографическую практику. Этнографические исследования Н. Л. Скалзубова, как свидетельствует публикуемая статья, были заметным явлением в истории сибирской этнографии того времени.

Этнографический раздел выпуска (самый большой по объему) заключается статьей И. С. Гурвичи «Деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930—1932 гг.». Автор рисует облик молодого советского этнографа, создающего новую методику полевой работы. М. Г. Левин стоял у истоков советской этнографии и антропологии. Этот крупный ученый и организатор многое сделал для того, чтобы вывести советскую науку на ее современные рубежи. Тем большее значение приобретает историографический анализ начального периода его деятельности. Статья будет прочитана с чувством глубокого удовлетворения не только теми, кто непосредственно сталкивался с М. Г. Левиным, но и историками самого широкого профиля. Желательно было бы дать более полный источниковедческий обзор фонда М. Г. Левина, тем более, что в нем, судя по статье, сохранились и материалы по истории гражданской войны на Охотском побережье, приобретающие в наши дни особое значение из-за гибели первоисточников по этому вопросу.

Следующие четыре статьи сборника посвящены истории фольклористики. Одна из них (статья Э. В. Померанцевой) была уже разобрана выше. Исследование Е. И. Коротина касается как проблем этнографии, так и вопросов фольклористики, ибо оно раскрывает принципы организационно-собирательской работы в 1920-е годы на примере деятельности крупного советского этнографа и фольклориста Б. М. Соколова. Автору удалось показать органическое сочетание научно-исследовательской работы с практической собирания фольклора, что было так характерно для творческого облика Б. М. Соколова. Хочется верить, что и деятельность других крупнейших этнографов и фольклористов 1920-х годов — Ю. М. Соколова, Н. П. Андреева, М. К. Азадовского, В. Г. Тананоговора и др. — станет предметом специального историографического изучения.

Следующая статья по истории советской фольклористики — статья Г. Г. Шаповаловой — анализирует деятельность О. И. Капицы в области пропаганды и изучения детского фольклора. Работа основана на большом материале, в том числе и архивном, интересна по замыслу и выполнению. Удастся автору и попытка в историографическом очерке раскрыть источниковедческое значение фонда О. И. Капицы.

В качестве упрека автору можно указать на то, что некоторые вопросы чисто педагогического характера (например, деятельность О. И. Капицы в области художественного рассказывания) должны были бы составить предмет специального исследования, цель которого — определить место О. И. Капицы в истории педагогики. В то же время автор напрасно отказался от мысли проанализировать методику издания сказок для детей: именно это помогло бы ему хотя бы в общих чертах показать развитие методических приемов Капицы в более поздних изданиях и тем самым полнее раскрыть подлинное значение деятельности этого крупнейшего знатока детского фольклора.

Большая статья В. М. Потявина об изучении русской народной песни в 1920-е годы, заключающая собою серию статей по истории фольклористики, дает в целом верную оценку состояния науки в этот период, хотя и не все выдвигаемые в ней положения

бесспорны. Заслуга автора — в широком использовании литературы и прессы того времени, в богатом привлечении историко-партийных материалов для освещения общественной значимости народной песни. Некоторые разделы статьи носят конспективный характер, что еще более подчеркивает необходимость монографического исследования деятельности таких крупных этнографов и фольклористов, как Ю. М. Соколов, В. Г. Тан-Богораз, М. К. Азатовский и другие.

Рецензируемую книгу заключают статьи, посвященные истории антропологии в Академии наук (В. В. Гинзбурга) и в Антропологической секции Московского общества испытателей природы при МГУ (Т. Д. Гладковой). Статьи дают хорошую сводку материала, который со временем может стать основой для создания историографического исследования на эту тему. Несомненное достоинство обеих статей заключается в том, что они доводят изложение событий до наших дней, показывая большое народнохозяйственное значение антропологии в условиях строительства коммунизма. Следует заметить, что оба автора, стремясь предельно насытить свое изложение библиографическим материалом, меньше уделили внимания собственно историографическому анализу. В результате этого развитие антропологии как науки рассматривается авторами в недостаточной связи со смежными с ней дисциплинами. Статья Т. Д. Гладковой, собственно говоря, представляет собою скорее хронику работы секции за последние 20 лет. Исследование В. В. Гинзбурга глубже и проблемнее, но и оно из-за широты охвата материала (в статье рассматривается более чем столетний период развития антропологии!) представляет собою скорее обзор главнейших явлений в данной области.

Как ясно из всего сказанного об отдельных статьях выпуска, сборник в целом заслуживает весьма высокой оценки. Хорошо проведена и редактура сборника — отдельные погрешности библиографического и технического характера настолько незначительны, что о них просто не хочется упоминать.

Перед редакцией сборника стоит трудная, но благородная задача — продолжая традицию историографического изучения науки в XIX — начале XX в., обратить особое внимание на историю советской этнографии, фольклористики и антропологии, на историографическое изучение 1920-х — 1930-х годов. Не скрывая ошибок и заблуждений тех лет (это были ошибки роста!), показать то ценное и нужное, что было добыто советскими учеными первого поколения и что было затем подхвачено, развито и углублено их учениками и последователями — вот одна из насущных целей и задач рецензируемого издания.

Л. Н. Пушкарев

Я. Р. Винников. *Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР*. М., 1969.

Трудами дореволюционных и советских авторов создана значительная литература по этнографии туркмен. В ней исследованы и разработаны многие общие и частные проблемы, связанные главным образом с прошлым туркменского народа. Несравнимо меньше сделано в отношении изучения современного этнографического облика населения Туркменистана и путей социалистических преобразований его хозяйства, культуры и быта. Именно этой последней проблеме и посвящается рецензируемая книга.

Во введении автор четко определяет задачи исследования: выяснение этнического состава населения Туркменистана и его расселения во второй половине XIX — начале XX в.; изучение социалистических преобразований хозяйства, материальной культуры, семьи и семейных отношений, общественной и культурной жизни. Наиболее важной задачей автор считает выяснение факторов, оказавших влияние на развитие новых прогрессивных явлений, наиболее характерных для современного производственного, общественного и домашнего быта сельского населения республики в отдельные периоды социалистического строительства (стр. 9).

В основу книги положена солидная историкоэтнографическая база. Она состоит не только из публикаций, но в значительной мере из полевых материалов, собранных Я. Р. Винниковым в многолетних этнографических экспедициях главным образом в области среднего течения Амударьи, а также в бассейне Мургаба, Теджена и в части предгорий Копетдага. Автор подробно останавливается на характеристике и анализе использованных им письменных источников, литературы и полевых этнографических данных.

Начиная свое исследование, Я. Р. Винников широко и глубоко ставит в первой главе («Этнический состав населения») проблему этнического состава Туркменистана, которую он рассматривает в историческом плане. Справедливо отмечая, что для туркмен в прошлом были характерны частые массовые переселения, автор высказывает мнение, что эти процессы мало влияли на их племенную структуру. Она не нарушалась при миграциях и расселении на новых местах, в том числе и тогда, когда туркмены оседали на землю. Это мнение имеет под собой основание, однако нельзя не заметить, что известны многие отклонения от этого правила — как во время переселений в XV—XVII вв. (что отмечается, в частности, Абу-л-Гази), так и в более позднее время, в XVIII—XIX вв.

Кстати, несколько ниже (стр. 24) автор сам отмечает тот факт, что складывавшиеся территориальные группы не всегда совпадали с племенными.

Не вызывает в целом возражений развиваемая Я. Р. Винниковым концепция происхождения туркмен и причин частых их переселений. Следует, однако, заметить, что процесс этногенеза туркмен прошел несколько этапов, и окончательное сложение этого народа следует, возможно, относить к послемонгольскому времени. Надо также отметить, что причины крупных миграций туркмен в XV—XVIII вв. лежали, очевидно, не только в политических событиях и прекращении тока воды в Дарьялык и Сарыкамыш, как это полагает Я. Р. Винников (стр. 22—23), но и в иссякании источников водоснабжения на обширных просторах Восточного Прикаспия, откуда ведут свое происхождение наиболее крупные современные группы туркмен.

Значительное место в книге уделяется анализу формирования и расселения отдельных групп и племен туркмен в XVIII—XIX вв., причем особенно детально рассматривается население долины Средней Амударьи, где сам автор проводил полевые исследования (стр. 25—41).

Весьма интересные выводы сделаны Я. Р. Винниковым о происхождении, расселении и этнической принадлежности мелких туркменских групп, таких, как чандыр, хатаб и многих других, мало или вовсе не исследованных в прежних работах по этнографии туркмен. Я. Р. Винников вносит много нового в рассматриваемую проблему по сравнению с тем, что было сделано в свое время известным исследователем туркмен Г. И. Карповым и другими учеными. Но попутно нельзя не отметить, что у читателя возникает некоторая неясность по поводу групп атинцев, ходжа и ших (стр. 40—41). Известно, что по вопросу об их происхождении существуют различные точки зрения. Но каково же мнение на этот счет самого автора — читателю остается неизвестным.

Более кратко характеризуются северные (стр. 42—43), южные (стр. 44—47) и юго-западные туркмены (стр. 47—48). К сожалению, лишь самые общие сведения сообщаются о населении одной из важных областей Туркмении — Ахала (стр. 44).

Автор поступает, на мой взгляд, верно, не ограничиваясь рассмотрением только туркмен, населяющих Туркменскую ССР. Он уделяет внимание в плане исследования этнических процессов также узбекам, каракалпакам и другим национальным группам, населяющим Туркменскую ССР (стр. 49—54).

Большая заслуга автора — составленная им карта этнического состава Туркмении. Она будет весьма полезна как для специалистов, так и для учащихся.

Завершается глава рассмотрением этнических процессов. Раздел читается с интересом и дает исчерпывающее представление о рассматриваемых явлениях.

Вторая глава рецензируемого труда посвящается исследованию социалистических преобразований сельского хозяйства и производственного быта. Раздел начинается с характеристики хозяйства туркмен разных областей в прошлом, начиная с XVI—XVII вв. Ведущим его направлением в эти столетия автор считает (на мой взгляд, совершенно справедливо) скотоводство (стр. 68). Одновременно он не без оснований отмечает, что у некоторых мелких групп туркмен немаловажное значение в хозяйстве имело земледелие. Здесь же Я. Р. Винников высказывает мысль о том, что переселения туркмен в XVI—XVII вв. в земледельческие оазисы имели непосредственным следствием возрастание роли земледелия в их хозяйстве. Это предположение спорно. Многие говорят о том, что даже переселившиеся в оазисы, туркмены нередко продолжали кочевать на их окраинах. Процесс оседания на землю растянулся у них на значительное время, и отдельные группы осели окончательно только на рубеже XIX и XX вв. Впрочем, и Я. Р. Винников не находит своему предположению убедительных доказательств (стр. 68, 69). Когда автор говорит о том, что преобладающая масса туркмен стала оседлой в XVIII в. (стр. 69), с ним можно согласиться. Следует только отметить, что и в первых десятилетиях XX в. сохранялись кочующие группы скотоводов (например, в Прибалхашье).

Автор выделяет в Туркмении в досоветское время шесть «относительно крупных историко-хозяйственных областей»: 1) бассейн Средней Амударьи — наиболее крупную и густонаселенную область, 2) туркменские районы Хорезма, 3) земли Мургабского и Тедженского оазисов, 4) подгорная и равнинная полоса у подножья Копетдага, 5) Юго-Западная Туркмения и восточное побережье Каспийского моря, 6) Центральные и Южные Каракумы (стр. 69—74). Предлагаемое членение Туркмении по хозяйственным и историко-культурным областям приемлемо, но в некоторых деталях не бесспорно. Возможно, в нем следовало бы сделать отдельные уточнения. Это касается объединения прикопетдагской полосы с Сумбаром и Чандырем — областей довольно различных по условиям среды, хозяйству и этническому составу; Юго-Западной Туркмении и Восточного Прикаспия, — местностей этнически единообразных, но в хозяйственном отношении несколько различных: Восточное Прикаспие — область преимущественно пустынная, скотоводческая, на юго-западе в большей мере распространено рыболовство, в долине Атрека имеется земледелие. Возможно, некоторые области следовало бы расчленить. Но в целом предлагаемая схема не встречает принципиальных возражений.

Рассматривая хозяйство туркмен в прошлом, Я. Р. Винников более подробно исследует способы орошения и менее детально — технику земледелия и орудия труда, сельскохозяйственные работы (стр. 80). Несколько суммарно описывается скотоводство (стр. 80—84). При этом используются не все этнографические работы, в которых затрагивается эта проблема. В связи с этим в недостаточной мере оказалась выявленной специфика отдельных скотоводческих областей. Имеются спорные места (например, харак-

тер скотоводческих объединений, способы эксплуатации и др., стр. 84). Однако в целом читатель получает достаточно ясное представление о рассматриваемом предмете. Далее дается краткая характеристика туркменского шелководства (стр. 85). Представляются верными общие выводы автора о динамике развития туркменского хозяйства, соотношении его отраслей и их значении (стр. 85—86).

Значительное внимание Я. Р. Винников уделяет социально-экономическим и аграрным отношениям. Он рассматривает административное деление туркменских областей в прошлом, роль аксакалов и других старейшин, структуру органов племенной власти. Далее автор останавливается на вопросах эксплуатации, категориях земель в среднеазиатских ханствах, проблемах имущественного расслоения и др. Раздел читается с интересом, богат фактическими данными, интересными выводами и в целом убедителен. Вместе с тем он не лишен и некоторых недостатков, проистекающих главным образом от того, что не все свои выводы автор подкрепляет достаточными фактическими данными и использует не все свидетельства, имеющиеся в источниках. Последнее касается, в частности, изучения структуры органов власти у северных туркмен; здесь недостаточно использованы принадлежащие П. М. Лессару описания предводителей у южных туркмен (а это очень важные свидетельства, принадлежащие образованному и умному наблюдателю) и т. д. В весьма обобщенной форме, без ссылки на источники, Я. Р. Винников утверждает, что все виды земель у туркмен находились в распоряжении «родо-племенной знати», взыскивавшей с соплеменников ренту (стр. 88—89). Как показываю многочисленные факты, дело обстоит в этом отношении значительно сложнее. Если в некоторых местностях, например у части хивинских номутов, туркмен Средней Амударьи к началу XX в. это действительно имело место, то у большинства ахальских, тедженских и прикаспийских туркмен во второй половине XIX в. наряду с частновладельческим сохранилось общинное землепользование, земля считалась государственным достоянием, не было сословий, монопольно владевших землей, и рента отсутствовала. Для того чтобы обосновать свою точку зрения, Я. Р. Винникову следовало бы опровергнуть это положение и привести полевой, архивный, литературный и другой материал, который бы свидетельствовал в пользу высказанного им предположения.

Трудно согласиться с мнением автора, что у туркмен важную роль играли пережитки «родовой организации», явления, «характерные для ранних этапов развития общественных отношений», и вместе с тем общественные отношения были «патриархально-феодальными» (стр. 89). Первые два положения опровергаются наличием в течение многих столетий частной собственности на одно из средств производства—скот, товарно-денежных отношений, имущественной и социальной дифференциации, эксплуатации. Что же касается последнего положения, то для его доказательства необходим детальный анализ предполагаемых феодальных форм собственности на средства производства у туркмен. Свидетельства источников и новейшие исследования по этнографии туркмен (К. Атаев, В. Кениг, Г. Марков, К. Нурмухамедов, А. Оразов) показывают, что в скотоводческих областях бай присваивали частную лучшую часть пастбищ для выпаса скота, являвшегося основным и оборотным капиталом. В земледельческих местностях орошаемые участки покупались, арендовались. Известны случаи, когда бай превращались в бедняков и тем самым лишались каких бы то ни было прав на землю, а если бедняк богател, он мог купить или арендовать орошаемую землю. Это противоречит предположению о наличии сословий, а также связанных с ними монопольно-сословных привилегий. Другое дело — феодально-податные отношения между некоторыми группами туркмен и среднеазиатскими ханствами (военно-ленная атлычная система, существовавшая в Хивинском ханстве до начала 70-х годов XIX в., или аналогичные отношения в области Средней Амударьи). В отношении этих групп я могу согласиться с автором книги. Должен оговориться, что все сказанное мною об общественных отношениях — проблема сугубо дискуссионная, и взгляды, аналогичные рассмотренным, широко распространены в литературе. В силу их спорности нельзя сейчас категорически утверждать, что один автор прав, а другой заблуждается. Но для доказательства своей точки зрения необходимо привести развернутый и убедительный фактический материал, а его по рассматриваемому вопросу в рецензируемой книге недостаточно.

Весьма интересен и, очевидно, справедлив вывод Я. Р. Винникова о том, что аграрные отношения у туркмен в XIX—начале XX в. характеризовались интенсивным разложением патриархальных общин и возникновением территориальных земельно-водных общин (стр. 101).

В конце рассматриваемой главы автор исследует проблемы социалистической реконструкции сельского хозяйства в Туркмении. С интересом читаются также разделы о переустройстве ирригации, становлении социалистических форм хозяйства, организационно-хозяйственном укреплении колхозов, развитии многоотраслевого общественного хозяйства колхозов и производственном быте колхозников. Здесь Я. Р. Винников приводит богатый фактический материал и живо описывает рассматриваемые процессы.

Весьма капитальна третья глава, трактующая проблемы материальной культуры. Обилие использованных источников и собственные наблюдения автора позволили нарисовать яркую и живую картину туркменского быта. Описываются и исследуются жилища и поселения, народный костюм и другие явления. Изложение динамично, процессы рассматриваются в их историческом развитии. Много страниц посвящается современным элементам материальной культуры. Думаю, что заслуживает серьезного внимания типо-

логия жилищ туркмен, предлагаемая Я. Р. Винниковым (стр. 149 и сл.). Осветив вопросы транспорта и связи (стр. 177—178), автор переходит далее к проблеме одежды и украшений. Не являясь специалистом в этой области, могу только отметить богатство и разнообразие собранного в разделе материала и удачную, на мой взгляд, локализацию комплексов костюма.

Предпоследняя, четвертая глава посвящается исследованию семьи и семейного быта. Полагаю, что автор верно характеризует туркменскую семью середины XIX в. как большую патриархальную, превращавшуюся в неразделенную, а затем в малую (стр. 228). Основываясь главным образом на материалах области Средней Амударьи, Я. Р. Винников анализирует состав семьи, положение ее членов. При этом он справедливо отмечает различия в составе семьи у разных социальных прослоек. Автор очевидно прав, высказывая мнение о том, что взаимоотношения членов семьи в неразделенных и малых семьях во второй половине XIX в. были теми же, что и в более ранних больших патриархальных семьях (стр. 229). Интересны параграфы, где описываются разделы больших семей (стр. 230 и сл.), исследуются проблема калыма, левирата и другие явления. При этом автор широко пользуется материалом по разным группам туркмен (стр. 235 и сл.). Образно описаны старинные семейно-брачные обряды.

Заслуживают внимания разделы о борьбе за распределение женщины и ее положении в настоящее время, о современной семье у туркменских колхозников. Единственное замечание — это недостаточно глубокий анализ практических задач, стоящих в связи с этими проблемами.

Автор уделяет много внимания современным свадебным обычаям, воспитанию детей и другим вопросам современной семейной жизни.

В последней главе Я. Р. Винников говорит о культурной революции и общественной жизни сельского населения Туркменской ССР. Глава невелика по объему (стр. 279—307), но достаточно полно характеризует затронутые проблемы и суммирует огромные сдвиги, происшедшие в туркменском ауле за годы Советской власти.

В кратком заключении (стр. 308—311) автор дает сводку основных вопросов, затронутых в исследовании, и перечисляет главные выводы.

В рецензируемом труде поднято множество вопросов, это и характерно для задач монографического исследования. Естественно, что в рецензии нашли отражение не все проблемы, охваченные Я. Р. Винниковым, и я счел нужным остановиться главным образом на тех вопросах, которые представляются мне наиболее существенными. Думаю, что в целом труд Я. Р. Винникова следует высоко оценить. Хотя он и содержит отмеченные выше пробелы и неточности, неизбежные, впрочем, в любой работе, его научное и исследовательское значение несомненно. Едва ли во всех пробелах следует винить автора. Зачастую их причина — недостаток фактического материала, ныне уже невозполнимого, теоретическая неразработанность отдельных вопросов. Большая часть моих наиболее серьезных замечаний носит дискуссионный характер и не связана с оценкой работы и ее научной значимостью.

Г. Е. Марков

Археология, этнография, искусствоведение Молдавии (материалы и исследования). Кишинев, 1968, 185 стр., илл.

Рецензируемый сборник издан Институтом истории Молдавской Академии наук. По своему содержанию он распадается на два больших раздела: «Исследования», куда входят десять статей, посвященных различным вопросам археологии, этнографии и искусства Молдавии, и «Материалы», в котором помещены 8 статей, характеризующих главным образом новые археологические находки.

Само появление такого сборника (а он уже не первый, хотя предыдущие выпуски преимущественно касались вопросов археологии) говорит о том, что в Молдавии за два десятилетия создана самостоятельная школа исследователей, смело вводящая в научный оборот новые данные об историческом прошлом и современном состоянии народов, населяющих республику.

В небольшой рецензии невозможно подробно рассмотреть все статьи сборника. Да это и не нужно. Пусть сам читатель вынесет свое суждение о его содержании в целом. Здесь хочется сказать лишь о том, что является принципиально новым, а также остановиться на статьях, которые по тем или иным причинам вызывают определенное возмущение.

В разделе «Исследования» безусловно привлекут внимание этнографов статьи М. В. Маруневич, М. Я. Лившица, Э. Я. Рикмана и Л. Л. Полевого.

Работа М. В. Маруневич «Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР (на материалах сел Баурчи, Гайдары, Беш-Гиоз, Джолтай, Казаклия)» (стр. 31—50) основана главным образом на полевых материалах автора. В ней рассматривается один из важнейших элементов материальной культуры гагаузов — народа, который до сих пор еще в значительной степени остается загадкой для мировой этнографической науки. Уже за одно это автор заслуживает признательности. Но не в этом его главная заслуга. М. В. Маруневич исследует историю гагаузского народного жилища на протяжении XIX—XX вв., уделяя большое внимание современному этапу его разви-

тия. Серьезный анализ изучаемого материала позволил автору проследить историю жилища, выявить влияния, которые оно испытало под воздействием окружающих народов (преимущественно молдаван и болгар) и показать тенденции его современного развития в результате социалистического переустройства всего уклада жизни гагаузов.

М. Я. Лившиц в работе «Новые черты в развитии живописи Молдавии конца 50-х начала 60-х годов» (стр. 61—71) исследует творчество таких талантливых и самобытных художников, как М. Греку, В. Руссу-Чебан, Г. Синчук, И. Вьеру и др. Автор справедливо отмечает, что в изучаемое десятилетие в творчестве этих художников наметился заметный перелом, смысл которого состоит в преодолении иллюстративности и углублении идейной и эмоциональной выразительности их произведений. Не отказываясь от национального своеобразия, эти художники ищут более эффективные средства художественной выразительности. Это привело их к созданию значительных произведений, вошедших в сокровищницу искусства не только Молдавской республики, но и всей страны.

Э. А. Рикман в статье «Памятники искусства I тысячелетия н. э.» (стр. 82—99) анализирует народное искусство сармат, племен черняховской культуры и гуннов, представленное на молдавской территории. В небольшой работе автор сумел показать широкую картину развития прикладного искусства у древних насельников края, выявить его исторические корни и связи с искусством различных племен и народов, населявших в те времена территорию нашей родины. А связи эти были весьма широки. В различные исторические этапы они охватывали такие далекие для того времени области, как Подунавье, Поволжье, Прикубанье, Крым, города Боспорского царства, античные города Северного Причерноморья (Херсонес, Танаис). Э. А. Рикман убедительно доказывает, что искусство первой половины I тысячелетия н. э. в Молдавии находилось под мощным воздействием позднеантичного искусства. Традиционное искусство местных племен продолжало развиваться и после гибели позднеантичного общества и оказало влияние на формирование и облик произведений искусства Молдавии во второй половине I тысячелетия.

Очень хороша, на наш взгляд, работа Л. Л. Полевого «Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом сграффито Карпато-Дунайских земель» (стр. 125—135). Тончайший анализ изучаемого орнамента позволил автору выделить в общем комплексе поливной керамики, распространенной в эпоху средневековья от Карпат до Дуная, два вида — валахский и молдавский. Он убедительно доказывает, что если первый вид орнамента развивался в значительной степени под влиянием византийской традиции, то второй впитал в себя не только византийскую, но и почти в равной степени крымско-закавказскую традицию. Это важный шаг в решении проблемы о тех связях и влияниях, в условиях которых формировалась культура молдаван в эпоху средневековья.

Второй раздел сборника «Материалы» в целом заслуживает самой высокой оценки. Очень интересны здесь сообщения Н. А. Демченко «Земледельческие орудия в молдавской фресковой живописи Воронечского монастыря (XVI в.)» (стр. 142—148), Г. И. Спатару «Взаимосвязь между молдавским профессиональным и народным драматическим искусством в XIX — начале XX вв.» (стр. 149—153) и Э. А. Королевой «Молдавский танец на русской сцене XIX в.» (стр. 154—160). Теплое чувство вызывает работа А. С. Киртоки «И. К. Карпенко-Карый в Молдавии» (стр. 161—168) о классике украинской драматургии и превосходном актере И. К. Карпенко-Каром, о влиянии его творчества на молдавскую интеллигенцию вообще и театр в частности. Интересны и новые археологические материалы сборника. Однако некоторые статьи этого раздела все же не могут полностью удовлетворить.

Недоумение вызывает, например, работа В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич «Некоторые стороны процесса сближения культуры гагаузского населения Молдавской ССР с культурами соседних народов» (стр. 136—141). Что это — самостоятельное исследование или же только первоначально осмысленный материал к будущему исследованию? Как бы осторожно авторы ни называли свою работу, но ни для раздела «Исследования», ни для раздела «Материалы» в ней не хватает именно последних. А данные статистической таблицы о смешанных браках в гагаузских селах, хотя авторы и оговаривают эти данные, опровергают их выводы, выраженные в столь общей форме, что с ними трудно спорить. Процессы сближения различных национальных культур в нашей стране идут повсеместно. Но в данной работе выводы звучат уж слишком декларативно, так как основываются не на анализе явлений современного процесса сближения народов, а только на их сжатом, поверхностном описании. Например, авторы выделяют два направления в происходящем ныне процессе сближения гагаузской культуры с инонациональной: с одной стороны, гагаузы сближаются с окружающими их народами, в первую очередь с молдаванами, с другой — создаются, особенно в поселках городского типа, какие-то общесоветские формы культуры, носителями которой является преимущественно интеллигенция. Но говоря об этом втором направлении культурного сближения народов, авторы по совершенно непонятным причинам игнорируют значение в этом процессе так называемой смешанной школы, распространенной в гагаузских районах Молдавской ССР. В этой школе преподавание ведется в младших классах на родном языке, а в старших — на русском. А это — немаловажный фактор в формировании культуры гагаузского населения. Малочисленный и почти сплошь неграмотный в прошлом народ за годы Советской власти получил возможность посылать своих детей после окончания

школы учиться в любые города Советского Союза, и язык перестал быть тому препятствием. Выводы В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич, к сожалению, очень поверхностны. И это тем более обидно, что оба автора в первом разделе сборника выступают как серьезные исследователи.

Несколько слов о полиграфическом оформлении книги. Оставляет желать лучшего во-производство иллюстративного материала, особенно фотографий. Часто они так тусклы и нечетки, что не поймешь, о чем идет речь. К сожалению, в книге встречаются и досадные опечатки.

Тем не менее, несмотря на отдельные недочеты, хочется поблагодарить и авторов и составителей сборника за интересный и нужный труд и от души рекомендовать его читателю.

М. Я. Салманович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. В. Десницкая. *Албанский язык и его диалекты*. Л., 1968, 380 стр.

Книга А. В. Десницкой «Албанский язык и его диалекты» представляет собой отличный пример комплексного лингвистического исследования, в котором широко используются сведения этнографического характера. В результате создается цельная, очень живая картина длительной истории формирования современной лингвистической карты Албании. Действующими силами в этом процессе были не только законы развития самого языка, но и исторические факторы, которые на протяжении двух последних тысячелетий влияли на жизнь народа, формировали его этническую территорию, вели то к сближению, то к разобщению отдельных частей албанского ареала.

Первая часть книги посвящена современному албанскому языку (стр. 8—38). Здесь поставлена проблема исторического места албанского языка в системе индоевропейских языков, дан обзор морфологической структуры языка и освещен чрезвычайно важный для этнографии вопрос о возникновении и развитии современного литературного языка. Во второй части описаны диалекты албанского языка (стр. 39—377). Конкретному описанию диалектов предпослана глава «Общие вопросы албанской диалектологии», затем идет изложение материала по диалектным зонам в направлении от севера к югу албаноязычного ареала, а завершает эту часть специальная глава о говорах албаноязычных поселений за пределами страны — в Греции, Болгарии, на Украине и в Италии.

Вопрос о прямых предках албанцев в научной литературе дебатировался давно. Если не считать пелазгской гипотезы, ныне уже не популярной, на этот счет существует три основных мнения: албанцы — потомки либо иллирийских, либо фракийских племен, либо вышли из этнически однородной иллиро-фракийской среды. Албанские археологи поддерживают иллирийскую гипотезу. Их аргументы основаны на несомненном сходстве предметов современного быта албанцев с материалами, добытыми при раскопках иллирийских курганов (в основном речь идет о серебряных и бронзовых украшениях)¹. Но факт преемственности материальной культуры еще не исчерпывает проблемы этногенеза. Не менее существенен вопрос о преемственности языка. Здесь среди лингвистов нет единодушия. А. В. Десницкая не видит перспективы разрешения этого спора: «Окончательное его решение вряд ли возможно, принимая во внимание крайнюю недостаточность дошедших до нас остатков иллирийской и фракийской речи» (стр. 8). Бесспорно лишь одно: предки албанцев говорили на языке, принадлежавшем к коренным балканским языкам, а современный албанский язык входит в региональное лингвистическое единство, именуемое в языкознании «балканским языковым союзом». А. В. Десницкая отмечает «наличие специальных сходств в построении некоторых грамматических форм у албанского с румынским, болгарским, новогреческим и (в меньшей мере) с сербским языками» (стр. 9).

Албанский языковой ареал подразделяется на две крупные диалектные области: гегскую на севере и тоскскую на юге. Обычно гегов и тосков принято рассматривать как две этнографические группы албанского народа. Современный албанский этнограф Рок Зойзи склонен видеть абсолютное совпадение диалектных ареалов с границами этнографических групп². Мне кажется, что вопрос этот не так уж безусловно ясен. Бу-

¹ «Historia e Shqipërisë», v. I, Tiranë, 1959, f. 50—58; S. Islami, H. Ceka, Nouvelles données sur l'antiquité illyrienne en Albanie, «Studia Albanica», 1964, No 1, p. 91—138; S. Anamali, Le problème de la civilisation haute-médiévale albanaise, Tiranë, 1966.

² Rr. Zojzi, Ndamja krahinore e popullit shqiptar, «Etnografia shqiptare», I, Tiranë 1962.

дем надеяться, что подготовляемый в настоящее время Албанский историко-этнографический атлас поможет разрешить эту проблему³.

Между диалектами обеих областей наиболее заметны фонетические различия, но есть и грамматические (стр. 40—44, 45). Внутри каждой из названных крупных диалектных областей отмечается более дробное деление, причем тоскская область отличается большей степенью единства, в то время как гегская расчленена значительно сильнее.

Когда же возникли эти языковые зоны? Как шел процесс — в сторону схождения или разобщения? А. В. Десницкая очень интересно раскрывает механику формирования диалектных групп и их связь с этнографическими группами, показывает сложность, многолинейность этого процесса и зависимость его от условий экономической и политической истории народа. Автор находит возможным говорить о «давнем происхождении членения на тоскский и гегский диалектные типы» (стр. 42). Например, такое характерное различие между гегской и тоскской фонетикой, как явление ротацизма (защемление звука «п» звуком «г») «развилось и действовало в дописьменный период, по-видимому, еще в древнеалбанскую эпоху» (стр. 42), т. е. в I тысячелетии до н. э. Однако большинство признаков, характеризующих основные диалектные группы, возникли и «сгруппировались в пучки» (по выражению автора) сравнительно недавно, в течение довольно большого периода, начиная с XV—XVI вв. до XIX в. включительно. Постепенно они насаивались на древнейшую основу диалектного членения.

Суммируя все, что известно на основании изучения древнейших дошедших до нас албанских текстов XVI в., сочинений албанских епископов XVII в. и говоров изолированных групп албанцев в Италии, Болгарии, Далмации и на Украине, А. В. Десницкая делает чрезвычайно важный вывод: «Несколько столетий тому назад гегский и тоскский диалекты были значительно ближе друг к другу, чем теперь» (стр. 50). Процесс расхождения начался в первые века турецкого владычества. Именно к этому времени А. В. Десницкая вслед за известным албанским языковедом Экремом Чабеем относит возникновение многих инноваций, шедших из центральных районов расселения албанцев. Они относились главным образом к фонетической системе Гегнии, причем на периферии албанского языкового ареала остались еще сильные следы былой близости старогегского и старотоскского языковых состояний (стр. 49—51, 74, 79, 214).

Итак, с одной стороны, расхождение, расчленение говоров в результате процессов дивергенции, которые, в свою очередь, были вызваны разобщенностью сельских районов, с другой стороны — сложение койне, народно-разговорных и устно-поэтических (отдельно для севера и юга албанского ареала), в основе которых лежат обобщенные типы либо гегской, либо тоскской диалектной речи. Койне сложились на протяжении последних веков турецкого господства и отражают не только процесс языковой конвергенции, но главным образом «нарушенное состояние большей близости друг к другу староалбанских диалектов» (стр. 51). Местные говоры оставались средством общения в семье, селе, городке и т. д. и не замещались в бытовой сфере койне, которые становились наддиалектной нормой (стр. 37, 39, 46, 51, 79).

В отличие от многих европейских языков, диалекты и говоры которых «образовались в условиях длительного существования относительно обособленных феодальных территорий» (стр. 52), албанский язык не имеет четко очерченных диалектных границ; его говоры связаны между собою переходными формами, а между гегской и тоскской областями лежит обширная переходная зона к югу от р. Шкумбини. Это явление А. В. Десницкая объясняет частым изменением границ вилайетов и санджаков Османской империи, отсутствием замкнутых и устойчивых феодальных владений при военной системе турецкого государства, подвижностью населения, почти постоянным переселением и перемешиванием отдельных групп населения за четыре беспокойных века османского господства, когда феодальные междоусобицы, восстания народа, карательные экспедиции турок, войны империи и внутренние распри родо-племенных групп следовали беспрерывной чередой.

Албановеды признают XVIII в. периодом относительного экономического подъема и определенной стабилизации жизни; в это время распадалась военно-ленная система земельных пожалований и возникали крупные феодальные наследственные владения. Принято считать, что два крупных полунезависимых государственных образования — пашалык Бушати со столицей в Шкодре и пашалык Али-паши Тепелены с центром в Янии оказали определенное влияние на оформление гегской и тоскской этнографических групп. Возможно, что в сознании народа этот период, охвативший жизнь примерно двух поколений, не прошел бесследно. Но могли ли какие-нибудь полвека играть существенную роль в формировании языкового единства? Впрочем, и сама А. В. Десницкая с большой осторожностью говорит о такой возможности (стр. 48, 53, 242).

Степень взаимопонимания населения диалектных областей очень высока. Как отмечает автор, «возможность взаимопонимания между албанцами из различных областей страны, говорящими на своих местных говорах, существует при любых условиях» (стр. 46). Это утверждение имеет большое принципиальное значение для реконструкции этнической истории албанцев. Диалектное и этнографическое членение албанского

³ Rr. Zojzi, Etnografia shqiptare dhe veprimtaria shkencore e zhvilluar në këtë fushë, «Etnografia shqiptare», I, Tiranë, 1962; A. Kostallari, Le développement des études albanologique en Albanie, «Studia albanica», 1964, № 1.

народа становилось зачастую предметом политических спекуляций. Противники политической самостоятельности албанцев вообще не хотели признавать этот народ как этническую общность. Исследование А. В. Десницкой последовательно проследживает этнические и языковые взаимоотношения внутри албанской этнической общности именно как единого целого. Несмотря на сложность пути, по которому шло формирование общенационального языка, главная тенденция развития привела к его единству. Очень важно, что языковая концентрация происходила задолго до политического объединения Албании. Она была не результатом административной реформы, а внутренней потребности народной жизни. Это ясно сознавали деятели национального движения конца прошлого и начала нашего века, выдвигая в качестве одной из программных задач движения создание литературного албанского языка (стр. 38, 265).

Автор подкрепляет свое суждение о целостности албанского языка ссылкой на М. Ламберца. Этот известный знаток Албании нашел точное и образное выражение своей мысли: «...основной костяк двух диалектных групп является настолько единым в фонетическом, синтаксическом и лексическом отношениях, что различия обеих частей здания можно усмотреть лишь в украшениях стен. Различия между самым северным из албанских диалектов — диалектом Груды и самыми южными — ляберийским и чамерийским менее значительны, чем между диалектами Турина и Палермо или мекленбургским и тирольским»⁴.

Литературный албанский язык в настоящее время уже сложился и «с успехом выполняет свои функции высшей формы существования национального языка в современном обществе» (стр. 30). Особенность литературного албанского языка составляет существование двух его форм, сложившихся на южной (тогской) и северной (гегской) диалектных базах. На каждой из них создана и создается художественная и общественно-политическая литература. Ни та, ни другая литературная форма не отражают диалекта в чистом виде, они являются продуктом переработки и обобщения говоров. Взаимопроникновение этих норм наблюдалось всегда, и чем дальше идет культурное развитие народа, тем больше возможности для их сближения.

В Народной Республике со второй половины 1940-х годов южная норма получила преобладание; через печать, школу, радио и другие формы культурного общения она распространилась по всей стране, но не вытеснила гегскую форму ни из письменной, ни тем более из устной речи. Образованные албанцы зачастую свободно владеют и той и другой литературной формой. Однако ныне процессы языковой концентрации идут не регионально, а в масштабах всей страны, что облегчает дальнейшее сближение литературных норм (стр. 31—38).

Характеристика языковых заимствований очень важна для понимания этнической истории народа. Рецензируемая книга дает хорошее представление о степени интенсивности общения албанцев с теми народами, с которыми им приходилось сталкиваться в разные периоды своей истории: с римлянами, греками, славянами, венецианцами и, наконец, с турками.

Турецкое население в Албании не было многочисленным, концентрировалось в основном в городах. Богатые албанцы, а за ними и горожане средней руки перенимали от турок внешние черты повседневного быта: костюм, жилую архитектуру, внутреннее убранство дома и т. п. Именно эта сторона быта отразилась в языке: «...турецкие слова изобилуют в обозначении предметов городского домашнего обихода, кушаний, одежды и др.; теряя свою предметную соотнесенность (в случаях выхода из жизни соответствующих реалий) или эмоциональную нагрузку..., они перестают употребляться, легко забываются» (стр. 10).

В иных отношениях оказался албанский язык со славянскими, распространившимися по Балканскому полуострову в средние века. Степень их проникновения выясняется путем изучения топонимии: славянские топонимы в Албании преобладают в южной части страны, располагаясь главным образом в речных долинах. Таким образом, данные лингвистики свидетельствуют о том, что в состав албанского этноса вошел в какой-то мере южнославянский элемент, ассимилированный албанцами на протяжении многих веков (стр. 257, 279, 305, 322, 357).

На периферии албаноязычного ареала естественно сложились двуязычные зоны. К северу и северо-востоку от современных границ Албании сформировалась албано-сербская зона. На крайнем юге Албании и северо-западе Греции лежит многоязыковая зона, охватывающая историческую область Чамерию (юг Албании, греческое побережье Ионического моря, район Янины), Македонию и Эпир. Здесь сложная чересполосица албанского, греческого, аромунского и славянского языков. При определении этого последнего — славянского языка — в изложении автора нет, к сожалению, той ясности и четкости, которая отличает всю книгу и которой мы вправе ожидать в ней при рассмотрении каждой проблемы, поднятой в этой серьезной работе. Язык славянского населения указанной зоны А. В. Десницкая определяет как болгарский, ссылаясь при этом на исследование Г. Вейганда⁵. Но ведь публикация Г. Вейганда осуществлена более 70 лет назад, когда представление об этнографической и лингвистической картах Балканского полуострова было несколько иным, чем сейчас. Сельский район вокруг города Кастории,

⁴ M. Lambertz, Die Mundarten der albanischen Sprache und ihre Erforschung, «Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropas», Bd. 7, Hf. 2—4, 1943, S. 124.

⁵ G. Weigand, Die Aromunen, I, Leipzig, 1895.

о котором идет речь (стр. 232, 321), — это район наибольшей концентрации македонцев в северной Греции⁶. Несколько позже автор сам указывает, что по ту сторону государственной границы с Грецией находятся македонские деревни (стр. 323). Получается, что жители македонских деревень говорят на болгарском языке. Другой пример: села Бабошница и Дренова (к югу от Корчи) названы «небольшим островком старого болгароязычного населения» и тут же дана ссылка на А. Мазона, который назвал родную речь жителей этих сел «македонским диалектом» (стр. 305).

В районах смешанного албано-греческого населения в юго-западных областях Албании наблюдается двуязычие. Любопытно, что некоторые грекоязычные группы — это ассимилированные православные албанцы, которые в прошлом испытывали сильное влияние греческой культуры главным образом через церковь и школы. Этническое смешение албанцев с аромунями (валахами) началось сравнительно недавно и продолжается и сейчас. Все валахи Албании двуязычны.

В книге А. В. Десницкой есть страницы очень живого описания народного быта, которые могли бы в равной мере принадлежать перу этнографа. В крестьянской среде на базе фольклора слагались устно-поэтические койне. Они звучали при совершении различных обрядов, церемоний (при сватовстве, на свадьбах и других семейных торжествах), на сходах, в суде старейшин, вершивших правосудие на основе обычного права. Застывшие формулы, архаические обороты речи, торжественно-приподнятый тон, — все это было не просто техническим средством общения людей из разных сел или местностей, это была дань уважения к традициям, в которых для народа воплощалась культура предков. Когда этнографы говорят о длительном сохранении архаических форм семейного и общественного быта в Албании, в качестве причины этого явления следует указывать не только материальную, хозяйственную базу, не только ничтожный процент грамотных и приобщенных к профессиональной культуре людей, но и ту определенную приверженность к традициям (особенно в области общественной жизни и всех видов народного творчества), которая служила средством самовыражения народа, инстинктивной защитой национальных особенностей в стране, задавленной чужеземным гнетом. Это явление характерно не только для Албании, но для всех балканских провинций Османской империи.

Народно-разговорные койне складывались при бытовом общении народа. Автор красочно описывает базары, регулярно собиравшиеся в городах, служивших центром притяжения для целой округи, где наряду с покупкой и продажей продуктов животноводства, земледелия и предметов ремесла в оживленных беседах осуществлялись языковые, бытовые и культурные контакты между жителями городов и окрестных сел. Далее автор подробно характеризует отгонное скотоводческое хозяйство албанских горцев, указывает традиционные маршруты перекочевки стад, рассказывает об оседании скотоводов на землю, о возникновении постоянных поселений. При этом указывается на хозяйственные и бытовые контакты между конкретными группами населения. Жаль, что автор допускает в этом месте неточность, называя албанских горцев и аромун «кочующими скотоводами» (стр. 237). В отличие от аромун, которые действительно вели кочевое (а не отгонное, как сказано на стр. 253) хозяйство, албанцы вели хозяйство отгонного или (позже) полуетгонного типа, но не были кочевниками.

Традиционный для южных областей Албании уход мужчин на заработки (курбет) также способствовал развитию языковой конвергенции и уничтожал локальные особенности речи. Не забыты автором и другие формы общения жителей разных местностей, разных родо-племенных групп: устойчивые традиционные отношения свойства, возникавшие между двумя экзогамными группами, традиционные праздники — и старинные, справлявшиеся на вершинах гор, и праздники во имя определенного святого, почитаемого в данной местности, и престольные праздники храмов.

В эти многообразные контакты, в том числе и в отношении свойства, вступали и мусульмане (сунниты и бекташи), и христиане (православные и католики). В крестьянской среде это приводило к примечательной веротерпимости. В городах шла более интенсивная культурно-бытовая ассимиляция при определенном перевесе мусульманской религии, в некоторых городах (Шкодре, Эльбасане) религиозные общины резко обособлялись друг от друга, что сказывалось на их говорах.

Как один из факторов сложения народно-разговорных койне А. В. Десницкая рассматривает родо-племенную структуру Северной Албании и процессы новообразования родо-племенных групп вследствие передвижения населения. Автор приходит к выводу, что «...лингвистическая карта всей североалбанской области находится в известной зависимости от истории родо-племенных групп, передвижения которых происходили еще сравнительно не так давно» (стр. 61). Не меньшее влияние на состояние современных говоров оказали и передвижения населения в Южной Албании, которые можно проследить на протяжении нескольких последних веков (стр. 61—63, 239).

Среди диалектов и говоров албанского языка в качестве самостоятельных объектов изучения выделены говоры всех крупных городов современной Албании, а при суммарном описании косовско-метоховского говора внимание автора останавливается на городах Печ, Дякова (Дяковица), Призрен, Приштина, Вучитер (стр. 122—132). Со страниц книги встает четкая картина формирования городского населения, тяготение сельской округи к каждому из городов, специфика занятий горожан, взаимоотношения

⁶ «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 36—37.

последователей разных религий, городского ремесленно-торгового люда и аристократических семейств, чиновничества и т. д. Что касается столицы страны, то в книге описан говор старой Тираны (стр. 209—211) — небольшого города, населенного преимущественно ремесленниками и небогатыми торговцами, каким Тирана была до провозглашения ее столицей в 1920 г. С тех пор население ее сильно выросло за счет притока людей буквально из всех местностей страны, особенно после образования Народной Республики. Сейчас для речевой практики населения столицы характерно явное преобладание литературного языка и интенсивное взаимодействие его гегской и тоскской форм.

Мы перечислили далеко не все вопросы албанской этнографии, поднятые в книге «Албанский язык и его диалекты». Многие из них неизбежно остаются за пределами краткой рецензии. Но суть не в этом перечислении. Для этнографов книга «Албанский язык и его диалекты» важна не только как пособие для конкретных исследований по этнографии Албании, но и как база для постановки и решения теоретических вопросов о соотношении этнографических границ с языковыми, этническими территориями с диалектными зонами и, наконец, о роли языка в истории формирования этнической общности.

Ю. В. Иванова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Manuel Rivero de la Calle. *Las culturas aborígenes de Cuba*. Editorial Universitaria, La Habana, 1967, 194 стр.

Мануэль Риверо де ла Кайе в течение 20 лет занимается изучением коренного населения Кубы преимущественно как антрополог. У него есть также работы, в которых рассматриваются общие вопросы возникновения и развития индейских культур на острове (одна из них напечатана в сборнике «Куба», М., 1961). В настоящее время автор рецензируемой книги занимает пост директора департамента антропологии в Гаванском университете.

Книга задумана как пособие для студентов. Она является значительно дополненным вариантом работы об аборигенах Кубы, вышедшей в Гаване в 1963 г. Расширение объема произошло за счет появления новой главы и добавления большого количества необходимых для учебного пособия рисунков и фотографий. Произошли некоторые изменения во взглядах автора на общественное устройство индейцев Кубы, о чем будет сказано ниже.

Первая глава книги знакомит читателя с теориями происхождения американских индейцев. В ней излагаются концепции Амегино, Риве, Монтандона, Мендеса Корреа, аргентинских ученых Канальса Фрау и Имбеллони. Необходимость изложения этнографии вопроса в учебном пособии несомненна. Но, к сожалению, в очерке не указаны работы, в которых упомянутые авторы излагают свои идеи. Нет этих книг и в списке литературы, приложенном к рецензируемой книге. При изложении точек зрения на происхождение «немонголоидных» черт в физическом облике древнего населения Америки можно было бы указать на имеющееся у некоторых ученых (в том числе и советских) мнение, что это могло быть результатом того, что американский континент начал заселяться в то время, когда еще не произошло дифференциации на ныне существующие большие человеческие расы.

В этой же главе рассматривается вопрос о заселении Кубы. Риверо придерживается мнения, разделяемого большинством специалистов, что первоначально остров был заселен выходцами с северного побережья южноамериканского континента. Оттуда же в более позднее время пришли и другие группы обитателей Кубы.

Некоторые кубинские ученые (в первую очередь Р. Эррера Фритот) полагают, что самое древнее население Кубы (неземледельческое и не владевшее техникой изготовления керамических сосудов) можно разделить по антропологическим характеристикам на две группы. Автор рецензируемой книги считает, что детальное исследование черепов свидетельствует об антропологической однородности древнейшего населения острова (стр. 15). Когда завершалась работа над книгой, время заселения Кубы определялось очень приблизительно. Уже после выхода книги в свет стала известна радиоуглеродная датировка, показавшая, что индейское население Кубы — одно из древнейших на Больших Антильских островах (индейцы жили здесь уже во II тысячелетии до н. э.).

Во второй главе книги рассказывается о географической среде, флоре и фауне острова. Больше всего внимания уделено растениям, возделывавшимся аборигенами, и диким растениям, применявшимся в хозяйстве индейцев. Перечислены и частично описаны млекопитающие, которыми Куба не была богата, рыбы, рептилии и многочисленные пресноводные и морские моллюски, служившие индейцам пищей и дававшие раковины для изготовления орудий и предметов обихода. Менее подробно описаны птицы.

В следующей, третьей главе автор переходит к рассмотрению «человеческих групп, заселявших кубинский архипелаг». Это делается преимущественно на основании свидетельства письменных источников.

Исходя из исторических свидетельств и археологических данных, Риверо считает, что на Кубе было две основных культурных группы (стр. 48): 1) примитивные рыболовы и собиратели, еще не имевшие керамики (к ним должны относиться гуапахатабей и сибоней), и 2) земледельцы, жившие в восточных провинциях острова вплоть до провинции Матансас (таино). Однако в дальнейшем в тексте рецензируемой книги прослеживается некоторая непоследовательность в выделении количества групп коренного населения Кубы.

Риверо полагает, что все группы индейцев относились к аравакскому стволу (имея в виду, вероятно, их лингвистическую классификацию). Отмеченное письменными источниками непонимание индейцем-переводчиком Колумба языка обитателей запада Кубы (в то время как этот же переводчик свободно разговаривал с индейцами центральной и восточной частей Кубы) Риверо объясняет тем, что индейцы западной Кубы относились к самой древней волне пришельцев. Основанием для такого заключения послужили сравнения индейских географических названий в разных провинциях Кубы, сделанные Пичардо Мойя. Оказалось, что топонимы запада Кубы не отличаются от топонимов центральных и восточных областей и иногда повторяют их (стр. 48, 49, 61—62).

В этой же главе сообщается, что группа ученых, в которую входили, кроме кубинцев, советский антрополог В. В. Гинзбург и чех М. Поспишил, исследовав группу современного кубинского населения в восточной части острова, выявила там антропологический тип, четко отличающийся от соседнего местного населения. Характеристики его в целом соответствуют большой монголоидной расе; вместе с тем этот тип резко отличается, по словам автора, от других монголоидных групп, живущих на Кубе — китайцев и потомков юкатанских майя. Риверо считает, что изученная группа кубинцев является потомками коренных индейцев востока Кубы (стр. 57). В культурном отношении эти кубинцы не отличаются от соседнего населения.

В конце третьей главы помещена таблица культурных групп аборигенов Кубы, которая как бы суммирует содержание книги. В таблице приводятся: наименование культурной группы (выделены три группы: гуапахатабей, сибоней, таино), ее археологические признаки, антропологические признаки, распространение данной культурной группы на острове по данным археологических находок, местонахождение группы по историческим свидетельствам и, наконец, названия группы, встречающиеся у других авторов. Единственным замечанием к этой таблице может быть следующее. В разное время одни и те же авторы по-разному определяли принадлежность археологических находок к конкретным группам коренного населения, известным из письменных источников. Может быть, следовало поэтому против фамилии автора ставить год, когда давалось указанное соотношение.

В последующих главах автор переходит к непосредственному рассмотрению выделенных им культурных групп. Гуапахатабей и сибоней описываются в одной главе на том основании, что обе группы не имели керамики. Гуапахатабеев автор считает самыми древними обитателями острова. Когда-то они жили по всей Кубе, а ко времени завоевания острова испанцами находились только в его западной части. Стоянки гуапахатабеев находились как в пещерах, так и на открытых местах. Основным материалом для изготовления орудий труда и предметов обихода были раковины моллюсков, самым характерным орудием — губия (тип желобчатого долота). Из раковин изготовлялись также пробойники, молоты, «чашки», «тарелки». Для изготовления некоторых предметов употреблялись только определенные виды раковин. Из раковин делались и грубые украшения: бусины, подвески. Описание предметов удачно иллюстрируется их фотографиями. Каменные орудия представлены грубыми ступками и пестами, кремневыми ножами и камнями для растирания или разминания пищи. Раковинными и каменными орудиями гуапахатабей обрабатывали дерево. По мнению автора, к гуапахатабейским предметам относятся деревянные «жезлы», ложка и сосуд, найденные в болоте Сапата, и предметы из дерева, обнаруженные в провинции Пинар дель Рио.

Классическим гуапахатабейским памятником автор (как, впрочем, и многие другие ученые) называет Гуаябо Бланко. Вероятно, в этом месте следовало бы указать, что Пичардо Мойя, которого Риверо часто цитирует, относит Гуаябо Бланко не к гуапахатабейам, а к более поздней группе, называемой Пичардо Мойя, как впрочем и самим Риверо, — сибоней¹.

Для группы (или «фазы», стр. 79) сибоней характерны более тщательная обработка камня и некоторые каменные предметы, не встречающиеся на памятниках гуапахатабеев: шары, «кинжалы», диски, песты из красного базальта. Сибонейские памятники обнаружены на территории всего острова, но особенно много их встречается на севере провинции Лас Вильяс и юге Камагуэя. Риверо считает, что некоторые так называемые «канен» (искусственные насыпи), встречающиеся на территории указанных провинций, достигающие иногда 3 м высоты и 70 м в диаметре, были ничем иным, как могильными курганами сибонеев. Но некоторые исследователи полагают, что насыпи такого рода образовались от скопления мусора у оснований жилищ. Видимо, Риверо следовало бы привести определенные доводы в подтверждение своей точки зрения.

¹ F. Pichardo Moja, Caverna Costa y Meseta, La Habana, 1945, p. 66.

В этой же главе рассказывается о пещерных росписях о. Пинос и из Варадеро (провинция Матансас). Риверо считает, что эти рисунки были сделаны сибонеями (стр. 78).

В конце главы указывается на сходные с сибонейскими находки в Венесуэле на Виргинских островах, на Пуэрто Рико и Санто-Доминго и предполагается, что этим путем, через Малые и Большие Антильские острова, культура сибоней достигла Кубы. Вызывает возражение недостаточно четкое разграничение в этой главе терминов «культурная группа», «фаза», «культура».

Последняя, пятая, самая большая глава посвящается таинам. К культуре таинов Риверо относит как более древние памятники, содержащие керамику в провинциях Камагуэй и Лас Вильяс (относимые большинством специалистов к культуре, называемой ими «субтаино»), так и более поздние из восточной части Кубы (эти памятники теми же учеными определяются как собственно таинские). Таины, считает Риверо, переселялись на Кубу с о. Гаити несколькими волнами, чем и объясняются, по его мнению, те различия, которые наблюдаются в керамике различных районов расселения таино (стр. 110).

В отдельных параграфах рассматриваемой главы описаны жилища, одежда и украшения индейцев Кубы, земледелие, охота и рыболовство (преимущественно по письменным источникам), гончарное производство и обработка камня (по археологическим данным). При описании индейцев Кубы Риверо цитирует письменные источники, сообщающие сведения по Гаити. Это вполне допустимо и в значительной мере неизбежно, так как индейцы Гаити описаны гораздо полнее, но необходимые в этом случае оговорки сделаны автором далеко не всегда. Кроме того, в параграфе об охоте есть некоторые неточности и противоречия, которые объясняются, по видимому тем, что описания способов охоты приводятся по двум разным источникам (по Лас Касасу и по Овьедо).

В специальном параграфе рассмотрены общественная организация и религия индейцев Кубы. Семья индейцев доколумбова времени была патриархальной, считает Риверо (стр. 136). В то же время в своей работе 1963 г. Риверо описывал семью индейцев Кубы как матриархальную. Причину такого изменения во взглядах автор, к сожалению, не объясняет.

По мнению Риверо, таинское общество на Кубе, как об этом сообщал Лас Касас, состояло из двух «социальных каст». Одна — высшая земледельцев-таинов, другая — сибонеев, т. е. араваков первых волн переселенцев (стр. 138). Здесь Риверо допускает непоследовательность. Если в предыдущей главе о сибонейцах говорилось как о «некерамической» группе, то на 138 стр. они называются «первыми араваками, принесшими на Кубу керамику».

Теперь о двух кастах. Действительно, Лас Касас несколько раз говорит об индейцах Гаити, подчинивших сибонеев Кубы «мирно или силой». Такое подчинение, если оно действительно имело место, могло быть только в самой восточной части Кубы, где селились индейцы Гаити. Говорить о делении индейского общества Кубы на названные социальные группы в размерах всего острова неправомерно. Кроме того, есть основания сомневаться, существовало ли такое деление даже там, где поселились индейцы Гаити. Так, Диего Веласкес, завоеватель Кубы, в ответ на требование короля Испании вернуть с Кубы индейцев Гаити писал ему, что индейцы Гаити, живущие на Кубе, и кубинские индейцы вступили между собой в браки и очень привязаны друг к другу.

Религиозные верования индейцев Кубы, отмечает Риверо, мало известны. Основываясь на утверждении Лас Касаса, что религия индейцев на всех островах была одна и та же, автор рецензируемой книги описывает ее по письменным источникам, относящимся к индейцам Гаити, с привлечением кубинского археологического материала. Религиозными церемониями руководили «бехике», являвшиеся одновременно и врачевателями. Большую роль в церемониях играло курение или нюхание табака, после чего индейцы «разговаривали» со своими духами-покровителями. На Кубе известны находки скамеечек, на которых происходила такая церемония. Следует упомянуть также каменные и деревянные изображения так называемых «семи» — покровителей индейцев. Заканчивается книга описанием «арентос» (ритуальных плясок), музыкальных инструментов и игры в мяч.

Автор, к сожалению, не счел необходимым написать заключительную главу, которая подытожила бы изложение материала. В эту же главу органично вошло бы и описание дальнейшей судьбы индейцев Кубы, их борьбы с завоевателями и их гибели, содержащиеся в других местах книги. Вероятно, нужно было дать хотя бы в краткой форме характеристику наиболее часто цитируемых источников (Лас Касаса, Овьедо, Мартира); изложить историю изучения индейцев Кубы и более подробно остановиться на взглядах современных кубинских ученых.

К книге приложены полезный для читателя глоссарий, содержащий индейские слова и некоторые специальные термины из разных областей науки и достаточно полный список литературы по индейцам Кубы.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И МОЛДАВИИ

Бабийчук Р. В. Развитие социалистической культуры украинского народа. Киев, 1967. 48 с. (О-во «Знание» УССР. Серия 5. № 10. Б-чка из истории Украины). На укр. яз.

Бахталовская А. Каса маре. (О декоративном убранстве жилых и парадных комнат в селах Молдавии). «Декоративное искусство СССР», 1967, № 2, с. 7—10.

Бейдер Ю. Переспіви колядок і шедрівок на Поділлі. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 52—55.

Беличко Ю. Квітка Параски Влащенко. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 15—23 с портр.: 2 л. цв. илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Белорусские танцы. Рига, 1967. 69 с. с илл. и нот. (Дом нар. творчества им. Эм. Мелнгайлиса). На латыш. яз.

Белорусское народное устно-поэтическое творчество. Ист.-теорет. исследование. Ред. коллегия: П. Ф. Глебко и др. Минск, «Наука и техника», 1967. 392 с. Библиогр. в подстроч. примеч. На белорус. яз.

Березовський І. Шляхами зростання. (Про основні етапи розвитку української радянської фольклористики). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 7—14.

Библиография трудов сотрудников учреждений Академии наук Белорусской ССР. 1964—1965 гг. Сост. Э. Г. Рачек. Минск, 1967. 334 с. (АН БССР. Фундам. б-ка им. Я. Коласа).

Бисикало С. Збирання фольклору на Запоріжжі. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 106.

Бойко В. «Українські народні традиції в сучасному одязі». (До виходу альбома з друку). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 68.

Ботезату Г. Гайдучий фольклор в Молдавии. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967. 182 с. (АН Молдав. ССР. Ин-т яз. и литературы). Библиогр. в подстроч. примеч. На молдав. яз.

Брестский обл. краеведческий музей. Экспозиции музея. Авторы текста А. С. Борисовец, М. М. Слепакова и Т. А. Слесарук. Минск, «Фотожизнь», 1967. 31 с. с илл. (Брестский краевед. музей).

Бутник-Сиверский Б. С. Украинское советское народное искусство. 221 с. с илл.: 8 л. илл. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского). Библиогр. в примеч.: с. 211—220. На укр. яз.

Рец.: Василенко В. Засади історизму в мистецтвознавчій праці. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 90—96 с илл.

Бутник-Сиверский Б. С. Украинское советское народное искусство. Киев, 1967. 48 с. с илл. (О-во «Знание» УССР. Серия 5. № 5). На укр. яз.

Бушина Т. и Жук А. Килимарство Радянської Буковини. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 35—41 с илл.

Бырня П. П. Карта сельских поселений Молдавии XV века. «Проблемы географии Молдавии», вып. 1, 1966, с. 112—119. Библиогр.: 13 назв.

В. И. Ленин в белорусском народном творчестве. Сб. произведений. Вступит. статья И. Гутарова. Минск, «Наука и техника», 1967. 95 с. с илл. (АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора). Сост.: И. В. Гутаров, М. Я. Гринблат, К. П. Кабашников и др. На белорус. яз.

Волынский краеведческий музей. Луцк. Путеводитель. Львов, «Каменяр», 1967. 51 с. с илл. (Волын. обл. упр. культуры). На укр. яз.

Глинський І. Сторінки фольклористики Поділля. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 20—26. Библиогр. в подстроч. примеч.

Глухенька Н. Мистецтво цвітнянського гончара. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 103—105 с илл.

Глухенька Н. Свіжі барви петриківського розпису. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 104—106 с илл.

Гольцов Д. Ковры кишиневской фабрики. [Нар. традиции молдав. искусства в работах художников Кишиневской ковровой ф-ки «Победа»]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 8, с. 19—21.

Гордийчук М. и Гуслестый К. Институт ім. М. Т. Рильского до Великого ювілею. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 7—17 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Горленко В. Від рала і коси до трактора і комбайна. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 31—40. Библиогр. в подстроч. примеч.

Горленко В. Етнографічна експедиція на Поділля. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 96—98.

Гребенщиков С. М. Белорусские танцы. Минск, «Беларусь», 1967. 63 с. с илл. и нот. (Худож. самодельность).

Губогло М. Н. К вопросу о периодизации этнической истории гагаузов.— В кн.: Тезисы докладов на конференции

молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 26—30.

Губогло М. Н. О происхождении гагаузов. [Из этногр. исследований]. «Коммунист Молдавии», 1967, № 2, с. 71—75.

Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов. (Историкография проблемы). «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 159—167. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гузиков П. «Маланка». (О декоративном оформлении костюмов и масок в представлениях нар. театра «Маланка», с. Клокушна Молдав. ССР). «Декоративное искусство СССР», 1967, № 2, с. 22—25.

Гургула І. Сьогочасне ткання і вишивка Буковини та Полісся. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 102—103.

Гуслистый К. Г. К вопросу об образовании украинской нации. Киев, 1967. 53 с. (О-во «Знание») УССР. Серия 1, № 3. Б-чка из истории Украины. Библиогр.: с. 52—53. На укр. яз.

Гуслистый К. Г., Горленко В. Ф. и Прилипко Я. П. Работа над историко-этнографическим атласом на Украине. «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 94—98.

Гуслистый К. Українська радянська етнографія. (Підсумки і перспективи розвитку). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 7—18. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гутянский С. и Михайлов А. Расцвет украинской социалистической культуры. «Коммунист Украины», 1967, № 12, с. 54—61.

Дагаева Т. К. Типы сельских поселений Черновицкой области. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 99, вып. 3, 1967, с. 215—222.

Данилейко В. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 101—103.

Данченко Л. Старовинні мальовані кахлі в Черкащині. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 40—44 с илл.; 1 л. цв. илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Демченко Н. Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX вв. Под ред. В. И. Довженко. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967. 164 с с илл. (АН Молдав. ССР. Ин-т истории).

Днепропетровский исторический музей им. Д. И. Яворницкого. Каталог. Вып. 3. Оружие. Сост. О. В. Кузьмина. Днепропетровск, «Промінь», 1967. 110 с с илл. (М-во культуры УССР. Днепропетровский исторический музей).

Дудко І. Нове в обрядах і святах Чернігівщини. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 108—109.

Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, Ноябрь 1967 г. Минск, 1967. 444 с с илл. (АН БССР. Отд-ние обществ. наук. Совет мо-

лодых ученых). Библиогр. в конце докладов.

Жучкевич В. А. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов. В связи со статьей В. В. Седова «К происхождению белорусов. (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов)» в журн. «Сов. этнография», 1967, № 2. «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 107—113. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Зазеко І. Вечно дорогой и любимый. В. И. Ленин в белорус. нар. творчестве. «Коммунист Белоруссии», 1967, № 10, с. 51—54.

Закáрпатские смешинки. Нар. юмор. Сост. и авт. послесл. В. Л. Микитась. Илл. Ю. Е. Желудев и В. В. Лигирда. Изд. 2-е, доп. Ужгород, «Карпаты», 1967. 223 с с илл. На укр. яз.

Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, «Наукова думка», 1967. 224 с, 14 фототабл.

Рец.: Алексеев В. П.—«Сов. этнография», 1968, № 4, с. 165—167.

Зініч В. Відрадіні підсумки. [О работе Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 99—102.

Зініч В. Народна математика та метрологія. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 57—63. Библиогр. в тексте.

Зініч В. Работничий клас — провідна сила у формуванні нового побуту. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 15—22 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Зиновьев В. Т. Юбилейная сессия украинских этнографов и фольклористов. [О работе науч. сессии «Социалистические преобразования в культуре и быту трудящихся УССР за годы Советской власти». Ужгород. Ноябрь 1966 г.]. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 155—157.

Зубов І. Громадські звичаї та свята шахтарського краю. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 23—30 с илл.

Иванов Вяч. Вс. и Топоров В. И. К семиотической интерпретации коровая и коровяных обрядов у белоруссов. «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 198. Труды по знаковым системам, 3, 1967, с. 64—70.

История городов и сел Украинской ССР. В 26-ти т. Пред. ред. коллегии П. Т. Тронько. Полтавская область. Пред. ред. коллегии И. Т. Буланый. Киев, Укр. советская энциклопедия, 1967. 1028 с с илл. и карт.; 13 л. илл. (50 лет Советской власти). На укр. яз.

История Молдавской ССР. В 2-х т. Изд. 2-е, переработ. и доп. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Отв. ред. С. П. Трапезников. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1968. 814 с с илл. и карт.; 1 л. портр.

Капустін В. Музей у Звенигородці. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 101—102.

Келембетова В. Е. Утверждение атеизма в быту трудящихся Украины.

Киев, «Наукова думка», 1967. 164 с. На укр. яз.

Кизлык А. Д. Иноязычные материалы к истории городов и сел Украины. Краткий библиографический указатель. Львов, 1967. 54 с. (Львовская гос. науч. б-ка М-ва культуры УССР). На укр. яз.

Килесо С. Декоративная керамика в современной архитектуре Украины. «Искусство», 1967, № 8, с. 22—26.

Кияница М. Сільськогосподарські знаряддя українського Приазов'я. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 52—55.

Кореневич Л. «Плод соберу скоро». [О нар. прикл. искусстве УССР]. «Молодая гвардия», 1967, № 9, с. 275—288.

Кочережко Н. Молодша з родини Гоменюків. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 53—56 с илл.

Кравець І. Барви всієї України. [О республиканской выставке декоративно-прикладного искусства]. «Народна творчість та етнографія», № 6, с. 95—97 с илл.

Кріль О. На ніві фольклористики та етнографії. (До 100-річчя від дня народження Осипа Маковея). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 82—83 с портр.

Кулаковський В. Народ про гайдамацький рух. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 88—92.

Лавров Ф. Думи про В. І. Леніна. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 23—27 с илл.

Легенды Крыма. Предисл. М. Ф. Рыльского. Сост. Г. Таран. Илл.: Ю. Н. Белькович. Изд. 6-е, переработ. и доп. Симферополь, «Крым», 1967. 271 с. с илл.

Лившиц М. Народная пластика. (Об искусстве обработки дерева и камня в Молдавии). «Декоративное искусство СССР», 1967, № 2, с. 11—14.

Лизанець П. Українсько-угорські культурні взаємини. (На матеріалах назв. народного житла Закарпаття). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 77—79.

Лінтур П. Січасні какарі Закарпаття. (Нотатки збирача). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 79—82.

Лоскутова Л. Д. Традиционные и новые черты современной свадебной обрядности колхозного крестьянства Молдавии.— В кн.: Материалы конференции молодых ученых Молдавии. (Общественные науки). Кишинев, 1967, с. 51—52.

Львовский музей украинского искусства. [Краткая справка]. Львов, «Каменяр», 1967. 8 с.; 21 л. илл. (Львовское обл. упр. культуры). На укр. яз.

Мамуня В. Колекція українського народного одягу і тканин. [О коллекциях Киевского исторического музея]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 106—107.

Мандибур М. Нове в побуті тваринників карпатських полонин. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 44—48 с илл.

Маруневич М. Искусство гагаузов. (О традициях нар. орнамента в украшении

жилищ и одежды). «Декоративное искусство СССР», 1967, № 2, с. 19—21.

Маруневич М. В. К истории гагаузского жилища на территории Бессарабии XIX в.— В кн.: Материалы конференции молодых ученых Молдавии. (Общественные науки). Кишинев, 1967, с. 52—53.

Марченко М. и Павлій П. Бібліографічний покажчик літератури з фольклору (1959—1963 рр.). «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 94—96; № 4, с. 95—97.

Материалы XXI научной конференции Ужгородского университета. Серия истории. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1967. 230 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Ужгородский ун-т). На укр. яз.

Мицик В. Виставка у Вишнюполі. [О художественном ткачестве]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 107—109 с илл.

Молдавские сказки. Перевод. Вступит. статья Г. Богача. Илл. Б. Несведова. Кишинев, «Лумина», 1967. 480 с. с илл.

Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи. Сб. статей. 2. Ред. коллегия: И. К. Вартичан и др. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967. 220 с. (АН Молдав. ССР. Ин-т языка и литературы).

Молочко А. и Ходос С. Развитие социологических исследований в республике. «Коммунист Белоруссии», 1967, № 2, с. 66—70.

Мороз М. М. С. Возняк як фольклорист. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 39—44. Библиогр. в подстроч. примеч. Библиографія праць М. С. Возняка з фольклористики, не згаданих у цій статті — с. 44 (24 назв.).

Мочульский В. Ф. «Слово о полку Игореве» и белорусское устно-поэтическое творчество. «Вестн. Моск. ун-та». Филология, 1967, № 6, с. 67—78.

Мусиенко П. Цветы на солнце. [Укр. прикл. и декоративное искусство]. Киев, 1967. 22 с. с илл. На укр. яз.

Наулко В. Н. Грузинское население на Украине по статистическим и историко-этнографическим источникам.— В кн.: Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1968, с. 226—238.

Наулко В. Н. Про методику картографування регіонального історико-етнографічного атласа України, Білорусії та Молдавії. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 34—40.

Новицький Л. На сучасному буквинському весіллі. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 40—44.

Орел В. Збирач кубанських пісень. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 39. [О. Я. Г. Кухаренко].

Охрименко П. П. Библиографический указатель трудов о белорусско-украинских литературных и фольклорных связях. (1865—1965). Сост. П. П. Охрименко. Гомель, 1967. 38 с. (Гомельский гос. пед. ин-т). На белорус. яз.

Павленко І. Увічнити пам'ять видатного фольклориста. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 109.

Павлова В. Вивчення українського фольклору на Воронезьчині. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 66—70.

Пазяк М. Збірки фольклору видавництва «Дніпро». «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 99—101. Библиогр. в тексте.

Поваленко П. Юбилейна наукова сесія в Ужгороді. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 100—101.

Попов П. и Сухобрус Г. Видатний дослідник фольклору. [О М. І. Костомарове]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 24—33 с. портр. Библиогр. в подстроч. примеч.

Пять украинских народных песен. Запись и обработка Ф. Попадича. Киев, «Мистецтво», 1967. 5 отд. листовок с нот. в обертке. (Б-чка худож. самодеятельности. № 32—36). На укр. яз.

Ракова Е. и Дешков С. Под сенью серпа и молота [Новое в духовном облике колхозного крестьянства БССР]. «Наука и религия», 1967, № 11, с. 8—13.

Романець О. Чи фальсифікат «Запорожская, старина»? «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 24—38. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сагайдачная З. Наш музей. [О коллекции работ тузловских мастеров г. Кооов Ивано-Франков. обл.]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 6, с. 48. Резюме на англ. яз., вкладка.

Свенціцька В. Памяті невтомно-го дослідника. [О И. Гургулей]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 103.

Седов В. Вивчення етногенезу словян «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 41—47. Библиогр. в подстроч. примеч.

Седов В. В. К происхождению белорусов. (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов). «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 112—129 с карт. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Скунць П. Нові видання закарпатського фольклору. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 97—99.

Соболенко Е. Етнографічні елементи в білоруській літературі. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 27—32. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тер Т. Конференція по вопросам народонаселения на Украине. Киев. Октябрь 1966 г. «Вестн. статистики», 1967, № 1, с. 78—81.

Тиводар М. Залишки великої сім'ї на Закарпатті. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 67—68.

Тимофеева О. З різцем у руках. [О творчестве Т. Герцюка]. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 108—110 с илл.

Третьяков П. Н. Восточные славяне и балтийский субстрат. [По поводу статьи В. В. Седова «К происхождению белорусов» в журн. «Сов. этнография», 1967, № 2]. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 110—118. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тронько П. Берець, охранять пам'ятники історії і культури. «Коммунист України», 1967, № 2, с. 18—25.

Украинские народные анекдоты, шутки, остроты. Сост. П. Гальченко. Вступит. статья А. Дея. Киев, «Дніпро», 1967. 383 с. с илл. На укр. яз.

Украинские народные песни. Песни обществ.-бытовые. Сост. подгот. текстов, вступит. статья и примеч. Е. Н. Хмелевской. Киев, «Муз. Україна», 1967. 735 с. На укр. яз.

Устав белорусского общества охраны памятников истории и культуры. Утв. Советом Министров БССР 16/III 1967 г. Минск, 1967. 19 с.

Хиби́ни И. А. К вопросу о происхождении и национальном составе Бугского казачества. «Зап. Одес. археол. об-ва», т. 2, 1967, с. 288—291.

Хынку А. Народная баллада «Мнорица». Отв. ред. К. Попович. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967. 260 с. с нот. (АН Молдав. ССР. Ин-т яз. и литературы). Библиогр. в подстроч. примеч. На молдав. яз.

Цегельська О. Космацькі писанки. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2, с. 52—57 с илл.; 1 л. цв. илл.

Чарновський О. Етапи розвитку українського декоративно-прикладного мистецтва. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 3—12 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Черновицкий краеведческий музей. Путеводитель по музею. Сост.: В. А. Голубев, Б. О. Тимошук, Л. Г. Кулиниченко и др. Ужгород, «Карпаты», 1967. 95 с. с илл. (Черновиц. обл. упр. культуры. Путешествие по музеям). На укр. яз.

Шумада Н. Коломийки. «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 84—89. Библиогр. в подстроч. примеч.

Шуточные песни. Семейно-бытовые. Сб. Пред. ред. коллегии и авт. вступит. статьи А. И. Дей. Сост.: А. И. Дей, М. Г. Марченко, А. И. Гуменюк. Киев, «Наукова думка», 1967. 800 с. с нот. (АН УССР). Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского. Укр. нар. творчество). Библиогр.: с. 703—706. На укр. яз.

Авторефераты

Демиденко Л. А. Семейный быт, общественная и культурная жизнь болгарского населения УССР. (На материалах колхозов Белградского района Одес. обл.). Историко-этногр. исследование. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Киев, 1967. 16 с. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского).

Демиденко Н. П. Архитектурно-художественные приемы в народном водчестве Украины и их использование в современной архитектурной практике. (На примерах центр. части Левобережья УССР). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. архитектуры. Новосибирск, 1967. 22 с. (Новосиб. инж.-строит. ин-т им. В. В. Куйбышева).

Малаш Л. А. Пионер славянской фольклористики З. Я. Доленга-Ходаковский. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1967. 28 с. (АН УССР. Секция обществ. наук. Отд-ние литературы, яз. и искусствоведения).

Соболенко Э. Р. Народный быт белорусов в творчестве Якуба Коласа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Минск, 1967. 22 с. (АН СССР. Отд-ние обществ. наук).

Рецензии

В. Д. [Рец.]: Увесь — про українське мистецтво. [О журнале «Декоративное искусство СССР»].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 92—94 с илл.

Гайдай М. М. [Рец.]: Дослідження про думи. [Кирдан Б. П. Украинский народный эпос. М., 1965.].— «Народна творчість та етнографія», № 6, с. 98—100.

Дяченко В. [Рец.]: Етнічна карта України. [Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР. Сост. В. І. Наулко. Київ, 1966.].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 86—87.

Залеський А. [Рец.]: Книга про сімейний побут і звичаї. [Кравець О. М. Сімейний побут і звичаї українського народу. Київ, 1966.].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 6, с. 91—92.

Запаско Я. [Рец.]: Монографія про українське килимарство. [Жук А. Українські народні килими (XVII — початку XX ст.). Київ, «Наукова думка», 1966.].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 88—89 с илл.

Коржупова А. [Рец.]: Підручна книга для філологів. [Українська народна поетична творчість. За ред. М. Ф. Рильського, О. І. Дея, Ф. І. Лаврова, П. Д. Павлія, Г. С. Сухобрус. Київ, «Радянська школа», 1965.].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 83—85 с илл.

Лівенцов В. [Рец.]: З побуту сучасного села. [Кувеньова О. Ф. Громадський побут українського селянства. Київ, «Наукова думка», 1966.].— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3, с. 85—86.

Охрименко П. [Рец.]: Удачное продолжение. [Кирдан Б. П. Украинский народный эпос. М., «Наука», 1965.].— «Вопросы литературы», 1967, № 1, с. 200—203.

Покшишевский В. В. [Рец.]: Наулко В. И. Этнический состав населения Украинской ССР. Статистико-картографическое исследование. Киев, «Наукова думка», 1965. 136 с.; 2 карты.— «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1967, т. 99, вып. 6, с. 523.

Составитель Р. В. Каменецкая

ВУЛЬФ ВЕНИАМИНОВИЧ ГИНЗБУРГ

Советскую антропологию постигла большая утрата — 20 февраля 1969 г. скоропостижно скончался доктор медицинских наук, профессор Вульф Вениаминович Гинзбург.

В. В. Гинзбург родился 4 марта 1904 г. в Курске. Поступив в 1921 г. в Киевский медицинский институт, он перешел затем в Государственный институт медицинских знаний в Ленинграде, который и окончил в 1926 г. Первые три года после окончания института он работал полковым врачом в нескольких городах европейской части СССР, в частности в Себеже Великолукской области.

В 1929 г. В. В. Гинзбург переходит к научной и преподавательской деятельности в качестве ассистента кафедры нормальной анатомии 1-го Ленинградского медицинского института, где он работает до 1937 г. Приблизительно в те же годы — с 1931 по 1935 гг. он — аспирант Академии наук СССР по антропологии. После окончания аспирантуры и защиты диссертации на тему «Горные таджики» ему присуждается степень кандидата биологических наук. В 1937 г. известный советский анатом В. Н. Тонков (начальник кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова) привлекает В. В. Гинзбурга к работе на кафедре сначала в качестве ассистента, а затем старшего преподавателя. Многочисленные как общие, так и специальные курсы, а также практические занятия по нормальной анатомии В. В. Гинзбург непрерывно вел до выхода в отставку. В 1944 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук «Пути оттока лимфы из мышц нижних конечностей человека», а в 1949 г. получил звание профессора. Высокий авторитет В. В. Гинзбурга среди советских анатомов выразился в избрании его членом правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, а также специально членом правления Ленинградского отделения этого общества. Многие годы он бессменный член редакционной коллегии журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии».

Параллельно с обширной и разносторонней научной и преподавательской деятельностью в области анатомии В. В. Гинзбург не менее активно работал в области антропологии. В 1938 г. он начал читать курс лекций по антропологии в Ленинградском государственном университете. Этот курс Вульф Вениаминович с небольшими перерывами читал многие годы. В 1939 г. ему было присвоено звание доцента по кафедре этнографии. В 1938 г. В. В. Гинзбург начинает работать в антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР, а затем продолжает работать в отделе антропологии и археологии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. На протяжении многих лет и до дня своей кончины он возглавлял Ленинградское отделение отдела антропологии и археологии Института этнографии АН СССР.

В начале и середине 1940-х годов появились первые публикации Вульфа Вениаминовича, посвященные изучению черепов и скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд и несколько позднее — черепа Андрея Боголюбского. В это же время определяется и дальнейшее основное направление работ В. В. Гинзбурга в области изучения палеоантропологических материалов для исследования вопросов этногенеза населения с территорий Подонья, Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

Среди работ этого периода следует назвать работу «Антропологические данные к этногенезу хазар», «Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас» (совместно с Е. В. Жировым), обобщающие работы «Палеоантропологические материалы к этногенезу народов Средней Азии» и «Древние и современные антропологические типы Средней Азии», а также ряд работ, посвященных публикациям отдельных серий черепов разных исторических периодов из Средней

Азии и Казахстана. В пятидесятых годах Вульф Вениаминович продолжал интенсивно работать над краниологическими коллекциями.

За этот период его работы следует отметить исследования: «Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы», «Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным», «Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов» и «Этногенетические связи древнего населения Заволжья». Рубж 1959/60 г. ознаменовался выходом в свет работы Вульфа Вениаминовича «О черепях эпохи поздней бронзы из Тахирбая» и двух работ (совместно с Т. А. Трофимовой), посвященных изучению краниологических материалов эпох энеолита и бронзы с территории южной Туркмении. В это же время выходит из печати небольшое, но имеющее значительный интерес для понимания вопросов этногенеза народов Средней Азии исследование «Антропологическая характеристика саков Южного Памира», написанное по материалам раскопок А. Н. Бернштама. Хотя отнесение этих краниологических материалов к сакам и встретило возражение со стороны ряда археологов, антропологическая характеристика населения сакского времени Южного Памира позже получила полное подтверждение в новых краниологических материалах, изученных Т. П. Княтиной.

В 1960-х годах Вульф Вениаминович продолжает свои исследования и публикации по палеоантропологии Средней Азии и Казахстана, накапливая материал для задуманной им (совместно с Т. А. Трофимовой) книги «Палеоантропология Средней Азии», где отводится также значительное место освещению вопросов этно- и расогенеза не только Средней Азии, но и Казахстана.

В процессе этих работ Вульф Вениаминович разрабатывает и некоторые собственно расогенетические вопросы, например образование расового типа Среднеазиатского междуречья и южносибирского расового типа.

В вопросе образования расового типа Среднеазиатского междуречья В. В. Гинзбург первоначально придавал ведущую роль грацилизации и брахикефализации андроновского типа, позднее он отмечал параллельно шедший другой процесс — брахикефализацию юго-западного средиземноморского типа. В последние годы он пришел к заключению о сложном пути образования расового типа Среднеазиатского междуречья — брахикефализации и грацилизации андроновского типа, аналогичного процесса у южно-восточно-средиземноморского типа, неоднократных смещений между этими расовыми формами.

Образование южносибирского типа после работ А. И. Ярхо было пересмотрено в 1950-х годах рядом антропологов. Как известно, А. И. Ярхо относил южносибирский тип к монголоидным расам, отмечая, однако, наличие признаков, переходных к европеоидным расам. Накопление палеоантропологических материалов позволило В. В. Гинзбургу совместно с Г. Ф. Дебецем, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым пересмотреть этот вопрос. Они аргументировали образование южносибирского типа на основе смещения древнего населения (с преобладанием европеоидного андроновского типа) и позднейших монголоидных кочевников, пришедших из Центральной Азии и Южной Сибири. В связи с освещением этой проблемы можно назвать работу Вульфа Вениаминовича «О развитии южносибирского антропологического типа» и некоторые другие работы. Надо отметить, что в 1960-х годах В. В. Гинзбург совместно с группой сотрудников вновь возвращается к разработке вопроса об антропологическом составе хазарского каганата по краниологическим материалам, собранным Волго-Донской археологической экспедицией. В этой работе ему удается дифференцировать по антропологическим данным различные племенные группы: хазар, славян и монголоидных кочевников.

Позднее, в 1964—1968 гг., В. В. Гинзбург наряду с работами по палеоантропологической проблематике Средней Азии и Казахстана занимается методологией антропологии, а также ее связью с другими науками. К работам этого раздела следует отнести его доклад на втором совещании по медицинской географии «Место антропологии в медицинской географии», статью «Антропология и ее связи с этнографией в Советском Союзе» и более раннюю работу «Об отношении антропологии к анатомии». Методологический характер носит также ряд выступлений В. В. Гинзбурга на международных симпозиумах. Здесь следует отметить выступление на симпозиуме о расах и принципах расового анализа (VII МКАЭН, 1964 г.), доклад на Международном антропологическом симпозиуме в Венгрии в 1967 г. о проблемах расогенеза и этногенеза в советской антропологии, а также статью «Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза». К сожалению, ряд работ на эти темы остался неопубликованным и известен только по тезисам.

Основным вкладом В. В. Гинзбурга в изучение современного населения является фундаментальный труд «Горные таджики», вышедший в свет в 1937 г. В нем опубликованы обширные материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. Материал был собран автором в 1932—1933 гг. Отличительной особенностью этой книги является широта, с которой рассмотрен в ней антропологический состав горных таджиков, и комплексность исследования, которая была новостью в то время. В этой работе В. В. Гинзбург уделил огромное внимание медицинской стороне дела, отметив все случаи эндемических заболеваний, в частности зоба. В связи с этим им были исследованы социально-экономические условия жизни и быта местного населения, особенно конструкция жилищ с санитарно-гигиенической точки зрения. Она, кстати сказать,

была описана В. В. Гинзбургом в специальной работе. Сама антропологическая программа также отличалась исключительной широтой и включала очень подробное измерение головы и тела, определение физического развития, взятие образцов крови на предмет исследования групповых антигенов системы АВО. Все собранные данные позволяли не только понять место антропологического типа горных таджиков в расовой систематике Средней Азии, но и показать их генетические связи с другими среднеазиатскими народами. Эта картина была затем им уточнена и дополнена дальнейшими исследованиями равнинных таджиков, казахов, узбеков и туркмен, а также обработкой неопубликованных материалов Н. В. Богоявленского по памирским народам и А. Н. Кандаурова по ягнобцам.

Следует специально подчеркнуть высокий методический уровень полевых исследований В. В. Гинзбурга, разносторонность собранных данных и быстроту, с которой они вводились в научный оборот и становились доступными другим исследователям. Вульф Вениаминович Гинзбург был одним из пионеров изучения изосерологии народов Средней Азии. Хотя собранные им материалы в этой области содержали в соответствии с уровнем науки 1930-х годов только сведения о групповом распределении антигенов системы АВО, но они сыграли существенную роль в понимании эффекта изоляции групп по отношению к мономерным признакам. Амплитуды колебаний генов r , p , q по кишкалам оказались едва ли не соответствующими межгрупповому размаху частот этих генов по всему земному шару. Другим существенным достижением В. В. Гинзбурга, имеющим теоретическое значение, было установление факта относительно светлой пигментации казахов (подтвержденного потом и другими советскими исследователями). Это позволило обосновать гипотезу происхождения южносибирского антропологического типа на основе комплекса признаков, характерного для населения андроновской культуры. Для подтверждения этой гипотезы, как уже было отмечено, В. В. Гинзбург широко использовал и результаты собственных палеоантропологических исследований древнего населения северных районов Средней Азии.

Работы В. В. Гинзбурга в области анатомии человека нельзя рассматривать в отрыве от его морфологических интересов и исследований. Он был автором многих первоклассных трудов сугубо анатомического характера, но одновременно с этим выступал и как ученый, осуществлявший синтез материалов анатомии и антропологии, решавший проблемы пограничного положения, как правило, наиболее сложные и ответственные. Из анатомических исследований В. В. Гинзбурга следует в первую очередь назвать те, в которых он продолжил сложившуюся на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии традицию изучать сосудистую и лимфатическую системы человеческого организма в связи с другими системами и их функционированием. Значительная часть этих исследований была обобщена им в уже упомянутой докторской диссертации. Ее материал лег в основу опубликованной в 1959 г. книги «Лимфатическая система нижних конечностей человека», которая вызвала большой интерес и получила высокую оценку как среди анатомов Советского Союза, так и за рубежом. Позже, работая в непосредственном контакте с известным советским анатомом Б. А. Долго-Сабуровым (начальник кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, занимавший этот пост после В. И. Тонкова), В. В. Гинзбург перешел под влиянием его работ к изучению иннервации сосудистой системы, что нашло отражение в ряде статей, объединенных этой общей темой.

Не менее важны и интересны исследования В. В. Гинзбурга по общим вопросам морфологии человека. Работая над обширными палеоантропологическими коллекциями, содержащими сотни скелетов, он использовал их для изучения морфологических особенностей, которые не поддаются исследованию на малочисленных сериях. Огромный материал из Саркела — Белой Вежи послужил В. В. Гинзбургу для анализа асимметрии длинных костей конечностей человека, что было освещено им в содержательной статье.

Большой вклад внесен Вульфом Вениаминовичем в ту обширную область морфологии человека, которая непосредственно занимается возрастной изменчивостью. В. В. Гинзбург был одним из немногих исследователей, которым удалось собрать данные о возрастной изменчивости при продольном обследовании популяции. С помощью этих данных им было показано и всесторонне обосновано явление увеличения размеров тела во взрослом состоянии. Модельной популяцией послужили горные таджики.

Изучение вопросов морфологии всегда тесно увязывалось В. В. Гинзбургом с проблемами патологии. Так, ему принадлежит первое указание на значение совместных антропологических и медико-географических исследований. Но особенно полное отражение эта связь антропологии с медициной, изучение нормальных вариаций человеческого тела и патологических отклонений нашла в книге В. В. Гинзбурга «Элементы антропологии для медиков», вышедшей в 1963 г. Его богатый опыт морфолога и антрополога вместе с пониманием запросов и проблем медицины позволил создать труд, скрывающий и антропологам, и медикам ряд смежных проблем, содержащий их глубокое рассмотрение и стимулирующий дальнейшие исследования.

Помимо перечисленных трудов, связанных с разработкой проблем этно- и расоведения, общей морфологии и анатомии, Вульф Вениаминович опубликовал также и некоторые работы, представляющие интерес для судебно-медицинской экспертизы. Это — «Антропологические данные в судебно-медицинской экспертизе» и «Вопросы антропологии при отождествлении личности по костным остаткам».

В. В. Гинзбург был тонким и проникновенным знатоком и исследователем истории антропологии и анатомии. Совместно с А. Г. Кнорре и В. В. Куприяновым ему принадлежит небольшая, но очень содержательная книга «Анатомия, гистология и эмбриология в Петербурге — Петрограде — Ленинграде», вышедшая в 1957 г. В ней дан общий обзор накопления знаний о морфологии человека в России и показан вклад в ее изучение петербургских и ленинградских ученых. К десятилетию со дня смерти В. Н. Тонкова в 1965 г. В. В. Гинзбург совместно с Л. В. Михайловым выпустил книгу «Путь советского анатома», в которой была охарактеризована большая организационная и научная деятельность одного из выдающихся представителей советской анатомии. К числу историко-анатомических исследований принадлежит и замечательное по полноте описание анатомической коллекции Рюйша, хранящейся в Музее антропологии и этнографии АН СССР. В. В. Гинзбург постоянно выступал на страницах «Архива анатомии, гистологии и эмбриологии» со статьями об анатомах прошлого века, об основных достижениях советских антропологов и наиболее существенных событиях в работе антропологических учреждений. Одна из последних его статей — обширный обзор антропологических исследований в Российской Академии наук и Академии наук СССР.

В деятельности Вульфа Вениаминовича необходимо отметить научное и общественное значение его докладов и выступлений в зарубежных странах — в Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Кубе — и его статьи о посещении этих стран.

Вульф Вениаминович известен как крупный музейный работник, под руководством которого в МАЭ была создана интересная экспозиция о происхождении человека. Он не замыкался в среде узких специалистов и хорошо известен также как и популяризатор антропологической науки.

Вульф Вениаминович Гинзбург был коммунистом, последовательно проводившим линию КПСС в творческой и общественной работе, был прекрасным товарищем и педагогом, подготовившим ряд аспирантов по антропологии, а в первую пору своей деятельности — по анатомии.

Многогранная научная и педагогическая деятельность Вульфа Вениаминовича в области анатомии и антропологии, его образ ученого-коммуниста останутся незабвенными в сердцах его товарищей и учеников.

В. П. Алексеев, И. И. Гохман, Т. А. Трофимова

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. В. ГИНЗБУРГА

- Физическое развитие горных таджиков. В сб. «Проблемы Таджикистана», Душанбе, 1933.
- Изогемоагглютинация у горных таджиков. «Антропол. ж.», 1934, № 1—2.
- Кровяное давление у горных таджиков. «Антропол. ж.», 1936, № 2.
- Кишлак и жилище горных таджиков. «Сов. этнография», 1936, № 3.
- Материалы по половому созреванию и жизни горной таджички. «Антропологический ж.», 1936, № 4.
- Антропологический состав населения Западного Памира. «Антропол. ж.», 1937 г., № 1.
- Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Кератегина и Дарваза. Л., 1937.
- Изогемоагглютинация у туркмен. «Антропол. ж.», 1937, № 2.
- Материалы по изучению жевательного аппарата у горных таджиков. «Здравоохранение Таджикистана», 1938, № 1.
- Материалы к антропологии ягнобцев. В сб. «Сов. этнография», вып. 3, М.—Л., 1940.
- Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Аяны и Ингигерд. КСИИМК, вып. 7, М.—Л., 1940.
- Антропологическая характеристика черепа Андрея Боголюбского. КСИИМК, вып. 11, М.—Л., 1945.
- Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. КСИЭ АН СССР, вып. 1, М.—Л., 1946.
- Материалы к антропологии гуннов и савов. В сб. «Сов. этнография», вып. 4, М.—Л., 1946.
- Энгельс и антропология. «Природа», 1946, № 4.
- Костные материалы к изучению асимметрии конечностей человека. «Природа», 1947, № 8.
- Об увеличении размеров тела человека в периоде возмужалости. ТИЭ АН СССР, нов. сер., т. II, М.—Л., 1947.
- Этногенез таджиков в свете данных антропологии. В сб. «Сов. этнография», вып. 6—7, М.—Л., 1947.
- Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР (совместно с Е. В. Жировым). «Сборник МАЭ», вып. 10, М.—Л., 1949.

- Антропологические материалы из раскопок на реке Маныч. «Сборник МАЭ», вып. 10, М.—Л., 1949.
- Антропологическое изучение Средней Азии и проблемы этногенеза населяющих ее народов. «Тр. II Всесоюзного географического съезда», т. III, М., 1949.
- Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР. «Сборник МАЭ», вып. 12, М.—Л., 1949.
- Палеоантропологические материалы к этногенезу народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. 6, М.—Л., 1949.
- Таджики предгорий. «Сборник МАЭ», вып. 12, М.—Л., 1949.
- Череп из зороастрийского кладбища XIII века в Фринкенте под Самаркандом. «Сборник МАЭ», вып. 10, М.—Л., 1949.
- Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата. «Сборник МАЭ», вып. 13, М.—Л., 1950.
- Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. КСИЭ АН СССР, вып. 11, М.—Л., 1950.
- Древние и современные антропологические типы Средней Азии: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951.
- Антропологическая характеристика казахов и уйгуров Тянь-Шаня. КСИЭ АН СССР, вып. 16, М., 1952.
- Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. КСИЭ АН СССР, вып. 14, М., 1952.
- Череп из могильника Караханидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине (Киргизия) (совместно с В. Я. Зезенковой). КСИЭ АН СССР, вып. 17, М., 1952.
- Анатомическая коллекция Рюйша в собраниях Петровской кунсткамеры. «Сборник МАЭ», вып. 14, М.—Л., 1953.
- Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным. «Среднеазиатский этнографический сб.», ТИЭ АН СССР, нов. сер., т. XXI, М., 1954.
- Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. Сб. «Сов. археология», вып. 21, М., 1953.
- Материалы к краниологии Согдианы. Череп из наусов на городище древнего Пянджикента. МИА СССР, вып. 21, М.—Л., 1953.
- Материалы к краниологии казахов (в связи с вопросами этногенеза) (совместно с Н. Г. Залкинд). «Сборник МАЭ», вып. 16, М.—Л., 1955.
- Антропологические материалы к этногенезу таджиков, КСИИМК, вып. 61, М., 1956.
- Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. «Тр. Ин-та истории, археологии, этнографии АН КазССР», т. I, Алма-Ата, 1956.
- Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. «Антропологический сборник», I, ТИЭ АН СССР, т. XXXIII, М., 1956.
- Фредерик Рюйш (к 25-летию со дня смерти). «Архив анат., гистол. и эмбриол.», 1956, № 3.
- Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. КСИИМК, вып. 69, М., 1957.
- Значение антропологических данных в судебно-медицинской экспертизе костных остатков человека. В кн. «Материалы III Всес. совещ. судебн. медиков и криминалистов в Риге в 1957 г.», Рига, 1957.
- История анатомии, гистологии и эмбриологии в Петербурге — Ленинграде за 250 лет (совместно с А. Г. Кнорре и В. В. Куприяновым). Л., 1957.
- Ленинград и развитие отечественной морфологии (к 250-летию Ленинграда). «Архив анат., гистол., эмбриол.», 1957, № 4.
- Антропологические материалы из окрестностей древнего Пянджикента. МИА СССР, вып. 66, М.—Л., 1958.
- Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. «Сборник МАЭ», вып. 18, М.—Л., 1958.
- Некоторые вопросы антропологии при отождествлении личности по костным остаткам. «Судебно-медицинская экспертиза», 1958, № 1.
- Человеческие расы и реакционная сущность расистских теорий, Л., 1958.
- Лимфатическая система нижних конечностей человека. Л., 1959. Материалы к антропологии древнего населения Юго-Восточного Казахстана. «Тр. Ин-та истории, археологии, этнографии АН КазССР», т. VII, Алма-Ата, 1959.
- Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы (череп из Таширбая). «Тр. Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции», т. IX, Ашхабад, 1959.
- Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов. КСИЭ АН СССР, вып. 31, М., 1959.
- Страницы из истории отечественной анатомии. Деятельность В. Л. Грубера в России (1847—1887) (совместно с И. Д. Левом). «Архив анат., гистол., эмбриол.», 1959, № 8.

- Этнографические связи древнего населения Заволжья. МИА СССР, вып. 60, М.—Л., 1959.
- Антропологические данные к истории народов Средней Азии. «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве», М., 1960.
- Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита (совместно с Т. А. Трофимовой). «Тр. Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции», т. X, Ашхабад, 1960.
- Антропологическая характеристика саков Южного Памира. КСИИМК, вып. 80, М., 1960.
- Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. «Доклады Советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже», М., 1960.
- Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии. «Изв. АН КиргССР», сер. обществ. наук, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960.
- К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана. «Антропологический сборник», III, ТИЭ АН СССР, т. LXXI, М., 1961.
- Н. П. Гундобин — основоположник возрастной анатомии (совместно с С. Б. Зелигманом). «Архив анат., гистол., эмбриол.», 1961, № 8.
- О некоторых закономерностях роста головы у детей школьного возраста. «Тр. I Научной конф. морфологов республик Средней Азии в г. Фрунзе», Алма-Ата, 1961.
- К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. МИА СССР, вып. 120, М.—Л., 1962.
- Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. КСИЭ АН СССР, вып. 36, М., 1962.
- Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. МИА СССР, вып. 120, М.—Л., 1962.
- Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи и его происхождение. «Тр. Волго-Донской археологической экспедиции», т. III, МИА СССР, вып. 109, М.—Л., 1963.
- Краниологические материалы из правобережного Цимлянского городища. Там же.
- Череп из погребений у оборонительной стены Саркела — Белой Вежи (совместно с Л. Г. Вуич и Б. В. Фирштейн). Там же.
- Антропологическая характеристика народов Средней Азии. В первом полутоме «Народы Средней Азии», «Народы мира, этнографические очерки», М., 1963.
- Краниологическая характеристика узбеков в связи с вопросами их этногенеза. «Антропологический сборник, IV, ТИЭ АН СССР, т. LXXXII, М., 1963.
- Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана. «Сборник МАЭ», вып. 21, М.—Л., 1963.
- Об отношении антропологии к анатомии. «Тр. VI Всес. съезда анатомов, гистол. и эмбриол. в Киеве в 1958 г.», т. II, Киев, 1963.
- Элементы антропологии для медиков. Л., 1963.
- Антропология древнего и современного населения Средней Азии. «Acta Anthropol. kongressu», Mikulov, 1961; «Anthropos», 15 (N. S., 7), Врно.
- Задачи советской антропологии в изучении морфо-функциональных особенностей человеческого организма. Архив анат. гистол. и эмбриол., 1964, № 3.
- Изменение расовых признаков с возрастом у горных таджиков. «Тр. Московского о-ва испытателей природы», т. XIV, 1964.
- Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов. Сб. «В память Л. В. Ошанина», Ташкент, 1964.
- О происхождении расы Среднеазиатского междуречья. Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.
- Памяти Максима Григорьевича Левина (совместно с И. И. Гохманом и В. П. Алексеевым). «Архив анат. гистол. и эмбриол.», 1964, № 5.
- Путь советского анатома (к 10-летию со дня смерти В. Н. Тонкова) (совместно с Л. В. Михайловой). М., 1965.
- Тезисы доклада на 2-м совещании по Медич. географии «Место антропологии в Медицинской географии», М., 1965.
- Практические аспекты эволюционной анатомии. «Тезисы VII Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов в Тбилиси», 1966.
- Динамика роста черепа и длинных костей конечностей человека в возмужалом и зрелом возрастах. «Тезисы IX-конгресса морфологов Чехословакии в Братиславе», 1966.
- Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы «Сборник МАЭ», XXIV, 1967.
- Задачи антропологического исследования Туркменской ССР в связи с вопросами этногенеза туркмен. «Тезисы докладов Всесоюзного совещания о происхождении туркменского народа», Ашхабад, 1967.
- Антропология в Академии Наук. Сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», IV, М., 1968.
- Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза. «Сов. этнография», 1968, № 4.

- К антропологии туркмен. Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.
- О развитии южно-сибирского антропологического типа. «Тезисы докладов годичной сессии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР», Л., 1968.
- Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии. «Проблемы археологии Средней Азии». «Тезисы докладов и сообщений», Л., 1968.
- Anthropological data to the Ethnogenesis of the Central Asian Interfluvial Area population in the Kushan Epoch. Abstracts of papers by Soviet scholars Internat. Conference on the history, archaeology and culture of Central Asia in the Kushan period. Dushanbe, 1968.
- Антропология и ее связи с этнографией в Советском Союзе, «Известия на Етнографския Институт и Музей. Българска Академия на Науките», Т. X, 1967.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИНТУР

3 февраля 1969 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Петр Васильевич Линтур, профессор Ужгородского университета, известный славист-фольклорист и литературовед, член Союза советских писателей Украины.

П. В. Линтур родился 4 мая 1909 г. в г. Горонда Мукачевского района Закарпатской области в крестьянской семье. В 1937 г. он окончил историко-филологический факультет Пражского университета. В годы фашистско-хортиевского режима П. В. Линтур, работая преподавателем гимназии в г. Хусте, пропагандировал среди учащихся русскую и советскую литературу, ратовал за воссоединение Закарпатья с Советской родиной; он был учителем многих молодых людей, вставших на путь революционной национально-освободительной борьбы.

После освобождения Закарпатья П. В. Линтур был делегатом первого съезда народных комитетов, принявшего решение о воссоединении с Советской Украиной. Он много сделал для развития просвещения и культуры на посту заместителя председателя Народной Рады Закарпатской Украины и заведующего отделом по делам искусств при облисполкоме.

В 1945 г. П. В. Линтур вступил в КПСС. Он был активным участником культурной, литературной, художественной жизни советского Закарпатья. Блестящий знаток закарпатской культуры, он способствовал открытию и научному освоению богатого и разнообразного ее наследия, отдал много сил изучению связей ее с общеукраинской и русской культурой.

Особенно велики заслуги П. В. Линтура в области фольклористики и этнографии. П. В. Линтур великолепно знал народное творчество и быт Закарпатья. Кажется, не было в Закарпатье такого места, где бы он не побывал как собиратель фольклора и вдумчивый наблюдатель живых творческих процессов; не было певцов, сказочников, народных мастеров, которых он бы не знал (многих из них он сам и «открыл»). Десятки экспедиций, осуществленных и организованных П. В. Линтуром и принесших исключительно ценные результаты, войдут в историю советской фольклористики.

Исследовательская деятельность П. В. Линтура в области фольклора была теснейшим образом связана с его полевой работой. Одну из своих главных задач П. В. Линтур видел в том, чтобы сделать фольклор Закарпатья достоянием всей советской культуры и науки, поставить и по мере своих сил осветить коренные вопросы его истории, определить его место в украинском и шире — общеславянском фольклоре, выявить его связи с фольклором других прикарпатских районов.

Естественно, что большое внимание П. В. Линтур уделял публикации вновь записанных материалов и переизданию памятников фольклора. В первую очередь он стремился познакомить читателей с теми жанрами, которые особенно были распространены в Закарпатье и получили здесь своеобразную разработку, — сказками, преданиями, балладами, песнями и коломыйками. Его сборники «Сказки зеленых гор», «Закарпатские сказки Андрея Калина», «Как мужик ведьму подковал», «Народные баллады Закарпатья», «Закарпатские песни и коломыйки» и другие составили в совокупности превосходную серию книг, отмеченных не только научной основательностью, но и истинным вкусом, пониманием художественной ценности произведений народного творчества.

В исследовательских трудах П. В. Линтура преобладающими были две темы: искусство народных мастеров фольклора и межнациональные (и межрегиональные)

фольклорные отношения и связи. Продолжая традиции «русской школы» в фольклористике, П. В. Линтур с особым тщанием и неослабевающим интересом изучал творчество сказочников и песенников Закарпатья, стремился проникнуть в их психологию, понять их искусство в органической связи с их жизнью и внутренним миром. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1953 г. в Московском университете, была посвящена выдающемуся сказочнику Андрею Калину. В ряде статей и этюдов П. В. Линтур создал живые портреты мастеров фольклора Закарпатья.

П. В. Линтур, особенно в последнее десятилетие, активно участвовал в разработке актуальных проблем славистической фольклористики. Будучи хорошо подготовлен к занятиям сравнительными проблемами, он обратился к широкому сравнительно-историческому исследованию закарпатского и всего украинского фольклора, в первую очередь — народных баллад. В докладе «Народные баллады Закарпатья и их западно-славянские связи» для V Международного съезда славистов, в статьях «Балладная песня и обрядовая поэзия», «Украинские балладные песни и их восточнославянские связи», «Народные песни-баллады Закарпатья», «Украинская балладная песня о сестре-отравительнице и ее славянские связи» и др. П. В. Линтур показал многообразные и сложные связи украинских баллад с балладами других славянских народов, а одновременно предложил свое решение важнейших проблем происхождения и истории балладного жанра, его специфики и национальных особенностей. П. В. Линтур творчески развил методику историко-типологического изучения фольклора, получившую в последнее десятилетие распространение в нашей науке.

Незадолго до смерти П. В. Линтур завершил фундаментальное монографическое исследование «Украинская народная баллада и ее славянские связи», которое явилось итогом многолетнего изучения генезиса и истории балладного жанра.

Монография эта была представлена в качестве докторской диссертации в Институт этнографии АН СССР и получила весьма высокую оценку при предварительном обсуждении. К глубокому сожалению, защита диссертации не успела состояться. Выдающийся труд П. В. Линтура по истории славянской баллады должен увидеть свет.

П. В. Линтур был неутомимым собирателем, исследователем, пропагандистом народного творчества, талантливым педагогом, вдумчивым воспитателем.

Его отличали внутренняя скромность, предельная самокритичность, научная принципиальность и бескомпромиссность. Он был нередко сердечным и доброжелательным человеком, чьи знания, опыт, радостные были открыты всем. В лице П. В. Линтура наука потеряла видного своего труженика. Его друзья, товарищи, коллеги, ученики всегда будут помнить о нем.

Группа товарищей

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ П. В. ЛИНТУРА

- Закарпатский сказочник Андрей Калин. Проблема традиции и личного начала в творчестве сказочника. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953.
- Закарпатські казки Андрія Калина. Запис текстів і вступна стаття П. Лінтура. Ужгород, 1955.
- Закарпатский сказочник А. Калин (К проблеме традиции и новаторства в устном народном творчестве). «Наукові записки Ужгородського університету», серія історико-філологічна, т. XXIV, 1957.
- Народные песни-баллады Закарпатья. «Вопросы литературы», 1958, № 5.
- Народні балади Закарпаття. Запис текстів, вступна стаття, упорядкування та примітки П. В. Лінтура. Ужгород, 1959.
- Антирелігійні та антипопівські мотиви в казках А. Калина. «Народна творчість та етнологія», 1962, № 1.
- Народные баллады Закарпатья и их западнославянские связи. «Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов». Киев, 1963.
- До проблеми походження слов'янської баладної пісні. «Тези доповідей VI Української славистичної конференції». Чернівці, 1964.
- «Тополя» Шевченка та народні балади Закарпаття. «Доповіді та повідання наукової конференції присвяченій 150-річчю з дня народження Т. Г. Шевченка». Ужгород, 1964.
- Закарпатські пісні та коломийки. Упорядкували М. Кречко та П. В. Лінтур. Ужгород, 1965.
- Казки зелених гір. Запис, упорядкування та редакція П. В. Лінтура, І. М. Чендея. — Вступна стаття П. В. Лінтура. Ужгород, 1965 (то же на русском языке — Ужгород, 1966).
- Закарпатские народные сказания о Королевиче Марко. «Сов. этнография», 1965, № 1.
- Украинская балладная песня о сестре-отравительнице и ее славянские связи. «Тези доповідей та повідання до XIX наукової конференції». Ужгород, 1965.
- Казки Василя Холода. «Народна творчість та етнологія», 1965, № 1.
- «Ой пойді гай зелененький». «Народна творчість та етнологія», 1965, № 3.

- А. Духнович и народное творчество. Сб. «Літературна та педагогічна спадщина О. Духновича». Ужгород, 1965.
- Народні балади Закарпаття. Запис та впорядкування текстів, вступна стаття і примітки П. В. Лінтура, Львів, 1966.
- Як чоловік відьму підкував, а кішку вчив працювати. Закарпатські народні казки. Гумор та сатира. Запис текстів та впорядкування П. В. Лінтура. Ужгород, 1966.
- Балладная песня и обрядовая поэзия. Сб. «Специфика фольклорных жанров». «Русский фольклор», т. X, М.—Л., 1966.
- Побутовання епічної пісні на сучасному стані її історичного розвитку. Сб. «Велика Жовтнева соціалістична революція і культура слов'янських народів. Тези доповідей VII Української славістичної конференції». Днепропетровск, 1966.
- Закарпатские песни и народные предания о Пинте (К вопросу о румынско-украинских фольклорных связях). Сб. «Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции». Черновцы, 1966.
- Основні проблеми вивчення української баладної пісні. Сб. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1967.
- Сучасні казкарі Закарпаття (Нотатки збирача). «Народна творчість та етнографія». 1967, № 1.
- Легенди Карпат. Післяслово П. В. Лінтура. Ужгород, 1968.
- Три золоті слова. Запис текстів та впорядкування П. Лінтура. Ужгород, 1968.
- Современное состояние фольклорной традиции в Закарпатье. «Сов. этнография», 1968, № 2.
- Украинские балладные песни и их восточнославянские связи. Сб. «Исторические связи в славянском фольклоре» «Русский фольклор», т. XI, Л., 1968.
- Новые записи балладной песни о сестре-отравительнице. Проблема происхождения балладной песни. «Slavia», год. XXXVII, Praha, 1968, № 1.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Б. Стракач (Новосибирск). К методике изучения современных этно-лингвистических процессов (по материалам социолого-лингвистического обследования народов Обь-Енисейского Севера)	3
Н. А. Баскаков (Москва). Русские фамилии тюркского происхождения	14
С. И. Дмитриева (Москва). Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.)	28
И. И. Саливон (Минск). Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов	40
С. Н. Раковский (Москва). Внутренние миграции населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы	54
А. Пранда (Братислава). К некоторым вопросам теории изучения народной культуры	66
В. П. Курьлев (Ленинград). Об общинных отношениях в деревнях современной Турции	79
В. И. Гуляев (Москва). Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя	86
Дискуссии и обсуждения	
А. А. Формозов (Москва). Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников?	99
В. Н. Чернецов (Москва). О приемах сопоставления наскальных изображений	107
Сообщения	
О. В. Овсянников (Ленинград). Заметки о северных костерезах	114
Н. Л. Жуковская (Москва). Отражение социальной структуры общества в монгольских этнонимах	123
К. П. Калиновская (Ленинград). К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии	128
Поиски, факты, гипотезы	
Г. И. Анохин (Москва). Почему у исландцев нет фамилий?	133
И. Бутовски (Смедеревска-Паланка). Праздник «живого огня» в Азане	139
Научная жизнь	
Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Межреспубликанский семинар по ономастике	141
А. И. Вишняускайте (Вильнюс), Л. Н. Терентьева (Москва). Историко-этнографический музей Литовской ССР	142
С. И. Брук, Г. С. Маслова (Москва). Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии	152
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Л. Е. Куббель (Москва). Доколониальная Африка в трудах Ш. А. Диопа	156
Общая этнография	
В. В. Покшишевский (Москва). Изучение воспроизводства населения (сборник статей)	165

Народы СССР

Л. Н. Пушкарёв (Москва). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IV, 1968	168
Г. Е. Марков (Москва). Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР	171
М. Я. Салманович (Москва). Археология, этнография, искусствоведение Молдавии (материалы и исследования)	174

Народы зарубежной Европы

Ю. В. Иванова (Москва). А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты	176
--	-----

Народы Америки

Э. Г. Александренков (Москва). Manuel Rivero de la Calle. Las culturas aborígenes de Cuba	180
Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии	183
<u>Вульф Вениаминович Гинзбург</u>	188
<u>Петр Васильевич Линтур</u>	195

На первой странице обложки: Крестьянская семья. Работа О. Баканаускене (Историко-этнографический музей Литовской ССР)

SOMMAIRE

Yu. B. Strakatch (Novossibirsk). De la méthode d'étude des processus ethno-linguistiques actuels (d'après les matériaux d'une enquête sociologo-linguistique chez les peuples des régions du Nord de l'Obi et de l'énisseï)	3
N. A. Baskakov (Moscou). Noms russes d'origine turque	14
S. I. Dmitriéva (Moscou). Expansion géographique des «byliny» russes (d'après les données de la fin du XIX-e-début du XX-e ss.)	28
I. I. Salivon (Minsk). Caractéristique craniologique de la population de la Biélorussie des XVIIIe-XIXe ss. en rapport avec certains problèmes de l'origine des Biélorusses	40
S. N. Rakovski (Moscou). Migrations intérieures des populations et les changements de la géographie linguistique dans les pays socialistes de l'Europe hors l'U.R.S.S.	54
A. Pranda (Bratislava). Quelques questions de la théorie de l'étude de la culture populaire	66
V. P. Kouryilov (Léningrad). Sur les rapports communautaires dans les villages de la Turquie moderne	79
V. I. Gouliaiev (Moscou). Quelques problèmes de la composition d'une société de classes rudimentaire chez les anciens Mayas	86

Discussion et deliberations

A. A. Formozov (Moscou). Echelle mondiale ou analyse des sources positives?	99
V. N. Tchérnétsov (Moscou). Sur les procédés de confrontation des gravures rupestres	107

Communications

O. V. Ovsiannikov (Léningrad). Notes sur les sculpteurs en os des régions du Nord	114
N. L. Joukovskaya (Moscou). Structures sociales reflétées dans les ethnonymes mongols	123
K. P. Kalinovskaya (Léningrad). Sur la caractéristique du système de classes d'âge chez les Gallas de l'Éthiopie	128

Recherches, faits, hypotheses

G. I. Anokhine (Moscou). Pourquoi les Islandais n'ont-ils pas de noms de famille?	133
I. Butovski (Smédérevska-Palanka). La fête du «feu vivant» à Azan	139

Vie scientifique

R. Ch. Djarylgassinova (Moscou). Un séminaire interrpublicain pour l'onomastique	141
A. I. Visnjauskaitė (Vilnius), L. N. Térientiėva (Moscou). Le musée historico-ethnographique de la R. S. S. de Lithuanie	142
S. I. Brouk, G. S. Maslova (Moscou). Problèmes de la cartographie historico-ethnographique en Bulgarie	152

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

L. Ye. Koubbel (Moscou). L'Afrique précoloniale dans les oeuvres de Cheikh Anta Diop	156
--	-----

Ethnographie générale.

V. V. Pokchichevski (Moscou). «Etudes sur la reproduction de la population (recueil d'articles)»	165
--	-----

Peuples de l'U. R. S. S.

L. N. Pouchkariov (Moscou). Essais sur l'histoire de l'ethnographie, de l'anthropologie et des études folkloriques russes, fasc. IV, 1968	168
G. Ye. Markov (Moscou). Ya. R. Vinnikov. «Economie, culture et mode de vie des populations rurales de la R. S. S. de Turkménie»	171
M. Ya. Salmanovitch (Moscou). «Archéologie, ethnographie et étude des arts de la Moldavie (matériaux et études)»	174

Peuples de l'Europe étrangère

Yu V. Ivanova (Moscou). A. V. Desnitskaya. La langue albanaise et ses dialectes	176
---	-----

Peuples de l'Amérique

E. G. Aléxandrénkov (Moscou). Manuel Rivero de la Calle. Los culturas aborígenes de Cuba	180
Nouveaux livres sur les peuples de l'Ukraine, de la Biélorussie et de la Moldavie	183

Voulf Véniaminovitch Guinzbourg	188
---------------------------------	-----

Piotr Vassiliévitch Lintour	195
-----------------------------	-----

Sur la couverture: Une famille paysanne. Par O. Băcanauskene (Musée d'histoire et d'ethnographie de la RSS de Lithuanie)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/V-1969 г. Т-11215 Подписано к печати 28/VII-1969 г. Тираж 2125 экз.
Зак. 5673 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 17,5+1 вкл. Бум. л. 6¹/₄ Уч.- изд. л. 20,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10